



Министерство образования и науки Российской Федерации  
ФГБОУ ВПО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

---

# ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

## VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал  
2015 – № 3

*Издается с 2015 года*  
*Выходит 4 раза в год*

Ярославль  
2015

#### УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

**Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin** : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – № 3. – 191 с.  
2015, № 3. – 500 экз.

#### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью МГЛУ; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности МГПУ; **Е. И. Горшко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. проф. д-ра А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций МУБиНТ (Ярославль); **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № ФС 77–62331 от 3 июля 2015 г.

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2015  
© Авторы статей, 2015



---

## **СОДЕРЖАНИЕ**

---

### **РУССКИЙ ЯЗЫК**

Гусева Л. А. О точности семантики терминов.....	8
Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания диалогичности художественного текста....	15
Суханова И. А. Поэтический «иконостас» Михаила Кузмина.....	20
Титов О. А. Образная сфера рассказа В. Набокова «Рождество»: языковые средства углубления семантики ....	27

### **ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

Карабардина П. С. Ф. М. Мюллер о происхождении языка.....	32
Хухуни Г. Т., Осипова А. А. «Возвращенная реалья» и ее межъязыковая передача (лексема ‘γραττατείς’ в английских и немецких переводах Библии).....	37
Дубровина С. Н. Вариативность как универсальное свойство языка.....	44
Бутыко Ю. В. Трансформированная поговорка как однофразовый текст.....	49
Кузнецов В. В. Некоторые особенности терминосистемы субъязыка компьютерной обработки и создания музыки.....	53
Лукина Н. Ю. «Предмет» как результат процесса восприятия и функциональная система качеств.....	58
Сосой О. А. Образ России в немецких электронных СМИ.....	63

### **ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ**

Почепцов Г. Г. Нарративный инструментальный воздействия.....	69
Саакян Л. Н., Северская О. И. Эвфемия в межкультурной коммуникации.....	75
Фокина М. А. Прецедентные феномены в аспекте лингвистического анализа толерантности блогов политиков.....	82
Тортунова И. А. Своеобразие лексических единиц в малых жанрах политических текстов.....	87
Кара-Мурза Е. С. Экстралингвистические факторы формирования рекламы и ее направлений.....	92
Ухова Л. В., Чернищина Ю. М. Рекламные функции перевода названий зарубежных художественных фильмов.....	100

### **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Ермолин Е. А. Проза духовного опыта как актуальный творческий эксперимент: трилогия Юрия Малецкого.....	108
---	-----

<b>Иванов Н. Н., Макеева С. Г.</b> Иван Каляев и Алексей Ремизов: ярославские встречи .....	114
<b>Марчук М. И.</b> Принципы модернистской поэтики в творчестве западноевропейских писателей рубежа XIX–XX вв. ....	119
<b>Волкова А. В.</b> Принципы прозы XX века в творчестве Д. Хармса .....	123
<b>Егоров М. Ю.</b> «Неклассический» мир Саши Соколова: вариативность интерпретации «Школы для дураков» .....	129
<b>Федотова А. А.</b> Религиозные аллюзии в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз».....	133

#### **КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<b>Ермолин Е. А.</b> Ментальное урочище: культ Николая Мирликийского в России .....	138
<b>Летина Н. Н.</b> Онтологические акценты рефлексий А. Блока .....	144
<b>Третьякова Т. А.</b> Биография Ф. Х. Кисселя в социокультурном аспекте.....	150
<b>Хренов Н. А.</b> Утопия по-русски: хилиастический подтекст революционных фильмов С. М. Эйзенштейна .....	156
<b>Юрьева Т. В.</b> Метагеография и иеротопия: категория пространства в средневековой культуре .....	163

#### **ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**

<b>Болдырева Е. М.</b> Научно-методологический семинар «Творческая индивидуальность в динамике историко-литературного процесса: классики и модернисты» (аналитический обзор) .....	171
<b>Злотникова Т. С., Летина Н. Н., Старшова А. П.</b> Хроники «Творческой личности»: к 25-летию кафедры культурологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского .....	176
<b>Рянская Э. М.</b> Учебно-дидактический текст в лингвопрагматическом аспекте. Рецензия на монографию С. А. Герасимовой «Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект. Монография. М. : МГПУ, 2015. 224 с.».....	183
<b>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</b> .....	185
<b>УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ</b> .....	190

## FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky

*Verhnevolzhski Philological Bulletin*: scientific journal. – Yaroslavl: YSPU, 2015. – № 3. – 191 pages

2015, № 3. – 500 copies.

## EDITORIAL BOARD

**M. B. Novikov**, Doctor of History, Professor, Deputy Rector, K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl (YSPU), Honoured Scientist (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, MSLU; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, MSPU; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, N. Chernyshevsky Saratov National State University; **O. S. Egorova**, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Head of department, YSPU; **E. A. Ermolin**, Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, YSPU; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **V. I. Zhelvis**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, YSPU, Honoured Scientist of Russian Federation; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Prof. Dr. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **T. G. Kuchina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108

Tel.: (4852) 30–55–96 (research department ), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration

(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)

PI № FS 77–62331, 3 July 2015

© FSBEI HPE/ FGBOY VPO “Yaroslavl State  
Pedagogical University named after K. D.Ushinsky”, 2015  
© Authors of the articles, 2015



*“The word of your native tongue is nothing else but  
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge  
for it to become a true achievement  
of human thought...”*  
**K. D. Ushinsky**

---

## THE CONTENT

---

### RUSSIAN LANGUAGE

<b>Guseva L. A.</b> On the accuracy of the term semantics .....	8
<b>Kulakovskiy M. N.</b> Parenthetic constructions as a means of dialogizing literary text .....	15
<b>Sukhanova I. A.</b> Mikhail Kuzmin’s poetic “iconostasis” .....	20
<b>Titov O. A.</b> The image sphere in V. Nabokov’s story “Christmas”: linguistic means of intensifying semantics .....	27

### THEORY OF LANGUAGE

<b>Karabardina P. S. F. M.</b> Muller on the origin of language .....	32
<b>Khukhuni G. T., Osipova A. A.</b> “Returned reality” and its interlingual interpretation (Lexeme ‘γραμματεῖς’ in English and German translations of the Bible).....	37
<b>Dubrovina S. N.</b> Variability as a universal property of language .....	44
<b>Butko Yu. V.</b> Transformed proverb as a monophrase text .....	49
<b>Kuznetsov V. V.</b> Term system of sublanguage for computer processing and creating music .....	53
<b>Lukina N. Yu.</b> “Subject” as a result of perception and functional quality system.....	58
<b>Sosoi O. A.</b> Image of Russia in German electronic mass media .....	63

### COMMUNICATION THEORY

<b>Pocheptsov G. G.</b> Narrative impact tools .....	69
<b>Saakyan L. N., Severskaya O. I.</b> Euphemisms in cross-cultural communication .....	75
<b>Fokina M. A.</b> Precedent phenomena in the aspect of linguistic analysis of tolerance in politicians’ blogs .....	82
<b>Tortunova I. A.</b> Peculiarity of lexical units in minor genres of political texts .....	87
<b>Kara-Murza E. S.</b> Extralinguistic factors in the formation of advertising and its directions .....	92
<b>Ukhova L. V., Chernitsina Yu. M.</b> Translation of foreign film titles: advertising functions .....	100

### LITERARY CRITICISM

<b>Ermolin E. A.</b> Prose of spiritual experience as an important creative experiment: trilogy by Yuri Maletsky.....	108
<b>Ivanov N. N., Makeeva S. G.</b> Ivan Kalyaev and Alexei Remizov: Yaroslavl meetings .....	114

<b>Marchuk M. I.</b> Principles of modernist poetics in western European literature at the turn of XIX–XX centuries .....	119
<b>Volkova A. V.</b> Principles of the XX century prose in D. Kharms’s work .....	123
<b>Egorov M. Yu.</b> “Nonclassical” world of Sasha Sokolov: “A School for Fools”. Variability of interpretation. ....	129
<b>Fedotova A. A.</b> Religious allusions in N.S.Leskov’s story The Rabbit Warren (Zayachii remiz) .....	133

#### **CULTURAL SCIENCE**

<b>Ermolin E. A.</b> Mental memorial: the cult of Saint Nicholas in Russia .....	138
<b>Letina N. N.</b> Ontological accents of A. Blok’s reflection .....	144
<b>Tretyakova T. A.</b> Sociocultural biography of F. Kh. Kissel .....	150
<b>Khrenov N. A.</b> Utopia à la russe: chiliastic connotations of S.M. Eisenstein’s revolutionary films .....	156
<b>Yurieva T. V.</b> Metageography and hierotopy: as applied to the category of space in medieval culture .....	163

#### **ACCOUNTS AND REVIEWS**

<b>Boldyreva E. M.</b> Scientific methodological seminar “Creative personality in the dynamics of historical-literary process: classics and modernists” (analytical review) .....	171
<b>Zlotnikova T. S., Letina N. N., Starshova A. P.</b> Chronicles of “Creative personality”: 25 <sup>th</sup> anniversary of the Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl .....	176
<b>Ryanskaya E. M.</b> Training didactic text in linguistic pragmatic aspect. Review of the monograph by S. A. Gerasimova “Training didactic text in pedagogical communication: linguistic pragmatic aspect. Monograph. M. : MSPU, 2015. 224 p.” .....	183

<b>AUTHORS</b> .....	188
----------------------	-----

<b>CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS</b> .....	191
---	-----

## РУССКИЙ ЯЗЫК

---

УДК 811.161.138 + 81'373; 001.4

Л. А. Гусева

### О точности семантики терминов

Термины существенно отличаются и как функциональные языковые единицы, и как объект лингвостилистического анализа от других лексико-семантических групп современного русского языка. Строгая определенность терминологической семантики относится к устойчиво воспроизводимым в лингвистической литературе характеристикам термина. Тем не менее слово-термин сохраняет способность трансформировать свое значение в зависимости от условий общения. Точность терминологической семантики обусловлена не искусственным соединением языкового знака с единственно возможным понятийным содержанием, а способностью автора научного высказывания соотносить термин с вариантами его дефиниций. Изменение коммуникативной задачи и функционально-стилистической принадлежности текста приводит к детерминализации лексемы.

**Ключевые слова:** термин, семантика, лексика, научный стиль, стилистика русского языка.

## RUSSIAN LANGUAGE

---

L. A. Guseva

### On the accuracy of the term semantics

Terms are significantly different from other lexical-semantic groups of the modern Russian language, both as functional language units and the object of linguistic stylistic analyses. Strict terminological semantics is often referred to in linguistic literature as a steady feature of a term. Nevertheless, the word-term is able to transform its meaning according to the conditions of communication. The accuracy of terminological semantics is due not to the artificial connection between the linguistic sign and the only possible conceptual content, but to the ability of the author to correlate the term in a scientific utterance with the variants of its definitions. The change of the communicative task and functional stylistics of the text causes lexeme determinologization.

**Key words:** term, semantics, lexis, scientific style, stylistics of the Russian language.

Терминология занимает важное место в лексике современного русского языка, среди активных процессов которого исследователи постоянно отмечают такие явления, как терминологизация и детерминализация. Детерминализации посвящены, в частности, отдельные параграфы в коллективной монографии «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. [13, с. 43–48], а также в учебном пособии

Н. С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» [1, с. 96–107].

О распространении терминологии в современной русской речи говорится в специальных работах по терминоведению [14, 5], а также в связи с анализом отдельных лексических групп – например, в связи с анализом заимствованной лексики. Так, среди причин заимствования иноязычной лексики Л. П. Крысин отмечает и «наличие в заимствующем языке сложившихся систем терми-



нов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т. п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника, облегчается; наглядный пример – система обозначений, обращающаяся в числительной технике» [8, с. 147].

Эти явления (терминологизация и детерминологизация) взаимосвязаны, хотя их причины и сфера действия различны. Важно отметить, что оба процесса определяют активную жизнь терминологической лексики в современном русском литературном языке. О скорости распространения терминологической лексики свидетельствует статистика, приведенная в учебном пособии «Основы антропологистики»: «...русская терминология строительства и архитектуры в начале XVIII в. насчитывала около 6 тыс. лексических единиц, в середине XIX в. – 15–20 тыс. лексем, в начале XX в. – 30–35 тыс., в начале 1970-х гг. – около 150 тыс., а в настоящее время – около 250 тыс. лексических единиц» [6, с. 21].

Термин является объектом изучения и лингвистических дисциплин (лексика, словообразование, стилистика), и терминоведения, и всех самостоятельных наук, оперирующих своим собственным терминологическим аппаратом. Интернациональный характер науки неизбежно ставит перед учеными проблему адекватного перевода термина с одного языка на другой. Стандартизация форм общественной (производственной, организационной, образовательной и пр.) деятельности порождает необходимость создавать или преобразовывать профессионально ориентированные терминологические комплексы. Наш интерес к термину обусловлен задачами обучения русскому языку.

Термин – это наиболее яркий лингвистический признак научного текста. При изучении функциональной стилистики в школе и вузе неизбежно встает задача раскрытия специфических особенностей термина, позволяющих отличить его от прочих слов русского литературного языка.

Как показывает опыт, найти термин в тексте проще, чем объяснить свой выбор. Поиски упрощаются, если текст имеет отношение к естественным или точным наукам, а у самого термина есть явные признаки заимствованного слова, непривычного для слуха школьника или студента. *Фотосинтез, анабиоз, симметрия, дисперсия* – подобные термины вряд ли останутся незаме-

ченными при анализе научного текста. А вот термины, пришедшие из общеупотребительного русского языка, не имеют формальных признаков, сигнализирующих об их особом статусе. Процесс обнаружения терминов затрудняется, если текст относится к гуманитарным наукам. Такие слова, как *звук, значение, предложение, семантическое поле* и т. п., могут оказаться слишком привычными для слуха, чтобы при поверхностном восприятии сообщить непосвященному (обучающемуся) слушателю о своей терминологической природе.

Понятие термина получило широкое и подробное освещение в учебной, справочной и специальной научной литературе [14, с. 11–17]. Однако самостоятельная работа с источниками информации о термине часто приводит студента к необоснованным утверждениям, которые он не в силах подтвердить реальными языковыми фактами. Конечно, обучающемуся не хватает опыта построения аргументированного высказывания в научном стиле. Но широко распространенные (в том числе и благодаря интернету) утверждения об отличительных особенностях термина противоречат практике его использования в реальных научных текстах. Об этом, в частности, идет речь в статье Н. Ю. Зайцевой «Мифологемы терминоведения»: «Наблюдения над поведением терминологических единиц в текстах различных языков показывают, что, несмотря на все усилия комиссий и комитетов, пытающихся регламентировать реальное функционирование терминов в речи, употребление этих последних подчинено тем же самым динамическим «энергетическим» законам естественного языка, которые управляют жизнью литературной, бытовой и просторечной лексики» [7, с. 50].

Одним из ярких и запоминающихся признаков термина является определенность его значения, отсутствие многозначности: «В отличие от слов общеупотребительных, которые часто бывают многозначными, термины, как правило, однозначны» [10, с. 357]. «Термин передает точно определенное научное понятие <...> Значение это эталонно: оно сохраняется в любых научных контекстах. <...> Его значение стандартно – неизменно. За тем, чтобы оно не вздумало меняться, следят академии, научные съезды, авторитетные ученые <...> Каждый термин входит в терминологическую систему. Хорошая терминологическая система строится учеными сознательно, с чувством ответственности перед наукой. В хорошо построенной терминологии должен осуще-

ствляться принцип: “Зная термин, знаешь место в системе; зная место в системе, знаешь термин” (Н. В. Юшманов)» [15, с. 303]. Правда, можно встретить и противоположные утверждения: «В терминологии, как и в общелитературной лексике, есть многозначность, омонимия, синонимия, что в определенной степени ограничивает точность и однозначность терминов» [11, с. 349–350]. Более осторожно высказываются авторы Лингвистического энциклопедического словаря: «К особенностям Т. относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства Т.); 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологич. поля, то есть терминологии данной науки, дисциплины или научной школы <...>; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистич. нейтральность» [2, с. 508].

Термин – это прежде всего слово. Несмотря на специфичность его семантики и функционирования, термин сохраняет феноменологические признаки слова, а именно взаимосвязь формы и содержания (плана выражения и плана содержания). В естественном языке невозможно равенство между формой и содержанием языкового знака. Любая форма многозначна. Слово как звукобуквенный комплекс (форма) способно выражать разные смыслы, иначе (при наличии жесткого соответствия между формой и содержанием) взаимопонимание было бы затруднительно, а развитие языка могло и остановиться. Термин, как любое слово, принципиально многозначен, иначе он не мог бы выполнять коммуникативную функцию в рамках научного дискурса, не мог бы служить средством накопления научного знания и инструментом его дальнейшего развития.

Со школьных лет многим знаком термин *предложение*. Каким объемом понятия оперирует человек, используя данный термин? Задание для младших школьников «Разбейте текст на предложения» предполагает поиск смысловых и графических границ предложения. Где поставить точку? Какие слова написать с большой буквы? Смысловая, грамматическая, интонационная целостность и графическое оформление – это компоненты терминологического значения слова *предложение*. *Предложение* – это способ выражения суждения, или это целостное словосочетание, или это предикативная единица, противопоставленная непредикативному словосочетанию. В значении термина (в его дефинициях) отражается не только полученное наукой знание – в его полном объеме и хронологической последовательности, но и необходимое в данной си-

туации или в данном контексте «извлеченное», актуализированное знание. Контекстуально и ситуативно обусловленная актуализация (и нейтрализация) компонентов лексического значения характеризует функционирование термина в такой же мере, что и функционирование общепотребительной лексики. Это, на наш взгляд, делает практически невозможным использование термина в одном и том же значении.

Регулярным является метонимический перенос при использовании терминологической лексики: одно и то же слово обозначает науку и объект ее изучения (*лексика, фонетика, синтаксис, грамматика*); действие и результат этого действия (*склонение, спряжение, согласование, управление*); общую категорию и форму выражения этой категории (*время глагола, наклонение, падеж*). Отношение к термину как многозначному слову постулируется в словаре В. Н. Немченко: «В грамматической терминологии, равно как и в других терминосистемах, значительная часть терминов полисемична» [9, с. 6]. В самих же словарных статьях сравнительно редко указываются разные значения термина. Справочная литература последовательно реализует правило: термин должен быть однозначным.

В практике «живого» общения установка на однозначное понимание термина способна внести неясность в характеристику, казалось бы, простых вещей. *Сколько склонений у имени существительного в современном русском языке? Три типа склонения, как учат в школе? Или все-таки больше? Ответ зависит от понимания термина *склонение*. Во-первых, *склонение* – это система словоизменения (одна из двух систем словоизменения, существующих в русском языке, *склонение и спряжение*). Во-вторых, *склонение* – это изменение конкретного существительного по падежам. В-третьих, *склонение* – это набор падежных окончаний имени существительного. Если считать падежные окончания, характерные только для существительного (так называемые именные окончания), то *склонений* у существительного должно быть три. Если брать в расчет группы существительных, которые отличаются друг от друга наборами падежных окончаний, то этих групп, или типов *склонений*, окажется как минимум семь: 1-е, 2-е, 3-е, нулевое *склонение* (несклоняемые существительные), группа разносклоняемых существительных, группа существительных *pluralia tantum*, группа субстантивированных прилагательных, – возможна и более дробная дифференциация.*

Проведение лингвистического анализа на любом уровне предполагает не только воспроизведение стандартных формулировок, но и вдумчивое обращение с терминами, понимание подвижности, изменчивости их значений.

*Термин в научной речи выполняет одновременно две разные функции:* аккумулирует полученные в ходе научных исследований знания и является инструментом дальнейшего научного познания. Функциональная нагрузка термина, если рассуждать отвлеченно, противоречит требованию иметь строго определенное значение.

Точность терминологической семантики можно понимать как идеал, к которому надо стремиться. Терминологической точности можно добиться в рамках одного текста и использовать для этого разные приемы объяснения терминологического значения. Любое слово, претендующее на то, чтобы его рассматривали в качестве термина, должно подвигать и говорящего, и слушающего к вопросу: в каком значении используется данный термин?

Приведем любопытный пример: профессионал в области редактирования на протяжении одного абзаца использует термины *введение* и *заключение* в двух разных значениях. Н. З. Рябина пишет: «При оценке композиции текст целесообразно разделить на составные части: вводную, основную и заключительную. Важное значение имеет соотношение объемов введения, заключения и основного текста произведения. Строгих рекомендаций здесь не существует, однако иногда введение и заключение составляют треть общего объема работы или занимают всего по одной странице текста. И то, и другое недопустимо. Введение должно раскрывать суть проблемы, рассказывать об исследованиях других специалистов, отмечать основные аспекты книги, круг вопросов, в ней разрабатываемых, объединять ее структуру. В заключении автор должен подвести итоги проделанной работы, поставить вопросы, которые будут решаться в будущем. Если же в заключении намечаются пути дальнейшего развития исследования, то целесообразно превратить его в отдельную главу. Небольшие по объему произведения (например, статья), как правило, введения и заключения не имеют» [12, с. 44].

В начале абзаца *вводная* и *заключительная часть произведения (введение и заключение)* представлены как обязательные элементы композиции любого текста, а в конце абзаца автор утверждает, что этих композиционных элементов нет у небольших по объему произведений. Такое

противоречие возникло, на наш взгляд, из-за уверенности автора в единственно возможном толковании терминов *введение* и *заключение*, как начальной и итоговой части объемного нехудожественного произведения (книги).

Точность терминологической семантики обусловлена, на наш взгляд, прежде всего его соотношением с дефиницией (определением). Владение терминологией связано с умением строить высказывание в жанре определения научного понятия, что в свою очередь свидетельствует о приобретении учеником или студентом знаний, которыми он способен самостоятельно оперировать.

По нашим наблюдениям, выпускники средней школы, продолжающие свое образование на факультете русской филологии и культуры, не всегда могут самостоятельно ответить на вопросы: что такое *значение слова*? чем *лексическое значение слова* отличается от *грамматического*? Правда, они стараются воспроизвести определения, данные в разнообразных справочниках: *значение – это то, что слово обозначает*. Два речевых действия – создание своего текста и понимание чужого – взаимосвязаны. Умение подбирать формулировки, определяя значение термина, говорит о степени усвоения учебного (научного) материала обучающимся. Это умение необходимо, кстати, и в силу многозначности термина.

Задание найти в справочной, учебной, научной литературе три разных определения лингвистического термина, такого, например, как *метафора* или *языковая норма*, и сопоставить выбранные формулировки (дефиниции) позволяет студентам самим убедиться в принципиальной возможности по-разному трактовать значение термина.

Есть еще один важный аспект в понимании термина, отличающий его от общеупотребительных слов. В справочной литературе этот аспект представлен обычно как сфера функционирования термина: термин – обозначение «специального понятия к.-л. сферы производства, науки или искусства» [11, с. 349].

Слово *сфера* звучит обособленно, хотя терминами, как и любыми другими словами, пользуются люди. Термины – это слова специалистов в определенной области научного знания. Именно специалист оперирует смыслами, сконцентрированными в терминологическом обозначении. Не специалист может воспроизвести термин в его звукобуквенной оболочке, может воспроизвести определение термина, составленное авторами терминологического словаря, может выучить наизусть данное определение, но круг текстов

(жанров), в которых неспециалист может уместно и корректно использовать термин, ограничен и далек от собственно научных высказываний.

Осваивая научную дисциплину, мы осваиваем ее язык. Вне научных знаний язык науки – терминология – становится пустой формой, способной наполняться иным содержанием.

Не случайно детерминологизация характеризует состояние лексики современного русского литературного языка. При стремительном количественном росте терминологии в научных текстах она перемещается в художественную речь, язык СМИ, язык рекламы и т. п. Н. И. Глазков, поэт XX в. (и по рождению, и по восприятию жизни), легко и непринужденно вплетал «термины» в свои иронические стихи:

*И я с года сорок четвертого  
Уваженья к **рынку** питаю,  
Только нет постоянного, твердого,  
**Оборотного капитала** [4, с. 117].*

«Терминология» составляет естественную часть словарного запаса россиянина XX–XXI вв., так как мы живем в стране обязательного среднего образования и практически всеобщего высшего. Нам знакомы многие слова, рожденные в научной речи:

*Пусть с вашей точки зрения  
Все это извращения –  
Но мир в момент творения  
Был создан из вращения.*

*Вращались **точки** мнимые,  
Что не имеют **плотности**,  
Потом вращались **линии**,  
Потом вращались **плоскости**.*

*Вращалась вся Вселенная,  
Был бесконечный **радиус**.  
Все для увеселения,  
Все, что живое, – **радуйся!** [4, с. 134].*

В учебнике геометрии выделенные курсивом слова – термины, а в стихах это средство создания образа. Называя подобные слова поэтического текста терминами, мы используем метонимический перенос: сохранилась словесная оболочка термина, сохранились в значении слов отдельные терминологические признаки, но функции данных слов изменились – активизировалась эстетическая функция, на первый план выдвинулись чувственные, наглядные смыслы.

Отрываясь от собственно научной речи, терминология теряет свое специальное значение. Термины, по сути, перестают быть терминами. Названия предметов массового потребления (*автомобиль, сотовый телефон, смартфон, поролон, анальгин*), названия распространенных заболеваний (*инфаркт, грипп, диабет*), элементы массовых спортивных состязаний (*ралли, болид, мундиаль*) и т. п. вряд ли можно считать терминами, так как эти слова вошли в состав общепотребительной лексики.

Такие словосочетания, как *общественно-политическая терминология, термины родства, военная терминология в романе «Война и мир»* и т. п. расширяют понятие термина, устанавливая равенство между терминологией и лексикой как таковой.

Примеры, иллюстрирующие процессы в области терминологии, подчас стирают грань между термином, профессионализмом, жаргонным словом, общепотребительным словом: «К случаям расширения и детерминологизации значений можно отнести и современное употребление в прессе глаголов *расстрелять* и *казнить*» [13, с. 43].

Конечно, исследователи отмечают, что «во всякой терминологии (предметной области специальной лексики) непременно есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи – так называемые *консубстанциональные* термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка», и что «в настоящее время практически каждое существительное общелитературного языка (за исключением стилистически окрашенных) кроме названия бытового представления обозначает понятие, которое является предметом исследования той или иной науки» [5, с. 84].

Специалист в области терминографии и терминоведения способен увидеть различия между понятием (терминологическое значение) и представлением (нетерминологическое значение слова). Обучающемуся необходимы более наглядные, но не менее точные ориентиры, помогающие понять специфику термина. Использование слова специалистом в специальной речи при решении специальной задачи может превратить слово в термин – специальное слово. А вот сам по себе термин не может превратить текст в научное высказывание. Поэтому надо фокусировать внимание не на тексте как таковом, а на условиях его создания. Кто и с какой целью строит

высказывание, используя термины? Какую информацию об авторе мы можем собрать? Эти вопросы нацеливают студента на понимание проблематики научного произведения и, кстати, не противоречат современной издательской практике – сопровождать публикацию сведениями об авторе.

Несмотря на многомерность, многоаспектность научного текста, именно за автором остается выбор терминологии, от компетентности автора зависит точное (или неточное), корректное (или некорректное) использование терминов. Крылатая фраза французского естествоиспытателя XVIII в. Жоржа Луи Леклерка Бюффона: «*Стиль – это человек*» – сохраняет свою актуальность.

Авторы научных текстов, кодификаторы национальных и предметных терминологий и те, кто в процессе обучения только еще постигает язык науки, по-разному представляют себе и используют терминологию. Эти различия следует учитывать, описывая характерные особенности термина, так как это, несомненно, ключевой элемент научного стиля.

#### Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Васильева, Н. В. Термин [Текст] / Н. В. Васильева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.
4. Глазков, Н. И. Избранное / Сост.: Н. Старшинова и Е. Евтушенко; Вступ. статья Е. Евтушенко. [Текст] / Н. И. Глазков. – М. : Художественная литература, 1989. – 541 с.
5. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. [Текст] / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
6. Гринев-Гриневиц, С. В. Основы антрополингвистики [Текст] / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк. – М. : Академия, 2008. – 128 с.
7. Зайцева, Н. Ю. Мифологемы терминоведения. [Текст] / Н. Ю. Зайцева //

Альманах современной науки и образования, 2009 № 8 (27): в 2-х ч., Ч. 1. – Тамбов. – С. 48–50.

8. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 142–161.

9. Немченко, В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. [Текст] / В. Н. Немченко. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 592 с.

10. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

11. Русский язык. Энциклопедия. [Текст] / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

12. Рябинина, Н. З. Настольная книга редактора и корректора деловой литературы. [Текст] / Н. З. Рябинина. – М. : МЦФЭР, 2004. – 320 с.

13. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков [Текст] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

14. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 248 с.

15. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) [Текст] / сост. М. В. Панов. – М. : Педагогика, 1984. – 352 с.

#### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Valgina, N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke [Tekst] : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / N. S. Valgina. – M. : Logos, 2003. – 304 s.
2. Vasil'eva, N. V. Termin [Tekst] / N. V. Vasil'eva // Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar'. – M. : Sov. jenciklopedija, 1990. – 685 s.
3. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk (Grammaticeskoe uchenie o slove) [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Vysshaja shkola, 1986. – 640 s.
4. Glazkov, N. I. Izbrannoe / Sost.: N. Starshinova i E. Evtushenko; Vstup. stat'ja E. Evtushenko. [Tekst] / N. I. Glazkov. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1989. – 541 s.
5. Grinev-Grinevich, S. V. Vvedenie v terminografiju: Kak prosto i legko sostavit' slovar'.

[Tekst] / S. V. Grinev-Grinevich. – M. : LIBROKOM, 2009. – 224 s.

6. Grinev-Grinevich, S. V. Osnovy antropolingvistiki [Tekst] / S. V. Grinev-Grinevich, Je. A. Sorokina, T. G. Skopjuk. – M. : Akademija, 2008. – 128 s.

7. Zajceva, N. Ju. Mifologemy terminovedenija. [Tekst] / N. Ju. Zajceva // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija, 2009 № 8 (27): v 2-h ch., Ch. 1. – Tambov. – S. 48–50.

8. Krysin, L. P. Inozazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni [Tekst] / L. P. Krysin // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995). – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. – S. 142–161.

9. Nemchenko, V. N. Grammaticheskaja terminologija: slovar'-spravochnik. [Tekst] / V. N. Nemchenko. – M. : Flinta ; Nauka, 2011. – 592 s.

10. Rozental', D. Je., Telenkova, M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Tekst] : posobie dlja uchitelja / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. – M. : Prosveshhenie, 1985. – 399 s.

11. Russkij jazyk. Jenciklopedija. [Tekst] / Gl. red. F. P. Filin. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1979. – 432 s.

12. Rjabinina, N. Z. Nastol'naja kniga redaktora i korrektora delovoj literatury. [Tekst] / N. Z. Rjabinina. – M. : MCFJeR, 2004. – 320 s.

13. Sovremennyj russkij jazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov [Tekst] / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. – M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 712 s.

14. Superanskaja, A. V. Obshhaja terminologija: Voprosy teorii [Tekst] / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva / Otv. red. T. L. Kandelaki. – M. : LIBROKOM, 2012. – 248 s.

15. Jenciklopedicheskij slovar' junogo filologa (jazykoznanie) [Tekst] / sost. M. V. Panov. – M. : Pedagogika, 1984. – 352 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 27.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

М. Н. Кулаковский

### Вставные конструкции как средство создания диалогичности художественного текста

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций как средства создания диалогичности в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения русской художественной XX века и тексты современной русской литературы последних десятилетий. В работе определяются наиболее характерные функции вставок для создания диалогичности текста, их связь с различными информативными уровнями (в рамках предложения и текста в целом), роль в общей структуре художественного текста. Подробно рассмотрена роль вставных конструкций для организации коммуникации «автор – читатель», отражающей общую тенденцию к «многоголосию» и внутренней диалогизации текста. Описаны основные аспекты формирования образа автора художественного произведения (который традиционно строится на разграничении автора произведения, повествователя и рассказчика) и его взаимодействия с читателем: передача событийной и оценочной информации, жизненных наблюдений, связанных с внетекстовой действительностью, раскрытие логики персонажа, выражение большей или меньшей уверенности повествователя в объективности передаваемой им информации или оценки, метатекстовые комментарии, актуализация особенностей речи повествователя, отсылка к «предтексту», актуализация детали, моделирование читательской оценки, передача ситуативной или оценочной вариативности, прямое обращение автора (повествователя) к читателю или персонажу, побуждение читателя к действию, ситуативное и логическое моделирование, создание комического эффекта, установление межтекстовых связей (интертекстуальная функция).

**Ключевые слова:** вставные конструкции, диалогичность текста, художественный текст, пространственно-временная организация текста, субъектно-речевые планы текста, коммуникация с читателем, субъективная авторская модальность, комический эффект, интертекст.

M. N. Kulakovsky

### Parenthetical constructions as a means of dialogizing literary text

The article considers the use of parenthetical constructions as a means of dialogizing literary text. The material for the research is Russian fiction of XX century of the last decades. The author determines the most typical functions of parenthesis for dialogizing text, their links with different information levels (in the sentence and the whole text), the role in the overall structure of literary text. The detailed analysis is given of the role of parenthetical constructions in designing “author – reader” communication which reflects the general tendency to “polyphony” and inner text dialogizing. The author describes the main aspects forming the writer’s image (which is traditionally based on the differentiation between the writer, the narrator and the storyteller) and his interaction with the reader: conveying event and evaluation information, observations connected with extra-textual reality; revealing the characters’ logic; expressing a certain degree of the narrator’s certainty in the information and evaluation he conveys; metatext commentaries; actualization of the narrator’s speech peculiarities; reference to “pre-text”, actualization of detail, modelling readers’ evaluation; direct appeal of the author (narrator) to the reader or character; encouraging the reader to act; situation and logical modelling; creating humorous effect; establishing intertextual links (intertextual function).

**Key words:** parenthetical constructions, dialogizing text, literary text, space-time text organization, person-speech text levels, communication with the reader, author’s subjective modality, humorous effect, intertext.

Художественный текст во многом отображает модель определенной коммуникативной ситуации, и для его организации важным является соотношение «автор (повествователь) – адресат (читатель)». Условия данной коммуникации формируют внутреннюю диалогичность текста и в значительной степени определяют особенности

стилевой манеры автора или языка конкретного художественного произведения.

Одной из ярких особенностей прозы XX в. и современной русской художественной прозы является активное использование для организации коммуникации «автор – читатель» вставных конструкций, что связано, вероятно, с проявлением общей тенденции к «многоголосию» и внутрен-

ней диалогизации текста. Вставные конструкции последовательно выступают как важное средство формирования образа автора художественного произведения (который традиционно строится на разграничении автора произведения, повествователя и рассказчика). Наиболее характерным является использование вставок данного типа в автобиографических текстах, представляющих повествователя как главного героя или одного из действующих лиц. Такие вставные конструкции могут передавать дополнительную событийную информацию, связанную с автором (повествователем), а также принимать активное участие в раскрытии внутреннего мира повествователя. В этом случае они одновременно могут соотносить различные планы восприятия, а иногда и переключать временной план текста.

(1) *Осторожно, чтобы не спугнуть, просовываю голову, за ней, как ненадежного постороннего, впускаю тело. (Самое для меня теперь дивное, что я не только ее не боялась – ее боялась испугать). Сажусь ...* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Подобные конструкции в некоторых случаях позволяют актуализировать моделируемую повествователем ситуацию.

(2) *Поэтому Лозинские задержались в Москве на несколько месяцев, и приютил их дедов старинный приятель Шервинский, Сергей Васильевич. Тоже переводчик. (Из мечтаний о невозможном: о, попасть бы в то время! Послушать их разговоры! Хотя бы под дверью постоять, прислушиваясь к смеху, к звяканью ложки в стакане, к глухому, любимому кашлю!)* (Т. Толстая. Сарайчик).

Вставные конструкции могут передавать авторский комментарий, жизненные наблюдения автора, связанные с внетекстовой реальностью.

(3) *Лужина перестали замечать, с ним не говорили, и даже единственный тихоня в классе (какой бывает в каждом классе, как бывает непременно толстяк, силач, остряк) сторонился его, боясь разделить его презренное положение* (В. Набоков. Защита Лужина).

(4) *Мгновенно освоился в своем квартале Марэ, избранном и любимом парижской богемой, разузнал, где на рю де Риволи прячется последняя лавочка с нормальными, не туристическими ценами (ибо, как известно, по мере движения к парижской мэрии, а потом к Нотр-Даму или, наоборот, к Лувру стоимость бутылки воды вырастает до стоимости коньяка)* (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос).

Вставки в этом случае в большей степени оказываются связанными именно с созданием образа реального автора, а не повествователя. Они создают эффект незримого присутствия автора и соотносят образный план произведения с планом реальной жизни.

Образ автора формируется и через различные проявления субъективной авторской модальности во вставных конструкциях. В частности, это может быть связано с выражением большей или меньшей уверенности повествователя в объективности передаваемой им информации или оценки.

(5) *Дома без него [Ивана Емельяновича] было легче (быть может, потому, что это был день?), и из каморок выползали к «самой» приживалки* (Б. Пильняк. Голый год).

(6) *Ни черешня, ни тем более вишня действительно еще не поспели, зато хозяйева утешили Катю первой клубникой (или это была земляника?), и та утешилась в три горла (хозяйка дважды ходила в огород за добавкой)* (П. Крусанов. Бом-бом, или Искусство бросать жребий).

Такая субъективная оценка позволяет создать эффект остраненности автора, его формальной непричастности к описываемым событиям, внешней объективности происходящего. Автор моделирует ситуацию, предполагая возможный исход событий или их мотивировку.

(7) *Так и Писарев: думая о нем, я мысленно видел теперь только его большой портрет, висевший в диванной Васильевского дома, портрет той поры, когда он только что женился (и, верно, надеялся жить бесконечно!)* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

(8) *Мне нравится эта история с географией своей счастливой шизоидной необязательностью и категорической непреложностью, в силу которой два трезвых, вменяемых человека, никогда не видевших друг друга (и вряд ли увидят!), теперь обязаны дожить до некоего немислимого срока, чтобы наконец предаться совместно купанию в водах Атлантического океана* (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей).

Косвенным образом автор (повествователь) может проявляться и через раскрытие во вставной конструкции логики персонажа, в этом случае отчетливо наблюдается адресованность данной информации читателю (поскольку и герою, и автору она понятна).



(9) Я весь кинулся в узенький белый прорез ... и какой-то незнакомый мне мужской (с согласной буквы) нумер (Е. Замятин. Мы).

Элемент коммуникации как объяснение информации для читателя может проявляться и при переходе от слухового плана восприятия к зрительному, поскольку вставка в этом случае адресована читателю и помогает ему в восприятии образного мира текста.

(10) И на седьмой день в тот же ночной час – топ-топ-топ-топ – (ровно в четыре скачка брал лестницу) – стук-стук-стук: «Марина Ивановна!» – «Да» (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Образ автора (повествователя) эксплицируется в метатекстовых комментариях, указывающих на особенности композиции произведения. Эти комментарии (хотя и достаточно редко) могут оформляться как вставные конструкции.

(11) В апрельскую ночь в княжий дом (пусть застужкой повести будет рассказ о том, как ушли из усадьбы князя) неожиданно пришли неизвестно откуда анархисты (Б. Пильняк. Голый год).

Метатекстовый комментарий при этом также является средством коммуникации автора и адресата произведения, поскольку автор в этом случае акцентирует внимание читателя на важных, по его мнению, структурных и композиционных особенностях текста.

Вставная конструкция может содержать и самооценку повествователя, в том числе – оценку характерных особенностей его речи (что воспринимается в тексте как элемент автокоммуникации).

(12) До сих пор мне все в жизни было ясно (недаром же у меня, кажется, некоторое пристрастие к этому самому слову «ясно»). А сегодня... Не понимаю (Е. Замятин. Мы).

(13) В сущности, если посмотреть трезво, физическое упражнение это довольно (современный автор непременно написал бы «достаточно») скучное, абсолютно однообразное и не сулящее даже в конце ничего такого, что было бы присуще именно этому(-й) партнеру(-ше) (А. Кабаков. Старик и ангел).

Объектом актуализации могут быть и графические особенности текста.

(14) А я стою, держась, как за последнюю соломину, за свою придурочную сигарету, и точно знаю, что бог случайностей (напишу его с маленькой буквы) такого не прощает (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей).

Организуя повествовательную структуру текста, автор в некоторых случаях соотносит описываемые события и характеристики с уже известными, он направляет восприятие читателя, заставляя его вспомнить «предтекст» и соотнести факты или героев в разных ситуациях. Такое построение текста требует особой активности читателя, который самостоятельно сопрягает разные пространственные и временные планы произведения и осуществляет их переключение.

(15) Или мать, глядя на свою сотоварку (ту самую!): «Боюсь, что она будет умирать, как Надя...» (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена).

(16) Автор прибежал к древнему, как мир, приему, а именно – к плагиату. Да-да, к бесстыдному, подчас искусному, но оттого еще более мерзкому плагиату. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно перечитать главку «Крах» из книги Джорджа Ермо «Als Ob» (цитату из нее мы только что привели выше) (Ю. Буйда. Ермо).

Подобное «внутритекстовое» взаимодействие может иметь и противоположную направленность, отсылая читателя к последующей информации.

(17) Мне следовало охранять не свои человеческие представления о должном, а существующий порядок вещей – вернее, не сам этот порядок, а так называемую связь времен (позже я объясню, что это) (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам).

Определенная информация может специально актуализироваться автором, тем самым он не только обращает внимание читателя, но и передает свое восприятие ситуации.

(18) Выглянув из столовой, вижу, как Сережа, с все еще любезной улыбкой, слегка подается от неуклонно, с бесстрашием Рока надвигающейся на него шубы, в которой (май!) узнаю Д. И. Иловайского (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена).

(19) Мать брала его за руку (при всех! при пацанах!). Донесем, сынок? Как думаешь? Справимся? (М. Степнова. Безбожный переулоч).

Один из способов такого взаимодействия повествователя с читателем – подчеркивание определенной детали в контексте.

(20) И вот, подсознательное (подчеркиваю это трижды) вымещение на дочерях собственной загубленной жизни (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена).

(21) Много позднее я узнал, что в эти самые июльские дни был осужден и вскоре погиб в лаге-

ре генерал Пядышев, командующий группой армий, за то, что начал он самовольно (!) возводить эти самые Лужские укрепления (Д. Гранин. Мой лейтенант).

Подобное акцентирование достаточно ярко проявляет отношение автора к описываемым героям и ситуации, а взаимодействие автора с читателем определяет внутреннюю диалогичность текста.

(22) Она весело (да: весело) кивнула мне; кивнул и тот – высунувшись на секунду из-под своего лбяного навеса (Е. Замятин. Мы).

(23) – Для Средневековья смертность была относительно низкой – процентов двадцать пять, не более... (Не более?!). (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос).

Повествователь в данном случае, прогнозируя читательскую реакцию на передаваемую информацию, возвращается к ней во вставке, которая прямо адресуется читателю как ответная реплика диалога.

В некоторых вставных конструкциях автор не только учитывает, но и конкретно описывает предполагаемую читательскую оценку происходящего.

(24) Такие мечты, такие видения были мне чрезвычайно приятны, причем (хоть это и может показаться весьма странным и противоречивым), но именно это-то чувство приятности, возбуждаемое во мне подобными картинками, было мне до крайности неприятно (М. Агеев. Роман с кокаином).

Подобное прогнозирование позволяет автору создать эффект многовариативности восприятия ситуации. Оттолкнувшись от представленной оценки (а вставка в данном случае находится в препозиции по отношению к сопоставляемой информации), повествователь продолжает следовать своей логике (или логике персонажа) и раскрывать ее для читателя.

Следует отметить, что во вставке может быть представлена и моделируемая реплика читателя.

(25) В начале семидесятых в коммуналку генерала Ларионова (как, он жил в коммуналке?!). вселился новый жилец, Н. Ф. Акинфеева (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов).

В других случаях вставка может содержать предполагаемый ответ повествователя (учитывающий типичную читательскую реакцию).

(26) Мужа она ненавидела за маленькую зарплату и большой член (да, бывает и такое), детей скорее любила – но проявлялась эта любовь тоже как ненависть, и они ее боялись (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам).

Диалогичность текста может определяться вариативностью представленной информации.

(27) Ральфу в свое время повезло (или не повезло) попасть в Дом накануне выпуска, так что подобного рода высказывания не преследовали его годами, как остальных (М. Петросян. Дом, в котором...).

При этом подобная вариативность часто связана с языковой игрой автора, актуализированной с помощью вставки.

(28) Арсению больше не было холодно, ибо не может же быть холодно пребывающему в чужом теле. Напротив, он явно чувствовал, как (не) его тело наполнилось силой и уверенно двигалось навстречу рассвету (Е. Водолазкин. Лавр).

(29) Ко всеобщей пастернаковской травле подключилась моя иногородняя вторая половина – та, ради (из-за?) которой я уехал на заморозки (М. Елизаров. Мы вышли покурить на 17 лет...).

Вставная конструкция может содержать и прямое обращение автора (повествователя) к читателю.

(30) Огарев плелся по переходу, жуя, как булгаковский Бегемот (Помните? «Машину зря гоняет казенную», – наябедничал и кот, жуя гриб), только не гриб, а какое-то жалкое подражание хот-догу (М. Степнова. Безбожный переулоч).

При этом наиболее характерны подобные вставки для произведений, в которых повествователь является активным участником событий.

(31) И я понял: если даже все погибнет, мой долг (перед вами, мои неведомые, любимые) – оставить свои записки в законченном виде (Е. Замятин. Мы).

Значительно реже автор (повествователь), обращаясь к читателю, побуждает его к каким-либо действиям.

(32) Вот еще что (кому не лень, иди, посмотри!): каждый день в без пяти семь утра к новой стройке народного дома, как раз к тому месту где была торговля «Ратчин и Сын», приходит каждый день древний старик ... (Б. Пильняк. Голый год).

(33) В русской литературе Фру-Фру – имя лошади Вронского, той лошади, которую он погубил по ошибке, на скачках, неловко опустившись ей с размаху на круп и переломив спину пополам (там дефис хрустнул; где тонко, там и ломается; господи, какой гениальный писатель, почитайте, кто не читал), – это, конечно, предвестие гибели Анны Карениной (Т. Тол-

стая. Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов).

Обращение автора может быть адресовано не только читателю, но и одному из героев произведения. В этом случае в тексте возникает особый тип корреляции: автор – предполагаемый читатель – персонаж.

**(34)** *Но ведь не сию же минуту, – сказал Цинциннат, удивляясь сам тому, что говорит, – я не совсем еще подготовился... (Цинциннат, ты ли это?)* (В. Набоков. Приглашение на казнь).

Автор может предложить читателю самостоятельно смоделировать и представить в деталях определенную ситуацию. Для этого он в одних случаях указывает на изменившиеся условия, адресат же самостоятельно должен дорисовать предполагаемую картину.

**(35)** *Но разве Иванову (находись он в состоянии смешливости) веселые реплики актеров, возбуждающие эту смешливость, были менее интересны и важны, разве он не с такой же настойчивостью, как в драме, к ним бы прислушивался?* (М. Агеев. Роман с кокаином).

В других случаях при указании на причину (или условие) автор предлагает читателю самостоятельно раскрыть логические связи и зрительно представить новую ситуацию.

**(36)** *Более длительное путешествие [мышь] – в кухню; оно очень опасно (кошка)* (М. Осоргин. Сивцев Вражек).

Представленные во вставке вопросы (которые связаны с субъектно-речевым планом как повествователя, так и персонажа) также могут служить поводом для ситуативного моделирования.

**(37)** *Подсобка послушно остановила свое противозаконное кружение. Твердое оказалось столом, на котором она сидела (как? когда? почему?), а Машков, красный, почти неузнаваемый, трясущимися руками застегивал пуговицы на ее халатике* (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Особый тип коммуникации повествователя с читателем возникает при взаимодействии вставных конструкций с интертекстом, когда вставки становятся «местом» соотношения различных литературных контекстов. С их помощью автор отсылает читателя к определенному эпизоду другого произведения, заставляя вспомнить его и соотнести с данным контекстом.

**(37)** *Мать, статная полнорукая дама, называвшая самое себя бой-бабой или казаком (след смутных и извращенных реминисценций из «Войны и мира»), превосходно играла русскую*

*хозяйку, имела склонность к теософии и порицала радио, как еврейскую выдумку* (В. Набоков. Защита Лужина).

Такое соотношение усложняет информативную структуру произведения, делая ее более многоплановой и разветвленной.

Достаточно часто подобные вставные конструкции используются для создания комического эффекта, актуализируя речевую игру автора.

**(38)** *Безупречно выполненный приказ как будто вычеркнул из числа живых не только недепого подростка (экспертиза показала, что невинно убиенный был накачан брагой до миндалин, до детских припухших желез), но и самого Огарева* (М. Степнова. Безбожный переулочок).

**(39)** *Арсений часами наблюдал за качанием ее вымени и иногда припадал к нему губами. Корова (что в вымени тебе моем?) не имела ничего против, хотя всерьез относилась лишь к утренней и вечерней дойке* (Е. Водолазкин. Лавр).

Вставка может отображать не только взаимодействие художественных текстов, но и устанавливать связи с произведениями изобразительного искусства. Автор в этом случае предлагает читателю соотнести два зрительных плана: мир, описываемый им, и образный мир живописного произведения.

**(40)** *Лида... отходила налево, к скалам (прозванным ею айвазовскими), пока купались мальчики* (В. Набоков. Подвиг).

В данной вставке не только наблюдается элемент коммуникации автора с читателем (которому в этой ситуации предлагается вспомнить творчество художника, выбрать одну или несколько картин, где изображены скалы, и через это представить описываемую реальность), но и актуализируется взаимодействие различных субъектно-речевых планов (поскольку определение скал как «айвазовских» относится к речевому плану персонажа).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что разнообразие рассмотренных нами средств создания образа автора (повествователя) и моделирования его коммуникации с читателем позволяет говорить о важной конструктивной роли вставных конструкций в плане создания диалогичности художественного текста.

*Дата поступления статьи в редакцию: 22.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

И. А. Суханова

### Поэтический «иконостас» Михаила Кузмина

Статья является продолжением предыдущей и также посвящена стихотворному циклу Михаила Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы». Автор статьи считает, что структура этого цикла воспроизводит некоторые особенности построения русского высокого иконостаса: четыре стихотворения цикла («Рождество Богородицы», «Введение», «Благовещенье» и «Успение») посвящены четырем православным праздникам, иконы которых можно видеть в праздничном чине иконостаса. Заключительное стихотворение – «Одигитрия» – может ассоциироваться с иконой, которую иногда помещают в местный ряд иконостаса. В некоторых изданиях к циклу добавляется еще одно стихотворение – «Покров», икона этого праздника имеется в праздничном ряду некоторых иконостасов. Выявление лексических единиц – материальных носителей интермедиальной связи обнаруживает парадоксальную ситуацию: при общей ориентации цикла на структуру иконостаса каждое конкретное стихотворение (за исключением стихотворения «Покров») имеет связи не с традиционной русской иконой, а с западноевропейской и поздней русской религиозной картиной.

**Ключевые слова:** интермедиальные связи художественного текста, поэзия русского Серебряного века, цикл Михаила Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы», икона, религиозная картина.

I. A. Sukhanova

### Mikhail Kuzmin's poetic "iconostasis"

The article, which is the continuation of the previous one, is devoted to Mikhail Kuzmin's poetic cycle *Prazdniki Presvyatoy Bogoroditsy* (The Feasts of Saint Virgin Mary). According to the author of the article, the structure of the cycle reproduces some features of the Russian iconostasis structure: the four poems of the cycle (Nativity of the Blessed Virgin, The Presentation of the Virgin, Annunciation, Assumption) are devoted to the four Christian feasts the icons of which can be seen in the Festival tier of iconostasis. The final poem, *Hodegetria*, can be associated with the icon, which is sometimes placed in the Sovereign tier. In some publications, one more poem is added – The Holy Protection; the icon of this feast can be found in the Festival tier of some iconostases. Identifying lexical units – the material basis of intermedial relationship – reveals a paradoxical situation: with the general similarity of the cycle to the structure of iconostasis, each single poem (except for The Holy Protection) is associated not with the traditional Russian icon, but with Western European and late Russian religious painting.

**Key words:** intermediate relations in literary text, Russian poetry of The Silver Age, Mikhail Kuzmin's poetic cycle *The Feasts of Saint Virgin Mary*, icon, religious painting.

Настоящая работа является продолжением нашей статьи «Стихотворение Михаила Кузмина «Благовещенье» с интермедиальной точки зрения» [14]. Стихотворение «Благовещенье» входит в цикл «Праздники Пресвятой Богородицы», оно более чем другие стихотворения этого цикла насыщено интермедиальными связями, поэтому мы посвятили «Благовещенью» отдельную статью. Теперь же обратимся к другим стихотворениям цикла, к его структуре, а также к некоторым стихам, «примыкающим» к этому циклу. Небольшая часть наших наблюдений была в свое время опубликована [13], однако эти наблюдения, на наш сегодняшний взгляд, были неполными.

Уже отмечалось [14], что цикл «Праздники Пресвятой Богородицы» имеет, возможно, ориентацию на праздничный ряд иконостаса. Цикл состоит из шести стихотворений: «Вступление», «Рождество Богородицы», «Введение», «Благовещенье», «Успение», «Заключение (Одигитрия)» [8, с. 108–115].

*Праздниками* сокращенно называют *праздничный ряд* русского высокого иконостаса. В окончательно сформировавшемся виде праздничный ряд (или чин) иконостаса «представляет собой период новозаветный, он включает праздники: события из жизни Иисуса Христа и Богородицы, Страсти Христовы, Сошествие Святого Духа на апостолов, Крестовоздвижение – как ве-

хи на пути человеческого спасения» [2, с. 206]. «Основу ряда составляют иконы, посвященные двенадцатым праздникам (четыре – в честь событий из жизни Богородицы: Рождество Богородицы, Введение Богородицы во храм, Благовещение, Успение Богородицы...)» [17, с. 22]. Тем не менее, в праздничном чине не обязательно 12 икон. Т. В. Юрьева в монографии об иконостазах ярославских церквей приводит примеры, когда праздничный чин включает от 10 (ц. Богоявления – [Там же, с. 183–184]) до 19 или 25 икон [17, с. 22]. В ряде известных иконостасов встречаются все четыре указанных выше сюжета (церкви Ильи Пророка, Федоровской Божьей Матери в Ярославле, Воскресенский собор в Тутаеве, Спасо-Преображенский собор в Угличе, Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме – см. схемы иконостасов в: [3, 4, 6, 17]). Как видим, именно эти сюжеты лежат в основе стихотворений Кузмина.

Как объясняет Т. В. Юрьева, «[р]асстановка икон в праздничных рядах не была единообразной. <...> встречается расположение икон по принципу евангельской хронологии событий» [17, с. 24].

В цикле Кузмина выбран именно этот принцип – соответствие евангельской хронологии. Вслед за «Вступлением» располагается «Рождество Богородицы», затем «Введение», «Благовещение», «Успение». Завершается цикл «Заключением», имеющим позаголовков «Одигитрия». Это название Богородичной иконы, которая не входит в число икон праздничного чина, однако может присутствовать в местном ряду, где состав сюжетов не подчиняется строгой регламентации, или в ряду пядничном, где состав икон заведомо случайный (см. [17]).

«Вступление» – первое стихотворение цикла – носит посвяtitельный характер и не содержит, на наш взгляд, интермедийных элементов. Таковые появляются в двух следующих стихотворениях и играют заметную роль. Но отсылают они не к иконописному византийско-русскому канону, как можно было бы ожидать при общей ориентации структуры цикла на иконостас, а в большей степени к западноевропейской традиции религиозной картины.

Так, строки второго стихотворения цикла – «Рождество Богородицы»: *«Иоаким вдали тоскует, / Ангел с неба возвестует <...> / А иди к своим воротам, / Анна ждет за поворотом»* – могут ассоциироваться, например, со знаменитыми фресками Джотто «Сон Иоакима» и

«Встреча Иоакима и Анны у Золотых ворот» в капелле Скровеньи в Падуе (1304–06 гг.).

Наглядность изображаемому в этих строчках придает использование в них настоящего времени глаголов (*тоскует, возвестует, ждет*) – зримая картина может вызывать ассоциацию с композицией Джотто «Сон Иоакима», где Иоаким изображен дремлющим на земле в неудобной позе, а по диагонали к его фигуре, в синем небе, написан летящий ангел с протянутой в направлении Иоакима рукой.

Менее определенна ассоциация с другой фреской того же цикла – «Встреча Иоакима и Анны у Золотых ворот»; наше предположение об интермедийной связи основывается на том, что в стихотворении акцентируется такая деталь, как *ворота*: на фреске Джотто большая арка в зубчатой стене доминирует в композиции.

В стихотворении «Введение» важную роль играет образ *лестницы, ступеней*: *«Вводится Девица в храм по ступеням, / Сверстницы-девушки идут за Ней. <...> // Лестницу поступью легкой проходит / Дева Мария, смиренно спеша, / Белой одеждой тихонько шуриша, / Лестницу поступью легкой проходит»*. В европейских картинах на апокрифический сюжет «Введение Девы Марии во храм» *лестница*, по которой поднимается маленькая Мария, занимает центральное место в композиции (фрески и картины Джотто, Таддео Гадди, Джованни Чима да Конельяно, Витторе Карпаччо, Тициана, Тинторетто); на иконах этой *лестницы* нет, имеется только небольшое возвышение, иногда с двумя или тремя ступеньками (как, например, в иконе петровского времени из иконостаса Спасо-Преображенского собора в Угличе (воспр. в [3]). Точнее, *лестница* может присутствовать на иконе «Введения», но Дева не поднимается по ней, *лестница* помещается справа от основной сцены, где маленькая Мария изображена уже в храме, сидящей на вершине лестницы и принимающей пищу от ангела – см., например икону праздничного ряда иконостаса церкви Ильи Пророка в Ярославле, сер. XVII в. *Белая одежда* не может отсылать к традиционной иконе, где трехлетняя Мария символически изображается в соответствии с тем же каноном, что и взрослая Богоматерь, только в уменьшенном масштабе, чаще всего – в темно-вишневом мафории. *Белая одежда* – на фреске Джотто, но в других итальянских картинах цвет платья встречается самый разный.

В связи с *белой одеждой*, может быть, есть смысл указать на картину Т. А. Неффа, имев-

шуюся в первом храме Христа Спасителя в Москве – на фотографии картины фигурка Девочки выглядит белой и сияющей (воспр. в [16, с. 100]). Другая картина Т. А. Неффа на тот же сюжет находится в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге (1846–1848) – здесь Мария изображена в белом платье.

Петербургская картина Неффа объясняет, возможно, и строчку «*В митре рогатой седой иерей*» – первосвященник Захария изображен на ней в двурогом головном уборе. Подобный же головной убор первосвященника присутствует на картине, воспроизведенной без указания автора в «Альбоме Священных картин», изданном по материалам дореволюционных изданий [1]. Можем, однако, в связи с *митрой рогатой* указать и на упомянутую выше икону петровского времени в Угличе, написанную явно с учетом западноевропейского опыта, и на картину Тинторетто (1551–1556, церковь Санта Мария дель Орто, Венеция), где конфигурация головного убора первосвященника в принципе та же, что на указанных выше картинах, только «рога» более вытянутые и острые. На фреске Тициана в Венецианской Академии головной убор первосвященника украшен спереди горизонтально расположенным полумесяцем, концы которого также можно назвать *рогами*.

Что касается эпитета *седой*, то первосвященник Захария почти всегда изображается седобородым – и на картинах, и на иконах.

Можно указать на строчки «*Сверстницы-девушки идут за ней*» и «*Что вы, подружки, глядите вослед?*» как на отсылающие к иконе. Так, например, на иконе праздничного ряда Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме (Василий Никитин Воцин, 1757, воспр. в [4]) за фигуркой Марии, взошедшей на возвышение, находятся фигурки покрупнее – оставшиеся внизу пять девочек, взгляды четырех из них (у одной виден только фрагмент лица) устремлены на Марию. На угличской иконе на тот же сюжет изображена целая толпа девочек. Однако поздняя икона, как известно, претерпела западноевропейское влияние и вобрала в себя многое, не встречающееся в византийской иконе и полностью принадлежащее западной живописи. Так, на картине Тинторетто Мария изображена ближе кверху лестницы, ниже имеются фигуры двух маленьких девочек и их матерей, указывающих им на Марию, а между ними и Марией еще одна девочка, сама указывающая на нее матери.

Основной же аргумент в пользу предположения, что традиционная икона мало повлияла на текст этого стихотворения Кузмина, состоит в том, что именно на итальянских картинах основное место занимает *лестница*, по которой поднимается Девочка. *Ступени лестницы* (количество их разное) всегда тщательно выписаны, для художников важно, что ступеней много. В поздних русских церковных картинах (Т. А. Нефф и др.) лестница не изображена полностью, но ступени четко читаются, роль этой детали не вызывает сомнений.

Далее следует стихотворение «Благовещенье», нами уже подробно рассмотренное в [15], – оно содержит максимальное число интермедальных связей и полностью ориентировано на западноевропейские религиозные картины.

Обратимся к предпоследнему стихотворению цикла – «Успение», содержащее интермедальные элементы, среди которых также практически нет отсылок к традиционной византийско-русской иконе на этот сюжет, хотя название стихотворения отсылает, казалось бы, именно к иконе. Композиция иконы «Успение» включает в себя изображение лежащей на ложе Богоматери, собравшихся вокруг ложа апостолов и Христа, держащего в руках душу Богоматери в виде спеленутого младенца [2; 7; 18]. Самое знаменитое в русской иконописи «Успение» – видимо, работа Феофана Грека на оборотной стороне иконы «Богоматерь Донская» (около 1392, Третьяковская галерея) с огромной фигурой Христа над ложем Богоматери и со свечой на переднем плане. В качестве примеров упомянем также иконы «Успение» в иконостасах ярославских церквей Ильи Пророка, Богоявления или в собрании Ярославского художественного музея.

Однако основной объем текста стихотворения занимает рассказ об опоздании апостола Фомы к погребению Богородицы и его желании все-таки попрощаться с Усопшей. Апостолы ведут Фому к гробу Богородицы: «*На холме том гроб белеется, / Гроб белеется беломраморен*».

Эти строчки и две последние строфы отсылают к имеющему место в западноевропейской живописи сюжету «Чудо передачи пояса апостолу Фоме»:

*И ко гробу Фома подводится,  
Подводится ко гробу белому,  
Где почил Святая Богородица,  
Расцвели там, большие и малые,  
Цветы белые, желтые и алые,  
Цветы небывалые.*

*И склонились святые апостолы.  
Вместо тела Богородицы Пречистья –  
Купина-цветок благовонная;  
Поясок из парчи золотистья  
Оставила Мать Благосклонная  
В награду за Фомино терпение,  
В награду за Фомино смирение  
И уверение.  
И прославили Деву апостолы.*

В ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве есть картина итальянского художника Нери ди Биччи (1419– после 1491) «Вознесение Марии (Чудо передачи пояса Мадонной Св. Фоме)». Изображена группа святых вокруг открытого резного саркофага, над которым возносится в поддерживаемой ангелами овальной мандорле фигура сидящей Богоматери. В руках у нее – пояс, конец которого принимает стоящий у саркофага апостол Фома.

Назовем также картину Беноццо Гоццоли (1420–1497) из Ватиканской Пинакотеки, где сидящая Мадонна парит на облаке в окружении ангелов над открытой гробницей и передает пояс Св. Фоме, в открытом же саркофаге виднеются цветущие растения, в частности, белые и красные розы. В том же музее имеется картина Рафаэля «Коронование Марии» (1502–1504), где в верхней части композиции на облаках происходит коронование, а в нижней части изображены собравшиеся вокруг гробницы и смотрящие вверх апостолы, среди которых по поясу в руках узнается Св. Фома. Из саркофага вырастают цветы – розы и белые лилии. Саркофаги на трех указанных картинах в разной степени украшены резьбой; то, что они мраморные, может только домысливаться, однако подобный же саркофаг изображается обычно в сюжете «Воскресение Христа». Так, в Апартаментх Борджа в Ватикане на фреске Пинтуриккьо (1492–1494) мраморная природа саркофага не вызывает сомнения (картины Гоццоли, Пинтуриккьо и Рафаэля воспроизведены, в частности, в альбоме «Музеи Ватикана» [12, с. 27, 76–77, с. 81]).

Интересно, что в созданном спустя 7 лет после «Праздников Пресвятой Богородицы» цикле «Лики» (1916) также есть стихотворение с названием «Успенье» (здесь использован словообразовательный вариант с суффиксом *-j-*), апокрифический эпизод в нем подается в том же ключе, и строки более позднего стихотворения воспринимаются как перифраз строк более раннего:

*Гроб открыли... Святое диво!  
Гроб Марии обрящен пуст.  
Где Пречистой лежало тело,  
Рвался роз заревой поток.  
Что ручьем парчовым блестело?  
То Владычицы поясок. [8, с. 170].*

Если продолжить проекцию на иконостас (в данном случае вряд ли сознательную), то одноименные иконы могут быть в разных рядах одного иконостаса (и даже в одном ряду). Так, в иконостасе церкви Ильи Пророка имеются три «Благовещения» (считая и обязательное изображение на царских вратах), а в иконостасе Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры две «Троицы» в местном ряду и два «Успения»: в местном и праздничном рядах (см. [5]).

Примечателен подзаголовок заключительного стихотворения рассматриваемого цикла – «*Одигитрия*»: так называется один из иконографических типов иконы Богоматери (по-гречески – *Путеводительница* [7, с. 20; 18, с. 94; 11, с. 342 и др.]). Как объясняет искусствовед И. К. Языкова, в названии иконы «заложена концепция богородичных икон в целом, ибо Мать Божья ведет нас ко Христу. <...> В жесте Богородицы, указующем на Христа, ключ к этому образу – Мать Божья ориентирует нас духовно, направляя нас ко Христу, ибо Он есть Путь, Истина и Жизнь» [18, с. 94–95]. Иконы этого распространенного типа есть в ярославских музеях и храмах: «Богоматерь Тихвинская» XVI в. в местном ряду иконостаса церкви Ильи Пророка; «Богоматерь Смоленская» ок. 1564 г. в Ярославском музее-заповеднике и около десятка икон в Ярославском художественном музее – от конца XIII в. до начала XX в.

На наш взгляд, текст стихотворения не дает возможности сказать определенно, есть в нем отсылка к изображению или только к названию и концепции иконы: изображение и программа слишком неразрывны в самой иконе (в этом, по И. К. Языковой, суть традиционной иконы [18]).

В стихотворении, безусловно, раскрывается значение слова: каждая строфа начинается обращением: *Водительница-Одигитрия!* В тексте встречаются формы глагола *вести* и производных от него: *ведешь* (2 раза), *выведешь*, *приведешь*. Две заключительные строки стихотворения и всего цикла: «*Ты приведешь меня в тихую, сладкую воду, Где я узнаю покорности ясной свободу*». То есть в тексте присутствует та самая «концепция богородичных икон в целом», о которой говорит И. К. Языкова.

Более же вероятная визуальная отсылка в этом стихотворении относится к другому иконописному сюжету – «Покров»: *«Ты распростерла над ними свою орифламму!»* (Употребление слова *орифламма*, а не более уместного *мафорий* или *покров* объясняется контекстом. С. С. Куняев в комментарии к стихотворению поясняет: *«Орифламма – священное знамя»* [11, с. 343]. Возможно, здесь важно значение глагола *распростерла*, а в слове *орифламма* важен семантический компонент ‘ткань’ – как в слове *мафорий*). Не исключено, что косвенным подтверждением такого отождествления может быть строчка стихотворения 1914 г. «Моление»: *«На пороге же Божья Мати / Свой покров простирает вслед ...»* [8, с. 310].

Составители сборников М. Кузина иногда относят к циклу «Праздники Пресвятой Богородицы» стихотворение «Покров» [9, с. 46-47], в котором отсылки к иконописному канону достаточно определены. (Заметим, икона Покрова иногда добавляется в праздничный чин иконостаса, как, например, в ярославской церкви Богоявления; в церкви Ильи Пророка такая икона есть в местном ряду). Основания для такого утверждения не только в том, что в западной традиции этот сюжет отсутствует – православный праздник Покрова Богородицы был установлен «на Руси в XII в. в воспоминание о чудесном явлении Богоматери во влахернском храме в 910 году во время осады Константинополя арабами: находившиеся в храме Андрей Юродивый и его ученик Епифаний на всенощном бдении увидели Богоматерь с сонмом святых, которая распростерла свое покрывало (мафорий) над собравшимися в храме и молилась об избавлении народа от бедствий» [18, с. 191]. Приведем в качестве примеров такие иконы, как «Покров Пресвятой Богородицы» из местного ряда иконостаса церкви Ильи Пророка (1660–1662, приписывается Федору Zubову) или одноименная икона XIX в. из Ярославского художественного музея. На обеих иконах справа от центра композиции – фигура полуобнаженного святого (Андрея Юродивого), делающего шаг из толпы присутствующих и указывающего вверх, на происходящее на облаках чудо – *«Андрей бросается вперед»*, в центре же композиции, на возвышении, изображен святой в облачении дьякона со свитком в руках (Роман Сладкопевец) – *«Выходит дьякон на амвон < ... > / А дьякон тот – святой Роман, / Что «сладкопевцем» называется...»*; изображение на иконе «Покрова» Романа Сладкопевца, не участ-

вовавшего в событии, объясняется тем, что день его памяти совпадает с праздником Покрова [18, с. 192]. Приведенные два фрагмента, безусловно, свидетельствуют о том, что икона является одним из источников стихотворения.

Литературоведы отмечают, что в цикле «Праздники Пресвятой Богородицы», как и в ряде других произведений Кузина, отразились самые противоположные впечатления, которыми была богата жизнь поэта. «Впечатления от путешествий в Египет, Италию и по староверческим скитам, от чтения религиозной восточной, староитальянской и древнерусской литературы откладывались, скапливались <...> Из всего прочитанного и увиденного Кузин тщательно выбирал лишь то, что было внутренне близко ему, соединяя отдельные черты несовпадающих миров в органическое целое» [10, с. 12]. Безусловно, в цикле «Праздники Пресвятой Богородицы» проявился этот уникальный и даже парадоксальный синтез. Однако дело, возможно, не только в этом.

Возможно, дело и в том, что настоящая древнерусская икона в начале XX в. только возвращалась людям. И. К. Языкова, говоря о забвении византийско-русской традиции иконописания в эпохи барокко и классицизма, констатирует: иконостасы XVIII в. «не предполагают иконы в том виде, в котором знала ее древняя Русь и Византия. И это способствует переходу церкви полностью с иконописного языка на язык светской академической живописи. <...> Примером тому могут служить образы Исаакиевского собора в Петербурге <...> Начавшийся в XVII в. процесс перерождения иконы в религиозную картину завершился окончательно к рубежу XVIII–XIX вв. В это время в России мы наблюдаем ту же эволюцию, как и в западном христианском мире в эпоху Возрождения; только живопись эпохи Возрождения дала образцы высокой религиозной культуры, чего нельзя сказать о России начала XVIII – начала XIX в.» [18, с. 148].

Эстетическую и богословскую оценку явления оставим специалистам, однако заметим, что русская религиозная, точнее, храмовая живопись XIX в. известна нам очень мало (значительно меньше, чем, например, живопись Ренессанса) в силу исторических причин, для людей же конца XIX – начала XX в. она была привычной повседневностью. Картины из таких храмов, как Исаакиевский собор в Петербурге и храм Христа Спасителя в Москве, постоянно воспроизводились в печатных изданиях – в журналах типа знаменитой «Нивы» и даже в учебниках Закона Божия, формируя таким



образом у грамотных людей зрительный аспект восприятия евангельских событий. Выскажем предположение, что церковная живопись XIX – начала XX в. играет, возможно, основную роль среди интермедальных связей рассматриваемого стихотворного цикла.

Но как нам практически неизвестен этот пласт живописи, так людям века XIX неизвестна была подлинная древнерусская икона. В начале XX в. ценность древней иконы только начала осознаваться, раскрытие русской средневековой живописи, скрытой под потемневшей олифой и поздними записями, только началось [2, с. 10–11; 7, с. 25; 15, с. 104–109; 18, с. 155–159]. Заметим, что и в поэзии Михаила Кузмина появится со временем больше отсылок к традиционной иконе.

### Библиографический список

1. Альбом священных картин. Ветхий и Новый Завет [Текст] Ростов н/Д. : Ростовское книжное издательство, 1991. – 174 с.
2. Барская, Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи [Текст] / Н. А. Барская. – М. : Просвещение, 1993. – 223 с. : ил.
3. Иконостас Спасо-Преображенского собора. Углич [Текст] / Автор текста А. Н. Горстка. – М. : ИП Верхов С. И., 2014. – (Знаменитые иконостасы России).
4. Иконостас Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Кострома [Текст] / Автор текста С. С. Каткова. – М. : ИП Верхов С. И., 2014. – (Знаменитые иконостасы России).
5. Иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад [Текст] / Автор текста Л. М. Воронцова. – М. : ИП Верхов С. И., 2014. – (Знаменитые иконостасы России).
6. Иконостас церкви Ильи Пророка. Ярославль [Текст] / Автор текста Е. А. Федорычева. – М. : ИП Верхов С. И., 2014. – (Знаменитые иконостасы России).
7. История иконописи [Текст] / Л. Евсеева [и др.]. М. : АРТ-БМБ, 2002. – 287 с. : ил.
8. Кузмин, М. А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / М. А. Кузмин. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 368 с.
9. Кузмин, М. А. Стихи и проза [Текст] / М. А. Кузмин. – М. : Современник, 1989. – 431 с. : портр.
10. Куняев, С. С. Жизнь и поэзия Михаила Кузмина [Текст] / С. С. Куняев // Кузмин М. А. Стихотворения. Поэмы. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. – С. 5–28.

11. Куняев, С. С. Примечания [Текст] / С. С. Куняев // Кузмин М. А. Стихотворения. Поэмы. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. – С. 335–357.

12. Музеи Ватикана [Текст] / Автор текста И. Кравченко. – М. : Директ-Медиа, 2011 (Великие музеи мира, т. 13). – 96 с.

13. Суханова, И. А. Вербализация элементов произведений изобразительного искусства в стихотворном цикле М. Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы» [Текст] / И. А. Суханова // Язык и культура: Материалы международной конференции «Чтения Ушинского». Т. 1. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2004. – С. 76–80.

14. Суханова, И. А. Стихотворение Михаила Кузмина «Благовещение» с интермедальной точки зрения [Текст] / И. А. Суханова // Ярославль : Верхневолжский филологический вестник. – № 2. – С. 28–33.

15. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе [Текст] / Князь Евгений Трубецкой. – М. : ИнфоАрт, 1991. – 112 с. : ил.

16. Храм Христа Спасителя в Москве: Фотоальбом [Текст]. – М. : Планета, 1992. – 279 с.

17. Юрьева, Т. В. Ярославский иконостас [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль : Мастерская рекламы, 2007. – 240 с. : ил.

18. Языкова, И. К. Богословие иконы [Текст] / И. К. Языкова. – М. : Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.

### Bibliograficheskij spisok (in Russ)

1. Al'bum svjashhennyh kartin. Vethij i Novyj Zavet [Tekst] Rostov n/D. : Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. – 174 s.
2. Barskaja, N. A. Sjuzhety i obrazy drevnerusskoj zhivopisi [Tekst] / N. A. Barskaja. – M. : Prosveshhenie, 1993. – 223 s. : il.
3. Ikonostas Spaso-Preobrazhenskogo sobora. Uglich [Tekst] / Avtor teksta A. N. Gorstka. – M. : IP Verhov S. I., 2014. – (Znamenitye ikonostasy Rossii).
4. Ikonostas Troickogo sobora Ipat'evskogo monastyrja. Kostroma [Tekst] / Avtor teksta S. S. Katkova. – M. : IP Verhov S. I., 2014. – (Znamenitye ikonostasy Rossii).
5. Ikonostas Troickogo sobora Troice-Sergievoj Lavry. Sergiev Posad [Tekst] / Avtor teksta L. M. Voroncova. – M. : IP Verhov S. I., 2014. – (Znamenitye ikonostasy Rossii).

6. Ikonostas cerkvi Il'i Proroka. Jaroslavl' [Tekst] / Avtor teksta E. A. Fedorycheva. – M. : IP Verhov S. I., 2014. – (Znamenitye ikonostasy Rossii).
7. Istorija ikonopisi [Tekst] / L. Evseeva [i dr.]. M. : ART-BMB, 2002. – 287 s. : il.
8. Kuzmin, M. A. Stihotvorenija. Pojemy [Tekst] / M. A. Kuzmin. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989. – 368 s.
9. Kuzmin, M. A. Stihi i proza [Tekst] / M. A. Kuzmin. – M. : Sovremennik, 1989. – 431 s. : portr.
10. Kunjaev, S. S. Zhizn' i poezija Mihaila Kuzmina [Tekst] / S. S. Kunjaev // Kuzmin M. A. Stihotvorenija. Pojemy. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989. – S. 5–28.
11. Kunjaev, S. S. Primechanija [Tekst] / S. S. Kunjaev // Kuzmin M. A. Stihotvorenija. Pojemy. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989. – S. 335–357.
12. Muzei Vatikana [Tekst] / Avtor teksta I. Kravchenko. – M. : Direkt-Media, 2011 (Velikie muzei mira, t. 13). – 96 s.
13. Suhanova, I. A. Verbalizacija jelementov proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva v stihotvornom cikle M. Kuzmina «Prazdniki Presvjatoj Bogorodicy» [Tekst] / I. A. Suhanova // Jazyk i kul'tura: Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». T. 1. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2004. – S. 76–80.
14. Suhanova, I. A. Stihotvorenje Mihaila Kuzmina «Blagoveshhen'e» s intermedial'noj točki zrenija [Tekst] / I. A. Suhanova // Jaroslavl' : Verhnevolskij filologičeskij vestnik. – № 2. – S. 28–33.
15. Trubeckoj, E. N. Tri očerka o russkoj ikone [Tekst] / Knjaz' Evgenij Trubeckoj. – M. : InfoArt, 1991. – 112 s. : il.
16. Hram Hrista Spasitelja v Moskve: Fotoal'bom [Tekst]. – M. : Planeta, 1992. – 279 s.
17. Jur'eva, T. V. Jaroslavskij ikonostas [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl' : Masterskaja reklamy, 2007. – 240 s. : il.
18. Jazykova, I. K. Bogoslovie ikony [Tekst] / I. K. Jazykova. – M. : Izd-vo Obshhedostupnogo Pravoslavnogo Universiteta, 1995. – 212 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 02.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

О. А. Титов

### Образная сфера рассказа В. Набокова «Рождество»: языковые средства углубления семантики

В данной статье последовательно выявляются семантика и сюжетная роль одного из ключевых в творчестве Владимира Набокова образов – образа бабочки, а также рассматриваются лингвистические средства его создания. Автор статьи утверждает, что образ бабочки, являющийся в рассказе центральным, тесно переплетен с другими важнейшими образами – персонажей-людей, времени, пространства. Благодаря этим связям, создающимся прежде всего «рифмовкой» деталей и тонкой игрой с семантикой слов, образ бабочки приобретает смысловую многоуровневость, наделяя этим свойством и взаимосвязанные с ним образы, что, в свою очередь, приводит к созданию глубокого имплицитного содержания всего произведения.

**Ключевые слова:** образ бабочки, семантика, сюжетная роль, имплицитное содержание, деталь, лексема, говорящая фамилия, метаморфоза.

О. А. Titov

### The image sphere in V. Nabokov's story "Christmas": linguistic means of intensifying semantics

The author identifies step by step the semantics and the storyline role of one of the key images in Vladimir Nabokov's work – the image of butterfly, and also considers linguistic methods of its creating. The author claims that the image of butterfly, central for the story, is closely connected with the other important images – human characters, time and space. Due to these links created, first of all, through "rhyming" details and a subtle play on word semantics, the image of butterfly acquires semantic multi-levelness sharing this quality with other images related to it, which, in its turn, leads to creating deep implicit content of the work.

**Key words:** image of butterfly, semantics, storyline role, implicit content, detail, lexeme, talking name, metamorphosis.

Образ бабочки – один из ключевых в творчестве В. Набокова. Он встречается почти во всех произведениях автора, хотя обычно представлен лишь в эпизодах. Тем не менее любое упоминание о бабочке всегда несет важнейшую смысловую нагрузку: даже эпизодический ее образ активно участвует в создании имплицитного содержания текста. В отдельных произведениях В. Набоков выводит бабочку в центр повествования. В таких случаях образ бабочки раскрывается с наибольшей полнотой, что создает благоприятные условия для более полного его анализа. В качестве материала для выявления семантики и функций этого образа, а также средств его создания и сюжетной роли можно, прежде всего, использовать рассказ «Рождество».

В целом бабочка изображается здесь как воплощение прекрасного. С ней связаны мотивы хрупкости, нежности, летнего многоцветия: *«нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в черных крапинках, с перла-*

*мутровым исподом»*. Бабочки являются и символом гармонии, порядка: *«ровные ряды бабочек»* расположены в ящиках шкафа в строгой последовательности, а энтомологическая классификация закрепляется четкой *«латынью их названий»*.

Тем не менее образ бабочки важен не столько сам по себе, сколько многочисленными связями и переплетениями с другими образами рассказа. Благодаря этому образ бабочки, и взаимосвязанные с ним образы приобретают в текстах В. Набокова дополнительные смысловые пласты, а их соединение порождает глубокое имплицитное содержание всего произведения.

В первую очередь, образ бабочки в рассказе «Рождество» неразрывно связан с временем. Бабочка – один из главных атрибутов лета. Не случайно, как только Слепцов представляет, *«каким был этот мост летом»*, сразу же появляется и воспоминание о бабочке, которую *«срывал»* *«легким взмахом сачка»* его сын. Дни сына Слепцова во многом различаются результатами

охоты на бабочек, что следует из дневника: «дальше шла запись по дням, названия пойманных бабочек...». Наступление осени также связано в записях сына с бабочками: «Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень». Основное действие рассказа происходит зимой. Это время смерти самой природы, сына Слепцова и, конечно же, бабочек. Те прекрасные насекомые, которых мальчик ловил летом, «теперь ... давно высохли» и помещены в стеклянные ящики шкафа. Скорее всего, погибла и куколка индийского шелкопряда, забытая в усадьбе. И все же именно через образ бабочки автор показывает преодоление времени и даже самой смерти. Высохшие бабочки продолжают существовать, сохраняя свою красоту, напоминая о лете в промерзшем доме, а из «каменного кокона» вдруг рождается чудесная экзотическая бабочка. Ее появление, безусловно, объясняется предельно рационально: «Она вылупилась оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелк кокона проникло тепло, оно так долго ожидало этого, так напряженно набиралось сил и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло». В то же время это явление подается и как торжество жизни, восхищение счастьем самого бытия: «И тогда простертые крылья ... вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья». Это и есть чудо, то есть проявление Божественного в земном мире. Неслучайно рождение бабочки происходит в канун христианского Рождества, отсылая к мысли, что смерть есть не конец существования, а рождение, то есть начало нового, более высокого его этапа. Это и ответ Слепцову, в отчаянии решившему, что «земная жизнь – горестная до ужаса, унизительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...». Таким образом, благодаря особым знакам в произведениях В. Набокова возможно общение Бога с человеком, если, конечно же, человек способен воспринять и расшифровать это послание, равно как и набоковский читатель должен обладать особой внимательностью к подобным «бытовым» чудесам. «Бог дает знаки человеку, чтобы последний сам попытался прийти к ответу на вопрос об их значении, – утверждает в своем исследовании М. Ю. Антоничева. – Такая же ситуация близка художественному мышлению автора, который указывает внимательному читателю на те или иные «ключи» к произведению в зависи-

мости от способностей читателя их обнаружить...» [1].

Получается, что сюжетная роль бабочки выражает главные мысли рассказа практически на эксплицитном уровне содержания. Это символ не только красоты, гармонии, жизни, но и перехода в иное, более высокое качество. И в то же время это проявление Божественного в земном мире и даже средство общения Бога с человеком – чудом рождения бабочки Бог опровергает абсурдную мысль Слепцова о бесцельности и бесплодности земной жизни.

Более глубокое, имплицитное содержание рассказа создается переплетением образа бабочки с образами персонажей-людей. В первую очередь следует отметить тесную связь образов бабочки и сына Слепцова. Бабочка вводится в повествование одновременно с мальчиком. Герой вспоминает, как летом «по склизким доскам, усеянным сережками, проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила». Почти сразу же сообщается и о смерти сына, но опять-таки в соединении с упоминанием о бабочке: «Совсем недавно, в Петербурге, – радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, – он умер...». Даже вещи сына, которые находит и перебирает убитый горем отец, неизменно связаны с бабочками. Это и «расправилки», и коробка «из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом», и «порванный сачок». Теперь, когда акцентируется тема смерти, бабочки тоже оказываются мертвыми. Это и забытый в усадьбе кокон, о котором сын вспоминал, когда болел, утешая «себя тем, что куколка в нем, вероятно, мертвая». Таковыми являются «ровные ряды бабочек» в стеклянных ящиках шкафа: «теперь они давно высохли». Даже их названия, которые когда-то «с торжеством или пренебрежением» произносил сын, звучат на латыни – мертвом языке. Синяя тетрадь – дневник сына – также в первую очередь содержит воспоминания о пойманных бабочках. Так образы сына и бабочки начинают переплетаться, восприниматься как неразрывное целое. К финалу рассказа смерть, казалось бы, торжествует: умерший сын главного героя, сухие бабочки, готовый к самоубийству Слепцов. И здесь повествование вдруг поворачивается совершенно в иную сторону. Из смерти рождается жизнь. Принесенный в тепло натопленного флигеля из холодного дома, казалось бы, мертвый кокон индийского шелкопряда прорывается, и из него выходит живое существо, ста-

новьясь все более прекрасным, своим рождением и восторгом жизни отрицая саму смерть.

Имплицитные слои содержания создаются в рассказе, прежде всего, посредством «рифмовки» деталей, связанных с разными образами. Такая «рифмовка» оказывается возможной для восприятия, если соединяемые ею образы уже соотносятся между собой в сознании читателя. Так происходит и с образами бабочки и сына Слепцова. Герой привозит тело сына в «гробу» и помещает этот гроб в «*маленький белокаменный склеп*». Это своего рода «футляры», помещенные один в другой. В два «футляра» помещена и будущая бабочка: это «*кокон*» в «*коробке из-под английских бисквитов*». Детали «*гроб*» – «*кокон*» и «*склеп*» – «*коробка*» начинают соотноситься друг с другом, равно как становятся контекстуальными синонимами и называющие их лексемы. В финале рассказа коробка открыта, кокон прорывается и из этих «футляров» выходит живое существо гораздо более высокого порядка по сравнению с предыдущими стадиями его существования. Само это явление начинает восприниматься как божественный ответ герою, объяснение главной тайны бытия: смерти нет – есть переход из одного уровня существования в другой. А потому и сын Слепцова не умер: с ним происходит великая метаморфоза, символически представленная эволюцией бабочки. Неслучайно перед этим автор внешне в форме сравнения, а на имплицитном уровне в виде утверждения говорит о том, что гроб сына наполнен жизнью: «*Слепцов перевез тяжелый, словно всю жизнь наполненный гроб в деревню...*». Гроб, таким образом, воспринимается уже не как вечное пристанище, а как своего рода портал для перехода в высшую реальность, но в ином, более совершенном качестве.

Весьма примечательно, что метаморфозы происходят не только с бабочкой, мальчиком, но и с самим Слепцовым. На протяжении всего рассказа он также уподобляется бабочке, последовательно проходит ее путь. Предыдущий этап его существования, представленный обрывками воспоминаний, был подобен жизни гусеницы: ничего не говорится о его чувствах, целях; он даже не замечал первой детской влюбленности сына. Осознание жизни начинается лишь со страшным горем, которое постигает его. Происходит духовная трансформация героя. И сам мир представляется ему уже иным, отстраненным. С самого начала повествования это выражается пространственной деталью: герой в знакомой комнате садится в ту ее

точку, из которой никогда на это место не смотрел: он «*сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором ... не сидивал никогда*». Затем идет актуализация «говорящей» фамилии героя. На следующий после приезда в усадьбу день, морозный, солнечный, «*Слепцов ... тихо зашагал по прямой, единственной расчищенной тропе в эту слепительную глубь*». В пределах одного предложения даны фамилия «Слепцов» и прилагательное «*слепительный*», что не может не привлечь к этой тавтологии внимание читателя. Для закрепления эффекта через несколько предложений дается еще одна лексема с корнем «слеп» – «*слеп*»: «*а над белыми крышами придавленных изб, за легким серебряным туманом деревьев, слеп* сиял *церковный крест*». Такое соединение однокоренных слов обращает внимание читателя на семантику фамилии героя. Теперь это не только его наименование, но и характеристика. Герой и ранее многого не видел в жизни, погруженный в собственное горе, он слеп к красоте окружающего мира, которая тоже подается как чудо. При этом актуализируется именно духовная слепота: герой замечает предметы, но не видит в них Прекрасного, не видит раскрываемых перед ним доказательств Божественного бытия, воплощенных в деталях пейзажа, – от «*райских ромбов отражений цветных стекол*», «*оснеженного куста*», похожего «*на застывший фонтан*», до сияющего «*церковного креста*». Связь этих деталей пейзажа с высшим миром подкрепляется тем, что семантика многих из них напрямую связана с религиозными представлениями: «*райские*», «*небо*» («*Где-то далеко кололи дрова, – каждый удар звонко отпрыгивал в небо...*»), «*церковный крест*». Противоречие внешнего зрения и внутренней слепоты у главного героя выражается и двойной семантикой лексем с корнем «слеп». Так, «*слепительный*», обозначая высшую степень проявления света, в то же время указывает, что подобная его концентрация, наоборот, препятствует зрительному восприятию, а наречие «*слеп*», реализуя значение «тускло», отсылает и к смыслу «лишенный способности видеть» [2, с. 729]. Дальше актуализация «говорящей» фамилии дается уже через сопоставление движения героя с особенностями ходьбы слепого человека, который вытягивает перед собой руки, чтобы проверить наличие преград. Герой с лампой в руке идет в дом за вещами сына, а тень его уподоблена ощупывающему рукой пространство слепцу: «*громкая тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене...*». Слепота героя сама по себе подобна кокону, который от-

деляет его от мира, препятствует восприятию красоты и чудес. К тому же этот кокон удваивается: горе заключает Слепцова еще в один «футляр». В речевом плане это выражается глагольной формой «зажмурился»: «Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...». Только в состоянии такой «двойной слепоты» у набоковского героя могло возникнуть столь абсурдное представление о жизни. Примечательно, что это состояние длится всего «мгновение». Это своего рода смерть, то есть точка перехода, потому что далее, вследствие чуда, происходит рождение / возрождение героя: «Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, и по стене, над столом, быстро ползет вверх черное сморщенное существо величиной с мышью». Открыты оба футляра для освобождения бабочки – коробка и кокон. И одновременно герой преодолевает оба вида своей слепоты – открывает глаза и видит. Неслучайно эти два «перерождения» даны в пределах одной синтаксической единицы, чтобы еще теснее показать внутреннюю связь между ними. Сам Слепцов рождается в новом качестве. Можно предположить, что теперь этот человек способен не только поверить в чудо, в Бога, но и испытать высшее счастье от самого факта своего существования.

В имплицитно выраженной аналогии духовной эволюции человека с метаморфозой «гусеница – куколка – бабочка» автор показывает и движущую силу этого движения. Если бабочке для своего рождения нужно тепло, то человеку необходимо горе: «оно вылутилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату. Оно вырвалось оттого, что сквозь тугий шелк кокона проникло тепло...». Получается, что именно горе порой заставляет человека изменить свой взгляд на мир, перейти на новый качественный уровень своего существования.

Финал рассказа во многом расширяет и семантику ранее рассмотренных лексем с корнем «слеп». Бабочка, с которой сопоставляется Слепцов, – это «ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея». Для ночной же бабочки свет – это тьма, а тьма – это свет. Потому слишком яркий, «слепительный» день для нее подобен предельно мрачной ночи, когда она практически слепа. Зато тьма является для нее главным усло-

вием зрительного восприятия мира. В этом случае ночная бабочка становится и символом полусторонности, связанной с образом тьмы. Уподобленный ночной бабочке, Слепцов получает таким образом не только доказательства Божественного бытия, но и способность видеть за пределами обычного человеческого восприятия.

Образ бабочки и ее эволюция не только соотносятся с главными героями, но и проецируются на организацию пространства в рассказе. Стадии «гусеница – куколка – бабочка» воплощаются в самой планировке усадьбы Слепцова, состоящей из «флигеля» (где теперь поселился Слепцов), «главного дома, где жили летом» и соединяющей их «деревянной галереи». Стадия гусеницы связана с «главным домом», где проходило беззаботное прежнее существование, «загроможденная сугробом» «деревянная галерея» символизирует переход от одного состояния в другое, то есть этап куколки, что подчеркивается еще и изоляцией ее от внешнего пространства (сугроб, соотносящийся с коконом). И жарко натопленный флигель символизирует стадию перерождения. Именно здесь рождается бабочка и «прозревает» Слепцов.

Даже отдельные, проходные детали отсылают к происходящим с бабочками метаморфозам. Примером может служить лампа, которую вносит в комнату слуга Слепцова: «Иван... внес заправленную, керосиновым огнем налитую лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на нее шелковую клетку: розовый абажур». Огонь, соотносящийся с жизнью, и здесь отделен от мира двумя преградами – стеклом и абажуром. Ассоциативная связь **кокон – абажур** подчеркивается общим для них признаком – «сделанный из шелка»: «шелковая клетка» абажура и «шелк кокона». Соотнесение Слепцова с пробивающейся из кокона бабочкой звучит и в упоминании о застывшей и лопнувшей между его пальцами капле воска («Он растопырил пальцы, белая чешуйка треснула»), и в, казалось бы, ненужном действии, которое он производит в комнате сына, открывая ставни, то есть пробивая преграду, отделяющую его от мира («Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя все равно за окном была уже ночь»). Сопоставление сына Слепцова с бабочкой проявляется и в таких «рифмующихся» деталях, как «поднимающийся, заворачивающийся на полях» «детский почерк» и ползущая вверх только что родившаяся бабочка с

«загнутыми на концах» крыльями. Такая «рифмовка» деталей, рассеянных по всему тексту, призвана еще более актуализировать соотношение героев-людей с бабочкой – символом возрождения на более высоком уровне бытия.

Подводя итоги, надо, прежде всего, отметить, что образ бабочки в рассказе «Рождество» не только полисемантичен, но и наделяет этим свойством взаимосвязанные с ним образы. В основном это достигается благодаря «рифмовке» деталей и тонкой игре с семантикой слов, которая всегда отличала В. Набокова.

#### Библиографический список

1. Антоничева, М. Ю. Границы реальности в прозе В. Набокова. Авторские повествовательные стратегии [Электронный ресурс] : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Режим досту-

па: [cheloveknauka.com](http://cheloveknauka.com)...realnosti-v-proze-v-nabokova. – (Дата обращения: 12.12.15)

2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2004.

#### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Antonicheva, M. Ju. Granicy real'nosti v proze V. Nabokova. Avtorskie povestvovatel'-nye strategii [Jelektronnyj resurs] : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Rezhim dostupa: [cheloveknauka.com](http://cheloveknauka.com)...realnosti-v-proze-v-nabokova. – (Data obrashhenija: 12.12.15)

2. Ozhegov, S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M., 2004.

*Дата поступления статьи в редакцию: 25.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

## ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'1

П. С. Карабардина

### Ф. М. Мюллер о происхождении языка

Ф. М. Мюллер, английский ученый XIX века, занимаясь вопросом происхождения языка, прокомментировал существовавшие гипотезы и выдвинул свою: язык зародился в момент, когда человек осознал первые абстрактные понятия, содержанием которых были действия. Далее язык развивался, переходя от изолирующего типа к агглютинативному, а затем к флективному. Речь и разумное мышление – неразделимые понятия, по мнению Ф. М. Мюллера, следовательно, происхождение языка напрямую связано с происхождением человечества.

**Ключевые слова:** Ф. М. Мюллер, происхождение языка, лингвофилософия, теории глоттогенеза.

## THEORY OF LANGUAGE

P. S. Karabardina

### F. M. Muller on the origin of language

F. M. Muller, an English scientist of the XIX century, studying the problem of the language origin, commented on the contemporary hypotheses and introduced his own one: language originated at the time when man perceived the first abstract notions with the meaning of actions. Further, language evolved from isolating to agglutinating type and then to inflecting one. According to F.M. Muller, speech and rational thinking are inseparable notions and, consequently, the origin of language is directly related to the origin of mankind.

**Key words:** F. M. Muller, the origin of language, linguistic philosophy, language origin theories.

Тема зарождения человеческой речи и языка вызывала живой интерес ученых, начиная с античных времен. Исследования этого вопроса описываются в трудах Геродота, появление языка объясняется и комментируется в Библии и других священных текстах. По прошествии нескольких веков эту тему исследовали такие ученые нового времени, как Г. Лейбниц, Ш. Де Бросс, Э. Бонно де Кондильяк, А. Шлейхер. Немецкий лингвист и философ Ф. М. Мюллер провел серьезную работу по анализу существовавших в его время теорий происхождения языка и на основе этого сделал несколько выводов и предположений, которые будут рассмотрены далее.

Мюллер относился к вопросу происхождения языка как к одному из важнейших вопросов фи-

лософии. По его мнению, человека отличает от животных именно способность к абстрактному мышлению: «Думаю, я могу утверждать без сомнения, что способность к абстракции совершенно отсутствует у животных, так что именно обладание общими понятиями есть то, что проводит четкую грань между человеком и животными, так как очевидно, что мы не наблюдаем в них никаких шагов к использованию общих понятий как универсальных; из чего мы имеем право предположить, что у них отсутствует способность к абстракции или созданию общих понятий, поскольку они не используют слова или другие общие знаки» (перевод наш – П. К.) [2, с. 356].

В самом деле, животные способны общаться с помощью жестов, звуков, выполнять команды,



связанные с конкретными предметами, но не осознавать абстрактные понятия. Эти понятия, согласно утверждению ученого, представлены в разуме человека, а внешне выражаются словом. Таким образом, изучение проблемы происхождения языка напрямую связано с вопросами происхождения человечества.

Большинство гипотез происхождения языка логично предполагают, что с течением времени язык становился все более сложным, следовательно, в начале своего существования он представлял собой простейшую систему. Эта система могла состоять из самых необходимых элементов и, вероятно, изначально не была способна обеспечить все коммуникативные потребности участников общения. В этой связи Мюллер выражает эволюционные взгляды на развитие языков, ранжируя его стадии следующим образом: язык зарождался как система односложных слов, что в общепринятой лингвистической типологии могло бы быть отнесено к изолирующему типу языка. Затем язык может перейти в агглютинативную стадию и, наконец, во флективную, ср.: «Что касается формальной части языка, мы не можем избежать вывода, что там, где мы сейчас видим флективность, ранее была агглютинативность, а каждый агглютинативный язык был когда-то изолирующим» (перевод наш – П. К.) [2, с. 331]

Язык проходит следующий путь развития:

1. Базовые корни могут быть использованы как слова, причем каждый из них остается полностью независимым. Формальные отличия слова от корня отсутствуют. Язык на этой стадии относится к изолирующему типу.

2. Два корня могут соединиться, чтобы образовать слово; при этом один из них может потерять свою независимость. Этот корень присоединяется к первому. Язык на этой стадии является агглютинативным.

3. Два корня соединяются, чтобы образовать слово; при этом ни один из них не сохраняет свою независимость. Язык на этой стадии может быть назван флективным [1, с. 319].

Однако при этом язык может остановиться на одной из проходимых им стадий и развиваться далее в рамках того типа грамматики, который соответствует этой стадии.

Объективность определения языков, как более или менее совершенных на основании их типологии, неоднократно ставилась под сомнение. Тем не менее, представление о языке как о постоянно развивающейся и усложняющейся системе трудно было бы оспорить.

Как и многие другие лингвисты, Мюллер считает, что можно проследить развитие языка от определенного небольшого числа базовых единиц языка, давших основу для развития всего лексического состава языка во всем его многообразии. По его утверждению, эти единицы представляют собой корни, которые несут элементарное значение и первоначально использовались в речи как слова. Так, по его утверждению, удалось свести все значения существующих на сегодняшний день слов санскрита (а значит, любую мысль, высказанную или возможную) к 121 независимому корневому понятию [1, с. 366].

Однако даже определение количества и состава базовых корней отвечает на вопросы лингвистики о дальнейшем развитии языка, но не о его происхождении. Наиболее важный аспект исследования данной темы – момент, когда человек впервые использует для общения слова, то есть набор звуков, наделенный фиксированным значением и предназначенный для некоего адресата общения. Причина или мотиватор начала вербального общения – один из ключевых вопросов в данной теме.

Мюллер утверждает, что источник речи – впечатления, получаемые при восприятии мира всеми органами чувств (в отличие от Гейгера, который признавал в качестве источника речи только зрительные впечатления) [3, с. 68]. Однако чувственные впечатления так же свойственны животным, как и человеку. Для зарождения языка, как уже было сказано выше, необходимы абстрактные понятия, а кроме того, необходимо присвоить каждому из них определенную и закрепленную за ним звуковую оболочку.

Разные ученые по-разному отвечали на вопрос о том, как это происходило и по каким принципам связывались две стороны слова – означающее и означаемое. Ф. М. Мюллер рассмотрел три гипотезы, обсуждавшиеся в тот период, когда он занимался научной работой, и изложил свои выводы в научных работах по лингвистике, в том числе в «Лекциях по науке о языке...».

Одна из теорий происхождения языка, поддерживаемая Г. В. Лейбницем и В. Фон Гумбольдтом, носила название ономапоэтической, или звукоподражательной. Мюллер дал каждой из рассмотренных им теорий свое, более простое и даже забавное название. Звукоподражательная теория была переименована в «теорию гав-гав». (Позже Мюллер писал о том, что не имел намерения задеть ученых, выдвинувших эту теорию или придерживающихся ее, но обозначал их соб-

ственными названиями, поскольку существовавшие считались слишком громоздкими и неясными [2, с. 358]). Суть теории состояла в том, что базовые корни человек образовал путем имитации звуков, издаваемых животными и другими предметами из его окружения, и эти звукоподражательные слова стали основой всего лексического состава языка.

Оппоненты этой теории в том числе сомневались, можно ли свести все имеющиеся слова к звукоподражанию. В их числе был и Мюллер, который в своих «Лекциях по науке о языке...» привел любопытный пример: «Англичанин, находящийся в Китае, увидел поданное ему блюдо, которое вызвало у него подозрения. Желая узнать, сделано ли оно из утки, он произнес с вопросительной интонацией:

–Кря-кря?

Последовал ясный и прямой ответ:

– Гав-гав!

Это, несомненно, было не хуже самой красноречивой беседы на ту же тему между англичанином и официантом-французом. Но я сомневаюсь, что оно достойно называться языком» (перевод наш – П. К.) [2, с. 360].

Мюллер обращает внимание читателя на то, что обычно слово, обозначающее то или иное животное, не совпадает с ономастией издаваемых им звуков и не образовано от нее. Так же дело обстоит и с древними языками, например, греческим, латынью, санскритом. Редкие исключения (например, рус. *кукушка*, англ. *cuckoo*) обладают исключительно малым словообразовательным потенциалом и выражают лишь тот объект, который обозначают. Мюллер называет ономастию «игрушкой, а не инструментом языка» и делает вывод, что самые необходимые и распространенные лексические единицы языка не могут быть сведены к звукоподражанию [2, с. 360].

Другая теория, которая получила название междометной от своих создателей и «теории фу-фу» от Ф. М. Мюллера, рассматривала эмоциональные вскрики, в настоящее время существующие в языке в виде междометий, как начало человеческой речи. Одним из важнейших ее представителей был французский ученый Ж.-Ж. Руссо [5, с. 243]. Впервые же эта гипотеза была высказана древнегреческим философом Эпикуром.

Несмотря на наличие авторитетных сторонников, эта теория также не получила поддержки Мюллера. В «Лекциях по науке о языке...» он аргументирует это следующим образом: «Бесспорно, в каждом языке имеются междометия, и

некоторые из них могут стать традиционными и войти в состав слов. Но эти междометия – лишь предместья настоящего языка. Язык начинается там, где заканчиваются междометия. Разница между настоящим словом, например, «смеяться», и междометием «ха-ха!», между «Я страдаю» и «Ах!» столь же велика, как между произвольным актом и звуком чихания, с одной стороны, и глаголом «чихать», с другой. Мы чихаем и кашляем, вскрикиваем и смеемся таким же образом, как животные; но если Эпикур утверждает, что мы говорим таким же образом, как лают собаки, по зову природы, наш собственный опыт скажет нам, что это не так» (перевод наш – П. К.) [2, с. 352].

Таким образом, Ф. М. Мюллер отвергает обе названные теории происхождения языка, поскольку, по его мнению, предлагаемые ими основы формирования лексических единиц языка не имели достаточного словообразовательного потенциала для образования наиболее необходимых слов (или корней).

Третья теория, обсуждаемая в XIX в., называлась теорией трудовых выкриков. Согласно ей, первые слова возникли не просто из междометий, а из звуков, с помощью которых группы людей координировали совместную деятельность, например, задавая ритм. Мюллер называет эту теорию подразделением «теории фу-фу» и по этой причине уделяет ей немного внимания, отклоняя ее на том же основании, что и междометную. По его мнению, эти теории описывают человека в процессе исключительно чувственного восприятия, а не перехода к осознанию.

Рассмотрим собственные ответы Ф. М. Мюллера на главные вопросы происхождения языка. Прежде всего, он ставит проблему перехода от чувственного восприятия к осмысленным понятиям. В период его работы для участников научного сообщества было характерно довольствоваться следующим пониманием вопроса: человек изначально обладал способностью формировать в мозгу понятия, что отличало его от животных, и оставалось только выразить эти понятия с помощью тех или иных звуков. Мюллер, отталкиваясь от этого, ставит перед лингвистикой задачу установить, что заставило человека формировать понятия и пользоваться ими. Он становится одним из первых ученых, поставивших этот вопрос. Для ответа на него Мюллер считает необходимым проанализировать доступные базовые корни: «То, что мы называем корнями языка, выдает секрет. Почти все они, как мы видели, вы-

ражают действия человека. Итак, прежде чем человек осознал какой-либо объект как объект, он не может не осознавать своих собственных действий; а поскольку эти действия чаще всего повторяющиеся и продолжаются какое-то время, он начинает осознавать, без какого-либо дополнительного усилия, свои многие или повторяющиеся действия как одно. Здесь лежит начало самых примитивных и, я могу добавить, первых необходимых понятий: они состоят в нашем осознании наших собственных повторяющихся действий как одного длительного действия» (перевод наш – П. К.) [1, с. 352]. Таким образом, Мюллер приходит к выводу, что ключ к возникновению первых понятий в разуме человека лежит в осознании им того, что множество повторяющихся действий или движений представляют собой один акт.

Еще один вопрос, на который немецкий лингвист считает необходимым ответить в контексте происхождения языка, – вопрос о мотиваторе выбора звуковой оболочки для возникшего понятия. Сторонники теорий звукоподражания, междометий и трудовых выкриков утверждали, что существовали звуки, которые должны были неизбежно лечь в основу возникающих корней, например, крики животных в оноματοпоэтической теории. Это представление было свойственно лингвистам, начиная с первых попыток построения глоттогенетических гипотез. Так, Платон в диалоге «Кратил» выражает мысль, что присвоение имен вещам происходит в силу объективной природы вещей, и отдельный звук (в современной лингвистике называемый фонемой) может иметь какое-то собственное значение, реализуемое при его включении в слово [4, с. 43]. Ф. М. Мюллер не полностью соглашается с этой мыслью. По его мнению, в словах может быть обнаружена некоторая связь звуков со значениями, но она весьма ограничена и не оказывает абсолютного или хотя бы значительного во всех случаях влияния на звучание слова. Нет ни абсолютной предопределенности, ни абсолютной случайности в присвоении звуков понятиям [1, с. 352].

Ф. М. Мюллер не претендует на то, чтобы ответить на все вопросы, относящиеся к происхождению языка. Тем не менее, высказанные им мысли оказали влияние на изучение этой проблемы и заслуживают того, чтобы быть рассмотренными лингвистом, работающим над этой проблемой.

Основные идеи Ф. М. Мюллера, относящиеся к вопросу происхождения языка, можно выразить следующим образом:

1. Человека отличает от животных способность мыслить абстрактно и осознавать абстрактные понятия, выражаемые с помощью языка. Следовательно, вопрос происхождения языка очень тесно связан с вопросом происхождения человечества, если не тождествен ему.

2. Абстрактные понятия впервые возникли в разуме человека при осознании им своих повторяющихся актов как одного длительного действия. Именно поэтому большинство базовых корней выражают какие-либо действия.

3. Нельзя объяснить появление слов ни звукоподражанием, ни эмоциональными или трудовыми восклицаниями. Отдельная фонема не несет значения ни сама по себе, ни в составе слова. Характер фонем оказывал влияние на выбор звуковой оболочки для конкретного слова, но это влияние не было абсолютным и решающим.

4. Развитие языка можно проследить от базовых корней, выражающих элементарные и самые необходимые понятия, к двух- и трехсложным словам, от изолирующего типа через агглютинативный к флективному. При этом язык может остановиться на любом типе грамматики и развиваться дальше в его рамках, но путь развития всех языков до этого момента однотипен.

Наиболее ценным в работах Ф. М. Мюллера на тему происхождения языков может быть названо описание того, как появляются абстрактные понятия и как человек переходит от чисто чувственного восприятия мира к его осознанию. Именно в этот момент человек реализуется как отличное от животных существо. При этом Мюллера можно противопоставить его коллегам-современникам, некоторые из которых утверждали, что животные способны мыслить (не различая при этом предметное и абстрактное мышление), а другие вовсе оставляли без внимания именно этот вопрос.

Безусловно, исследование происхождения языка затруднено тем, что ученые вынуждены работать с небольшим объемом данных, сохранившихся с тех пор и требующих серьезного предварительного анализа. Тем не менее, некоторым лингвистам удается приблизиться к ответу, предложить гипотезы происхождения языка и на основании этих немногих данных собрать доказательство своей точки зрения. Ф. М. Мюллер

был одним из тех ученых, которые внесли вклад в разработку проблемы происхождения языка. Идеи, высказанные и доказанные им, следует изучать и учитывать при работе в сфере лингво-философии и теорий происхождения языка. В его трудах по языкознанию неоднократно поднимается вопрос тождественности мышления и речи и наличие у человека способности к ним как отличительное свойство, в противоположность животным. Эта идея стала отправной точкой для разработки гипотезы Ф. М. Мюллера о происхождении языка, использованной им в дальнейшем в научной работе, в том числе в религиозно-философских трудах.

#### Библиографический список

1. Müller, Friedrich Max. Natural religion [Текст] : the Gifford lectures delivered before the university of Glasgow in 1888 [Текст] / by F. Max Müller. – New impression. – London : Longman, Green, Longman a. Roberts, 1899. – 608 p.
2. Müller, F.M. Lectures on the Science of Language [Текст] : Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Müller. – New-York: C. Scribner & Co., 1866. – 416 p.
3. Noire, L. Max Müller and the Philosophy of Language [Текст] / L. Noire. – London: Longmans, Green & Co., 1879. – 102 p.
4. Античные теории языка и стиля [Текст] / [под общ. ред. и с предисл. О. М. Фрейденберг]. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
5. Реформатский, А. А. Введение в языковедение [Текст] : учебник для вузов / Под ред. В. А. Виноградова. –5-е изд., уточненное. –М. : Аспект Пресс, 2001. – 536 с.

#### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Müller, Friedrich Max. Natural religion [Tekst] : the Gifford lectures delivered before the university of Glasgow in 1888 [Tekst] / by F. Max Müller. – New impression. – London : Longman, Green, Longman a. Roberts, 1899. – 608 p.
2. Müller, F.M. Lectures on the Science of Language [Tekst] : Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Müller. – New-York: C. Scribner & Co., 1866. – 416 p.
3. Noire, L. Max Müller and the Philosophy of Language [Tekst] / L. Noire. – London: Longmans, Green & Co., 1879. – 102 p.
4. Antichnye teorii jazyka i stilja [Tekst] / [pod obshh. red. i s predisl. O. M. Frejdenberg]. – М. ; Л. : Socjckgiz, 1936. – 344 s.
5. Reformatskij, A. A. Vvedenie v jazykovedenie [Tekst] : uchebnik dlja vuzov / Pod red. V. A. Vinogradova. –5-е изд., уточненное. –М. : Аспект Пресс, 2001. – 536 с.

*Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Хухуни Г. Т., Осипова А. А.

**«Возвращенная реальность» и ее межъязыковая передача  
(лексема ‘γραμματεῖς’ в английских и немецких переводах Библии)**

В настоящей статье рассматривается вопрос, связанный с передачей слова γραμματεῖς (grammateus) в некоторых английских и немецких версиях Священного Писания. Как правило, это слово применяется в греческом тексте Библии как эквивалент еврейского («софер») в значении «учителя закона Моисея, толкователя Священного Писания», однако в «Деяниях апостолов» данное слово использовано в присущем греческому языку значении представителя городской администрации, в обязанности которого входило ведение официальной документации, ее хранение, надзор за финансами, а также подготовка решений народного собрания, то есть в данном случае имеет место своеобразное «возвращение реальности». Таким образом, можно констатировать, что, хотя в плане ее (реальности) понимания ни в Ветхом, ни в Новом Завете каких-либо трудностей не возникает, однако ситуация, при которой одна и та же единица используется для наименования как чужой (иудейской), так и своей (греческой) реальности, обуславливает необходимость выбора между сохранением единой номинации для обоих обозначений и выражением каждого из них разными лексемами, что приводит к вариативности переводных текстов и их относительной эквивалентности оригиналу.

**Ключевые слова:** Библия, реальность, перевод, греческий, английский, немецкий, вариативность, лексема, единица, текст, относительный, эквивалентность.

G. T. Khukhuni, A. A. Osipova

**“Returned reality” and its interlingual interpretation  
(Lexeme ‘ΓΡΑΜΜΑΤΕΪΣ’ in English and German translations of the Bible)**

The article considers interpretation of the word γραμματεῖς (grammateus) in some English and German versions of the Holy Scriptures. As a rule, this word is used in the Greek text of the Bible as an equivalent of Hebrew («sopher») meaning “teacher of the Moses’ law, interpreter of the Holy Scriptures”. However, in the Acts of Apostles this word is used in the inherent Greek meaning – a representative of city administration who was in charge of writing official documents and keeping them, who monitored the finances and prepared the decisions of people’s meetings. So, in this case, a kind of “returning reality” takes place. Thus, we can state that there is a situation where one and the same unit is used to name both alien (Jewish) and own (Greek) reality. Although there is no problem in understanding the situation in either Old or New Testament, the necessity arises to choose between a single nomination for both notions and using different lexemes, which will result in variability of translations and their relative equivalence to the original.

**Key words:** the Bible, reality, translation, Greek, English, German, variability, lexeme, unit, text, relative, equivalence.

Среди реалий Ветхого Завета, которые, несколько условно, можно отнести – используя известную классификацию С. Влахова и С. Флорина – к обозначениям «носителей власти» [3, с. 63], имеется лексическая единица (sopher), первоначально обозначавшая писца, но обычно использовавшаяся для наименования авторитетного лица, являвшегося учителем закона Моисея и толкователем Священного Писания (подробнее см. [6]). При переводе Ветхого Завета на греческий язык для его передачи была применена лексема γραμματεῖς (grammateus), исходно

также со значением «писца» (например, в книге Ездры<sup>1</sup> 7.6: γραμματεῖς ταχὺς νόμῳ Μωϋση [2])<sup>2</sup>.

В новозаветных книгах, написанных уже по-гречески, названная единица в подавляющем большинстве случаев используется в аналогичной функции (например, в Мтф. 15.1: Φαρισαῖοι καὶ γραμματεῖς).<sup>3</sup> Однако в эпизоде «Деяний апостолов» (19, 35), где речь идет о возмущении жителей Эфеса против деятельности апостола Павла: «καταστείλας δὲ ὁ γραμματεῖς ὄχλον φηόν»<sup>4</sup>, – она применяется уже в своем, так сказать, собственно греческом значении – как обозначение представителя местной власти. В данном случае

можно говорить о своеобразном «возвращении реалии»: в написанном *по-гречески* тексте *греческое* слово, использовавшееся в нем для называния *иудейского* законоучителя, соотносится теперь с должностным лицом *эллинского* города. В специальной литературе (см., например, [17, s. 464–469])<sup>5</sup> *γραμματεὺς* определяется как наименование высокопоставленного чиновника, выполнявшего функцию «городского писаря», в обязанности которого входило ведение официальной документации, ее хранение, надзор за финансами, а также подготовка решений народного собрания. Вместе со стратегом *γραμματεὺς* возглавлял администрацию города<sup>6</sup>.

Таким образом, в плане понимания данная реалия ни в своей «эллинской», ни в «иудейской» ипостаси особых проблем не вызывает. Однако при ее передаче возникает вопрос о наличии в языке перевода эквивалента, покрывающего указанные значения и в то же время не вносящего в текст чуждой этнокультурной и временной специфики.

В этом отношении представляется целесообразным, в первую очередь, обратиться к тексту Вульгаты, поскольку на протяжении многих столетий она представляла для западного мира наиболее авторитетную (а в определенные периоды в известном смысле единственную) версию Священного Писания. При переводе как ветхо-, так и новозаветных книг – то есть и для еврейского (*sopher*), и для греческого *γραμματεὺς* (*grammateus*) – используется латинская лексема со значением «писца», то есть какой-либо дифференциации между иудейской и эллинской реалиями блаженный Иероним проводить не стал:

*scriba velox in lege Mosi* (Ezra 7. 6); *scribae et Pharisei* (Matt. 15. 1); *cum sedasset scriba turbas dixit* (Actus 19, 35) [8, p.647;1549; 1732].

Отметим, что аналогичным образом поступили и создатели славянской версии, где во всех указанных контекстах представлена одна лексема *книжникъ*.

На наш взгляд, допустимо предположение (разумеется, не претендующее на абсолютную достоверность), что в данном случае на выбор создателя Вульгаты могло повлиять желание сохранить этимон указанного слова в еврейском, греческом и латинском языках (*нисец*), отраженный и в Септуагинте, – тем более, что функции латинского *scriba* также не сводились исключительно к механической фиксации чужого текста. Аналогично, монологемная передача его в славянском также может объясняться следованием

греческому образцу. (Заметим, что славянское *книжникъ* – поскольку речь идет об иудейской реалии – отличаясь от еврейского и греческого прототипов по внутренней форме, представляется в какой-то степени даже более подходящим вариантом, поскольку лучше передает то значение еврейского слова, которое связано с изучением, толкованием и преподаванием Закона, а не просто с его переписыванием)<sup>7</sup>.

Однако отсутствие дифференциации при обозначении древнееврейского законоучителя и древнегреческого администратора, функции которых достаточно существенно различались (не говоря уже об этнокультурной специфике данных лексем), неизбежно должно было обусловить и поиск иных решений по их передаче. Однако конкретные пути, избираемые теми или иными переводчиками, могли не совпадать.

При рассмотрении английской традиции репрезентации Священного Писания целесообразно обратиться, в первую очередь, к Библии Уиклифа (вопрос о том, в какой степени сам Уиклиф являлся ее создателем, в наши задачи, естественно, не входит).

Поскольку исходным текстом для данной версии служила Вульгата, естественно было бы, на первый взгляд, ожидать при передаче соответствующих фрагментов следования иеронимовской традиции. Однако в реальности картина оказывается несколько иной, причем дифференциация здесь не совпадает с оппозицией «иудейское / эллинское», а выглядит следующим образом: *a swift writere in the lawe of Moises* (1Esdras 7.6) – *the scribis and the Farisees* (Mat. 15.1) – *And whanne the scribe hadde ceessid the puple, he seide* (Dedis<sup>8</sup> 19, 35) [14].

Иными словами, во всех трех случаях сохранена лексема со значением «писца», однако в Книге Ездры предпочтение отдано исконному слову, а в Евангелии от Матфея и «Деяниях апостолов» – единице латинского происхождения, совпадающей с имеющейся в тексте Вульгаты. Данными о причинах подобной синонимичной замены мы не располагаем; возможно, в этом случае сказались наличие у переводов соответствующих текстов разных авторов.

В первом издании самого известного и сыгравшего наиболее важную культурно-историческую роль английского перевода Библии – King James Version представлена следующая картина: *a ready Scribe in the law of Moses* (Ezra 7.6) – *scribes and Pharisees* (Mat. 15.1) – *And when the townclerk had appeased the people, he said* (Acts

19, 35) [20]; те же лексемы сохранены и в последующих изданиях названного перевода.

Как можно заметить, при передаче иудейской реалии выбрано то же латинское по происхождению слово, исходно обозначающее писца, тогда как для наименования должностного лица администрации города Эфеса использована единица, представляющая собой, по существу, функциональный аналог греческого *γραμματεὺς*. В семантическом плане в данном случае, пожалуй, можно говорить о несомненной адекватности подобной передачи. С одной стороны, в словарях можно встретить следующую дефиницию упомянутой реалии: ‘in the past, someone whose job was to keep the official records of a town, or to give legal advice to the people living there...’ [16, p. 1524] – то есть демонстрируется «писцовая» функция ведения и хранения официальной документации. С другой стороны, отмечается и его достаточно высокое положение в иерархии городского управления, которое отнюдь не сводится к чисто технической секретарской работе: ‘the Town Clerk is the senior administrative officer of the city, borough or town, usually the most senior salaried employee of the council’ [21] (ср. с приведенным выше описанием должностных обязанностей и статуса «грамматеуса» в античном городе). При этом (как всегда при использовании функционального аналога) возникает вопрос о степени сохранения локального и темпорального колорита – однако и здесь, думается, предложенный вариант не вносит в данном отношении какого-либо серьезного диссонанса<sup>9</sup>.

С этой точки зрения, заслуживает внимания то обстоятельство, что совершенно аналогичное решение находим и в католической Реймско-Дуэйской Библии (созданной на рубеже XVI–XVII столетий и переработанной в XVIII в. епископом Р. Челонером), авторы которой считали протестантских переводчиков еретиками и полемически противопоставляли их деятельности свой труд: a ready *scribe* in the law of Moses (Ezra 7.6) – *scribes* and Pharisees (Mat. 15.1) – And when the *town clerk* had appeased the multitudes, he said (Acts 19.35) [11], [19].

Среди других многочисленных англоязычных версий Священного Писания, появившихся уже за последнее столетие, особого упоминания, естественно, заслуживает Good News Bible (Good News Translation), созданная на основе известной теории «динамической эквивалентности» Ю. Найды. Интересующие нас фрагменты представлены в ней так: a *scholar* with a thorough

knowledge of the Law which the Lord, the God of Israel, had given to Moses (Ezra 7.6) – Pharisees and *teachers of the Law* (Mat. 15.1) – At last the *city clerk* was able to calm the crowd. "Fellow Ephesians!" he said (Acts 19, 35) [12].

Обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых – что связано с общим характером переводов, опирающихся на концепцию американского лингвиста – рассматриваемая версия явно тяготеет к приему переводческой экспликации (достаточно сравнить, как представлено в нем предложение из Книги Ездры, с репрезентацией последнего в других рассмотренных нами версиях). Во-вторых, отказавшись при передаче иудейской реалии от ее этимологической связи с «писцом», создатели Good News Bible, если можно так выразиться, «разнесли» ее значение, подчеркнув в первом случае сему учености, а во втором – законоучительства. Наконец, в-третьих, не лишен интереса тот факт, что, воспроизводя реалию греческую, переводчик, по существу, остался верен традиции. Замена компонента *town* на *city* принципиально характера предложенного эквивалента (наименование представителя администрации Эфеса единицей, обозначающей чиновника городского самоуправления во многих англоязычных государствах) и стратегии передачи не меняет<sup>10</sup>. Кстати, и в тексте Библии короля Иакова по отношению к Эфесу – что вполне объяснимо, учитывая статус этого города и его роль в античном мире – в речи самого *town clerk* употребляется именно слово *city*: ‘what man is there that knoweth not how that the city of the Ephesians is a worshipper of the great goddess Diana, and of the image which fell down from Jupiter?’ [20]. Сам же термин *city clerk*, вероятно, в эпоху создания Authorized Version еще не применялся, да и сейчас он используется реже, чем *town clerk*<sup>11</sup> (ср. приведенную выше дефиницию последнего, в которой *town clerk* определяется как ‘the senior administrative officer of the city’).

Среди продолжателей традиций Дуэйско-Реймской Библии (то есть англоязычных переводов Священного Писания, предназначенных специально для католической аудитории) отметим Новую Иерусалимскую Библию (New Jerusalem Bible), вышедшую в 1985 г. (ей предшествовала Иерусалимская Библия 1966 г., создававшаяся по образцу соответствующей французской Библии 1956 г., впоследствии также переработанной)<sup>12</sup>. В анализируемых контекстах лексемы (*sopher*) и *γραμματεὺς* (*grammateus*) пред-

ставлены следующим образом: a *scribe* versed in the Law of Moses (Ezra 7.6) – Pharisees and *scribes* (Mat. 15.1) – When *the town clerk* eventually succeeded in calming the crowd, he said (Acts 19.35) [18] – то есть точно так же, как в Библии короля Иакова и Реймско-Дуэской Библии.

Таким образом, для большинства рассмотренных англоязычных версий характерно следующее: во-первых, в отличие от греческого и латинского текстов, где как для иудейской, так и для «эллинской» реалии используется одно и то же слово (*γραμματαῖς* / *scriba*), английские переводчики передают ту и другую разными лексическими средствами (некоторым своеобразием в их дифференциации отличается, как мы видели, Библия Уиклифа). Во-вторых, при выборе эквивалента для первой рассмотренные нами переводы (кроме Good News Bible) отдают предпочтение слову латинского происхождения со значением «писца» (*scribe*), тогда как для передачи второй применяется функциональный аналог *town / city clerk*.

Если бросить беглый взгляд на некоторые немецкие версии Священного Писания, сопоставимые с рассмотренными английскими, можно заметить, что в Библии Лютера, относящейся к XVI столетию, еврейский «софер» и использованный для его обозначения греческий «грамматеус» переданы через *Schriftgelehrter* («знаток Писания»), то есть акцентируется именно данный аспект деятельности иудейских «писцов», тогда как для эфесского администратора избрано соответствие *Kanzler* [10, s. 493; 21; 166], понимаемое как высокопоставленный представитель городской администрации. Относительно места, занимаемого носителем указанной должности в иерархии городского самоуправления и выполняемых им функций, в литературе сообщается следующее: «Первое место в городском совете занимают бургомистры (*burgimagistri*)... Может быть, самым значительным лицом после бургомистров был городской письмоводитель или, как он еще назывался, канцлер, нотариус. Одной из важнейших обязанностей городского управления было производство суда. Необходимо было поэтому иметь под рукой человека, знающего законы. Такие люди и занимали должности канцлеров. Канцлер должен был знать латинский язык, уметь составлять документы. Он посвящался в тайны городской политики. Ему случалось исполнять разные дипломатические поручения. Эта выдающаяся и нелегкая должность оплачивалась очень хорошо: канцлер получал пожизненное

содержание, хотя бы и задолго до смерти сделался неспособным исправлять свою должность. Нередко канцлер, пользуясь городским архивом, описывал современные ему события и оставлял таким образом в назидание потомству городскую хронику» [4].

Можно констатировать, что в семантическом отношении указанный аналог в целом вполне соотносится с греческим *γραμματεῖς*. Тем не менее, в данном случае приходится отметить некоторую анахронизацию, поскольку явно имеет место перенос реалии одной эпохи (средневековой, то есть современной Лютеру) в другую (античную).

В Цюрихской Библии, создававшейся под руководством другого выдающегося деятеля Реформации, находившегося с Лютером в весьма непростых отношениях – Хульдриха Цвингли и неоднократно подвергавшейся (главным образом, в языковом отношении) существенной переработке, предлагаются следующие решения. Иудейские «писцы», как и у Лютера, именуются *Schriftgelehrte*, тогда как в «Деянии апостолов» фигурирует уже *Stadtschreiber*, то есть «городской писарь» [23]. Такое наименование, по существу, синонимично «канцлеру», поскольку лицо, занимавшее эту должность, выполняло те же самые функции (*Kanzleivorsteher*, то есть глава канцелярии) и обладало таким же статусом. Для эпохи создания Цюрихской Библии использование данной лексемы, пожалуй, можно признать вполне адекватной передачей греческой реалии и к тому же более нейтральной в плане временной перспективы. Однако, учитывая те изменения, которые претерпела деятельность писаря в дальнейшем, у рядового читателя эта лексема, возможно, способна вызвать несколько иные ассоциации.

Что касается немецкой ипостаси «Библии по Найде» *Gute Nachricht Bibel*, то при передаче иудейской реалии используется единица, обозначающая законоучителя (*kundiger Lehrer des Gesetzes; Gesetzeslehrer*), а когда речь идет об эфесском чиновнике, вводится лексема *Verwaltungsdirektor* [13]. Дословно последняя может быть переведена как «исполнительный директор» (ср. в современной Германии должность *Stadtdirektor*, то есть главы городской исполнительной власти),<sup>13</sup> что может рассматриваться как наглядный пример модернизирующего перевода.

Таким образом, ситуация, при которой одна и та же единица используется для наименования как чужой, так и своей реалии, обуславливает необходимость выбора между сохранением еди-



ной номинации для обоих обозначений и выражением каждого из них разными лексемами, что приводит к вариативности переводных текстов и их относительной эквивалентности оригиналу.

### Библиографический список

1. Библия или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. – 2-е изд. – СПб. : В Синодальной типографии, 1878. – 1600 + 392 с.
2. Ветхий Завет на греческом языке с подстрочным русским переводом. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.superbook.org/UBS/EZR/ezr1.htm>. – (Дата обращения: 02.09.2015).
3. Влахов, С., Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1986. – 416 с.
4. Иванов, К. А. Многоликое Средневековье. // Библиотекарь.Ру [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/polk-9/index.htm>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
5. Митрополит Волоколамский Илларион. Переводы Библии: история и современность. // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. 26.11.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/>. – (Дата обращения: 08.07.2015).
6. Писец [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13228>. – (Дата обращения: 02.09.2015).
7. Софрим [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия // Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13909&query=>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
8. Biblia Sacra iuxta Vulgatam Versionem [Text]. – Тт. 1–2. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1975. – 1980 p.
9. City Clerk. // Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/city%20clerk>. – (Дата обращения 05.09.2015).
10. Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers mit Konkordanz. Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin und Altenburg, 1991. – 906 + 294 s.
11. Douay-Rheims Catholic Bible. // Bible Study Tools. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.biblestudytools.com/rhe/>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
12. Good News Translation. Bible Study Tools. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.biblestudytools.com/gnt/>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
13. Gute Nachricht Bibel. // Die Bibelportal der Deutschen Bibelgesellschaft. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.die-bibel.de/online-bibeln/gute-nachricht-bibel/bibeltext/>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
14. John Wycliffe's Translation. // Wesley Center Online. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://wesley.nnu.edu/sermons-essays-books/john-wycliffes-translation/>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
15. Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition [Text]. – Harrow: Pearson Education Limited, 2003. – XVIII + 1950 p.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Edition [Text]. – Oxford: Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1682 p.
17. Metzner, R. Die Prominenten im Neuen Testament: ein prosopographischer Kommentar [Text]. – Gttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH. 2008. – 695 s.
18. New Jerusalem Bible. // Catholic Online. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.catholic.org/bible/>. – (Дата обращения: 08.07.2015).
19. The Holy Bible In Latin Language With Douay-Rheims English Translation. // vulgate.org. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vulgate.org/>. – (Дата обращения: 05.09.2015).
20. The Official King James Bible Online. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kingjamesbibleonline.org/>. – (Дата обращения: 07.07.2015).
21. Town clerk. // Academic Dictionaries and Encyclopedias. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/474591>. – (Дата обращения: 07.07.2015).
22. Tyndale Bible. // Bible Study Tools. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.biblestudytools.com/tyn/>. – (Дата обращения: 07.07.2015).
23. Zürcher Bibel 2007. Zürich: Theologische Verlag, 2012. – 1114 + 341 s. – (Zum Geleit. Einleitung).

**Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Biblija ili knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta v russkom perevode. – 2-e izd. – SPb. : V Sinodal'noj tipografii, 1878. – 1600 + 392 s.

2. Vethij Zavet na grecheskom jazyke s podstrochnym russkim perevodom. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.superbook.org/UBS/EZR/ezr1.htm>. – (Data obrashhenija: 02.09.2015).

3. Vlahov, S., Neperevodimoe v perevode [Tekst] / S. Vlahov, S. Florin. – M. : Vysshaja shkola, 1986. – 416 s.

4. Ivanov, K. A. Mnogolikoe Srednevekov'e. // Bibliotekar'.Ru [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.bibliotekar.ru/polk-9/index.htm>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

5. Mitropolit Volokolamskiy Illarion. Perevody Biblii: istorija i sovremennost'. // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej. 26.11.2013. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/>. – (Data obrashhenija: 08.07.2015).

6. Pisec. // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.eleven.co.il/article/13228>. – (Data obrashhenija: 02.09.2015).

7. Sofrim. // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13909&query=>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

8. Biblia Sacra iuxta Vulgam Versionem [Text]. – Tt. 1–2. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1975. – 1980 p.

9. City Clerk. // Merriam-Webster Dictionary. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/city%20clerk>. – (Data obrashhenija 05.09.2015).

10. Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers mit Konkordanz. Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin und Altenburg, 1991. – 906 + 294 s.

11. Douay-Rheims Catholic Bible. // Bible Study Tools. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.biblestudytools.com/rhe/>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

12. Good News Translation. Bible Study Tools. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa:

<http://www.biblestudytools.com/gnt/>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

13. Gute Nachricht Bibel. // Die Bibelportal der Deutschen Bibelgesellschaft. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://www.die-bibel.de/online-bibeln/gute-nachricht-bibel/bibeltext/>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

14. John Wycliffe's Translation. // Wesley Center Online [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://wesley.nnu.edu/sermons-essays-books/john-wycliffes-translation/>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

15. Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition. Harrow: Pearson Education Limited, 2003. – XVIII + 1950 p.

16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Edition [Text]. – Oxford : Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1682 p.

17. Metzner R. Die Prominenten im Neuen Testament: ein prosopographischer Kommentar [Text]. – Gttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH. 2008. – 695 s.

18. New Jerusalem Bible. // Catholic Online. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.catholic.org/bible/>. – (Data obrashhenija: 08.07.2015).

19. The Holy Bible In Latin Language With Douay-Rheims English Translation. // vulgate.org. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://vulgate.org/>. – (Data obrashhenija: 05.09.2015).

20. The Official King James Bible Online [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.kingjamesbibleonline.org/>. – (Data obrashhenija: 07.07.2015).

21. Town clerk. // Academic Dictionaries and Encyclopedias [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/474591>. – (Data obrashhenija: 07.07.2015).

22. Tyndale Bible. // Bible Study Tools [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.biblestudytools.com/tyn/>. – (Data obrashhenija: 07.07.2015).

23. Zürcher Bibel 2007. Zürich: Theologische Verlag, 2012. – 1114 + 341 s. – (Zum Geleit. Einleitung).

*Дата поступления статьи в редакцию: 10.10.2015  
Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

<sup>1</sup> В церковнославянской Библии и Синодальном переводе – Первая книга Ездры.

<sup>2</sup> В русском Синодальном переводе – «книжник, сведущий в законе Моисеевом» [1, с. 705].

<sup>3</sup> В Синодальном переводе – «книжники и фари-сеи» [1, с. 24].

<sup>4</sup> По тексту Синодального перевода – «Блюститель же порядка, утишив народ, сказал...» [1, с. 112].

<sup>5</sup> За информацию об этом источнике выражаем благодарность доктору филол. наук, профессору кафедры «Иностранные языки» РОАТ-МИИТ В.Б. Медведеву.

<sup>6</sup> В оригинале: «Das griechische Wort ist hier die Bezeichnung für einen hohen Magistratbeamten von Ephesus, der die Funktion eines “Stadtschreibers” ausübt. Dieser war für Protokollierung und Archivierung von Schriftstücken zuständig, verwaltete in einer städtischen Kanzlei die öffentlichen Finanzen, legte der Volksversammlung angebrachte Antäge für Beschlussfassung vor und fertigte die Beschlüsse der Volksversammlung aus. Zusammen mit den Strategen (strategoi) bildete er den Vorstand der Bürgerschaft».

<sup>7</sup> В соответствующей справочной литературе отмечается: «Хотя переписывание Торы составляло одну из наиболее важных сфер деятельности софрим (мн. ч. от *sopher*) – Г. Х., А. О.), уже в эпоху Первого храма в их функцию входило обучение детей

письму, чтению, а также собственно Закону... они вводили установления, касающиеся общественной и религиозной жизни, объясняли народу смысл Торы и ее предписаний» [7]

<sup>8</sup> *Dedis of Apostlis* – так в Библии Уиклифа называются Деяния апостолов.

<sup>9</sup> Целесообразно отметить, что подобная стратегия передачи данной единицы имела место и в созданной за несколько десятилетий до Библии короля Иакова Библии У. Тиндейла. Ср. в его версии Нового Завета: ‘*scribes and pharises*’ (Mat. 15.1) – ‘When the *towne clarcke* had ceased the people he sayd’ (Acts 19.35) [22].

<sup>10</sup> Ср. определение понятия *city clerk* в некоторых словарях: ‘a public officer charged with recording the official proceedings and vital statistics of a city’ [9].

<sup>11</sup> Характерно, что во многих известных словарях английского языка, предназначенных для иностранной аудитории (например, [15], [16]), зафиксировано в качестве самостоятельной единицы только *town clerk*.

<sup>12</sup> Как французская, так и английская версии, несмотря на то, что выполнялись они вне православной традиции, заслужили высокую оценку со стороны видного иерарха Русской Православной Церкви, митрополита волоколамского Иллариона, который отнес их к числу переводов, «сочетающих точность с литературными достоинствами» [5].

<sup>13</sup> Сообщено В. Б. Медведевым.

С. Н. Дубровина

### Вариативность как универсальное свойство языка

В статье рассматривается феномен языковой вариативности как объект различных лингвистических исследований. Проблема вариативности изучалась на всех уровнях языковой системы, а также в отношении «язык – внешний мир». Она интересовала исследователей фонологического, морфологического, лексического, синтаксического уровней языка, уровня текста, а также приверженцев социологического, функционально-коммуникативного, прагматического и других подходов к языку. Результатом данных научных изысканий явилось создание различных теорий языковой вариативности.

**Ключевые слова:** вариативность, вариант, инвариант, свойство, система, подсистема, уровень, единица, подход.

S. N. Dubrovina

### Variability as a universal property of language

The article looks at the phenomenon of language variability as an object for a number of linguistic researches. The problem of variability has been studied at all levels of the language system and in the opposition “language – external world”. It has interested the researches of the language at phonological, morphological, lexical, syntactic levels and at the level of text, as well as the supporters of sociological, functional-communicative, pragmatic and other approaches to language. These scientific researches have resulted in creating different theories of language variability.

**Key words:** variability, variant, invariant, property, system, subsystem, level, unit, approach.

Согласно теории «языкового дрейфа», предложенной Э. Сепиром, язык движется во времени и пространстве по своему собственному течению; индивидуальные вариации речи движутся в направлении, предопределяемом «дрейфом» языка: «У языкового дрейфа есть свое направление ... в нем закрепляются только те индивидуальные вариации, которые движутся в определенном направлении, подобно тому, как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. Дрейф языка осуществляется через неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению» [12, с. 144].

Современная лингвистика рассматривает языковую вариативность как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир». Это фундаментальное свойство естественного человеческого языка, имеет «...большое, если не решающее значение для характеристики онто-

гической сущности единиц языка и тем самым для характеристики онтологической природы языка в целом» [11, с. 213].

Анализ вариативности как универсального явления привел исследователей к мысли о создании специальной науки, которая бы занималась данным феноменом. Было предложено назвать ее *ортологией*, то есть дисциплиной, основной категорией которой должна являться вариантность.

Основные понятия теории вариативности отражены в терминах ‘вариативность’, ‘вариантность’, ‘варьирование’, ‘вариант’, ‘инвариант’, ‘константность’, ‘норма’.

Первые два термина обычно употребляют синонимично. Выделяют их широкое и узкое толкование. Вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. При таком понимании нет необходимости в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как «характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии» [10, с. 31].

Проблема вариативности заинтересовала ранее других исследователей фонологического уровня, результатом чего стало появление пер-

вых работ, посвященных вариативности. Так, например, фонема стала рассматриваться как *инвариант*, а ее звуковые реализации – как *варианты*. Классические принципы выделения инвариантных единиц были сформулированы Н. С. Трубецким. В соответствии с его теорией, инвариант единицы представляет собой некую абстракцию и является совокупностью дифференциальных признаков. Ни один из сегментов, выделенных в речи и непосредственно данных нам в наблюдении, нельзя обозначить как инвариант, так как это лишь его «материальные символы». Непосредственно же в речи нам даны только варианты, которые соотносятся с инвариантами как явления и сущность [13, с. 45].

Из фонологии понятия '*вариантность*' / '*инвариантность*' были перенесены на другие сферы лингвистики. Л. Ельмслев пользуется терминами инвариант и вариант при описании процесса деления текста на некоторые отрезки. Он установил, что «во многих местах текста встречается 'одно и то же' сложное предложение, 'одно и то же' простое предложение, 'одно и то же' слово и т. д.» На основании этого был сделан вывод о возможности реализации множества образцов любого сложного предложения, любого простого предложения, любого слова и т.д. Эти образцы Л.Ельмслев предложил именовать *вариантами*, а их суммарный прототип – *инвариантами* [7, с. 320].

В. В. Виноградов обратил внимание на то, что «единство слова организуется, прежде всего, его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм». В слове, как единице лексического уровня, находит выражение вариантность единиц иерархически низших уровней – фонематического и морфологического, в связи с чем говорят о нескольких видах вариантов слов. Ученый назвал их «вариациями» – фонологическими, экспрессивно-морфологическими, ономорфологическими, экспрессивно-стилистическими, лексико-фразеологическими формами и т. д. [5, с. 40].

Идеи В. В. Виноградова развил А. И. Смирницкий [9], предложивший выделять фонетические, фономорфологические, морфологические (грамматические и словообразовательные), лексико-семантические варианты слов. Вариантами при таком подходе признаются регулярно воспроизводимые модификации одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся

либо с фонетической стороны, либо за счет словообразовательных аффиксов. Опираясь на данные положения, О. С. Ахманова [1] сделала попытку описать варианты слов в русском языке.

По утверждению В. Н. Ярцевой [17], формы и границы варьирования в области лексики связаны с проблемой источника пополнения словарного состава данного языка, что после известного периода сосуществования лексических вариантов может привести к 1) их стилистическому размежеванию; 2) сдвигу значения у одного из сталкивающихся синонимов в сторону его специализации; 3) терминологическому использованию неологизмов и тому подобным явлениям.

В. В. Виноградовым и А. И. Смирницким было введено в научный обиход и понятие *лексико-семантического варьирования*. Оно позволило подойти к смысловой стороне слова, к его лексическому тождеству, как к структуре, сумме лексико-семантические вариантов (ЛСВ). ЛСВ – это «отдельные значения полисемантического словесного знака внутри его смысловой структуры» [14, с. 210]. ЛСВ представляет собой явление системы языка, так как семема, образующая смысловую сторону ЛСВ, есть системная единица, включающая в себя совокупность отдельных семантических признаков. В большинстве случаев употребления ЛСВ слова актуализируется лишь часть признаков, образующих семему, так как практически ни в одной ситуации они не могут быть нужны все сразу – как правило, речь не может идти обо всех признаках предмета одновременно. Было установлено, что в акте речи реализуется лишь та часть семного состава семемы, которая является коммуникативно-релевантной в данном речевом акте. Таким образом, в системе языка должны быть в наличии некоторые конкретные значения, которые выступают в актах речи в виде определенных актуальных смыслов. На основании этого был сделан вывод о том, что в акте речи происходит варьирование отдельных системных значений слова. Это варьирование обусловлено условиями коммуникации.

Каждый ЛСВ является иерархически организованной совокупностью сем – структурой, в которой выделяется интегрирующее родовое значение (архисема), дифференцирующее видовое (дифференциальная сема), а также потенциальные семы, отражающие побочные свойства предмета. Наличие варьирования слова «предполагает наличие своего рода постоянных, устойчивых признаков, констант, позволяющих ему изменять, варьи-

ровать свое смысловое содержание и, тем не менее, оставаться тем же словом» [1, с. 208].

Дальнейший анализ единиц языка приводит ученых к эмпирическому и теоретическому осознанию их многокачественности, следовательно, наличия у них многих свойств, и установлению групп, обладающих общими характеристиками. Этим фактором и обусловлен повышенный интерес к категориям *поля* и *вариативности*. Теоретическое осмысление явлений, отражаемых этими категориями, позволяет рассматривать поле как способ существования и группировки языковых единиц, обладающих общими (инвариантными) свойствами. Тот факт, что язык организован системно не только в уровне иерархии своих единиц, но и для отражения смыслов, явился решающим при обнаружении системных смысловых объединений разного уровня абстракций, зафиксированных в лексико-семантических группах, грамматико-лексических полях, функционально-семантических полях и т. д.

Поиск системности в лексике привел к созданию *лексико-семантических групп*. В качестве синонима лексико-семантической группы в ряде исследований используется термин *поле*. В интерпретации О. С. Ахмановой под лексико-семантической группой понимается «подразряд слов в пределах данной части речи, объединенных общностью значения» [2, с. 118].

Вариативность в области грамматики получила освещение в работах ряда исследователей. Описание вариантов в сфере морфологии и синтаксиса поставило ряд вопросов, не имеющих смысла для единиц более низких уровней. По мнению Е. И. Шендельс [15], начиная с морфологического уровня исследователи имеют дело с двусторонними единицами языка, в связи с чем решение дихотомии инвариант-вариант и проблемы выделения тождественных и самостоятельных единиц распадается на два плана. Инвариант в плане выражения определяется как структурная разновидность единицы, противопоставленной в системе другим единицам; как совокупность существенных признаков модели. В плане содержания инвариантом считается совокупность категориальных и индивидуальных признаков, остающихся неизменными при всех реализациях данной единицы в речи. С точки зрения В. Н. Ярцевой [16], вариативность с содержательной стороны проявляется, прежде всего, в условиях контекстуальной сочетаемости, когда структурные парадигматические варианты обнаруживают отсутствие тождества. В лингвистике под морфологическими вариантами

ми понимаются тождественные по значению грамматические формы одного и того же слова, имеющие частичную разницу в грамматическом оформлении; а под синтаксическими – функционально тождественные синтаксические модели, имеющие одинаковое структурное содержание, характеризующиеся одинаковой дистрибуцией и отличающиеся лишь отдельными формальными элементами структуры или «внутримодельными» преобразованиями [15, с. 11]. Вариантность в синтаксисе представлена в особенно многообразных формах, поскольку одно и то же содержание, в принципе, может быть выражено более чем одним способом. Инвариантом, то есть тем общим, что присуще всем членам конкретного вариантного ряда, считается семантическая структура, а вариантами – синтаксические образования, в которых она реализуется и которые под тем или иным углом зрения материально отличаются друг от друга.

Результатом использования вариантно-инвариантного метода на уровне грамматики явилось создание *грамматических полей*. С развитием полевого подхода к изучению лексических и грамматических явлений понятие вариативности синтезируется в рамках комплексного рассмотрения категорий языка. Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс выдвинули теорию *грамматико-лексических полей*, согласно которой «при изучении грамматики оказывается практически невозможным замкнуться в кругу грамматических форм, изолируясь от их употребления в естественной речи, где они взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой» [6, с. 5]. Было особенно подчеркнуто, что «разнообразные средства грамматического и лексического уровней, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными связями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему – *грамматико-лексическое поле*» [6, с. 8]. Вариантами грамматико-лексического поля являются языковые средства разных уровней, связанные между собой системными отношениями и объединенные инвариантным значением.

А. В. Бондарко связал понятия *поля* и *вариативности*, предложив идею *функционально-семантических полей*. Он считал вариативность логической основой существования различных функционально-семантических полей – «системы разноуровневых средств данного языка (морфоло-

гических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных, то есть лексико-синтаксических), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [4, с. 22]. По мнению А. В. Бондарко, «функционально-семантические поля создаются в результате взаимодействия разнородных (относящихся к разным сторонам и уровням языка) элементов, обладающих, при всех различиях, общими инвариантными признаками» [3, с. 17].

О. И. Москальская исследует феномен вариативности на уровне текста. С точки зрения автора, «вариативность предстает как сосуществование в литературной норме в рамках одной эпохи и одного стиля равнозначных параллельных форм, находящихся в отношении свободного варьирования и не несущих по сравнению друг с другом дополнительной информации» [8, с. 58].

Следующий этап развития концепции вариативности связан с возросшим интересом ученых к социологическим аспектам языкового функционирования. Рассматривая функциональный стиль как вариант реализации литературного языка, исследователи устремили взгляд к механизму реализации коммуникативных функций в рамках отдельных выделенных и описанных ими стилей. Признание вариативности в качестве органического свойства языковых систем позволило приступить к изучению проблемы территориальной и социально-функциональной дифференциации языка. В теоретическом плане вопросы социального и территориального расслоения языка являются частью общей проблемы варьирования лингвистических систем и элементов, их составляющих. Данные типы варьирования возникают в языке под влиянием различных экстралингвистических факторов, к числу которых относятся: время, географическое пространство, социальное расслоение общества, коммуникативная сфера и цели коммуникации и т. д.

Функционально-коммуникативный подход к языку мотивирует исследователей концентрировать внимание, прежде всего, на таких единицах, которые выполняют непосредственную функцию общения, иными словами, таких единицах, которые несут в себе общественно осмысленную информацию. Центр тяжести в этих исследованиях переносится с элементов, входящих в смыслозаключенную языковую единицу, но не заключающих сами по себе информационного смысла, на единицы, в которых формируется коммуникативный смысл. Это вызвано тем, что язык как средство коммуникации представляет собой единую сис-

тему, единицы которой служат выражению различных форм и категорий мышления, однако ни слова, ни фонемы, ни отдельные грамматические формы языка не выступают в роли коммуникативных единиц. Минимальной единицей, интегрирующей в себе все языковые единицы, является речевой акт, в рамках которого осуществляется коммуникативный обмен, а не просто передача информации без соотносительности с адресатом.

Суммируя изложенное о различных теориях языковой вариативности, возможно рассматривать языковую **вариативность**, в отличие от вариативности, как *динамику*, процесс развития и изменения языка, а **вариантность** – как *результат вариативности* (динамических изменений в языке), находящий отражение в самой системе языка и проявляющийся в наличии определенных вариантов данного языка. Иными словами, вариативность всегда указывает на наличие способности к видоизменению – в речи это наиболее ярко проявляется в языковой экспрессии. В то же время вариантность уже зафиксирована в языке, она обладает потенциальной движущей силой, которая постоянно живет и вызывает те или иные языковые изменения.

#### Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз., 1957. – С. 192–252.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 604 с.
3. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст [Текст] / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
4. Бондарко, А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды [Текст] / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 13–23.
5. Виноградов, В. В. О формах слова [Текст] // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 33–50.
6. Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
7. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 264–384.

8. Москальская, О. И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка [Текст] / О. И. Москальская // Норма и социальная дифференциация языка. – М.: Наука, 1969. – С. 57–68.
9. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
10. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы [Текст] / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31–42.
11. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 338 с.
12. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 605 с.
13. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 372 с.
14. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
15. Шендельс, Е. И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Моск. гос. пед. ин-т. иностр. яз. им. М.Тореза / Е. И. Шендельс. – М., 1964. – 51 с.
16. Ярцева, В. Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка [Текст] / В. Н. Ярцева // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979. – С. 7–26.
17. Ярцева, В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект [Текст] / В. Н. Ярцева // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – С. 4–35.
- A. V. Bondarko // Voprosy jazykoznanija. – 1985. – № 1. – С. 13–23.
5. Vinogradov, V. V. O formah slova [Текст] // V. V. Vinogradov. Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike. – М.: Nauka, 1975. – С. 33–50.
6. Gulyga, E. V., Shendel's, E. I. Grammatikoleksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke [Текст] / E. V. Gulyga, E. I. Shendel's. – М.: Prosveshhenie, 1969. – 184 s.
7. El'msl'ev, L. Prolegomeny k teorii jazyka [Текст] / L. El'msl'ev // Novoe v lingvistike. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 264–384.
8. Moskal'skaja, O. I. Variantnost' i differenciacija v leksike literaturnogo nemeckogo jazyka [Текст] / O. I. Moskal'skaja // Norma i social'naja differenciacija jazyka. – М.: Nauka, 1969. – С. 57–68.
9. Smirn'ickij, A. I. Leksikologija anglijskogo jazyka [Текст] / A. I. Smirn'ickij. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
10. Solncev, V. M. Variativnost' kak obshhee svojstvo jazykovoj sistemy [Текст] / V. M. Solncev // Voprosy jazykoznanija. – 1984. – № 2. – С. 31–42.
11. Solncev, V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie [Текст] / V. M. Solncev. – М.: Nauka, 1977. – 338 s.
12. Sepir, Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Текст] / Je. Sepir; per. s angl. – М.: Progress, 1993. – 605 s.
13. Trubeckoj, N. S. Osnovy fonologii [Текст] / N. S. Trubeckoj. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 372 с.
14. Ufimceva, A. A. Slovo v leksiko-semantickej sisteme jazyka [Текст] / A. A. Ufimceva. – М.: Nauka, 1968. – 272 s.
15. Shendel's, E. I. Grammaticeskaja sinonimija (na baze morfologii glagola v sovremennom nemeckom jazyke) [Текст]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04 / Mosk. gos. ped. int. inostr. jaz. im. M.Toreza / E. I. Shendel's. – М., 1964. – 51 s.
16. Jarceva, V. N. Problema variativnosti na morfologičeskom urovne jazyka [Текст] / V. N. Jarceva // Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie. – М.: Nauka, 1979. – С. 7–26.
17. Jarceva, V. N. Problemy jazykovogo var'irovanija: istoričeskij aspekt [Текст] / V. N. Jarceva // Jazyki mira. Problemy jazykovoj variativnosti. – М.: Nauka, 1990. – С. 4–35.

#### **Bibliografičeskij spisok (in Russ)**

1. Ahmanova, O. S. Očerki po obshhej i ruskoj leksikologii [Текст] / O. S. Ahmanova. – М.: Uchpedgiz., 1957. – С. 192–252.
2. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvističeskich terminov [Текст] / O. S. Ahmanova. – М.: Sov. jenciklopedija, 1966. – 604 s.
3. Bondarko, A. V. Grammaticeskaja kategorija i kontekst [Текст] / A. V. Bondarko. – М.: Nauka, 1971. – 114 s.
4. Bondarko, A. V. Opyt lingvističeskoj interpretacii sootnošenija sistemy i sredy [Текст] /

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015  
Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015



Ю. В. Бутько

**Трансформированная паремия как однофразовый текст**

В статье рассматривается явление современной речевой коммуникации – трансформированная паремия через призму структуры и функций однофразового текста. Современные русскоязычные тексты нацелены на игру с получателями информации; они наполнены устойчивыми сочетаниями, паремиями, которые в процессе карнавализации языка трансформируются, приобретая новые элементы. Трансформированные устойчивые сочетания обладают способностью к разнообразным стилистическим трансформациям, зависят от ситуации и тезауруса адресата, автосемантически, могут опираться на видеоряд, имеют склонность к циклизации и адресованы самой массовой аудитории, таким образом, демонстрируют свойства однофразового текста.

**Ключевые слова:** карнавализация, текст, однофразовый текст, трансформированная паремия, устойчивое сочетание, языковая картина мира.

Yu. V. Butko

**Transformed proverb as a monophrase text**

The article deals with such a phenomenon of modern speech communication as transformed proverb in terms of structure and functions of monophrase text. Modern Russian-language texts aim at the game with the addressee; they contain a lot of collocations and proverbs which, in the course of language carnivalization, are transformed and acquire new elements. Transformed collocations are capable of various stylistic transformations, they depend on the situation and the addressee's thesaurus; they are autosemantic, can base on video sequence, tend to appear in cycles and are addressed to mass audience, thus showing the characteristics of a monophrase text.

**Key words:** carnivalization, text, monophrase text, transformed proverb, collocation, linguistic picture of the world.

Карнавализация языка средств массовой информации, интернета, языка повседневного бытового употребления стала привычной. Бюрократический стиль прошлого, «новояз», пародируется, личностное начало в речи возрастает, текстовое сопровождение рекламных клипов запоминается и активно включается в процесс любого речепроизводства [3, с. 3]. Многие современные русскоязычные тексты нацелены на игру с получателями информации: в результате игровых манипуляций с языком получатель информации вынужден разгадывать словесные загадки [5, с. 29]. В условиях моментального распространения информации через современные массмедиа, включая интернет, не признающий цензурных границ, смеховая культура (термин М. М. Бахтина) претендует на право приоритетности, языковой новизны [4, с. 7].

Тексты либерализовались, карнавализовались [3, с. 30]. В их составе остались старые штампы и клише, оценка которых изменилась, а также появились новые. К клише как извлекаемым из памяти применительно к предмету, явлению, си-

туации, единицам относятся, среди прочих, воспроизводимые сочетания, которые традиционно именуется пословицами, поговорками, афоризмами, крылатыми словами, фразеологизмами, цитатами, говорящими именами и т. п.

Следует отметить, что в современные европейские языки слово *текст* пришло из латыни. У латинского *textus* несколько значений: сплетение, строение, структура, ткань и, наконец, связь, связное изложение. Точно сформулировать определение текста довольно трудно в силу разнообразия его видов и подходов к толкованию понятия. Что такое текст – вечный вопрос лингвистики, наравне с вопросами *что такое слово* или *что такое предложение* [6, с. 478–480].

Одним из самых длинных текстов в мировой культуре можно считать памятник средневековой арабской литературы «Тысяча и одна ночь», а одним из самых лаконичных – восклицание Архимеда «Эврика!». Одни тексты выражают законченную мысль, другие нет. Текст может быть не только написан или произнесен, но и нарисован,

начерчен, станцован. Это тексты, существующие в других знаковых системах [Там же].

Осмысление понятия *текст* преодолело немало этапов. Во второй половине XX в. в гуманитарном познании мира и человека происходит смена парадигм, создаются новые модели исследования, объединяются различные научные направления, образуя новые. Феномен текста при этом получает новое широкое толкование. В постмодернизме распространяется понятие текстуализации мира и сознания. Это отражается и на понимании классической триады «язык-текст-культура», а текст как знаковое (языковое) образование становится ключевой фигурой не только в лингвистике, но и в теории культуры в целом. Произошел коренной пересмотр дихотомии «текст – реальность». Текст больше не отражает реальность, он сам творит реальность, он и есть сама реальность [9, с. 22]. В тесной связи с вышеизложенным находятся *гипертекст* – система, позволяющая распоряжаться набором информации так, чтобы к ней можно было получить доступ в любой последовательности [6, с. 483], и *интертекст* – основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам [12].

Особое место в многообразии видов текста занимает однофразовый текст. Любой человек вне зависимости от национальности, возраста, образования постоянно имеет с ним дело. Насчитывается порядка 70 видов однофразового текста: аннотация, афоризм, задача, заповедь, колыбельная, объявление, резолюция, справка, скороговорка, считалка и многие другие (подробнее см. [2]). Его ярким представителем является трансформированная паремия. Ей свойственны, в той или иной степени, многие признаки однофразового текста, которые мы рассмотрим вслед за Э. М. Береговской [2]. Термин «трансформированная паремия» (ТП) объединяет трансформы пословиц, крылатых фраз, паремиологические неологизмы. Они являются смысловыми антиподами традиционных паремий и служат отражению современной действительности в языковой картине мира [8, с. 571]. Трансформированные паремии как определенная разновидность паремиологического жанра принадлежат к особой области народного творчества, к речевой субкультуре, базирующейся в основном на бытовом коммуникативном взаимодействии языковых личностей. Готовые формулы, расхожие цитаты,

порожденные различными текстами и коммуникативными ситуациями, и формируют речевую субкультуру [там же].

Какие черты однофразового текста свойственны ТП и отличают их от текстов другого типа? Кроме **(1) монофрастичности**, это **(2) способность к разнообразным стилистическим трансформациям**. ТП становится заголовком газетной статьи, пьесы или романа, входит в рекламу, превращается в надпись на чашке или других предметах, вписывается в юридическую ситуацию как элемент карнавальная смеховой культуры (по М. М. Бахтину [1]).

– *Кандидатская защита.*

– *Недооценка ценностей.*

– *Ежик в фарфоре.* (Заголовки, [7]).

**(3) Большая, чем в других видах текста зависимость от ситуации и тезауруса адресата:** если адресат не знаком с прототипом измененной паремии, она может не достичь искомой цели, останется непонятой. Эффект узнавания любой ТП – необходимое условие ее популярности и функционирования.

– *Культура, как бутерброд, падает вниз ... интеллигенцией* [11] (Ср.: Бутерброд всегда падает маслом вниз).

– *Не зная броду, не вытацишь и рыбку из пруда* [11] (Контаминация пословиц *Не зная броду – не суйся в воду* и *Без труда не вытацишь и рыбку из пруда*).

– *Точность – вежливость снайперов* [8] (Ср.: Точность – вежливость королей).

– *Кузькина мать зовет!* [11]. (Контаминация устойчивых сочетаний *Кузькина мать* и *Родина-мать зовет!*).

**(4) Преобладание автосемантии** (автосемантический – имеющий отдельный, самостоятельный смысл, отражающий действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах [10, с. 160]).

Среди ТП, как и в других видах однофразового текста, доминируют автосемантические, самодостаточные:

– *Красна изба не кутежами, а своевременными платежами* [11].

– *Минздрав предупреждает: бесплатная медицина вредна, платная – кусается* [11].

– *Если народу все по барабану, то государству – труба* [11].

**(5) Способность черпать часть смысла в видеоряде:** это может относиться к подписи под карикатурой, рекламе, плакату, надписи на майке, на почтовой открытке:

– *Водитель, помни! Тише едешь...никому не должен!* (Почтовая открытка, Калуга: «Арт-дизайн», 2002). – *Крокодил, крокодю и буду крокодить!* (Надпись на майке, сеть магазинов «Экспедиция»).

**(6) Склонность к циклизации:** во-первых, наличие ТП на определенную тему (деньги, здоровье, мужчины, женщины и т. п.):

– *Не ценишь здоровье – узнаешь цену лекарств.*

– *Не жалуйтесь на здоровье: оно может обидеться и уйти.*

– *Здоровье не купить, им можно только расплатиться* [11];

во-вторых, целые серии трансформаций одной и той же поговорки:

– *Любишь кататься – люби и катайся!*

– *Любишь кататься – люби и самочек возить!*

– *Любишь кататься – так и катись к чертовой матери!*

– *Любишь кататься – имей сто рублей!* (Ср.: *Любишь кататься – люби и саночки возить*) [11].

**(7) Возможность сведения смысла к «фантомному»:** в первую очередь здесь стоит назвать моделирующие тексты типа «Глокой куздры». Фантомным, фиктивным является смысл и в тех видах людического однофразового текста, где все синтаксические позиции заполнены настоящими, а не искусственными словами, но смысл отдельных слов, как и смысл всей фразы, совершенно не важен. Важно только соблюдение правил, по которым строится текст, а не его лексическое наполнение [2, с. 6]. Это возможно и в ТП:

– *Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах* [11].

– *Лысый пешему не конный.* Здесь наблюдается искусственное смешение ради смешения [4, с. 13]).

– *Мужчина без жены – как рыба без велосипеда* [11]. Нарушена семантическая сочетаемость слов.

– *Казалось, что хотелось, но оказалось, хотелось, потому что казалось* [11].

**Адресованность самой массовой аудитории (8):** ТП фиксируют широкий круг субъективно интерпретируемых (не научных) представлений социума о мире, часто отражают универсальность общечеловеческого жизненного опыта [8, с. 571]. Они априори принадлежат к народной смеховой культуре, которая издавна помогала простым людям преодолевать невзгоды и смотреть на жизнь сквозь призму здорового

юмора, едкой иронии или сатиры. Однофразовый текст – это элемент культуры, который сопровождает нас в самом широком кругу ситуаций. Он может представлять самую рафинированную культуру. Но гораздо чаще, как и в случае с трансформированными паремиями, он представляет культуру массовую. Являя собой специфическую форму бытования каждого национально-языкового общества, он отражает жизнь общества самым наглядным, самым непосредственным образом.

### Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Бахтин, М. М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – С. 484–495. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
3. Береговская, Э. М. Культура однофразового текста [Текст] / Э. М. Береговская // Третьи Поливановские чтения «Актуальные вопросы языкознания в историческом и современном освещении»: Сборник научных работ по материалам конференции 26–27 марта 1996. Часть II. – Смоленск, 1996. – С. 3–9.
4. Бурвицова, Н. Д., Костомаров, В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах [Текст] / Н. Д. Бурвицова, В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 69 с.
5. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : ИД «Нева», 2005. – 576 с.
6. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы в современной живой русской речи [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Антипословицы русского народа. – СПб. : ИД «Нева», 2005. – С. 3–17.
7. Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества [Текст] / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. 1996. – № 3. – С. 23–31.
8. Иванова, Е. Что такое текст? [Текст] / Е. Иванова // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. – 3-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. М. Д. Аксенова. – М. : Аванта+, 2001. – С. 478–485.

9. Итоги: [Текст] / еженед. журн. / ЗАО «Издательство Семь Дней». № 11 от 27.03.2012. – М., 2012.

10. Мелерович, А. М. О способах репрезентации национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» [Текст] / А. М. Мелерович // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : Элпис, 2006. – С. 570–576.

11. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале философских парадигм [Текст] / Н. М. Нестерова. М. : Флинта ; Наука, 2006. – 254 с.

12. Руднев, В. Словарь культуры XX века [Текст] / В. Руднев. – СПб. : ИД «Нева», 2003.

#### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Tekst] / O. S. Ahmanova. – 3-e izd., stereotip. – M. : KomKniga, 2005. – 576 s.

2. Bahtin, M. M. Rable i Gogol' (Iskusstvo slova i narodnaja smehovaja kul'tura) [Tekst] / M. M. Bahtin // Jestetika slovesnogo tvorchestva / sost. S. G. Bocharov ; tekst podgot. G. S. Bernshitejn i L. V. Derjugina ; primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. – M. : Iskusstvo, 1979. – S. 484–495. – (Iz istorii sov. jestetiki i teorii iskusstva).

3. Beregovskaja, Je. M. Kul'tura odnofrazovogo teksta [Tekst] / Je. M. Beregovskaja // Tret'i Polivanovskie chtenija «Aktual'nye voprosy jazykoznanija v istoricheskom i sovremennom osveshhenii»: Sbornik nauchnyh rabot po materialam konferencii 26–27 marta 1996. Chast' II. – Smolensk, 1996. – S. 3–9.

4. Burvikova, N. D., Kostomarov, V. G. Zhizn' v mimoletnyh melochah [Tekst] / N. D. Burvikova, V. G. Kostomarov. – SPb. : Zlatoust, 2006. – 69 s.

5. Val'ter H., Mokienko V. M. Antiposlovicy russkogo naroda [Tekst] / H. Val'ter, V. M. Mokienko. – SPb. : ID «Neva», 2005. – 576 s.

6. Val'ter, H., Mokienko, V. M. Antiposlovicy v sovremennoj zhivoj russkoj rechi [Tekst] / H. Val'ter, V. M. Mokienko // Antiposlovicy russkogo naroda. – SPb. : ID «Neva», 2005. – S. 3–17.

7. Zemskaja, E. A. Klishe novojaza i citacija v jazyke postsovetskogo obshhestva [Tekst] / E. A. Zemskaja // Voprosy jazykoznanija. 1996. – № 3. – S. 23–31.

8. Ivanova, E. Chto takoe tekst? [Tekst] / E. Ivanova // Jenciklopedija dlja detej. T. 10. Jazykoznanie. Russkij jazyk. – 3-e izd., pererab. i dop. / Gl. red. M. D. Aksenova. – M. : Avanta+, 2001. – S. 478–485.

9. Итоги: [Текст] / еженед. журн. / ЗАО «Издательство Семь Дней». № 11 от 27.03.2012. – М., 2012.

10. Мелерович А. М. О способах репрезентации национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» [Текст] / А. М. Мелерович // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 570–576.

11. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале философских парадигм [Текст] / Н. М. Нестерова. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 254 с.

12. Руднев, В. Словарь культуры XX века [Текст] / В. Руднев. – СПб. : ИД «Нева», 2003.

*Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

**В. В. Кузнецов**

### **Некоторые особенности терминосистемы субъязыка компьютерной обработки и создания музыки**

Целью статьи является описание термина, терминосистемы и терминологии субъязыка компьютерной обработки и создания музыки, а также рассмотрение их некоторых отличительных особенностей. Несмотря на наличие исследований в области как музыкальной, так и компьютерной терминологии, материал субъязыка компьютерной обработки и создания музыки остается по большей части неизученным, что объясняет выбор темы данной статьи и ее специфику. Теоретической основой послужили работы отечественных языковедов и зарубежных лингвистов, материалом для иллюстрации содержания статьи – термины субъязыка компьютерной обработки и создания музыки из словарей, интернет-энциклопедий, музыкальных форумов и журнальных статей. Статья может быть полезна в курсах по терминологии.

**Ключевые слова:** компьютерная музыка, субъязык компьютерной обработки и создания музыки, термин, общая терминология, специальная терминология, терминосистема, полисемия, омонимия.

**V. V. Kuznetsov**

### **Term system of sublanguage for computer processing and creating music**

The article aims at describing the term, term system and terminology of sublanguage for computer processing and creating music, as well as considering some of its features. Despite the fact that there are certain researches in the fields of both music and computer terminology, the material of the abovementioned sublanguage hasn't still been investigated properly; hence the choice of topic for this article and its specifics. The material for the article is terms of the sublanguage taken from dictionaries, internet encyclopedias, music forums and magazine articles. This article may prove useful in courses on terminology.

**Key words:** computer music, sublanguage for computer processing and creating music, term, general terminology, specialist terminology, term system, polysemy, homonymy.

Тема настоящей статьи – коммуникативная. В условиях активной глобализации и стремительного развития компьютерных и музыкальных технологий как никогда актуальна проблема распространения информации между представителями мирового музыкального сообщества. Эффективное обучение технологиям и обмен опытом подразумевает владение специальной лексикой, неотъемлемой частью которой являются термины и терминология.

Терминология подъязыка компьютерной обработки и создания музыки представляется перспективным направлением для исследования. Существует немало научных работ, посвященных как компьютерной, так и музыкальной терминологии, но нам не удалось обнаружить языковых исследований на стыке этих двух сфер деятельности. Актуальность работы подкрепляется тем, что создание музыки на компьютере становится все доступнее для обычных людей, а взаимодействие со специальной терминологией

является неотъемлемой составляющей этой деятельности.

Не претендуя на полноту освещения проблемы, в данной статье мы ставим своей целью уточнить природу терминов, терминологии и терминосистемы одного из профессиональных субъязыков – субъязыка компьютерной обработки и создания музыки, сравнить и оценить их некоторые структурные, семантические, социолингвистические особенности.

Сначала необходимо дать определение ряду понятий: компьютерная музыка, субъязык компьютерной обработки и создания музыки, термин, терминология и терминосистема субъязыка компьютерной обработки и создания музыки.

#### **Компьютерная музыка**

Д. Кейслар предлагает различать два основных определения компьютерной музыки: (1) музыкальный жанр или категория, аналогичная симфонической, джазовой или иной другой, в

которой компьютер является частью процесса композиции, выступления или иной звуковой реализации; и (2) техническая дисциплина, аналогичная компьютерной графике, которая включает в себя множество аспектов использования компьютера, применимых к музыке.

Стоит оговориться, что для нас в рамках данной статьи важно второе значение, так как в контексте компьютерной музыки здесь и далее мы рассматриваем именно компьютерную обработку и создание музыкальных произведений с нуля. Однако, как отмечает Д. Кейслар, даже такой узкий пласт на деле оказывается шире, чем можно того ожидать [8, с. 11–12].

### **Субъязык компьютерной обработки и создания музыки**

В данной статье субъязык интересует нас как часть системы, включающей в себя термины, терминологию и терминосистему, поэтому здесь мы ограничимся лишь определением понятия. Присоединяясь к определению субъязыка, предложенному В. П. Коровушкиным, под субъязыком компьютерной обработки и создания музыки мы понимаем исторически сложившуюся, относительно устойчивую для данного периода автономную экзистенциальную форму национального языка, обладающую своей системой взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющую собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, специфических лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение компьютерных музыкантов, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий [3, с. 206].

### **Термин субъязыка компьютерной обработки и создания музыки**

Понятие «термин» в широком смысле слова исследователи трактуют по-разному. Согласно теории Д. С. Лотте, термин – это лишенное многозначности, краткое специальное слово в лексическом составе языка [7, с. 18–36, 72–79].

Г. О. Винокур предлагал считать термины любыми словами в особой функции [1, с. 5]. Исходя из этого, определения делятся на две группы. Наше определение термина относится ко второй группе.

Термин субъязыка компьютерной обработки и создания музыки – это стандартная лексическая

или синтаксическая номинативная единица с нейтральной коннотацией, обозначающая общее-музыкальное, компьютерное или музыкально-специальное техническое понятие и функционально закрепленная за профессионально-корпоративной областью музыкального творчества конкретного общества и соответствующей музыкальной сферой функционирования национального языка в музыкальном социуме.

### **Терминосистема субъязыка компьютерной обработки и создания музыки**

Терминосистема субъязыка компьютерной обработки и создания музыки представляет собой совокупность технических компьютерно-музыкальных терминов литературного языка. В рамках данного субъязыка терминосистема противопоставлена другому его компоненту – компьютерно-музыкальному жаргону.

### **Терминология субъязыка компьютерной обработки и создания музыки**

Наряду с субстандартной лексикой компьютерно-музыкальная терминология является одним из компонентов лексической системы субъязыка компьютерной обработки и создания музыки и составляет ядро языка профессиональной коммуникации.

Терминология субъязыка компьютерной обработки и создания музыки языка может быть дифференцирована на общую и специальную компьютерно-музыкальную терминологию.

*Общая компьютерно-музыкальная терминология* – это совокупность компьютерно-музыкальных терминов, понятийно и функционально закрепленных за профессионально-корпоративной областью музыкального бизнеса, общей для всей сферы создания и обработки музыки на компьютере и всех категорий компьютерных музыкантов.

Ср.: MIDI – musical Instrument Digital Interface. Standardised in 1983, MIDI is a protocol agreed on and adhered to ever since by electronic instrument manufacturers and software developers that enables their devices to talk to each other [13]; цифровой интерфейс для электронных музыкальных инструментов. Международный стандарт, принятый в 1982 г. и регламентирующий обмен информацией между цифровыми и музыкальными инструментами, компьютерными программами и другими аудио- и видеоустройствами [9].

*Специальная компьютерно-музыкальная терминология* – это совокупность компьютерно-музыкальных терминов, понятийно и функционально закрепленных за определенной профессионально-корпоративной областью создания музыки, специфичной для одного или, реже, нескольких тесно связанных компонентов сферы создания музыки и соответствующей определенной части компьютерных музыкантов.

Ср.: Chip tune – a module that is made to sound like an early computer music synthesiser, usually sounding like the Commodore 64 (SID), or Game Boy sound chips. [14]; чиптюн – музыкальные произведения, которые создаются в реальном времени при помощи аудиочипа (англ. SID, sound interface device) компьютера или игровой приставки – в основном используются устройствами первых поколений [12].

Специалисты-терминологи отмечают, что, вопреки требованиям к терминам, выдвинутым Лотте и дополненным его последователями, ситуация расхождения с предложенными критериями наблюдается во многих профессиональных терминологиях.

Так, Гринев указывает на то, что в настоящее время в специальной лексике развитых языков наблюдается ее несоответствие практическим запросам профессионалов и современному уровню развития науки. Это происходит из-за таких негативных явлений, как «совпадение форм различных терминов, различное толкование терминов представителями разных научных школ и направлений, синонимия (достигающая в некоторых областях 50 % от общего числа терминов), произвольная вариантность форм одних и тех же терминов, нечеткое определение многих понятий, необоснованное введение иноязычных терминов, распространение немотивированных и ложномотивирующих терминов, отсутствие научно обоснованных общих принципов образования терминов и конкретных оптимальных моделей образования терминов подавляющего большинства областей знания» [2, с. 5–6].

Два основных печатных словаря, наиболее полно отражающих русскую компьютерно-музыкальную терминологию – «Музыкально-компьютерный словарь» А. Королева и «Словарь компьютерно-музыкальных терминов» В. Л. Шилова и А. А. Шарова, были выпущены в 2003 г. Для стремительно развивающегося субъязыка 12 лет – это ощутимый срок.

В прошлом десятилетии понятие «мультимедийный компьютер» особо выделялось в журна-

лах, рекламе и учебных пособиях. Так, Э. П. Ланина в своей работе 2001 г. «История развития вычислительной техники» дает подробное объяснение тому, что такое «мультимедиа компьютер» [4]. В настоящее время практически любой современный персональный компьютер является мультимедийным, то есть способным воспроизводить аудио- и видеосодержимое, а также предоставлять доступ к ресурсам интернета, поэтому нет нужды в уточнении.

Таким образом, при анализе терминологии необходимо опираться не только на печатные источники, но и на интернет-словари и энциклопедии, созданные по «вики-технологии», которая позволяет авторам быстро и эффективно публиковать все изменения и нововведения в специальной терминологии. Производители аудиотехники и программного обеспечения, такие как Roland или HP, даже публикуют списки терминов, чтобы помочь клиентам ориентироваться в выборе товара, встречаются глоссарии и на сайтах учебных центров.

Одним из свойств терминологии компьютерной обработки и создания музыки является многозначность: (1) driver – компьютерный драйвер; (2) driver – головка динамическая громкоговорителя. (1) Filter – входной фильтр MIDI-сообщений; (2) filter – устройство или программа, которая служит для удаления определенных звуковых частот из сигнала.

Случаи омонимии: в результате транскрибирования двух английских терминов beat и bit в русском подъязыке компьютерной обработки и создания музыки появились два омонимичных термина: (1) бит – от англ. beat – один удар бочки [10]; (2) бит – от англ. bit – двоичная единица, в теории информации – единица количества информации. Бит в вычислительной технике – двоичная цифра, двоичный разряд. Число бит памяти ЭВМ определяет максимальное количество двоичных цифр, вмещаемых ею; число бит данных есть количество двоичных разрядов, в которых они записаны [11].

Таким образом, изучив отдельные лексические единицы с точки зрения полисемии (то есть наличия нескольких значений у терминов) и омонимии (то есть появления терминов, отличных друг от друга, но совпадающих в плане написания), можно констатировать, что они пришли в субъязык компьютерной обработки и создания музыки из двух разных областей – музыкальной и компьютерной соответственно.

У русскоговорящих начинающих музыкантов, в отличие от англоговорящих, термины субъязыка компьютерной обработки и создания музыки могут вызывать трудности, так как *большая* часть их транскрибируется или транслитерируется при заимствовании, теряя свою мотивированность: луп семпл, патч, пресет. Тем не менее, такие интернационализмы прижились в среде современных российских музыкантов-профессионалов.

Д. С. Лотте выделил следующие экстралингвистические причины заимствований слов: «(1) Культурное влияние одного народа на другой. (2) Наличие устных и письменных контактов. (3) Повышение интереса к изучению того или иного языка. (4) Авторитетность языка-источника. (5) Исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны. (6) Условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово» [6, с. 112].

В рамках данной статьи наиболее актуальными представляются пункты 1, 2 и 3. Опытные музыканты, звукорежиссеры и авторы тематических информационных ресурсов, таких как «WikiSound.org», настоятельно не рекомендуют начинающим устанавливать программные продукты, русифицированные третьей стороной. Объясняют они это в частности и тем, что в учебной литературе термины и понятия не переводятся на русский язык по причине отсутствия официальных переводов иностранных программных продуктов. Передать названия параметров часто можно разными способами, и русские аналоги в таких текстах, как правило, употребляются только для относительно устоявшихся терминов, вроде «осциллятор» (англ. «oscillator»). Пример: «Этот осциллятор генерирует синусоидальный сигнал, источник модуляции, в звуковом диапазоне» [15].

Для любого развивающегося языка, такого как субъязык компьютерной обработки и создания музыки, характерным является постоянный процесс формирования системы понятий. Терминология в таком случае представляет собой множество взаимосвязанных терминологических полей, возникающих вокруг базовых понятий компьютерной музыки, таких как «DAW» – цифровая звуковая рабочая станция, «система, разработанная для записи, редактирования и воспроизведения цифровых аудиофайлов» [15].

Таким образом, в данной статье были сформулированы основные понятия, связанные с терминосистемой субъязыка компьютерной обра-

ботки и создания музыки, раскрыты их некоторые особенности. Субъязык компьютерно-музыкальных технологий, зародившихся в середине XX в., на сегодняшний день является одним из наиболее динамично развивающихся пластов специальной лексики. Терминологию субъязыка компьютерной обработки и создания музыки характеризует стилистическая нейтральность, преобладание интернационализмов, сохранение исходного написания, многозначность, предметная направленность терминов. Некоторые термины теряют актуальность, и их сменяют другие, постоянно возникают новые. Адекватный перевод терминов на русский язык, их систематизация и подробное описание представляются важными задачами в рамках современного терминоведения.

Перспективы применения результатов и материалов статьи заключаются в возможности использования их в лекционных курсах по терминологии и лексикологии, при составлении толковых и переводных словарей, при разработке учебных пособий по созданию и обработке музыки на компьютере, в переводческой деятельности, связанной с локализацией программных продуктов, справочников и учебных пособий.

### Библиографический список

1. Винокур, Г. О. О некоторых явления словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г. О. Винокур // История отечественного терминоведения: классики терминоведения. – М., 1994.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
3. Коровушкин, В. П. Теоретические основы Контрастивной социолексикологии [Текст] : монография / В. П. Коровушкин. – Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2009. – 246 с.
4. Королев, А. Музыкально-компьютерный словарь [Текст] / А. Королев. – СПб. : Композитор, 2000.
5. Ланина, Э. П. История развития вычислительной техники [Текст] / Э. П. Ланина. – Иркутск : ИрГТУ, 2001. – 166 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
7. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и



терминоэлементов [Текст] / Отв. ред.: Т. Л. Канделаки, С. В. Гринев; Академия наук СССР. Комитет научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1982.

8. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики [Текст] / Отв. ред.: И. И. Артоболевский; Академия наук СССР. Комитет технической терминологии. – М.: АН СССР, 1961.

9. Словарь DJ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jm.kiev.ua/articles/dictionary>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

10. Словарь масс медиа терминов и понятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovarmedia.ru/a/spiski3/termin163.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

11. Уваров Я. Б. Чиптун — что это такое, и с чем его едят. Часть первая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/81346/>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

12. Keislar, D. A Historical View of Computer Music Technology in The Oxford Handbook of Computer Music by Roger T. Dean, Editor Oxford University Press, USA, 2009 – 611 s.

13. The A to Z of computer music [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.musicradar.com/tuition/tech/the-a-to-z-of-computer-music-m-part-two-594101>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

14. Trackers Handbook Glossary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://resources.openmpt.org/tracker\\_handbook/page/Glossary.htm](http://resources.openmpt.org/tracker_handbook/page/Glossary.htm). – (Дата обращения: 20.11.2015).

15. Wikisound.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wikisound.org/>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Vinokur, G. O. O nekotoryh javlenija slovoobrazovanija v russkoj tehničeskoj terminologii [Текст] / G. O. Vinokur // Istorija otechestvennogo terminovedenija: klassiki terminovedenija. – М., 1994.

2. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie [Текст] : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / S. V. Grinev-Grinevich. М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. – 304 s.

3. Korovushkin, V. P. Teoreticheskie osnovy Kontrastivnoj socioleksikologii [Текст] :

monografija / V. P. Korovushkin. – Cherepovec : GOU VPO ChGU, 2009. – 246 s.

4. Korolev, A. Muzykal'no-komp'juternyj slovar' [Текст] / A. Korolev. – Spb.: Kompozitor, 2000.

5. Lanina, Je. P. Istorija razvitija vychislitel'noj tehniki [Текст] / Je. P. Lanina. – Irkutsk : IrGTU, 2001. – 166 s.

6. Lejchik, V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Текст] / V. M. Lejchik. 4-e izd. – М.: Librokom, 2009. 256 s.

7. Lotte, D. S. Voprosy zaimstvovanija i uporjadochenija inozazychnyh terminov i terminojelementov [Текст] / Отв. ред.: Т. Л. Канделаки, С. В. Гринев; Академия наук СССР. Комитет научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1982.

8. Lotte, D. S. Osnovy postroenija nauchno-tehničeskoj terminologii: Voprosy teorii i metodiki [Текст] / Отв. ред.: И. И. Артоболевский; Академия наук СССР. Комитет технической терминологии. – М.: АН СССР, 1961.

9. Slovar' DJ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jm.kiev.ua/articles/dictionary>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

10. Slovar' mass media terminov i ponjatij [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovarmedia.ru/a/spiski3/termin163.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

11. Uvarov Ja. B.. Chiptjun — что это такое, и с чем его едят. Часть первая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/81346/>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

12. Keislar, D. A Historical View of Computer Music Technology in The Oxford Handbook of Computer Music by Roger T. Dean, Editor Oxford University Press, USA, 2009 – 611 s.

13. The A to Z of computer music [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.musicradar.com/tuition/tech/the-a-to-z-of-computer-music-m-part-two-594101>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

14. Trackers Handbook Glossary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://resources.openmpt.org/tracker\\_handbook/page/Glossary.htm](http://resources.openmpt.org/tracker_handbook/page/Glossary.htm). – (Дата обращения: 20.11.2015).

15. Wikisound.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wikisound.org/>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

*Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Н. Ю. Лукина

**«Предмет» как результат процесса восприятия и функциональная система качеств**

Автор анализирует понятие «предмет» как основу для существования категорий предметности и субстанциональности, которые, в свою очередь, связаны с выделением существительного как части речи. Категория «предмет» рассматривается автором в широком философском и психологическом аспектах как результат процесса восприятия и функциональная система качеств. Автор рассматривает этапы формирования понятия «предмет», особо подчеркивая функциональную связь между его качествами.

**Ключевые слова:** теория частей речи, существительное, предмет, предметность, понятийная картина мира, референт, денотат, функциональная система, функциональная связь.

N. Yu. Lukina

**“Subject” as a result of perception and functional quality system**

The author analyses the notion “subject” as the basis for the categories of objectness and substantiality which, in their turn, are connected with defining noun as a part of speech. The category “subject” is considered in broad philosophical and psychological aspects as a result of the process of perception and as a functional quality system. The author looks at the stages in forming the notion “subject” paying special attention to the functional relations between its qualities.

**Key words:** parts of speech theory, noun, subject, objectness, conceptual worldview, referent, denotatum, functional system, functional relationship.

Неоспоримым фактом является то, что у каждого человека имеется постоянно обновляющийся опыт познания окружающего мира, реализующийся в форме понятий. Понятия отражают наши знания как об отдельных предметах, так и о классах предметов. Отражение конкретных вещей приводит к формированию понятия «референт». Процессы абстрагирования и обобщения, свойственные нашему мышлению, способствуют появлению понятия «денотат». Данные понятия о предметах формируются как в процессе отражения самих вещей, так и под воздействием языка.

Предметы реального мира формируют представление о предмете как о некоей материальной субстанции. Однако любой дошкольник сочтет вполне равнозначными фразы типа *Мама пришла* и *Любовь пришла*, *Бабушка ушла* и *Боль ушла*. Это наводит на мысль о том, что понятие «предмет» в сознании человека связано не только с его материальностью (субстанциональностью). То, что понятия *любовь* и *боль* воспринимаются как «предметы», не вызывает ни у кого сомнения. В связи с этим интересным представляется исследовать такой феномен, как понятие «предметность», сформированное в понятийной картине

мира, и его соотносительность с реальным миром и миром языка, где предмет выражается грамматической категорией имени существительного. Понятие «предметность» (категория предметности) важно для человеческого сознания на всех стадиях его развития. Каждый этап формирования понятий «предмет» и «предметность» соответствует определенному уровню развития мышления и соотносительному с ним этапу усвоения языка. На различных уровнях понимания предметности обнаруживаются свои особенности, различный диапазон охвата предметов, появление различных категорий, отражающих межпредметные связи, что находит соответствующее выражение и в языке. Формирование понятия «предметность» сопровождается появлением категории пространственности, связанной с восприятием предметов близких и удаленных, видимых и невидимых, обозначения мест со всем, что находится в них, категории пространственного перемещения и покоя, категории воздействия на другие предметы, орудийности, активных и пассивных предметов, категории качества, формы и первичного счета.

Формирование понятия «предмет» начинается у человека в самом раннем детстве. Мир вокруг

нас наполнен вещами. Процесс формирования понятий об окружающих нас вещах является результатом нашей способности к восприятию, то есть отражению вещей в некоторой совокупности их черт и признаков. Восприятие, в свою очередь, становится возможным только на определенной стадии формирования органов чувств и благодаря их координированному взаимодействию (см. [7, с. 470]). При этом наши понятия о вещах верны настолько, насколько правильно и глубоко мы можем осмыслить данные о них, поставляемые нашими органами слуха, зрения, обоняния, осязания.

Существенным для формирования понятий о вещах является то, что признаки и свойства вещей воспринимаются нами не только в результате отражения самих вещей, но и отношений между вещами, в том числе, пространственно-временных и причинно-следственных связей в окружающем мире, ср.: «Различаю ли я один предмет от другого, какое-нибудь качество в предмете; узнаю ли предмет, как уже виденный ранее; нахожу ли в нем перемену против прежнего; вижу ли один предмет в покое, а другой в движении, один справа, другой слева и т. д., – все это сложные впечатления, равнозначные мысли...» [4, с. 344–345].

Важным этапом в процессе формирования понятия «предмет» является обособленное восприятие предмета в пространстве, выделение отдельного предмета из множества других. То, что понятие «предмет» появляется у человека в самом раннем детстве, доказывается в числе прочего исследованиями речевых произведений маленьких детей. Формирование этого понятия происходит в процессе отражения физических предметов окружающего мира и в результате выделения признаков, существенных для каждого из предметов реального мира. Поэтому первоначально возникающие у человека понятия связаны с конкретными материальными предметами. Первым умением на пути формирования понятия «предмет» известный русский физиолог И. М. Сеченов называет способность человека обособлять предметы в пространстве, в результате которой первоначально в сознании ребенка *предметом* является все то, что имеет границу: люди вокруг него, игрушки, предметы обстановки, песчинка, солнце и т. д. Для чувства, по мнению И. М. Сеченова, замкнутая в себе граница является единственным критерием обособленности предмета (ср. [4, с. 347]). Ребенок выделяет предмет из всего остального мира и отражает его

в своем сознании. Выделимость связана с такой характеристикой вещи, как отдельность, и предполагает существование неких признаков, с помощью которых вещь выделяется из всего остального мира. Индивидуальность вещи, складывающаяся из ее признаков, служит некоей границей, отделяющей одну вещь от другой. Индивидуальность предполагает возможность устанавливать тождественность вещей и их различие (см. [8, с. 7]).

Каждый отдельный предмет в реальном мире существует как **функциональная система**, между элементами которой (качествами), существует **функциональная связь**.

Отдельная вещь материальна, а материя представляет собой бесчисленное многообразие различных качеств (см. [8, с. 19]). Согласно Аристотелю, существующими независимо являются отдельные вещи – субстанции. Отдельные вещи обладают присущими им качествами. Если следовать аристотелевской логике, то примерами отдельных вещей или субстанций можно считать *Эйфелеву башню, соседскую собаку и этот карандаш*, так как все они существуют независимо. В то же время свойства, согласно аристотелевской логике, не могут существовать вне вещей, ср.: «В то же время высота Эйфелевой башни, черный окрас собаки и шестигранное сечение карандаша являются свойствами, которые не существуют независимо от башни, собаки и карандаша. Субстанции обладают свойствами, и свойства существуют как свойства субстанции. Помимо субстанций свойства не имеют какого-либо независимого существования» [5, с. 119].

Такие характеристики, как высота, форма, цвет, мы относим к качествам вещи, а под свойствами понимаем состояние и действие. Под качеством мы понимаем то, что неотъемлемо от вещи: изменение присущего вещи качества может привести к изменению самой вещи; свойство, в отличие от качества, связано с отношением вещи к другим вещам и процессам природы. Ср.: «Свойства в их отношении к вещам можно разбить на две группы. Свойства одной группы *являются границей* данной вещи, то есть с исчезновением этого свойства данная вещь превращается в другую. Такие свойства назовем *качествами вещи*. Иными словами, качество это *существенное свойство*. Свойства другой группы не являются границами данной вещи. Их будем называть просто *свойствами*» [8, с. 39].

В системе, состоящей из десяти категорий знания и познания, предложенных Аристотелем

и оставшихся неизменными вплоть до появления категорий И. Канта, одна категория – категория субстанции – противопоставлялась остальным девяти (акциденциям). Под категорию субстанции, согласно Аристотелю, подпадают все понятийные образования, задача которых состоит в обозначении сущего, то есть того, что может существовать само по себе и быть носителем несамостоятельных свойств. Акциденции, к которым Аристотель относит и атрибуты, напротив, лишены свойств и связаны с субстанцией как с их носителем, как с их онтологическим субстратом (см. [2, с. 2: 55], ср. также [10, с. 212–213]). Б. Спиноза, подобно Аристотелю, считает атрибутом все то, «... что ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность» [6, с. 367]. А. И. Уемов рассматривает вещь как систему качеств. Изменение качеств в процессе развития или под воздействием внешних факторов может способствовать превращению одной вещи в другую, независимо от сохранения или изменения присущих ей пространственных характеристик. Так, лед превращается в другую вещь – воду, вода превращается в пар. Радий при радиоактивном распаде превращается в радон, нейтрон – в протон и т. д. Одна вещь – гусеница – превращается в другую вещь – куколку, куколка – в бабочку.

Сущность качественного понимания вещи А. И. Уемов выражает в следующих определениях: «Вещь – это система качеств. Различные вещи – это различные системы качеств. Одна и та же вещь – это одна и та же система качеств» [8, с. 21].

Функциональная связь между качествами способствует сохранению целостности вещи. При потере одного из качеств нарушается целостность вещи, и она прекращает свое существование, при этом имеются в виду те качества, которые обеспечивают существование вещи, то есть существенные. Например, словом *мужчина* мы обозначаем человека, взрослого, мужского пола. Отсутствие одного из признаков, например, признака пола, не позволяет нам по двум оставшимся («человек» и «взрослый») идентифицировать данный предмет как мужчину. Признаки «человек», «мужского пола» при отсутствии указания на возраст позволяют нам предположить, что это либо *мальчик*, либо *мужчина*. Отсутствие родового признака «человек» при наличии двух других («возраст» и «пол») позволяют нам думать, что это *животное*. Такие признаки, как «больной», «сильный», «смелый», «веселый», «свирепый», не нарушают целостности вещи, их отсутствие не приведет к исчезно-

ванию вещи. Таким образом, мы видим, что не все признаки одинаково важны как для понимания сущности вещи, так и для выделения вещи как отдельного предмета из числа других предметов. Функциональная связь между качествами обеспечивает функциональную целостность вещи, а, следовательно, вещь представляет собой функциональную систему качеств (или признаков).

Образ предмета в сознании человека представлен в виде локальной системы признаков. Предметы реального мира, окружающие ребенка, находятся в определенном ограниченном пространстве, например, в комнате. Все собранные здесь вещи создают единый интерьер и, таким образом, объединены локальной связью. На основе локальной связи все вещи в комнате объединяются в локальную систему. Объектами познания для ребенка данные предметы оказываются случайно: если бы ребенок оказался в другой комнате или в любом другом месте, набор объектов познания мог бы быть совершенно иным. Если предметы представить в виде пересекающихся друг с другом геометрических фигур, с тем чтобы подчеркнуть «отдельность» каждой вещи при восприятии и выделить ее пространственные границы, охватывающие все то, что мы воспринимаем как относящееся к данной вещи, то восприятие упрощенно будет происходить в виде процесса последовательного отражения отдельных вещей.

Как выделять вещь, так и познавать ее можно с помощью чувств, причем «...наибольшее значение для человека имеет зрение при познании отдаленных предметов и осязание при изучении близких» [8, с. 8–9]. Ребенок отражает предмет, оказавшийся у него в поле зрения, выявляет и запоминает качества предмета, рассматривая, трогая его, играя им. В сознании ребенка данный предмет сохраняется в виде *многочленного образа*, представляющего собой **систему признаков** предмета. Одни признаки воспринимаются нашими органами зрения, например, цвет, форма, и потому могут быть обозначены как *изобразительные образы*. Другие признаки, такие как запах, вкус, даются нам через ощущения и представляют собой *неизобразительные образы*, ср.: «Ощущения – неизобразительные, восприятия – изобразительные образы» [1, с. 205].

Иными словами, образ предмета представлен в сознании в виде системы различных признаков, к которым относятся форма, цвет, вкус, запах, материал и связанные с ним свойства упругости, пластичности, твердости и т. д. Система образа

предмета характеризуется нами как локальная по месту образования. Первоначально между отражаемым предметом и его образом в сознании ребенка существует связь. Однако локальная система образа вещи не совпадает с объектом познания (вещью), а лишь является его соответствием в сознании человека. Образы отдельных вещей входят в инвентарную систему образов в сознании человека.

Поскольку опознать предмет, то есть вызвать в сознании его образ, помогает человеку не только внешний вид предмета, но и его запах, вкус, особенности структуры, то, например, люди, лишенные зрения, в процессе познания предметного мира в большей степени опираются на сенсорное восприятие. В связи с этим возникает мысль, что для формирования понятия о предмете достаточно отразить лишь некоторые его свойства. Отсутствие исчерпывающих знаний о свойствах предмета не мешает нам воспринимать предмет как единое целое, а также установить зависимость между предметом и его свойствами. А. И. Уемов описывает следующий яркий пример, характеризующий отношения между вещью и ее свойством: предположим, в корзине находятся *яблоки*. Мы не можем взять из корзины качество *яблочность*. Но мы можем взять яблоко, при этом все свойства яблока будут заключаться в нем самом (см. [8, с. 84]). Целостность или границу вещи обеспечивают существенные свойства, которые мы будем называть качествами. Отражаясь, качества сохраняются в понятии о вещи в виде существенных признаков.

Когда ребенок приходит к пониманию качества как внутренней составляющей предмета, он переходит от пространственного (каждая вещь отдельна и имеет границу, удалена от субъекта восприятия или приближена к нему) к **качественному пониманию вещи**, состоящему в осознании вещи как функциональной системы качеств, служащих основанием для классификации предметов по сходству и различию. Понимание предмета как функциональной системы качеств в отрыве от конкретной вещи (референта) является необходимым для перехода на уровень абстрактного мышления, то есть для формирования понятия «предмет как денотат» (класс предметов).

Развитие мыслительных способностей ребенка непосредственно связано с уровнем его сенсорного развития, поэтому в первичное понятие ребенка о конкретном предмете входят впечатления, получаемые от непосредственного контакта с этим предметом. И. М. Сеченов под-

черкивал, что «... пока различие признаков касается анализа предметов и явлений в пространстве и времени, показания органов чувств (зрения, осязания и слуха) параллельны действительности» [4, с. 352]. Это еще раз подтверждает положение о том, что наши первичные представления о предмете достоверны, но являются результатом обыденного восприятия, критерием которого выступает обособленность предмета, и что первоначальное понятие *предмет* связано с конкретными вещами, ср.: «Вещью называем связку явлений (качеств, сил), которую мы рассматриваем отдельно от других связок» [3, с. 6]. В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова предмет определяется как «... всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо, как субстанция, как вместилище каких-нибудь свойств и качеств» [9, с. 351].

На раннем этапе развития мышления элементарное понятие о предмете совпадает с образом конкретной вещи. Однако понятие как форма отражения наиболее существенных сторон вещей возникает у познающего лишь на определенной стадии развития мышления, а именно, после перехода от конкретного мышления на уровень абстракции. Научившись обособлять предметы, выявлять их существенные свойства, ребенок переходит на новую ступень развития мышления – ступень абстрагирования от конкретных предметов и обобщения накопленного опыта. На этом этапе ребенок может не только выделить конкретную вещь, но и сгруппировать предметы на основе сходства. Сравнивая вещи между собой, ребенок приходит к выявлению характерных черт или существенных признаков отдельных предметов, отличающих одну вещь от множества других и в то же время позволяющих объединять сходные предметы в классы (роды) и виды. Формирование понятия «денотат» в сознании ребенка – это, с одной стороны, результат обобщения признаков, присущих сходным вещам, и, с другой стороны, следствие абстрагирования от конкретной вещи. Следовательно, в сознании человека осуществляется переход от понимания «предмета» как *отдельной конкретной вещи* к пониманию «предмета» как *класса сходных вещей*. Понятие, формирующееся в картине мира в результате многократного отражения отдельных вещей (референтов), содержит существенные признаки, присущие целому классу сходных предметов. Отражение конкретных вещей одного класса (референтов) приводит к формированию

локальных систем образов отдельных предметов (систем признаков). В результате сравнения и обобщения из выделенных признаков отдельных предметов вычлняются признаки, общие для всех предметов класса. Эти признаки являются существенными, лежащими в основе понятия «денотат» (класс предметов). Наличие существенных признаков в понятии о вещи позволяет использовать имя как в конкретно-назывном, так и в общеназывном смысле.

### Библиографический список

1. Алексеев, П. В. Философия [Текст] / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : Проспект, 1997. – 568 с.
2. Аристотель Категории [Текст] / Аристотель // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. – М. : Мысль (АН СССР. Институт философии. Философское наследие), 1978. – С. 51–90.
3. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня Об изменении значения и заменах существительного. – Т. 3. – М. : Просвещение, 1968. – XIV, 549, [5] с.
4. Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические произведения [Текст] / И. М. Сеченов. – М. : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – 646 с.
5. Скирбекк, Г. История философии [Текст] / Г. Скирбекк, Н. Гилье. – М. : Владос, 2000. – 800 с.
6. Спиноза, Б. Этика. Избранные произведения [Текст] / Б. Спиноза. – Т. I. – М. : Госполитиздат, 1957. – 631 с.
7. Спиркин, А. Г. Отношение [Текст] / А. Г. Спиркин // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 470.
8. Уемов, А. И. Вещи, свойства и отношения [Текст] / А. И. Уемов. – М. : Издательство АН СССР, 1963. – 184 с.
9. Толковый словарь русского языка. Том I [Текст] / Д. Н. Ушаков.; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель ; АСТ, 2000. – 848 с.
10. Köller, W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens [Текст] / W. Köller. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 s.

### Библиографический список (in Russ)

1. Alekseev, P. V. Filosofija [Tekst] / P. V. Alekseev, A. V. Panin. – M. : Prospekt, 1997. – 568 s.
2. Aristotel' Kategorii [Tekst] / Aristotel' // Aristotel': Sochinenija v 4 tomah. – T. 2. – M. : Mysl' (AN SSSR. Institut filosofii. Filosofskoe nasledie), 1978. – S. 51–90.
3. Potebnja, A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike [Tekst] / A. A. Potebnja Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo. – T. 3. – M. : Prosveshhenie, 1968. – XIV, 549, [5] s.
4. Sechenov, I. M. Izbrannye filosofskie i psihologicheskie proizvedenija [Tekst] / I. M. Sechenov. – M. : OGI3 ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. – 646 s.
5. Skirbekk, G. Istorija filosofii [Tekst] / G. Skirbekk, N. Gil'e. – M. : Vlados, 2000. – 800 s.
6. Spinoza, B. Jetika. Izbrannye proizvedenija [Tekst] / B. Spinoza. – T. I. – M. : Gospolitizdat, 1957. – 631 s.
7. Spirkin, A. G. Otnoshenie [Tekst] / A. G. Spirkin. // Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1983. – S. 470.
8. Uemov, A. I. Veshhi, svojstva i otnoshenija [Tekst] / A. I. Uemov. – M. : Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – 184 s.
9. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Tom I. [Tekst] / D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova. – M. : Astrel' ; AST, 2000. – 848 s.
10. Köller, W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens [Tekst] / W. Köller. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015

Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015

О. А. Сосой

### Образ России в немецких электронных СМИ

В статье проводится анализ публикаций немецкого электронного издания Spiegel online конца 2014 – начала 2015 г., посвященных России и актуализирующих ценностное отношение немецких журналистов к нашей стране, в том числе и в связи с последними событиями на Украине. Отмечается, что анализируемые статьи содержат негативную оценку политики российского государства, создают и поддерживают отрицательный имидж лидера нашей страны как агрессора. В качестве причины создания негативного образа России в сознании массового читателя за рубежом называется следование западных массмедиа политическим курсом своих национальных правительств.

**Ключевые слова:** Россия, политика Путина, персонализация политических вопросов, зарубежные массмедиа, снижение имиджа, оценочная лексика, фразеологизмы.

О. А. Sosoï

### Image of Russia in German electronic mass media

The article analyses publications from German electronic edition Spiegel online from the end of 2014 to the beginning of 2015 devoted to Russia and actualizing the attitude of German journalists to our country, especially in connection with the latest events in Ukraine. The author notes that the articles under consideration contain negative evaluation of Russian policy, create and maintain the negative image of the Russian leader as an aggressor. As a reason for creating a negative image of Russia in the minds of the mass reader abroad, the author points that western mass media follow the political course of their national governments.

**Key words:** Russia, Putin's policy, personalization of political issues, foreign mass media, lowering the image, evaluation lexis, phraseological units.

Изучению создания имиджа России зарубежными СМИ посвящено большое количество работ [4]. В них подчеркивается, что с помощью языка СМИ формируется картина окружающего мира. Читатели воспринимают создаваемую журналистами окружающую действительность через призму их медиареконструкций и интерпретаций, которые в силу своей природы идеологичны и культуроспецифичны [2, с. 30]. Представления о России формируются зарубежными массмедиа с помощью воздействия на психику и поведение собственного народа в соответствии с внешнеполитическим курсом конкретного государства. Замечено, что в последнее время создаваемый зарубежными СМИ образ нашей страны выглядит более негативно, чем во времена «холодной войны», особенно в связи с событиями на Украине. «Информационная война», объявленная России западными массмедиа, набирает новые обороты. Ее цели были и остаются, по мнению О. Малеевой:

- закрепить за Россией негативный образ;

- изолировать от цивилизованного мира;
- «выдавить» из Европы;
- лишить иностранных инвестиций;
- утвердить в мировом общественном мнении известный тезис З. Бжезинского «Россия – лишняя страна»;
- создать предпосылки для установления в России угодного Западу политического режима, способного выполнить волю мировых держав в осуществлении угодного политического курса;
- предоставить им контроль над использованием энергетических ресурсов [3].

Сформировавшийся в мировом общественном мнении негативный образ России как милитаристской авторитарной страны, возглавляемой бывшими сотрудниками КГБ и стремящейся к немотивированной агрессии в отношении своих соседей, находит свое подтверждение и в текстах немецких электронных СМИ последнего времени. Об этом свидетельствуют статьи из электронной версии журнала Spiegel online, появившиеся в конце 2014 г. – начале 2015 г.

Для создания образа России в своих материалах зарубежные журналисты используют оценочную лексику и фразеологизмы. Как правило, оценочная лексика включает в себя отрицательный компонент и относится к этическому типу оценок, то есть содержит реакции нашего сознания, опирающиеся на социально-обусловленные представления о моральных нормах, добре и зле [1].

Так, в статье **«Neue Militärdoktrin: Nato und Ukraine sind jetzt Putins größte Feinde»** речь идет о якобы новой военной доктрине, которую президент Путин обозначил для своей страны, назвав украинский кризис и расширение НАТО на восток угрозой для собственной безопасности: *«Russlands Präsident Wladimir Putin hat seinem Land eine neue Militärdoktrin gegeben. Darin stuft er die Ukraine und die Nato-Osterweiterung als Gefahr für die eigene Sicherheit ein»* [13].

По мнению автора статьи **«Obama kritisiert Putins Politik: Nationalistisch und rückwärtsgerichtet»**, политика России, будучи националистической и направленной в прошлое, запугивает соседей, наносит вред экономике и не способствует скорому разрешению украинского кризиса: *«Russlands Präsident verängstigt die Nachbarn und schadet der Wirtschaft: Mit deutlichen Worten kritisiert US-Präsident Barack Obama den Kreml-Chef Wladimir Putin. Ein baldiges Einlenken in der Ukraine-Krise hält er für unwahrscheinlich»* [10].

Образ России как врага, агрессора, бряцающего оружием, манифестируется в статье **«Konfrontation mit dem Westen»**: *«Neues Säbelrasseln zwischen Russland und Westen: Moskaus Militärsprechen von „Formen westlicher Aggression“ – und wollen Truppen in strategischen Gebieten verstärken»* [16].

Об агрессии со стороны России речь идет и в статьях **«Nato-Russland-Krise: Das nukleare Gespenst kehrt zurück»** [17], **«Russische Aggression: Britischer Minister sieht Baltikum in Gefahr»** [19], **«Angst vor Russland: Estland und Lettland wappnen sich für hybriden Krieg»** [20].

В первой статье высказываются опасения в отношении ядерной угрозы со стороны России. Во второй статье британский министр обороны предостерегает от дальнейшей агрессии России: *«Erst die Ukraine, dann das Baltikum? Großbritanniens Verteidigungsminister Fallon warnt vor weiteren Aggressionen Russlands: Kreml-Chef Putin könnte versuchen, nun auch die Nato-Staaten Estland, Lettland und Litauen zu destabilisieren»* [19, www]. В третьей статье речь идет о том, что страны Балтии, испытывая страх перед нападе-

нием России, как это произошло на Украине, готовы к так называемой «гибридной войне» с использованием иррегулярных войск: *«Das Baltikum fürchtet einen Übergriff Russlands wie in der Ukraine. Lettland und Estland seien auf solch einen „hybriden Krieg“ mit irregulären Truppen aber vorbereitet – das erklärten deren Regierungen nun offiziell»* [20].

В аналитической статье **«Ukraine-Krise: Die fehlerhafte Revolution»** журналист Беньямин Биддер называет Россию агрессором и обвиняет ее в начале войны на Украине: *«Ein Jahr nach den Schüssen auf dem Maidan ist es Zeit für eine Bilanz: Kiew und der Westen haben es dem russischen Aggressor zu leicht gemacht. Ihre Fehler spielten dem Kreml in die Hände»* [21]. И далее: *«Die Maidan-Revolution wurde zum Ausgangspunkt des Kriegs. Er wurde von Russland in die Ukraine getragen»* [там же]. Анализируя ошибки, допущенные Киевом и Западом, автор выступает не за то, чтобы распределить ответственность за войну, а за то, чтобы извлечь уроки из ошибок прошлого. При этом он дает оценку российскому президенту: *«Im Kreml sitzt schließlich noch immer der gleiche Mann. Er handelt kalt und berechnend»* [там же].

Использование таких приемов, как персонализация политических вопросов (авторитарный стиль управления, вертикаль власти), характеристика взглядов, образа действия, а также личностных качеств лидера государства, также влияют на снижение имиджа России в электронных СМИ.

Автор статьи **«Russlands Präsident: 15 Jahre Putin, 15 Jahre Macht»** говорит об авторитарном стиле правления президента Путина, о его агрессивных планах внешней политики, способных спровоцировать третью мировую войну: *«15 Jahre später ist Putin mächtiger denn je. In seiner Neujahrsansprache preist er die Annexion der ukrainischen Halbinsel Krim als „Heimkehr“ und „wichtige Epoche“ der russischen Geschichte. Im Westen gilt er inzwischen als gefährlicher Autokrat, dessen geopolitischer Expansionsdrang im schlimmsten Fall den Dritten Weltkrieg provozieren könnte»* [14]. В статье указываются особенности России, которую Путин создал по своей воле: *«mit einer starken Zentralgewalt, weniger Freiheiten und mehr Nationalismus»* [Там же].

В нескольких публикациях немецкие журналисты характеризуют позицию канцлера ФРГ Ангелы Меркель в отношении политики российского президента. Так, в статье **«Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin»**, она упрекает «кремлевского властителя Путина»



в стремлении к экспансии: «*Deutlich wie nie wirft Merkel dem Kreml-Herrscher Putin Expansionsstreben vor*» [8]. Статья «**Putins Annexionspolitik**» содержит данную канцлером Меркель четкую оценку российской политики, которая угрожает другим странам: «*Kanzlerin Angela Merkel hat in Sydney deutliche Worte gefunden: Russlands Staatschef Wladimir Putin stelle die europäische Friedensordnung in Frage. Der Westen müsse entschlossen vorgehen, sonst bedrohe seine Machtpolitik auch andere Länder*» [9].

Президенту России приписывают культ личности, являющийся основой автократии: «*Personekkult in Moskau: Wladimir, mach den Herkules!*» [7]. В данной статье речь идет о подарках В. В. Путину к его дню рождения, среди которых гротесковые картины его сторонников. На одной из них российский президент изображен борющимся с американской гидрой и бородачатыми террористами.

В качестве репрезентантов образа России нередко выступают фразеологизмы как носители образности и оценки. Так, для характеристики положения в России и оценки ее лидера используется трансформированный фразеологизм «**танцевать под чью-либо дудку**»: «*Russland: Tanz nach Putins Pfeife*» [6]. Нередко употребляется фразеологизм «**делать ставку на что-либо**». Так, выражение «*Russe setzt auf Muskelspiele*» подчеркивает агрессивный характер российского президента, а фраза «*Putin setzt verstärkt auf Vertraute aus alten Zeiten beim Geheimdienst*» указывает на связи главы российского государства с сотрудниками КГБ, что не может отрицательно сказаться на имидже нашей страны в целом.

Российского президента обвиняют в фальсификациях, полуправде и откровенной лжи. Журналисты используют такую оценочную лексику, как *Halbwahrheiten und falsche Details, die Fakten verdrehen, eine bewusste Lüge, nicht Putins erste gezielte Lüge*. В статье «**Russlands Präsident: Glaubte Putin die eigene Propaganda**» встречается фразеологизм «**занутаться в паутине лжи**»: «*Wladimir Putin hat ein taktisches Verhältnis zur Wahrheit: Vor der Krim-Annexion log er, um Zeit zu gewinnen. Doch Russlands Präsident verheddert sich im Netz der Lügen – und wirkt oft schlecht unterrichtet*» [15]. По мнению автора статьи, в последние три года неправда стала повседневной частью российской политики. С одной стороны, Кремль намеренно хочет ввести общественность в заблуждение. С другой стороны, президента все чаще «подставляют», и не ясно, либо он пло-

хо информирован, либо верит в собственную пропаганду: «*In den vergangenen drei Jahren wurde die Unwahrheit zu einem beinahe alltäglichen Element der russischen Politik. Es gibt die großen Lügen, mit denen der Kreml die Öffentlichkeit täuschen will. Und es gibt die kleinen Patzer, die dem Präsidenten immer häufiger unterlaufen sind und bei denen niemand genau weiß, ob er nur schlecht informiert ist oder der eigenen Propaganda glaubt*» [там же]. В конце статьи журналист находит определение высказываниям Путина, ссылаясь на московского художника Сергея Елкина, который изобразил карикатуру на российского президента, назвав его высказывания «**гибридной правдой**» – *hybride Wahrheit*.

В двойной игре Путина обвиняет автор статьи «**Kämpfe in der Ostukraine: CDU-Politiker Röttgen wirft Putin falsches Spiel vor**», используя фразеологизм «**играть в кошки-мышки**»: «*Putin spielt Katz und Maus*» [18].

Давая оценку экономическому положению в России, журналисты прибегают к таким выражениям, как *in der Krise stecken, in die Rezession rutschen*, и возлагают вину за создавшуюся ситуацию на российского президента. «*Russland im freien Fall*»: «*Kreml-Chef Putin verschärft den Konflikt mit dem Westen und treibt die Wirtschaft damit an den Abgrund: Der Rubel verfällt, die Rücklagen des Staates schmelzen, die Reichen ziehen ihr Geld ab*» [11]. Фразеологизм «**цепляться за власть**» также говорит об отрицательной оценке российского лидера, который, по мнению автора статьи «**Wirtschaftskrise in Russland**», до последнего будет цепляться за власть: «*Putin wird sich bis zuletzt an die Macht krallen*» [12].

Проведенный анализ статей и заголовков к ним немецкого электронного издания Spiegel online конца 2014 – начала 2015 г., содержащих информацию о России и актуализирующих ценностное отношение немецких журналистов к нашей стране, в том числе и в связи с последними событиями на Украине, позволил сделать следующие выводы. Негативная оценка политики российского государства, создание и поддержание отрицательного имиджа лидера нашей страны как агрессора, не идущего на уступки политика, приводит к созданию и закреплению отрицательного образа России в сознании массового читателя за рубежом. Зачастую информация преподносится в искаженном виде, поскольку западные массмедиа следуют политическим курсом своих национальных правительств и преследуют поставленную перед ними цель – показы-

вать Россию как экономически слабое, но агрессивное государство, нарушающее международные нормы права и морали.

### Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 264 с.
3. Малеева О. Имидж России в зеркале зарубежных СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://observer.materik.ru/observer/N11\\_2007/122\\_127.pdf](http://observer.materik.ru/observer/N11_2007/122_127.pdf). – (Дата обращения: 20.11.2015).
4. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13–17 сентября 2010. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 238 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/conf/2010.pdf>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
5. Точилина, Ю. Н. Особенности вербализации концепта Russland (Россия) в немецких СМИ [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/69c/5\\_Точилина.pdf](http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/69c/5_Точилина.pdf). – (Дата обращения: 20.11.2015).
6. Russland: Tanz nach Putins Pfeife [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-129339468.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
7. Personenkult in Moskau: Wladimir, mach den Herkules! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/putin-kult-moskau-wladimir-mach-den-herkules-thread-164781-1.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
8. Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/g20-gipfel-merkel-wirft-putin-wegen-ukraine-expansionsstreben-vor-a-1003107.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
9. Putins Annexionspolitik [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/angela-merkel-in-sydney-russland-gefaehrdet-nicht-nur-ukraine-a-1003294.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
10. Obama kritisiert Putins Politik: Nationalistisch und rückwärtsgerichtet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/obama-kritisiert-putins-politik-nationalistisch-und-rueckwaertsgewandt-thread-199620-2.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
11. Russland: Im freien Fall [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-130754222.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
12. Wirtschaftskrise in Russland: Putin wird sich bis zuletzt an die Macht krallen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/wirtschaft/wirtschaftskrise-russland-putin-wird-sich-bis-zuletzt-die-macht-krallen-thread-203736-1.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
13. Neue Militärdoktrin: Nato und Ukraine sind jetzt Putins größte Feinde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/neue-militaerdoktrin-nato-und-ukraine-sind-jetzt-putins-groesste-feinde-thread-211856-1.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
14. Russlands Präsident: 15 Jahre Putin, 15 Jahre Macht Russlands Präsident [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/russland-wladimir-putin-15-jahre-an-der-macht-a-1010869.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
15. Russlands Präsident: Glaubt Putin die eigene Propaganda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/putins-luegen-glaubt-russlands-praesident-die-eigene-propaganda-a-1015309.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
16. Konfrontation mit dem Westen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-moskau-will-truppen-in-strategischen-gebieten-verstaerken-a-1015793.html>
17. Nato-Russland-Krise: Das nukleare Gespenst kehrt zurück [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/nato-russland-krise-das-nukleare-gespenst-kehrt-zurueck-thread-235264-1.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).
18. Kämpfe in der Ostukraine: CDU-Politiker Röttgen wirft Putin falsches Spiel vor [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/ostukraine-kaempfe-debalzewe-norbert-roettgen-vorwuerfe-gegen-russland-a-1019103.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

19. Russische Aggression: Britischer Minister sieht Baltikum in Gefahr [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-britischer-verteidigungsminister-sie-baltikum-in-gefahr-a-1019234.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

20. Angst vor Russland: Estland und Lettland wappnen sich für hybriden Krieg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-estland-und-lettland-wappnen-sich-gegen-russland-a-1017552.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

21. Ukraine-Krise: Die fehlerhafte Revolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/ukraine-krise-die-fehlerhafte-revolution-thread-243132-1.html>. – (Дата обращения: 20.11.2015).

#### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M.: Jazyki rus-skoj kul'tury, 1999. – 896 s.

2. Dobrosklonskaja, T. G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech' [Tekst] / T. G. Dobrosklonskaja. – M., 2008. – 264 s.

3. Maleeva O. Imidzh Rossii v zerkale zarubezhnyh SMI [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://observer.materik.ru/observer/N11\\_2007/122\\_127.pdf](http://observer.materik.ru/observer/N11_2007/122_127.pdf). – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

4. Obraz Rossii v zarubezhnom političeskom diskurse: stereotipy, mify i metafory: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 13–17 sentjabrja 2010. – Ural.gos.ped.un-t. – Ekaterinburg, 2010. – 238 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://politlinguist.ru/materials/conf/2010.pdf>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

5. Točilina, Ju.N. Osobnosti verbalizacii koncepta Rusland (Rossija) v nemeckih SMI [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/69c/5\\_Toc\\_hilina.pdf](http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/69c/5_Toc_hilina.pdf). (Data obrashhenija: 20.11.2015).

6. Rusland: Tanz nach Putins Pfeife [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-129339468.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

7. Personenkult in Moskau: Wladimir, mach den Herkules! [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/politik/putin-kult-moskau-wladimir-mach-den-herkules-thread-164781-1.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

8. Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/g20-gipfel-merkel-wirft-putin-wegen-ukraine-expansionsstreben-vor-a-1003107.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

9. Putins Annexionspolitik [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/angela-merkel-in-sydney-russland-gefaehrdet-nicht-nur-ukraine-a-1003294.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

10. Obama kritisiert Putins Politik: Nationalistisch und rückwärtsgerichtet [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/politik/obama-kritisiert-putins-politik-nationalistisch-und-rueckwaertsgerichtet-thread-199620-2.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

11. Rusland: Im freien Fall [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-130754222.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

12. Wirtschaftskrise in Rusland: Putin wird sich bis zuletzt an die Macht krallen [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/wirtschaft/wirtschaftskrise-russland-putin-wird-sich-bis-zuletzt-die-macht-krallen-thread-203736-1.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

13. Neue Militärdoktrin: Nato und Ukraine sind jetzt Putins größte Feinde [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/politik/neue-militaerdoktrin-nato-und-ukraine-sind-jetzt-putins-groesste-feinde-thread-211856-1.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

14. Russlands Präsident: 15 Jahre Putin, 15 Jahre Macht Russlands Präsident. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/russland-wladimir-putin-15-jahre-an-der-macht-a-1010869.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

15. Russlands Präsident: Glaubt Putin die eigene Propaganda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

<http://www.spiegel.de/politik/ausland/putins-luegen-glaubt-russlands-praesident-die-eigene-propaganda-a-1015309.html>. – (Data obrashhe-nija: 20.11.2015).

16. Konfrontation mit dem Westen [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-moskau-will-truppen-in-strategischen-gebieten-verstaerken-a-1015793.html>. – (Data obrashhe-nija: 20.11.2015).

17. Nato-Russland-Krise: Das nukleare Gespenst kehrt zurück [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/politik/nato-russland-krise-das-nukleare-gespenst-kehrt-zurueck-thread-235264-1.html>. – (Data obra-shhenija: 20.11.2015).

18. Kämpfe in der Ostukraine: CDU-Politiker Röttgen wirft Putin falsches Spiel vor [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/ostukraine-kaempfe-debalzewe-norbert-roettgen-vorwuerfe-gegen-russland-a-1019103.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

19. Russische Aggression: Britischer Minister sieht Baltikum in Gefahr [Jelektronnyj resurs]. –

Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-britischer-verteidigungsminister-sie-baltikum-in-gefahr-a-1019234.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

20. Angst vor Russland: Estland und Lettland wappnen sich für hybriden Krieg [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-estland-und-lettland-wappnen-sich-gegen-russland-a-1017552.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

21. Ukraine-Krise: Die fehlerhafte Revolution. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.spiegel.de/forum/politik/ukraine-krise-die-fehlerhafte-revolution-thread-243132-1.html>. – (Data obrashhenija: 20.11.2015).

*Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 21.11.2015*

## ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

---

УДК 316.776.33

Г. Г. Почепцов

### Нарративный инструментарий воздействия

В статье подчеркивается необходимость разграничения методов информационных, идеологических и воздействующих наук, работающих в сфере коммуникации. В последнее время к ним добавилась и получившая более объективные методики наука развлечения, обслуживающая такие прикладные сферы, как кино, телевидение и другие типы массовой культуры. Нарратив становится базовой единицей науки воздействия.

**Ключевые слова:** информация, идеология, воздействие, развлечение, внимание, нарратив.

## COMMUNICATION THEORY

---

G. G. Pochepstov

### Narrative impact tools

The article emphasizes the necessity to differentiate methods of information, ideological and impact sciences working in communication sphere. In recent years, added to them is the science of entertainment which has received a more objective methodology and is used in such spheres as the cinema, television and other types of mass culture. Narrative is becoming the basic unit of impact sciences.

**Key words:** information, ideology, impact, entertainment, attention, narrative.

Сегодня мы приходим к необходимости разграничения информационных, идеологических и воздействующих наук. Каждое конкретное сообщение несет в себе приметы всех трех из них, примером чего могут служить газета или телесериал. Последний принадлежит к еще одному типу возникающей сегодня науки, которую условно можно назвать наукой развлечения. К примеру, создатели кинопродукции сегодня очень четко моделируют разные возможности по привлечению зрителя. Все это результат прихода в академическую практику более объективных методов, возникающих в XXI в.

Человек живет в достаточно хаотичном мире, поэтому постоянно нуждается в объяснении происходящих вокруг него событий. Этому помогают сформированные картины мира, под те или иные точки которых «телеэксперты» подводят

для зрителей происходящее вокруг. Однако постсоветское пространство имеет несколько картин мира сразу, что еще больше затрудняет возможности населения по пониманию происходящего.

Практически мы имеем два разных информационных потока: один – о событиях, другой – о понимании и реагировании на эти события. Один поток чисто информационный, другой – интерпретационный. Причем один невозможен без другого, хотя наиболее часто сообщения написаны и подаются так, чтобы совместить эти две функции. И хотя журналистов учат писать объективно о событии, но отдельное событие всегда будет ставиться в рамки определенного фрейма, который и является одной из возможных интерпретаций.

Материальная база информационного пространства изменила скорости его наполнения. Маклюен видел три мира по тому, как хранится и порождается информация: мир рукописей – средние века, мир книгопечатания и мир электронный – наш сегодняшний. Маклюен считал, что единственными, кто может понять новую технологию первыми, являются люди искусства [цит. по 14]. В. Хаген поясняет это следующим образом: «Маклюен трактует художника как фигуру в нашем обществе, которая способна понять соответствующую сторону медиума раньше любого другого, поскольку искусство само по себе, по мнению Маклюена, является способом работы не столько с конкретным содержанием, сколько с самим искусством как артистическим процессом» [14].

Интересно, что и В. Беньямин видел искусство под углом зрения, который может объяснить высказывание Маклюена: «... с древнейших времен одной из важнейших задач искусства было порождение потребности, для полного удовлетворения которой время еще не пришло» [1, с. 67]. Этот аргумент он приводит в отношении дадаизма, который предвосхитил потребность в кино.

Информационное пространство формируется сегодня индустриально, когда действуют определенные техники и технологии, способные остановить внимание в мире, перенасыщенном информацией, способные записать в память, способные вытащить из памяти записанное тогда, когда это требуется.

Ритуалы удерживают внимание за счет единого информационно-виртуального потока, не допуская внешнего вмешательства, тем более ритуалы прошлого. Они вообще могли использовать наркосодержащие препараты для концентрации на единой картинке. Сегодня мир перешел на искусственное конструирование внимания к нужному типу объекта. Ведь, по сути, имидж звезд выстраивается именно таким образом – путем использования последовательного набора событий.

Современная профессия спин-доктора также имеет задачи удержания внимания на событии до его наступления и после того, как оно произошло, то есть отсутствие события в физическом пространстве уже не является помехой. При этом недостаточно просто механически удерживать событие в поле зрения, оно должно все время представлять нечто новое, чтобы возникал естественный процесс возвращения к нему.

Цензура советского времени выполняла роль, которую можно обозначить как информационный ритуал. Циркулировали только тексты, подтверждающие советскую картину мира. Этот главный нарратив реализовался во множестве произведений литературы, искусства и кино, поэтому все отклоняющееся от этой модели сразу бросалось в глаза, поскольку там возникало другое объяснение сложившегося порядка вещей.

Советский базовый нарратив действовал и действует достаточно долго. Он существует даже тогда, когда Советский Союз давно умер. Это связано, скорее всего, с тем, что не появилось постсоветского нарратива. Мы все равно видим прошлое чаще сквозь советские, чем постсоветские очки.

Базовый нарратив (западный термин для этого – *master narrative, metanarrative, grand narrative*) активно используется во всех областях: от политики до борьбы с терроризмом. Сам термин *grand narrative* вводится Ж. Лиотаром [4]. А. Мегилл переносит этот термин в философию истории [17]. Он считает его идеальным вариантом, который никогда не произносится. Кстати, для него гранд-нарратив несет и риски, так как будущие события могут от него отклониться.

Лиотар считал характерным для постмодерна недоверие к метанарративам. Они перестают работать на легитимацию, как это было раньше. Большие нарративы стали рушиться один за другим. Однако причиной этого, по нашему мнению, может быть и возникновение множества «машин» по производству картин мира. Вначале такой «машиной» была только религия, потом возникли книги, за ними – кино и телевидение, а сегодня и интернет. Бесконечное количество противоречащих друг другу версий не могут не нарушить правильный миропорядок, задаваемый гранд-нарративом.

Советский Союз упорядочивал, как бы перезагружая, свою картину миру демонстрациями трудящихся 1 мая и 7 ноября. Они отражали единение руководителей и народа. В демонстрации всегда принимали участие представители всех регионов и всех профессий. Возникла как бы не линейная, современная временная линия, а более древняя – циклическая. Поэтому в демонстрации могли участвовать условные матросы 1917 года или бойцы 1945 года. Трудящиеся демонстрировали счастье, достигнутое под руководством начальства, которое наблюдало за ними с трибун. Этот гранд-нарратив всегда демонстри-

ровал преемственность с прошлым. День сегодняшний был результатом дня вчерашнего.

Кстати, В. Шкловский сказал такую вещь: «Наша революция — пародия на французскую: свобода, равенство, братство...» [цит. по 2]. И это во многом правильно по отношению и к другим революциям, поскольку протест в них всегда будет направлен против власти, против верхов, а не низов.

Д. Бойе как специалист по бизнес-нарративам вводит понятие пред-нарратива (antenarrative) ([11], см. другие его «пред-нарративные» работы [9]). Это даже скорее можно понять как «неготовый нарратив», в котором больше хаотичного, чем упорядоченного. В нем много лишнего, не связанного в единую структуру.

Характеристики пред-нарратива, по Бойе, таковы: *фрагментарный, нелинейный, малосвязный, бессюжетный, плохое рассказывание*. Все это характеристики невыстроенного повествования. Бойе увидел интересную дуальность этой формы рассказывания, которая, как нам представляется, весьма важна именно для бизнес-ситуаций. Он считает, что нарратив – это стремление к правде, в то время как рассказ тяготеет к этике [10]. Бойе утверждал, что, «деконструируя дуальность нарративного рассказа, мы освобождаем рассказы от нарративной тюрьмы» [Там же].

Пред-нарративы, как он считает, еще не произвели свой выбор героев [9]. Они не нашли свои контексты. Контексты переводятся в возникающую связность, однако можно ли эти фразы понять как то, что, например, тот же Колобок может быть рассказан и от имени Колобка, и от имени Лисы, и от имени Волка и т. д. Выбор героя дает возможность выстроить единую линию повествования, которая уничтожит одни контексты и усилит другие, которые будут ей соответствовать. Тем самым и возникает нужный уровень связности.

Русские формалисты в свое время говорили о разграничении сюжета и фабулы (Б. Томашевский [6]). Фабула – это естественный порядок событий, а сюжет – результирующий художественный. Точность гуманитарных мыслей Б. Томашевского можно понять из следующего кусочка его биографии, которую раскрыл А. Реформатский: «Меня всегда поражали в Борисе Викторовиче его энциклопедизм и точность (он учился в бельгийском электротехническом институте в Льеже и одновременно в Сорбонне). Он был прекрасный математик: когда как-то его «подрезали» в области филологии, он плюнул и

два года читал математику в Институте путей сообщения» [5].

Бойе дает еще одну очень важную для инфовойн характеристику пред-нарратива: «Они распутывают и запутывают контексты, сквозь которые движутся. Пред-нарративы действительно очень опасны, они могут обратить толпу в паническое бегство. <...> Пред-нарративы определенно воздействуют на толпу и заражают ее. Некоторые могут изменять ритм толпы. Пред-нарративы могут собирать толпы и разрушать иерархии, вызывать к жизни новые толпы, которые собираются вокруг возникающего пред-нарратива» [12].

Все эти характеристики, как нам представляется, связаны с тем, что на пред-нарратив может возникать даже большая реакция, чем на собственно нарратив, поскольку в нем каждый может увидеть своего собственного героя и важное именно для себя событие. Когда же все это будет оформлено в единый текст, оно станет моноидеологическим, выстроенным под одного героя и его события.

Бойе видит следующие *типы пред-нарратива*:

- **бумеранг**: меняет направление и возвращается туда, откуда пришел;
- **свободный пред-нарратив**: срывает маски;
- **пред-нарратив белого шума**: отходит-приходит, но никогда не удалется далеко;
- **трансформатив** [12].

Кстати, свою нарративную теорию Бойе использует отнюдь не в литературе или истории, а в организационной теории бизнеса, представленной в монографии «Нарративные методы для организационных и коммуникативных исследований» [13]. Бойе в книге разъясняет, что ante в ante-narrative значит не только пред, это слово имеет еще значение «ставка», как ставка в покере или ставка на лошадей, которые тоже делаются заранее. Он считает, что рассказ сопротивляется нарративу, рассказывание (это будет более точным термином сейчас) является пред-нарративом, а иногда и анти-нарративом. Для перевода рассказывания в нарратив надо наложить на многомерное и фрагментированное пространство искусственную связность. В анти-нарративе по его мнению нет ни сюжета, ни завершенности, потому что рассказчик видит все в настоящем времени, в котором и находится.

Бойе предлагает *пять измерений для пред-нарратива*:

- пред-нарратив находится до того, как нарратология наложит на него фреймы, сюжеты;

– пред-нарратив пытается понять, что происходит, то есть уделяет внимание неоднозначностям, нарратив же находится на метауровне, это опыт после события;

– -пред-нарратив направляет наше внимание на живой опыт, до того как на него наложены требования начала повествования, середины и конца;

– пред-нарратив представляет собой обсуждение истории в разных контекстах, в разных группах, когда значение события зависит от локальности;

– пред-нарратив отражает коллективную память до того, как сформировано общественное мнение, общественное согласие о происшедших событиях [12].

Хотя Бойе не говорит об инфовойнах, но следует признать, что как пред-нарративы, так и нарративы просто обязательны для переходов к новым состояниям системы. СССР имел отдельные нарративы для революции 1917 г., для времени репрессий, когда возрастала роль врагов народа, для индустриализации, для войны. СССР периода исчезновения уже не имел адекватных нарративов. М. Горбачев метался между старыми нарративами и новыми, поскольку и те (советские), и другие (западные) одновременно стали присутствовать в массовом сознании.

И даже в конце своей карьеры М. Горбачев создал нарратив своего заточения, который опровергается только в наше время. Вот слова А. Лукьянова о нарративе «заточения на Форосе» М. Горбачева: «Это все липа. Никто его не блокировал, что потом подтвердил суд: все средства связи работали, самолет стоял готовый к взлету. Кто его блокировал? Пять депутатов? У него охраны в Форосе было 100 человек. Да они поговорили с ним по-товарищески и уехали. Они рассчитывали и были уверены, что М. Горбачев их поддержит и примет в ГКЧП участие» [12].

ГКЧП шел под знаменем советского нарратива, однако делал это совместно с М. Горбачевым, который, увидев проигрыш своих коллег, поменял свой новый нарратив на условно демократический. Но демократический нарратив был уже в руках у Б. Ельцина, которому не нужны были другие демократические конкуренты. Так Горбачев проиграл и первую, и вторую альтернативы. Его нарратив был отброшен населением окончательно, до этого его уже не особенно принимали внутри страны, он получал все свои лучи славы из-за рубежа.

Нарративы могут встречать резонанс, безразличие, вступать в конфликт [15]. Есть множество конкурирующих нарративов, каждая человеческая подгруппа живет в своем наборе таких нарративов. При этом такие нарративы могут нести и отрицательные последствия. Даже возникли соответствующие термины: *destructive master narrative* [15], *dangerous narrative* [16], *dangerous tales* [17]. В последней работе рассматриваются три нарратива Конго, из которых вытекает насилие. Именно они послужили причиной введения миротворцев, поскольку срезонировали с иностранной аудиторией в качестве объяснения сложившейся ситуации. То есть большую роль играет не соответствие или несоответствие реальности, а резонанс с аудиторией. И не просто с аудиторией, а с той, которая связана, прямо или косвенно, с лицами, принимающими решения.

Автор видит нарративы углом зрения фреймов: «Нарративы включают в себя центральный фрейм или комбинацию фреймов. Фреймы являются базовыми для социального мира, поскольку проблемы не даются, а должны конструироваться. Фреймы формируют наши взгляды на то, что должно рассматриваться как проблема (например, нелегальная добыча ресурсов) и что не является таковым (например, земельные конфликты). Фреймы также влияют на то, какие события будут замечены (сексуальное насилие), а какие нет (несексуальные пытки), а также то, как они будут интерпретироваться (достойны ли они международного реагирования или это внутренняя проблема). Тем самым фреймы и нарративы не создают действий. Вместо этого они делают действия возможными: они разрешают, усиливают и оправдывают конкретные практики и политики (такие, как регулирование торговли минеральными ископаемыми), в то же время уходят от других (таких, как разрешение земельных конфликтов). Эти действия в свою очередь воспроизводят и усиливают как доминирующие практики, так и значения, встроенные в фреймы и нарративы, на базе которых они основываются. Со временем нарративы и практики, которые они разрешали, начинают рассматриваться как естественные, предоставленные и единственно возможные» [17].

Перед нами сконструированные людьми нарративы, которые начинают предопределять их поведение, более того, человек начинает видеть в действительности то, что акцентирует нарратив, и не видеть того, чего там нет. По этой причине мы можем утверждать, что нарратив может за-



медлять определенные процессы или ускорять их. Революционный нарратив будет подталкивать к смене власти, а стабилизирующий, подающий власть как заботящуюся о народе будет замедлять процессы смены. Но все это будет содержаться в нарративах.

### Библиографический список

1. Бенъямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости [Текст] // Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М., 1996.

2. Галушкин, А. Разговоры с Виктором Шкловским [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.intelros.ru/readroom/nlo/131-2015/26417-razgovory-s-viktorom-shklovskim.html](http://www.intelros.ru/readroom/nlo/131-2015/26417-razgovory-s-viktorom-shklovskim.html). – (Дата обращения: 28.12.2015).

3. ГКЧП создал Горбачев. Интервью с А. Лукьяновым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [lenta.ru/articles/2015/03/25/lukianov/](http://lenta.ru/articles/2015/03/25/lukianov/). – (Дата обращения: 28.12.2015).

4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [gtmarket.ru/laboratory/basis/3097](http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097). – (Дата обращения: 28.12.2015).

5. Реформатский А. Борис Викторович Томашевский. Мемуар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/re12.html](http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/re12.html). – (Дата обращения: 28.12.2015).

6. Томашевский, Б. В. [Текст] / Б. В. Томашевский Теория литературы. Поэтика. – М. ; Л., 1925.

7. Antenarrating papers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [business.nmsu.edu/~dboje/papers/](http://business.nmsu.edu/~dboje/papers/). – (Дата обращения: 28.12.2015).

8. Autesserre, S. Dangerous tales: dominant narratives on the Congo and their unintended consequences [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [afraf.oxfordjournals.org/content/early/2012/02/09/afraf.adr080.full.pdf+html](http://afraf.oxfordjournals.org/content/early/2012/02/09/afraf.adr080.full.pdf+html). – (Дата обращения: 28.12.2015).

9. Воје, D. What is antenarrative? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [business.nmsu.edu/~dboje/papers/what\\_is\\_antenarrative.htm](http://business.nmsu.edu/~dboje/papers/what_is_antenarrative.htm). – (Дата обращения: 28.12.2015).

10. Воје, D. M. Deconstructing the narrative story duality – constructing a space for ethics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www2.le.ac.uk/departments/management/document/s/research/research-units/cppe/conference-](http://www2.le.ac.uk/departments/management/document/s/research/research-units/cppe/conference-)

[pdfs/derrida/derrida\\_boje.pdf](http://pdfs.derrida/derrida_boje.pdf). – (Дата обращения: 28.12.2015).

11. Воје, D. M. Excerpted from: Introduction to Narrative Methods [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [lisacookfilm.files.wordpress.com/2011/08/antenarrative-reading.pdf](http://lisacookfilm.files.wordpress.com/2011/08/antenarrative-reading.pdf). – (Дата обращения: 28.12.2015).

12. Воје, D. M. Introduction to narrative methods [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [business.nmsu.edu/~dboje/papers/narrative\\_methods\\_intro.htm](http://business.nmsu.edu/~dboje/papers/narrative_methods_intro.htm). – (Дата обращения: 28.12.2015).

13. Воје, D. M. Narrative methods for organizational & communication research [Text] / D. M. Воје. – London etc., 2001.

14. Hagen, W. Mediatechnology. 2015 Jan. 22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.whagen.de/seminare/2015/20150122Slides.pdf](http://www.whagen.de/seminare/2015/20150122Slides.pdf). – (Дата обращения: 28.12.2015).

15. Katz, L. Dangerous narrative: politics, lies and ghost stories [Text] / L. Katz // *Cosmopolitan Civil Societies*. – 2011. – Vol.3. – № 1

16. LePage, R., LePage, J. Handbook for a phase transition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.bridgetochange.com/handbook/handbook.pdf](http://www.bridgetochange.com/handbook/handbook.pdf). – (Дата обращения: 28.12.2015).

17. Megill A. Historical knowledge, historical error. A contemporary guide to practice [Text] / A. Megill. – Chicago – London, 2000.

### Библиографический список (in Russ)

11. Ben'jamin, V. Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnicheckoj vosproizvodimosti [Tekst] // Ben'jamin V. Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnicheckoj vosproizvodimosti. Izbrannye jesse. – М., 1996.

2. Galushkin, A. Razgovory s Viktorom Shklovskim [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [www.intelros.ru/readroom/nlo/131-2015/26417-razgovory-s-viktorom-shklovskim.html](http://www.intelros.ru/readroom/nlo/131-2015/26417-razgovory-s-viktorom-shklovskim.html). – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

3. GKChP sozdal Gorbachev. Interv'ju s A. Luk'janovym [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [lenta.ru/articles/2015/03/25/lukianov/](http://lenta.ru/articles/2015/03/25/lukianov/). – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

4. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [gtmarket.ru/laboratory/basis/3097](http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097). – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

5. Reformatskij A. Boris Viktorovich Tomashevskij. Memuar [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/re12.html. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

6. Tomashevskij, B. V. [Tekst] / B. V. Tomashevskij Teorija literatury. Pojetika. – M. ; L., 1925.

7. Antenarrating papers [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: business.nmsu.edu/~dboje/papers/. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

8. Autesserre, S. Dangerous tales: dominant narratives on the Congo and their unintended consequences [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

afraf.oxfordjournals.org/content/early/2012/02/09/afraf.adr080.full.pdf+html. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

9. Boje, D. What is antenarrative? [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: business.nmsu.edu/~dboje/papers/what\_is\_antenarrative.htm. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

10. Boje, D. M. Deconstructing the narrative story duality – constructing a space for ethics [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www2.le.ac.uk/departments/management/documents/research/research-units/cppe/conference-pdfs/derrida/derrida\_boje.pdf. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

11. Boje, D. M. Excerpted from: Introduction to Narrative Methods [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim

dostupa:

lisacookfilm.files.wordpress.com/2011/08/antenarrative-reading.pdf. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

12. Boje, D. M. Introduction to narrative methods [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: business.nmsu.edu/~dboje/papers/narrative\_methods\_intro.htm. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

13. Boje, D. M. Narrative methods for organizational & communication research [Text] / D. M. Boje. – London etc., 2001.

14. Hagen, W. Mediatechnology. 2015 Jan. 22 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.whagen.de/seminare/2015/20150122Slides.pdf. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

15. Katz, L. Dangerous narrative: politics, lies and ghost stories [Text] / L. Katz // Cosmopolitan Civil Societies. – 2011. – Vol.3. – № 1

16. LePage, R., LePage, J. Handbook for a phase transition [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.bridgetochange.com/handbook/handbook.pdf. – (Data obrashhenija: 28.12.2015).

17. Megill A. Historical knowledge, historical error. A contemporary guide to practice [Text] / A. Megill. – Chicago – London, 2000.

*Дата поступления статьи в редакцию: 10.11.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Л. Н. Саакян, О. И. Северская

### Эвфемия в межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются особенности употребления контекстно-обусловленных и калькированных эвфемизмов в русском, английском, французском и польском языках. Особое внимание уделяется принудительной эвфемизации, фигурам умолчания, национально-специфической эвфемии, трудностям перевода. Национальная специфика показывается на примере выражений *финансовая турбулентность* и *пропорциональный ответ*, представленных в актуальном публичном дискурсе нескольких стран.

**Ключевые слова:** эвфемия, эвфемизмы, национальные особенности, межкультурная коммуникация, контекст, перевод.

L. N. Saakyan, O. I. Severskaya

### Euphemisms in cross-cultural communication

The article looks at the usage of context-conditioned and loan-translated euphemisms in Russian, English, French and Polish. Special attention is paid to forced euphemization, figures of silencing, specific national euphemisms, translation difficulties. The national specifics is shown in the expressions *financial turbulence* and *proportionate response* which can be found in actual public discourse of several countries.

**Key words:** euphemisms, national features, cross-cultural communication, context, translation.

Комфорт и взаимопонимание в речевой коммуникации можно назвать основой общения, в том числе, и межнационального. Созданию комфорта во многом способствует эвфемия, адаптивная стратегия речевого воздействия на адресата с помощью эмоционально настраивающих тактик, проявляющаяся вербально в эвфемизации – процессе насыщения речи эвфемизмами: к ним мы относим слова и выражения, заменяющие грубые, резкие обозначения, которые представляются говорящему неуместными, не вполне вежливыми, и устраняются из речи из-за стремления не обидеть, не задеть слушающего [8, с. 3]. Впрочем, «выбирают слова» не только в интересах адресата, но и при сознательно неточной номинации предмета речи, когда говорящий отчасти вводит адресата в заблуждение, подменяя понятия. Поэтому умение создавать и воспроизводить эвфемизмы с необходимостью должно сочетаться с умением распознавать их в тексте, что не всегда возможно в межкультурной коммуникации из-за трудностей перевода.

В частности, И. Н. Никитина замечает: «Эвфемизмы, как правило, остаются за пределами программы изучения иностранного языка и теории и практики перевода. <...> Вследствие этого переводчику не всегда удастся увидеть за пря-

мым значением слова или словосочетания его истинное эвфемистическое значение» [7, с. 1582]. Это касается эвфемизмов как политической и экономической сфер, так и сферы бытовой. И. Н. Никитина приводит примеры калькирования эвфемистических номинаций и заимствования их в форме варваризмов в сфере экономики и бизнеса: *период отрицательного экономического роста* < *period of negative economic growth* (вместо *экономический кризис / economic crisis*); *флуктуация* < *fluctuation* (вместо *нестабильность*), *депопуляция* < *depopulation* (вместо *вымирание*) и др.; при этом она отмечает и известный параллелизм в эвфемотворчестве: например, в английском языке, подтасовывая цифры в отчетах, их *массируют* (ср. *massage figures*), а в русском им *делают косметическую операцию*, и в англоязычной, и в русскоязычной культурах относятся к процессу творчески, ср. англ. *creative accounting* ‘творческая финансовая отчетность’, *creative bookkeeping* ‘творческая бухгалтерия’ и рус. *творческий подход к составлению финансовой отчетности* (перевод автора – Л. С., О. С.) [Там же]. Вместе с тем встречаются эвфемизмы, для выявления и определения значений которых важен экстралингвистический контекст: «для адекватного перевода эвфемизма *file Chapter 11* (под-

ходить под параграф 11) нужно знать, что в данном случае речь идет о параграфе 11 закона о банкротстве, принятого в Соединенном королевстве в 1978 году» (перевод автора – Л. С., О. С.), а «русский эвфемизм *отдать дань*, используемый в значении “дать взятку”, содержит реалию *дань*, которая может быть неизвестна представителю иноязычной культуры» [Там же]. В бытовой сфере также используются эвфемизмы, которые в иноязычном контексте могут быть восприняты в своем прямом значении: например, польск. *papierz wartosciowy* ‘ценная бумага’ или рус. *сберкасса*, *инвестировать* используются не только как прямые номинации в финансовой сфере, но и как эвфемистические обозначения, соответственно, *туалетной бумаги*, *унитаза*, *отправления нужды* [6, с. 1582].

Не претендуя на полноту охвата вопроса о национальной специфике эвфемии, рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих тонкости процесса эвфемизации.

Прежде всего, остановимся на случаях использования в роли эвфемизма безоценочной в норме номинации, например: «Вы это что же, Ольга, меня, я *извиняюсь*, за **демократа** принимаете?» (лидер коммунистов Г. Зюганов – журналисту «Эха Москвы» О. Журавлевой, эфир от 03.08.2010; выделено нами – Л. С., О. С.). Здесь маркер<sup>1</sup> эвфемизма *я извиняюсь* употреблен Г. Зюгановым с особой целью: показать, что слово *демократ* вуалирует нечто неприличное, грубое или нежелательное в приличном обществе. Само по себе слово *демократ* не имеет ни отрицательной коннотации, ни отрицательно-оценочного сигнификата. Но для того чтобы слово действительно могло выступать в роли эвфемизма, необходимо наличие «грубого», «недопустимого» эквивалента. Появившаяся в 1990-х гг. каламбурная трансформация «*дерьмократ*», имеющая резко отрицательную оценочность и характеризующая определенный тип политика, который скорее прикидывается демократом в интересах личной материальной выгоды, вполне может претендовать на роль отрицательно окрашенной номинации эквивалента, «прямое обозначение которого может быть квалифицировано <...> как грубость, резкость, неприличие и т. п.» [4, с. 267]. Другими словами, такая номинация может занять место подразумеваемого выражения с отрицательной коннотацией. И перлокутивное намерение в этом речевом акте употребления эвфемизма будет следующим: «Произнося слово *демократ* вместе с маркером эвфемисти-

ческой ситуации *я извиняюсь*, я хочу произвести эмоциональное воздействие на собеседника и добиться эффекта эмоционального сближения с разделяющими мою позицию слушателями, подчеркнуть, что использую это слово исключительно в функции эвфемизма более грубого и неуместного в радиопередаче выражения, единственно верного, однако, в применении к объекту речи, и вуалирую его, чтобы произвести благоприятное впечатление на слушателей». Такая эвфемизация может быть названа принудительной [8, с. 18]: адресат сообщения, получив сигнал в виде маркера смягчения выражений, вынужден искать табуированный смысл, который может и ускользнуть от него, если адресат не знаком с мотивирующим контекстом. А в приведенном случае это более чем вероятно, поскольку понятия *демократия*, *демократические ценности*, *демократ* в иных языках и странах имплицитно положительную оценку.

Это касается и таких номинаций, которые вызывают положительные или отрицательные ассоциации в зависимости от точки зрения говорящего или адресата: например, *агрессия*, *амбициозность*, *эмансипированность* и т. п. Так, «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского начинаются с представления Аделаиды Ивановны Миусовой, сбежавшей с учителем и оставившей на руках покинутого ею мужа трехлетнего сына Митю: «*Ей, может быть, захотелось заявить женскую самостоятельность*, пойти против общественных условий, против деспотизма своего родства и семейства <...> *Бедняжка* оказалась в Петербурге, куда перебралась с своим семинаристом и где *беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию*» [3, с. 8–9] (курсив наш – Л. С., О. С.). Из контекста ясно, что автор не жалуется эмансипированных женщин и использует *эмансипацию* как эвфемизм *непристойного поведения*. В то же время читатель может не разделять авторского взгляда и, восприняв *эмансипацию* в прямом значении слова, осудит, скорее, мужа *эмансипированной* дамы, Федора Павловича, который «мигом завел в доме целый гарем и самое забубенное пьянство, а в антрактах ездил чуть не по всей губернии и слезно жаловался всем и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причем сообщал такие подробности, которые слишком бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни» [Там же, с. 8]. В европейской и американской культуре *эмансипация* в норме ни с чем общественно порицаемым не ассоциируется, а значит, эвфемия в дан-

ном случае с большой степенью вероятности распознана не будет.

Еще один трудный случай – эвфемия, обусловленная культурно-историческим контекстом. Например, герой «Мертвых душ» Н. Гоголя, Чичиков, едва въехав в город NN, нанес визит губернатору и «намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь как в рай, *дороги везде бархатные*, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы» [2, с. 13] (курсив наш – Л. С., О. С.). Комплимент губернатору был действительно тонким. Чичиков не только намекнул на то, что властитель способен решать любые проблемы в стране, где все беды – «от дураков и дорог», но и прибегнул к эвфемии: назвал бархатно-гладкими дороги, которые привели его бричку в довольно плачевное состояние. Не случайно же поэма «Мертвые души» начинается с замечаний двух мужиков о состоянии чичиковского экипажа: «“Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву, или не доедет?” – “Доедет”, – отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, – отвечал другой» [Там же, с. 7], – это читательское знание, хоть и вынесено в пресуппозицию (с этого эпизода начинается повествования), остается в подтексте. Если бы с «бархатными дорогами» столкнулся читатель-француз, ничего не слышавший о извечной российской беде, он вполне мог бы воспринять эту номинацию как метафорическую или даже прямую, ассоциировав ее перевод *route de velours* ‘букв. дорога из бархата’ с более привычным *route de soie* ‘букв. дорога из шелка’ (перевод наш – Л. С., О. С.): во Франции в гудрон добавляют шелковое волокно, и *route de soie* – это не *шелковая*, то есть гладкая, *дорога* и не *шелковый путь*, а *дорожное покрытие с шелком* [9, с. 268]. Впрочем, и носителям других языков распознать эвфемия будет нелегко.

Фразеологизированные выражения, употребляющиеся в качестве эвфемизмов, еще один слой лексики, доставляющий трудности при декодировании сообщения. Например, французский фразеологизм *déshabiller Pierre pour habiller Paul* ‘решать одну проблему за счет другой (букв. раздеть Пьера, чтобы одеть Поля)’, являющийся переосмыслением английского выражения *to rob Peter to pay Paul* ‘ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу’ (связанного с конкретными историческими событиями: деньги, предназначенные для Аббатства Святого Петра, были переданы собору Святого Павла), имеет аналоги и в рус-

ском языке: «Деньги новых членов используются для выплат тем счастливым, которые оказались первыми участниками пирамиды <...> В основе схемы <...> лежит простой принцип: “Ограбь Петра, чтобы заплатить Павлу”»; «Чтобы сделать уверенный шаг в будущее, вам нужен приток свежей воды, которая избавит организм от стресса, вызванного необходимостью “ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу”» (примеры из интернета; курсив наш – Л. С., О. С.). Однако если в английском и русском идиома не имеет оттенка эвфемистичности (отрицательные коннотации глаголов *to rob* и *grab* заставляют думать, скорее, о дисфемии – нарочитом огрублении, замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым), то во французском она воспринимается как эвфемизм, поскольку образ *переодевания* маскирует *ограбление в пользу противной стороны*, приукрашивая тем самым описываемое «положение дел».

Наконец, самый сложный для межкультурного и межъязыкового взаимодействия случай – это мифологизирующая эвфемия. На одном из плакатов, выпущенном ко Дню Победы в Великой Отечественной, был изображен – в огне войны – бронепоезд, построенный, как следует из текста, на деньги работников московского метрополитена. Надпись на плакате гласила: «5–7 июля 1943 года бронепоезд “Московский метрополитен” вел тяжелые оборонительные бои на Курской дуге и выполнил одну из боевых задач, определивших исход сражения» (курсив наш – Л. С., О. С.). Исход сражения на Курской дуге известен. Судьба бронепоезда была героически короткой: на третий день боев, нанеся существенный урон противнику, он был разбомблен. Но эта информация не эксплицируется. Плакатный текст несет исключительно положительно окрашенную информацию: *вел оборонительные бои* (то есть противостоял агрессии), *выполнил одну из боевых задач* (несмотря на тяжесть боев, не дезертировал, не сдался) и тем самым *определил исход сражения* (внес существенный вклад в победу). Информация о полном разрушении поезда умалчивается. Здесь претворяется ритуальный принцип: «о мертвых или ничего, или хорошо». Умолчание как риторическая фигура в сообщении о смерти – древний принцип эвфемии, и этот плакат – образец «высокой», мифологизирующей эвфемии (в древнегреческом смысле этого слова – благоговейного молчания), которая не «считыва-

ется» без знания экстралингвистического контекста.

В современном публичном дискурсе встречается немало общеупотребительных выражений, которые, несмотря на сходство, не во всех языковых культурах получают статус эвфемизмов. Покажем это на примере двух получивших широкое распространение в экономическом и политическом дискурсе последнего десятилетия номинациях *финансовая турбулентность* и *пропорциональный ответ*.

Эвфемизм *финансовая турбулентность* получил в русскоязычном публичном дискурсе широкое распространение совсем недавно, когда термин *кризис* начал вымываться из экономических новостей, связанных вначале только с Россией, а затем и со всем миром [подробнее: 1, с. 42–44]. Основу выражения составляет прозрачная метафора, что показывает следующая раскрывающая понятие цитата: «Описывая ситуацию в экономике на прошедшей на днях большой пресс-конференции, Владимир Путин использовал слово “турбулентность”. Как в самолете, когда начинает трясти. Но если у тех, кто “летит” первым классом, почти все хорошо, то в эконом-классе, где и сидит большинство россиян, от финансовой болтанки начинает уже подташнивать» (В. Путин: медведя всегда будут стремиться посадить на цепь // Аргументы и Факты, 24.12.2014). Сильное потрясение, полученное россиянами в ходе обвала рубля, привело к тому, что к началу 2015 г. *турбулентность* и *кризис* окончательно синонимизировались: «Перед нами затяжной *кризис турбулентности* не только российской, но и мировой экономики» (В ожидании «жесткой посадки» // «Новая газета», 26.01.2015); «Понимаете, нам всем здорово повезло – мы целых 15 лет жили на растущем рынке (не считая недолгой *турбулентности* в 2009 году)» («Ежедневная деловая газета РБК», 26.01.2015) (курсив наш – Л. С., О. С.). П. В. Басалаева, отмечая, что в ходе проведенного ею эксперимента его распознали как эвфемизм 71 % опрошенных [1, с. 55], приводит и материалы анкетирования [Там же, с. 72–145], в которых (*финансовой*) *турбулентности* сопоставляются *финансовый кризис*, *нестабильность*, ситуация когда денег мало.

В английском и французском языках также можно говорить об эвфемистическом обозначении понятия *кризис* соответствующими выражениями, ср. англ.: «Certainly we can be proud of this economic performance in this time of worldwide

*financial turbulence* ‘Безусловно, мы можем гордиться этими экономическими показателями в момент всемирного кризиса / *финансовой турбулентности*’» (www2.parl.gc.ca); с синонимичной заменой *турбулентности* – *кризисом*: «economic downturn id spurred by the *financial turmoil* that originated in the United States of America and affected most countries of the world ‘экономическому спаду способствовал *финансовый кризис*, который возник в Соединенных Штатах Америки и затронул большинство стран мира’» (daccessods.un.org); фр.: «Malgré la diminution de la “*turbulence financière*” les banques créditent les industries avec beaucoup de prudence ‘Несмотря на ослабление “*финансовой турбулентности*” / *кризиса*, банки кредитуют промышленность с большой осторожностью’» (fr.rusbiznews.com); «Nous traversons une période de *turbulence financière* deconcertante, caractérisée par les pertes inégales sur les marches ‘Мы переживаем период обескураживающей *финансовой турбулентности* / *кризиса*, характеризующейся беспрецедентными потерями на рынке’» (banqueducanada.ca) [11] (курсив и перевод наш – Л. С., О. С.). Как можно было заметить, в английском языке употребляются две конкурирующие номинации финансово-экономического кризиса, что в некоторой степени ослабляет эвфемистическое значение *турбулентности*, во французском же оно проявляется гораздо сильнее. Для сравнения приведем примеры из польского языка, где *финансовая турбулентность* представляет собой не эвфемизм, а метафорическое выражение: «Pierwotne *turbulencje finansowe*, jak państwo wiecie, pojawiły się na rynku subprime w USA ‘Первоначально *финансовая турбулентность*, как вам известно, возникла на ипотечном рынке в США’» (pl.bab.la); ср.: «Oczy wszystkich skierowane są na Europejski Bank Centralny. Obecna niepewna sytuacja gospodarcza oraz *finansowe zawirowania* wywierają wielką presję na EBC ‘Все смотрят сейчас на Центральный Европейский Банк. Нынешняя нестабильная экономическая ситуация и *финансовые завихрения* оказывают на ЦЕБ огромное давление’» (pl.bab.la) [11] (курсив и перевод наш – Л. С., О. С.); в последнем примере акцент делается на внутреннюю форму образа *турбулентности*, что говорит о метафорическом употреблении.

Что касается *пропорционального ответа*, этот эвфемизм представляет собой переосмысленный термин из языка дипломатии и имеет свою историю употребления.

В Национальном корпусе русского языка [5] первые примеры появления выражения в российских СМИ датируются началом 2000-х гг., ср.: «Москва даст “адекватный и пропорциональный” ответ на высылку 50 российских дипломатов из США» (Комсомольская правда, 23.03.2001); «Сегодня Америка четко представляет себе, что такое *пропорциональный ответ*» (Труд-7, 26.10.2001) и т. д. Однако после того, как 19 декабря 2014 г. на ежегодной пресс-конференции в Белом доме президент США Барак Обама прокомментировал позицию США по поводу кибератаки на кинокомпанию Sony Pictures, предположительно совершенную северокорейскими хакерами: «They caused a lot of damage and we will respond. We will respond proportionally and we'll respond in a place and time and manner that we choose, it's not something that I will announce here today at a press conference ‘Они нанесли большой ущерб и мы дадим ответ. Мы дадим пропорциональный ответ, и мы дадим его в нужном месте, в свое время и таким образом, каким мы сочтем это необходимым, но это не будет оглашено на этой пресс-конференции’» (Obama: US to Respond Proportionally to North Korean Cyberattack on Sony // SputnikNews, 19.12.2014), значение выражения обогатилось новыми, эвфемистическими смыслами. Иными словами, под *пропорциональным ответом* теперь понимается широкий спектр ответных действий, которые прямо не называются, но могут быть домыслены.

У этого эвфемизма появляются активно используемые в медиадискурсе синонимы. Например, *адекватный ответ*, когда речь идет об антироссийских санкциях, введенных США в марте 2014 г.: «МИД России *ответил адекватно* и обнародовал список представителей США, в отношении которых также введены санкции. При этом во внешнеполитическом ведомстве отметили, что разговаривать с Россией языком санкций контрпродуктивно и неуместно, а на каждый враждебный выпад будет найден *адекватный ответ*» (Россия нашла адекватный ответ // Известия, 20.03.2014). При этом могут иметься в виду как экономические ответные меры: «Меры, которые Запад продолжает применять против нас, в скором времени могут получить вполне *адекватный ответ*. <...> Наши «каратели» должны четко понимать, что если пытаются наказать Россию, скажем, в торгово-экономическом плане, то этот шаг будет иметь эффект бумеранга – сами же пострадают в первую очередь» (Как нам ответить Западу на санкции? // Парламент-

ская газета, 04.04.2014), так и военно-политические: «Необходимо правильно просчитать развитие ситуации в мире – потенциальные угрозы безопасности страны. На каждую из этих угроз должен быть найден достаточно *адекватный ответ*, – подчеркнул президент» (Мы не будем втягиваться в гонку вооружений // Комсомольская правда, 10.09.2014). Кроме того, в СМИ встречается и *симметричный / асимметричный ответ*: «увольнения в ФСБ стали *симметричным ответом* на отставки в МВД – пострадали люди равноценных должностей» (Силовики раскрыли теракт в Домодедово в стенах Госдумы // РБК Daily, 09.02.2011); «Российские военные продолжают публично раскладывать пасьянс военно-технических контрмер, которые могут стать *асимметричным ответом*» на ПРО США в Европе» (Ударим по Америке через Южный полюс? // Комсомольская правда, 25.07.2008). И наконец – *зеркальный ответ*: «Минтранс РФ пообещал Киеву *зеркальный ответ* на запрет полетов. “Если намерения Киева запретить на Украине полеты российских авиакомпаний будет реализовано, Москва примет *зеркальные ответные меры*”, – заявил министр транспорта РФ Максим Соколов» (Интерфакс, 25.09.2015). Если в последних двух случаях еще сохраняется прозрачное терминологическое значение, то за *пропорциональным* и *адекватным ответами* стоит представление о любом виде агрессии, который ущемленная сторона посчитает «соразмерным» нанесенному ей ущербу, скрывающееся за вполне безобидной словесной оболочкой, что говорит об эвфемистичности соответствующих выражений.

В английском языке соответствующее выражение также употребляется преимущественно эвфемистично – в приводимом далее примере на это указывают кавычки: «NATO's strategy of “*proportional*” response to attacks implied the potential of rapid nuclear war ‘Используемая НАТО стратегия *«пропорционального» ответа* на атаки подразумевает возможность начала в скором времени ядерной войны’» (cmhg-phmc.gc.ca); в то время как во французском оно используется как эвфемистически: «Dans certains cas, une interdiction totale peut ne pas être une *réponse proportionnelle* à un risque ‘В некоторых случаях тотальный запрет не может быть пропорциональным ответом на некую угрозу’» (eur-lex.europa.eu), так и метафорически, в том числе в неполитическом контексте: «Le furosémide traite toutes les formes de rétention hydrosodée avec une *réponse proportionnelle* à la dose ‘Фуросемид лечит все формы задержки жид-

кости, соответственно (букв.: *пропорционально отвечая*) дозе» (lavoisier.com) [11] (курсив и перевод наш – Л. С., О. С.).

В польском же языке эвфемистический потенциал выражения практически не используется, аналогом *пропорционального ответа* служат дипломатические выражения *odpowiedź symetryczna* ‘симметричный ответ’, *stosowna odpowiedź* ‘адекватный ответ’, *odpowiedź stosowna do sytuacji, do okoliczności* ‘ответ, соответствующий ситуации/обстоятельствам’, *adekwatne/stosowne kroki* ‘адекватные/соответствующие меры’, ср.: «MSZ Rosji określiło posunięcie władz Polski jako “nieprzyjazne i niczym nieuzasadnione”. Przekazało, że w odpowiedzi strona rosyjska podjęła “adekwatne kroki” i że kilku polskich dyplomatów opuściło już terytorium Rosji za “działalność niezgodną z ich statusem” “МИД России назвал действия властей Польши “недружественными и необоснованными”. Сообщил также, что в ответ российская сторона приняла “адекватные меры” и что несколько польских дипломатов уже высланы за пределы России за “деятельность, несовместимую с их статусом”»»; «Szef polskiego MSZ Grzegorz Schetyna uznał, że to “symetryczna odpowiedź”, która “zamyka sprawę” Глава польского МИД Гжегож Схетина считает, что это “симметричный ответ”, который “закрывает дело”»»; «Terroryści otrzymają jednak stosowną odpowiedź “Террористы получают все же адекватный ответ»» [все примеры: 10] (курсив и перевод наш – Л. С., О. С.). Эвфемистическое прочтение возможно только в отдельных контекстах, передающих представление о явно выраженной угрозе со стороны говорящего.

Таким образом, выражения-кальки в разных культурах не обязательно реализуют весь свой семантический потенциал. Можно в этом случае говорить о градации их потенциальной эвфемистичности: от контекстно-обусловленной до слабо или сильно выраженной.

Примечательно, что эвфемия в иерархии средств непрямого воздействия соотносится с целым рядом дополнительных лингвистических кодов – эпохальных, жанровых, стилевых, выявляемых в коммуникации всего национального коллектива или узкой группы. Изучая эвфемии с этой точки зрения, можно будет создать в перспективе «эвфемопортрет» личности, языкового сообщества, нации. Однако это вопрос ждет будущих исследований и выходит за рамки проблематики этой статьи.

## Библиографический список

1. Басалаева, П. В. Функционирование эвфемизмов в публичном дискурсе и их восприятие носителями языка (по материалам СМИ) [Текст] / П. В. Басалаева. – М.: РГГУ, 2015. – 151 с.
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5: Мертвые души. Поэма [Текст] / Н. В. Гоголь. – М.: Худ. литература, 1953.
3. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. XIV. Братья Карамазовы. Кн. I–X [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976.
4. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. – (Дата обращения: 25.12.2015).
6. Никитина, И. Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков [Текст] / И. Н. Никитина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11. – № 4(6). – 2009. – С. 1580–1586.
7. Никитина, И. Н. Проблема перевода эвфемизмов экономического дискурса (на материале английского и русского языков) / И. Н. Никитина // Гуманитарные научные исследования. 2013. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/11/5110>. – (Дата обращения: 25.12.2015).
8. Саакян, Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. Н. Саакян; Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина. – М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2010. – 23 с.
9. Северская, О. И. «В чужую страну без паспорта и билета» (трудности перевода на примере поэзии Доминика Фуркада) [Текст] / О. И. Северская. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Сост. Н. М. Марусенко, М. С. Шишков. – В 15 т. Т. 12: Перевод как средство межкультурного понимания, предмет изучения и обучения. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 264–269.



10. Gazeta Wyborcza [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.wyborcza.pl](http://www.wyborcza.pl). – (Дата обращения: 25.12.2015).

11. Linguee [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.linguee.com](http://www.linguee.com). – (Дата обращения: 25.12.2015).

### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Basalaeva, P. V. Funkcionirovanie jevfemizmov v publicnom diskurse i ih vosprijatie nositeljami jazyka (po materialam SMI). Diplomnaja rabota [Tekst] / P. V. Basalaeva. – M. : RGGU, 2015. – 151 s.

2. Gogol', N. V. Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 5: Mertvyje dushi. Pojema [Tekst] / N. V. Gogol'. – M. : Hud. literatura, 1953.

3. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij v 19 tomah. T. XIV. Brat'ja Karamazovy. Kn. I–X [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L. : Nauka, 1976.

4. Krysin, L. P. Russkoe slovo, svoe i chu-zhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike [Tekst] / L. P. Krysin. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 888 s.

5. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRJa) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru). – (Data obrashhenija: 25.12.2015).

6. Nikitina, I. N. Bytovye jevfemizmy v kontekste raznyh jazykov [Tekst] / I. N. Nikitina // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – T. 11. – № 4(6). – 2009. – S. 1580–1586.

7. Nikitina, I. N. Problema perevoda jevfemizmov jekonomicheskogo diskursa (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) / I. N. Nikitina // Gumanitarnye nauchnye issledovanija. 2013. – № 11 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://human.snauka.ru/11/5110>. – (Data obrashhenija: 25.12.2015).

8. Saakjan, L. N. Jevfemija kak pragmalingvisticheskaja kategorija v diskursivnoj praktike neprjamogo rechevogo ubezhdenija [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / L. N. Saakjan ; Gos. institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina. – M. : GIRJa im. A. S. Pushkina, 2010. – 23 s.

9. Severskaja, O. I. «V chuzhuju stranu bez pasporta i bileta» (trudnosti perevoda na primere poezii Dominika Furkada) [Tekst] / O. I. Severskaja. Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 goda) / Sost. N. M. Marusenko, M. S. Shishkov. – V 15 t. T. 12: Perevod kak sredstvo mezhkul'turnogo ponimaniya, predmet izuchenija i obuchenija. – SPb. : MAPRJaL, 2015. – S. 264–269.

10. Gazeta Wyborcza [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [www.wyborcza.pl](http://www.wyborcza.pl). – (Data obrashhenija: 25.12.2015).

11. Linguee [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [www.linguee.com](http://www.linguee.com). – (Data obrashhenija: 25.12.2015).

*Дата поступления статьи в редакцию: 10.11.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

---

<sup>1</sup> В роли метамаркеров эвфемистической речевой ситуации обычно выступают выражения: *я извиняюсь; дипломатично говоря; как бы поизящнее выразиться; мягко говоря; как бы помягче сказать; мягко выражаясь; не говоря худого слова; по более осторожному выражению, никого не хотелось бы обидеть, но...; как бы так сказать, чтоб не обидеть; скажем уклончиво; тщательно подбирая слова; я нахожусь в затруднении; это деликатная тема; щепетильный вопрос* и т. п.

М. А. Фокина

### Прецедентные феномены в аспекте лингвистического анализа толерантности блогов политиков

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534

Статья посвящена способности прецедентных феноменов служить маркером толерантности и интолерантности политического дискурса (блогов политиков). Объектом исследования выступили прецедентные феномены, употребленные в записях блогов политиков. В качестве предмета исследования были выбраны особенности функционирования прецедентных феноменов в контексте толерантности указанных образцов политического дискурса; установлена востребованность прецедентных феноменов, особенно прецедентных имен, в реализации речевой стратегии дискредитации через эксплуатацию коммуникативных тактик оскорбления, издевки и обвинения; обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов с целью намеренного достижения такого качества дискурса, как интолерантность.

**Ключевые слова:** прецедентные феномены, политический дискурс, толерантность, политкорректность, речевая стратегия дискредитации, оскорбление, издевка.

М. А. Fokina

### Precedent phenomena in the aspect of linguistic analysis of tolerance in politicians' blogs

The article deals with the ability of precedent phenomena to serve as a marker of tolerance and intolerance in political discourse (politicians' blogs). The object of the research is precedent phenomena used in politicians' blogs. The research subject is specific features of precedent phenomena functioning in terms of tolerance in the abovementioned examples of political discourse. The research shows the demand for precedent phenomena, precedent names in particular, in realizing discredit speech strategy through using communicative tactics of insult, mockery and accusation. The author draws a conclusion that the use of precedent phenomena aims at achieving such quality of discourse as intolerance.

**Key words:** precedent phenomena, political discourse, tolerance, political correctness, speech strategy of discredit, insult, mockery.

В настоящее время в русской лингвокультуре толерантность предстает в роли новой коммуникативной нормы, декларируемой, в первую очередь, в официальной коммуникации, к которой можно отнести большинство текстов политического дискурса. Незавершенность процесса формирования данной нормы подразумевает неосвоенность корпуса средств достижения толерантности или политкорректности представителями русского лингвокультурного сообщества и возможность изменений в его составе. В связи с этим становится актуальным исследование потенциала прецедентных феноменов как дискурсивного средства политкорректности.

На сегодняшний день в отечественных гуманитарных науках разработано множество вариантов понимания толерантности и политкорректности, демонстрирующих сходство терминов, их способность выступать в качестве синонимов. *Толерантность* в целом предстает как

более абстрактное понятие, подразумевающее терпимость к чужому, в том числе к инакомыслию (при возможности оставаться при своем мнении), как стремление к согласию, предупреждению конфликтов [4, с. 13]. За широкую трактовку термина «политкорректность» примем определение Л. Г. Ионина, близкое к сфере социальных наук: *политкорректность* – это «идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [2, с. 5]. Более узкая, лингвистическая, трактовка подразумевает понимание политкорректности как культурно-поведенческой и языковой тенденции, состоящей в замене прямого наименования, способного задеть честь и достоинство, нейтральным или положительным эвфемизмом [1, с. 21].

В фокусе исследования находится анализ функций прецедентных феноменов, наиболее часто задействованных в блогах политиков, в их связи с обеспечением толерантности или интолерантности политического дискурса. Материалом исследования послужили образцы записей блогов Никиты Белых, Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Миронова, Сергея Морозова и Бориса Немцова за 2014 год на платформе Lifejournal.

Рассматривая толерантность блогов политиков как образцов политического дискурса, следует отметить, что проанализированные электронные дневники в целом находятся в русле общей тенденции к неполиткорректности в современной политической коммуникации, отмеченной О. А. Билан [1, с. 25]. Политкорректность предстает как неустоявшаяся норма с нерегулярным набором средств выражения. В этом смысле характерен пример из записи блога Никиты Белых, озаглавленной «Об открытии Центра поддержки семей с детьми с особенностями развития». Нормы толерантности, соблюденные в заголовке путем выбора политкорректной номинации «дети с особенностями развития», в дальнейшем нарушаются в тексте записи, где в отношении того же денотата используется неполиткорректный вариант «дети-инвалиды»: «... когда к нам обратились с просьбой выделить помещение для региональной общественной организации родителей детей-инвалидов *«Дорогою добра»*.

При анализе толерантности дискурса блогов политиков важную роль играет различие в интенциях авторов, доминировании информационной или воздействующей составляющей их коммуникативной цели. Так, в блогах губернаторов Никиты Белых и Сергея Морозова доминирует информационная составляющая при наличии черт официально-делового стиля и практически полном отсутствии экспрессивности. В своих электронных дневниках авторы не обращаются к темам, которые подлежат рассмотрению в аспекте политкорректности и неполиткорректности, в связи с чем можно говорить о нейтральности данных блогов по отношению к обоим полюсам. В блогах же представителей оппозиции (Владимира Жириновского, Сергея Миронова, Бориса Немцова, Эдуарда Лимонова) преобладает отрицательная оценка и экспрессивность. Данные качества распространяются и на функционирование прецедентных феноменов. Именно блоги лидеров оппозиции представляют интерес с точки зрения соблюдения принципов толерантности.

В ходе анализа записей блогов на предмет неполиткорректности электронные дневники были рассмотрены с точки зрения реализации авторами речевой стратегии дискредитации, нацеленной на подрыв доверия к объекту через оскорбление, издевку, осмеяние и др., что полностью противоречит принципам толерантности. При реализации стратегии дискредитации в политическом дискурсе высока продуктивность прецедентных феноменов, отсылка к которым, по мнению О. С. Иссерс, «создает предпосылки для возникновения многообразных ассоциаций, служит средством выражения оценки и создания комического эффекта» [3, с. 178]. Данное высказывание релевантно и для блогов политиков, где прецедентные феномены связаны с тактиками оскорбления, издевки и обвинения.

Яркий пример реализации тактики оскорбления представлен в отрывке записи Бориса Немцова о взаимоотношениях предпринимателей и власти<sup>1</sup>: *«Как бы вы себя ни вели – лояльно, как Евтушенков, или нелояльно, как Ходорковский, власть вас арестовывает и грабит. Все как в анекдоте: дочь приходит к маме перед свадьбой и спрашивает, как себя вести в первую брачную ночь? Как хочешь веди себя, доченька, все равно лишат девственности. Так может вести себя достойно?»*

*У власти алчные шакалы и мародеры».*

В отрывке использован коммуникативный ход прямого оскорбления, подразумевающий непосредственную отрицательную характеристику объекта (представителей власти), осуществляемую через приписывание объекту оскорбления агрессивных действий (*арестовывает, грабит*) и оскорбительную лексику – зооморфизм (*шакалы*) и обозначение лиц, совершающих морально осуждаемые действия (*мародеры*). Оскорбление усилено параллелью с ситуацией прецедентного текста – грубого анекдота.

Наряду с прямым оскорблением в реализации рассматриваемой тактики участвует коммуникативный ход косвенного оскорбления – наделения объекта отрицательным качеством не непосредственно, а через отношение к другому носителю данного качества. При использовании такого коммуникативного хода авторами блогов широко задействован метафорический потенциал прецедентных имен. Владимир Жириновский активно использует прецедентные имена с интегральным компонентом «диктатор» для осмысления современных событий на Украине: *«Им надо подготовить народ Украины к диктатору, к украинскому*

*Пиночету; Тягнибок, Ярош – это внуки тех украинских националистов, которые под флагом Бендеры, этого украинского Гитлера, и Шукевича полностью повторяют фашистскую Германию*». В последнем примере происходит многоступенчатая отсылка к прецедентной ситуации фашистской Германии, через которую политические деятели современной Украины предстают наследниками фашистского режима. Для Бориса Немцова, чей взгляд более сфокусирован на внутренней политике России и ее отдельных регионов, в косвенном оскорблении и сфера-источник, и сфера-мишень, как правило, представляют собой современный российский политический процесс: *«Здорово получается. В Ярославле есть свой Сердюков и своя Васильева. Это соответственно Ястребов и Сенин. И судьба у них, сдается мне, будет схожей*». В данном примере губернатору Ярославской области и его заместителю через параллель с национально-прецедентными именами *Сердюков* и *Васильева* приписывается признак «представитель власти, совершивший крупное хищение, и его пособник». Коннотативное употребление прецедентных имен в приведенных примерах подчеркивается использованием несвойственных именам собственным прилагательных (*украинский, свой*).

Коммуникативный ход развенчания притязаний заключается в утверждении необоснованности претензий лица на обладание статусом или определенными качествами, выраженными, как правило, через отношение к прецедентному имени. Рассмотрим пример записи блога Эдуарда Лимонова: *«Он наверное чувствует себя Иисусом Христом, Ходорковский. Или римским Папой. Однако он не Христос и не Папа»*. В данном отрывке развенчание притязаний Михаила Ходорковского на роль миротворца происходит эксплицитно, в дальнейшем усиливаясь за счет насмешки (*смешна*) и иронии (разговорная конструкция *не хухры-мухры*): *«Вообще мессианская задача помирить Украину с Россией несколько смешна в исполнении этого человека. Ну да, десять лет за решеткой это вам не хухры-мухры, можно и Христом себе показаться»*. Ирония в качестве средства развенчания представлений используется и в другой записи блога: *«Тимошенко Юлия, принимая себя за великую Клеопатру, обронила в Германии, мол никогда Украина не смирилась с потерей Крыма»*. Коммуникативный ход развенчания представлений в приведенном примере имеет следствием нивелирование значения слов Юлии Тимошенко.

Прием «навешивания ярлыков» реализует коммуникативный ход, связанный с подчеркиванием, вплоть до гиперболизации, одной незначительной черты личности, по которой о персоналии предлагается судить читателю. Востребованными в данном аспекте являются прозвища политиков: *«И в самом деле, зачем Айфончику вмешиваться, когда речь идет о серьезных вещах»* (пример из блога Бориса Немцова). Неспособность Дмитрия Медведева заниматься серьезными делами, по мнению автора, подчеркивается с помощью прозвища с уменьшительно-ласкательным суффиксом, выражающего чрезмерную увлеченность политика техническими новинками. «Навешивание ярлыков» может происходить и путем использования прецедентных имен. Рассмотрим пример записи Эдуарда Лимонова о законе, вызвавшем неодобрение автора блога: *«Зотов присутствовал и неуверительно защищал свой закон. Зато убедительной была его внешность. Такая себе статуя Командора из грубого камня. Шеи у человека нет, похож на Бия, что ли из знаменитой повести Гоголя»*. В приведенном примере с помощью антитезы («неубедительно» – «убедительной»), с одной стороны, нивелируется политическая роль депутата, с другой стороны, абсолютизируется значимость его внешности: сопоставление с прецедентным именем призвано сделать облик Зотова в глазах читателя нечеловеческим, что при экстраполяции данного качества на всю личность депутата подчеркивает его бесчеловечность. Ярлыками зачастую становятся прецедентные имена политиков, использованные в функции нарицательных, показателями чего служат написание со строчной буквы и множественное число; в этом случае происходит наведение отрицательной экспрессивно-оценочной семы [3, с. 175], ср.: *беспредел порошенко и коломойских; Янукович под каблуком экономических структур – украинские абрамовичи, гусинские, березовские*.

Менее популярной, чем тактика оскорбления, выступает тактика обвинения. В отличие от оскорбления обвинение требует обоснований и доказательств. Рассмотрим пример записи блога Эдуарда Лимонова о ситуации с российскими моряками в порту Дакара: *«Почему вмешалась Франция? А Франция по-прежнему считает себя великой державой. Как великая держава, под руководством Никола Саркози, она развязала войну в Ливии, выскочив вперед всех, даже поперед батьки Соединенных Штатов, рванув в пек-*

ло. Совокупность всех этих причин и привела к тому что Франция чужими руками унижает сейчас Россию и мстит ей». Отрывку свойственна композиционная инверсия: суть обвинения излагается в семантически сильной позиции – конце текста (*Франция чужими руками унижает сейчас Россию и мстит ей*), обоснование поступков французских властей перенесено в начало текста и донесено до читателя с использованием вопросно-ответной формы изложения. Трансформированное прецедентное высказывание (*даже поперед батъки Соединенных Штатов, рванув в пекло*), наряду с лексическим повтором словосочетания «великая держава», гиперболизирует амбиции Франции, доводит их до абсурда, реализуя тем самым коммуникативный ход развенчания притязаний.

Как видно из примеров, в реализации стратегии дискредитации в блогах политиков наиболее востребованным оказывается такой тип прецедентных феноменов, как прецедентное имя, связанное с набором речевых тактик и коммуникативных приемов.

Вопреки утверждению О. А. Билан о способности прецедентных феноменов выступать средством достижения как политкорректности, так и непolitкорректности в политической коммуникации [1, с. 23] в рассмотренных записях блогов политиков не было отмечено ни одного случая использования прецедентных феноменов в функции эвфемизации. Напротив, характерным является употребление дисфемизмов – подчеркнуто грубых, сниженных слов и выражений. Помимо просторечной и арготической лексики, роль дисфемизмов играют и прецедентные высказывания, в частности, фразеологизмы: *заварили кашу; одного поля ягоды; докатились ниже плинтуса; да пес с ними*. Дисфемистическая функция прецедентных феноменов становится очевидной при сопоставлении содержащих их высказываний с аналогичными, где прецедентный феномен заменен на стилистически нейтральный компонент. Рассмотрим пример отрывка из записи блога Сергея Миронова: «*А цель одна: посеять устойчивую вражду между русским и украинским народами, между нашими странами. И участвуют в этом не наши народы, а оголтелая часть националистов, пляшущих под дудку американского дяди*». Прецедентное высказывание «*плясать под дудку*» играет роль дисфемизма, его пейоративная экспрессивно-оценочная коннотация усиливается за счет взаимодействия со сниженным перифразом США и

высвечивается благодаря сопоставлению с нейтральным аналогом: «*пляшущих под дудку американского дяди*» – «действующих под влиянием США». Характерен и пример отрывка из блога Эдуарда Лимонова, начинающегося с реализации коммуникативного хода прямого оскорбления: «*Америкосы просто скоты, отвратительные ханжи, прикрывающиеся демократией*». Наряду с оскорбительными словами (*скоты*) и лексикой, содержащей негативный оценочный компонент (*отвратительные ханжи*), используется дисфемистическое наименование нации (*америкосы*). Тональность начала отрывка в дальнейшем поддерживается в риторическом вопросе: «*Казалось бы, где Америка, и где Украина, чего вам свое свиное американское рыло совать в Украину?*» Экспрессивность выделенного высказывания усилена за счет контаминации двух прецедентных фраз «*совать свой нос*» и «*со свиным рылом в калашный ряд*»; появление зооморфного компонента «*свиное рыло*» делает высказывание оскорбительным по отношению к представителям власти США.

Преобладание прецедентных феноменов в функции дисфемизации и их полная незадействованность в роли эвфемизмов свидетельствуют об активном использовании прецедентных феноменов с целью создания такого качества дискурса блогов политиков, как интолерантность. Примечательно, что даже в тех случаях, когда автором блога декларируются принципы толерантности, отсутствует последовательное соблюдение стратегии политкорректности. В этом смысле интересен пример, взятый из записи блога Эдуарда Лимонова, где политик приглашает читателей принять участие в публичной акции: «*Всяк суций в ней язык, буддист, националист, шаманист, коммунист, обыватель, и даже либерал, приходите!*». Использование прецедентного высказывания «*всяк суций в ней язык*» в начале призыва в качестве его адресата подразумевает готовность автора вести коммуникацию с носителями разных точек зрения, что соответствует принципам толерантности. Однако использованный далее ряд однородных членов, призванный продемонстрировать разнообразие возможной аудитории, приобретает иронично-насмешливый оттенок за счет включения разнородных элементов вне какой-либо логической последовательности: представители политических объединений (коммунист, националист, либерал) помещены в один ряд с представителями религий (буддист, шаманист) и людьми, назван-

ными обывателями (у данной лексемы в контексте реализуется презрительное значение «человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами»). Использование лексемы «либерал» в конце ряда, сопровождающееся усилительной частицей «даже», на фоне устойчивой негативной оценки носителей данной политической позиции в других записях блога Эдуарда Лимонова, позволяет говорить об использовании по отношению к либералам тактики издевки.

Как видно из рассмотренных примеров, авторов блогов не отличает стремление к достижению толерантности создаваемых ими текстов путем использования тактик уступки, согласия и кооперации. Напротив, политиками активно задается стратегия дискредитации и соответствующие тактики – оскорбление, издевка и обвинение. Таким образом, можно говорить о сознательном и намеренном стремлении к интолерантности дискурса.

Вместе с тем закономерным становится вопрос о причинах непопулярности прецедентных феноменов как средства политкорректности. В данном аспекте наиболее вероятным представляется одновременное влияние нескольких факторов. В качестве одного из них выступает неоспоримое противоречие между прочно устоявшимися чертами русского национального менталитета и принципами толерантности, отмеченное рядом ученых [4, с. 7]. Толерантность предстает как новое для русской лингвокультуры явление, несвойственное национальному менталитету. Немаловажная роль принадлежит и непolitкорректности современного политического дискурса в целом, преобладанию в нем тактик «черной» риторики. Нельзя отрицать и наличие явных концептуальных противоречий между лингвистическими категориями политкорректности и прецедентности: политкорректному языку свойственны такие качества, как неточность, обобщенность, усредненность, обусловленные в том числе обилием «слов-амеб», в то время как употребление прецедентных феноменов неизменно связано с творческим началом, ассоциативным мышлением и выходом за рамки обыденности в использовании языка. В применении к исследованным блогам политиков стоит признать одним из наиболее влиятельных фактор принципиаль-

ного противостояния толерантного отношения к миру любым устойчивым проявлениям негативных эмоций и оценок, что не согласуется с преобладанием прецедентных феноменов в функции отрицательной оценки в рассмотренных образцах политического дискурса.

### Библиографический список

1. Билан, О. А. Дискурсивные средства и механизмы достижения политкорректности в политической речи [Текст] / О. А. Билан // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 9 (87). – С. 20–26.
2. Ионин, Л. Г. Дивный новый мир [Текст] / Л. Г. Ионин. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 112 с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М., 2008. – 288 с.
4. Стернин, И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности [Текст] / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж, 2000. – 110 с.

### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Bilan, O. A. Diskursivnye sredstva i mehanizmy dostizhenija politkorreknosti v politicheskoy rechi [Tekst] / O. A. Bilan // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. – Tambov : Gramota, 2014. – № 9 (87). – S. 20–26.
2. Ionin, L. G. Divnyj novyj mir [Tekst] / L. G. Ionin. – M. : Ad Marginem Press, 2012. – 112 s.
3. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Tekst] / O. S. Issers. – M., 2008. – 288 s.
4. Sternin, I. A., Shilihinina K. M. Kommunikativnye aspekty tolerantnosti [Tekst] / I. A. Sternin, K. M. Shilihinina. – Voronezh, 2000. – 110 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

---

<sup>1</sup> В примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

И. А. Тортунова

**Своеобразие лексических единиц в малых жанрах политических текстов**

Статья является результатом многолетних наблюдений автора над деловой коммуникацией, важной разновидностью которой является политическая коммуникация, и посвящена анализу лексического состава современных политических лозунгов. Являясь малыми жанрами политического дискурса, лозунги обладают уникальной формой, специфической композицией и отличаются художественным своеобразием, которое часто выражено при помощи лексических единиц. Автор акцентирует внимание на анализе политических терминов, идеологем, общеупотребительной лексики, приобретающей в лозунгах специфическое значение, а также детально изучает лексические единицы, при помощи которых в тексте лозунга осуществляется воздействие. В статье дан исторический обзор становления лозунга как жанра политической коммуникации, представлена классификация лозунгов по принципу отбора лексических единиц.

**Ключевые слова:** лозунг, политический слоган, политический дискурс, политическая коммуникация, речевое воздействие, лексические единицы.

I. A. Tortunova

**Peculiarity of lexical units in minor genres of political texts**

The article is the result of the author's observation of business communication, an important type of which is political communication. The article is devoted to lexical analysis of political slogans. Being minor genres of political discourse, slogans have a unique form, specific structure and distinctive artistic originality which is very often expressed through lexical units. The author focuses on the analysis of political terms, ideologemes, common lexis acquiring specific meaning in slogans; and examines lexical units by which the slogan texts exert influence. The article gives a historical overview of how the slogan has become a political communication genre and presents the classification of slogans according to the principle of selecting lexical units.

**Key words:** slogan, political slogan, political discourse, political communication, speech impact, lexical units.

Лозунг является малым жанром текстов политического дискурса, имеющим устойчивую классическую форму и обладающим строгостью композиции. Он активно употребляется в агитационных предвыборных текстах, листовках, плакатах, биографиях политиков, программах партий, поэтому современный лозунг является важнейшим элементом политической коммуникации и непосредственно связан с политическими PR-технологиями и политической рекламой. Лозунг содержит необходимую для получателя информацию, устанавливает контакт между коммуникантами, воздействует на избирателя, ориентируясь на эмоциональную, рациональную, интеллектуальную сферы восприятия окружающей действительности.

Лозунги часто являются непосредственным отражением исторических событий или социально-политических программ и фиксируют реальность с документальной точностью. Например,

лозунг *Ликвидация кулачества как класса!* (1929) сопровождал коллективизацию, *Техника – массам!* (1930) – индустриализацию, *Даешь Целину!* (1956) – освоение новых земель, *Кукуруза – источник изобилия!* (1960) – хрущевскую «кукурузную компанию», *Гагарину – слава!*, *Первому человеку в космосе – ура!*, *Все в космос!* (1961) – первый полет человека в космос, *Спасибо деду за победу!* (2005) – празднование Дня Победы, *Участковый – от слова «участие»* (2007) – создание позитивного имиджа МВД и др.

Источниками лозунгов могут служить цитаты из ранее созданных текстов: *Пуля-дура, штык-молодец!* (из речи А. В. Суворова), *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* (заключительная фраза Коммунистического манифеста), *Религия – опиум народа* (из трудов К. Маркса), *Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны* (из выступления В. И. Ленина), *Догнать и перегнать!* (из речи И. В. Сталина),

*Экономика должна быть экономной!* (из доклада Л. И. Брежнева). Однако лозунг может быть и первичным текстом, созданным специально для сопровождения или поддержки социальной или политической программы, партии, в котором реализуются конкретные политические задачи: *Мир – народам! Все в космос! Долой власть КПСС! Судью на мыло!* и др.

Частотность употребления, общеизвестность и общедоступность часто делают лозунги прецедентами текстами, определяемыми Ю. Н. Карауловым как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности» [3; с. 216]. Как речевой прецедент лозунг становится символом эпохи: *Вся власть Советам! Руки прочь от Советской России! На Берлин! Мы за единую Россию!* и др.

Как малая жанровая форма политических текстов лозунг детально описан в работах современных исследователей, которые также значительное внимание уделяют исследованию художественных приемов, методов воздействия, классификации групп лозунгов [1, 2, 5, 6, 10, 11, 13, 14, 15]. Особого внимания заслуживает описание корпуса лексических единиц, употребляющихся в лозунге.

Семантика лозунга отражена в сочетании общеупотребительной и политической лексики, которая составляет основу политических текстов. Политическая лексика обладает эмоциональной окраской и адресована определенной аудитории. Идеинная направленность политической лексики связана с программой партии или кандидата, основными идеями и задачами, которые реализуются в ходе предвыборной кампании. В структуре лозунга политическая лексика подчеркивает зависимость текста и его восприятия от экстралингвистических факторов, идеологическую детерминированность, интернациональность, специфику воздействия на получателя адресата. Политические термины (слова-обозначения политических процессов и идей) и идеологемы (политические термины, не имеющие ограничений в значении) составляют основу политической лексики. Семантика таких лексических единиц непосредственно отражает идейную направленность программы политической партии или кандидата. Идеологемы – слова, имеющие идеологическую окраску, могут выступать в политическом тексте как нейтральные единицы, например, *христиане, права человека,*

*процесс приватизации, общечеловеческие ценности,* а также могут обладать эмоциональной окраской – *демократический выбор, фашизм, экстремизм, иттурмовик, сепаратист, наемник* (ср.: *разведчик-шпион, единоличная форма правления – тоталитаризм, старообрядцы-раскольники, национал-социализм-фашизм*).

Частотность употребления идеологем в определенной политической эпоху делает их символом времени, а тексты с их использованием, например, политические лозунги, становятся документальным свидетельством этой эпохи. Так, в советское время часто употреблялись такие идеологемы, как *коммунистическое строительство, социалистическое соревнование, мирный атом, звериный оскал капитализма* и др. (ср.: *Мы за мирное сосуществование народов!; Мирный атом – на службу человеку!; За социалистическое соревнование!*). До революции 1917 г. в русском языке наблюдалось частое обращение к таким идеологемам, как *православие, народность, самодержавие*, возвращение к которым наблюдается в постсоветском языковом пространстве. Политическая лексика восприимчива к интенсивным изменениям в политике. Так, резкая смена режима (например, в 1917 или в 1991 гг.) приводит к обновлению состава политической лексики, которая обогащается за счет политической терминологии – слов, обозначающих понятия и явления в политической сфере. В политической речи слово с общим значением может приобретать дополнительные смысловые оттенки. Например, во время Гражданской войны прилагательные, обозначающие цвет, – *красный, белый, зеленый* – стали характеристикой политической позиции воюющих сторон (ср.: *Красной Армии – слава!, Красной Армии – ура!, Бей красных, пока не побелеют! Бей белых, пока не покраснеют!*). В политическом дискурсе 90-х гг. XX в. наблюдается обращение к уже традиционным цветовым обозначениям – *красный и зеленый*. Однако под *зелеными* в этот исторический период понимаются участники экологических движений: *Зеленые говорят нет!*

Оппозиционные политические взгляды в начале-середине 90-х гг. XX в. обозначаются словосочетанием, объединившим необычное для русского языка сочетание цветов *красно-коричневый* и не используемым в современном языке. В данном случае под *красными* понимаются представители коммунистической, советской идеологии, под *коричневыми* (по аналогии с цветом формы в фашистской Германии) – люди, придерживающиеся



радикальных взглядов. Благодаря выбранной грамматической форме сложного прилагательного эти разные по сути политические идеи были объединены в единое целое.

Лексические единицы политической лексики могут менять свое значение, что связано с обращением к ним в разное историческое время (ср.: *правые и левые, демократы и либералы, социалисты и капиталисты, почвенники и западники*). Слово *аграрник*, например, в современном политическом дискурсе в первую очередь обозначает члена Аграрной партии, а не специалиста по аграрным вопросам.

Нельзя не упомянуть о размытости границ между политическими неологизмами и политическими архаизмами. Так, в современную политическую речь вернулись слова *губернатор, советник, Государственная / городская дума, департамент*, не употреблявшиеся в советскую эпоху. Заимствования, пришедшие в язык в начале 90-х гг. XX в. и бывшие лексикой с узкой сферой применения, поскольку использовались исключительно специалистами в области политики, – *консенсус, толерантность, импичмент, инаугурация* – стали общеупотребительными. Часть общеупотребительной лексики советских времен – *исполком, тунеядец, ударник коммунистического / социалистического труда, октябренок, совет дружины пионерского отряда* – трансформировалась в историзмы.

История изучения политической лексики насчитывает более ста лет. Однако на протяжении этого периода лексические единицы изучались в разных ракурсах. Так, в работах отечественных лингвистов 1920–1930-х гг. (Г. Винокура, Р. Якобсона, А. Баранникова, А. Селищева и др.) изучались произошедшие после революции 1917 г. изменения в лексической и стилистической системах языка. Исследователи обращали внимание на появление новых словарных единиц, их систематизацию и анализ семантики, а также изучали сохраненные единицы общеупотребимой лексики.

К 40–50 гг. XX столетия в советской филологической науке возрастает и обостряется интерес к анализу языковых систем различных социальных групп в рамках русского национального языка. Исследователи отмечают стабилизацию языковой системы, что отразилось на устойчивости единиц политической лексики<sup>1</sup>.

Коммуникативно-функциональный подход к изучению политической лексики отличает работы, созданные в 1960–1990 гг. Г. Апресяном,

Ю. Бельчиковым, В. Костомаровым, В. Одинцовым и др., которые были посвящены, в первую очередь, проблемам политической коммуникации. Исследование лексического состава современного лозунга остается важной научной проблемой, которая поставлена в современных исследованиях [4, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 17].

В лозунгах содержатся лексемы разных типов. С одной стороны, лексические единицы могут давать характеристику кандидату или партии: *Надежность. Доверие. Результат; Свобода. Собственность. Законность; Городу нужен хозяин* и др. С другой – лексемы могут апеллировать к адресату, потенциальному избирателю: *С днем рождения нашего города, горожане!*

На всех этапах предвыборной борьбы проблема «Я-позиционирования» остается для кандидата актуальной, а особую важность приобретает при малоизвестности или неизвестности кандидата для избирателей. Обращение к нейтральным лексемам, например: *Новые люди – новые дела; Человек, которому верят, Мы говорим: «Да!»* и др., позволяет унифицировать сказанное, представить адресату кандидата любой возрастной, социальной и профессиональной группы, а также ждать положительной реакции избирателей, тоже принадлежащих к разным целевым аудиториям.

«Я-позиционирование» осуществляется при помощи различных средств языка, не последняя роль в ряду которых отводится выбору лексики. Так, обращение к категориям «профессионал», «специалист», «дело» позволяет подчеркнуть серьезное отношение к работе: *Дорогу молодым специалистам; Профессионалы – вперед, Верен и слову, и делу* и др. Идентификация территориальной принадлежности кандидата происходит благодаря обращению к лексемам «область», «город», «край», «округ» и др.

Важным для кандидата является соотношение «свой–чужой», которое определяет предпочтения электората, как правило отдающего голоса «своим», знающим о проблемах и нуждах местных избирателей. Лингвистический статус «своего» подчеркивает и активное употребление топонимов, которые часто приобретают в лозунгах эмоционально-метафорическое значение, обозначают понятие «малая родина»: *Москва – сердце России; Надым – город моей судьбы; Ленинград – колыбель русских революций; 30 лет отдал Подмоскovie; Люберцы – мой город* и др.

В политических лозунгах рубежа XX–XXI вв. наблюдается расширение семантического пространства за счет обращения к лексемам, ранее

не задействованным в политических текстах. Усиление ряда лексических единиц происходит благодаря активному обращению к нравственно-этическим, психологическим и культурно-историческим категориям, дающим характеристику деловым и личным качествам кандидата: *За созидательное развитие Москвы; Законность. Доверие. Результат.*

Если еще в 90-е гг. XX столетия в лозунгах содержится апелляция исключительно к высоким гражданским понятиям («свобода», «справедливость», «правда», «родина», «патриотизм»), то в более современных текстах, созданных в начале XXI в., наблюдается тематическое многообразие: гражданские категории уживаются с личностными, частными, адресными, такими как «здоровье», «благополучие». «защита», «забота» «культура», «семья», «религия», «строительство» и др., например: *Мы – за здоровый образ жизни; Образование – наше будущее; Бесплатное образование для всех; Сохраним культурные ценности страны* и др.

Лексические единицы, которые относятся к электорату и обозначают объект действия, образуют две смысловые группы. **К первой** можно отнести слова, обозначающие получателя сообщения, потенциального избирателя: *Москвичи! На выборы!; Горожане! Сохраним город чистым!* Получатель сообщения может называться в лозунге по социальному, профессиональному, возрастному, территориальному и другим признакам: *Воину-победителю слава!; Студент! Записывайся в наши ряды!; Северяне! Голосуйте за сохранение пенсий!; Пенсионеры! Выходите на митинг!; Строители! Сохраним наше достояние!* Подобные обращения являются оценочно-экспрессивными и реализуют призывную функцию лозунга, объединяя единой идеей группу лиц.

**Вторая группа**, основу которой составляют императивные формы, включает в себя лексические единицы, обозначающие побуждение адресата-избирателя к активному действию и выраженные глаголами, обозначающими приказ или призыв: *Выбирай сердцем!; Голосуй за № 5!* (номер обозначает фамилию кандидата в списке); *Сделай свой выбор!*

Слоганы новейшего времени демонстрируют постепенный отход от апелляции к императивной лексике. Призыв теперь часто имеет не прямой, а косвенный характер. Это объясняется изменением восприятия избирателя, ставшего более предвзятым и искушенным. Принятая в современном мире двусторонняя форма коммуни-

кации, ориентированная на диалог, не допускает прямого призыва к действию, который часто воспринимается как давление и значительно снижает степень доверия к кандидату.

### Библиографический список

1. Амиров, В. М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации [Текст] : дисс. канд. филол. наук / В. М. Амиров. – Екатеринбург, 2002. – 228 с.
2. Енина, Л. В. Коммуникативная форма современного лозунга [Текст] / Л. В. Енина // Российская журна-листика – от «Колокола» до «Спид-инфо»: к 60-летию факультета журналистики Урал. Гос. ун-та. – Екатеринбург : Из-во УрГУ, 1996. – 215 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
4. Киселев, К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника [Текст] / К. В. Киселев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2002. – 242 с.
5. Кохтев, Н. Н. Эмоциональное воздействие пропагандистского слова [Текст] / Н. Н. Кохтев. – М. : Московский рабочий, 1981. – 111 с.
6. Кривоносов, А. Д. В мире политического слогана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.webknow/kultura\\_00677.html](http://www.webknow/kultura_00677.html). – (Дата обращения: 30.12.2015).
7. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции [Текст] / Н. А. Купина. – Екатеринбург–Пермь : ЗУУНЦ, 2005. – 145 с.
8. Купина, Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры [Текст] / Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Ур. Ун-та, 1999. – 176 с.
9. Лисовский, С. Ф. Политическая реклама [Текст] / С. Ф. Лисовский. – М. : Маркетинг, 2000. – 173 с.
10. Ложенова, Н. В. Языковые особенности и коммуникативные типы политического слогана конца XX-начала XXI века [Текст] : дисс. на соиск. уч. степ. кандидата филол. наук / Н. В. Ложенова. – Нижневартовск, 2010. – 233 с.
11. Морозова, И. Г. Слагая слоганы [Текст] / И. Г. Морозова. – М. : РИП-холдинг, 1998. – 172 с.
12. Пушкарева, Г. В. Политический менеджмент [Текст] / Г. В. Пушкарева. – М. : Дело, 2002. – 399 с.
13. Тортунова, И. А. Жанровые и художественные признаки лозунгов и слоганов

[Текст] / И. А. Тортунова // INTER-CULTUR@L-NET. Международный научно-практический журнал. – Вып. 5. – Владимир, 2006.

14. Тортунова, И. А. Лозунг как документ эпохи [Текст] / И. А. Тортунова // Вестник Орловского государственного университета. – Орел, 2012. – № 2 (31). – С. 181–185. – (Новые гуманитарные исследования).

15. Тортунова, И. А. Лозунг как ораторский жанр [Текст] / И. А. Тортунова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М., 2012. – № 10 (110). – С. 159–161.

16. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] / А. П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 254 с.

17. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика [Текст] / Г. Г. Хазагеров. – М. : Николо М, 2002. – 313 с.

#### **Bibliograficheskij spisok (in Russ)**

1. Amirov, V. M. Agitacionnyj predvybornyj sverhtekst: organizacija sodержaniya i strategii realizacii [Tekst] : diss. kand. filol. nauk / V. M. Amirov. – Ekaterinburg, 2002. – 228 s.

2. Enina, L. V. Kommunikativnaja forma sovremennogo lozunga [Tekst] / L. V. Enina // Rossijskaja zhurna-listika – ot «Kolokola» do «Spid-info»: k 60-letiju fakul'teta zhurnalistiki Ural. Gos. un-ta. – Ekaterinburg : Iz-vo UrGU, 1996. – 215 s.

3. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – М. : Nauka, 1987. – 264 s.

4. Kiselev, K. V. Politicheskij slogan: problemy semanticheskoi politiki i kommunikativnaja tehnika [Tekst] / K. V. Kiselev. – Ekaterinburg : UrO RAN, 2002. – 242 s.

5. Kohtev, N. N. Jemocional'noe vozdejstvie propagandistskogo slova [Tekst] / N. N. Kohtev. – М. : Moskovskij rabochij, 1981. – 111 s.

6. Krivososov, A. D. V mire politicheskogo slogana [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.webknow/kultura\\_00677.html](http://www.webknow/kultura_00677.html). – (Data obrashhenija: 30.12.2015).

7. Kupina, N. A. Totalitarnyj jazyk: slovar' i rechevye reakcii [Tekst] / N. A. Kupina. – Ekaterinburg–Perm' : ZUUNC, 2005. – 145 s.

8. Kupina, N. A. Jazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoj kul'tury [Tekst] / N. A. Kupina. – Ekaterinburg : Izd-vo Ur. Un-ta, 1999. – 176 s.

9. Lisovskij, S. F. Politicheskaja reklama [Tekst] / S. F. Lisovskij. – М. : Marketing, 2000. – 173 s.

10. Lozhenova, N. V. Jazykovye osobennosti i kommunikativnye tipy politicheskogo slogana konca XX-nachala XXI veka [Tekst] : diss. na soisk. uch. step. kandidata filol. nauk / N. V. Lozhenova. – Nizhneartovsk, 2010. – 233 s.

11. Morozova, I. G. Slagaja slogany [Tekst] / I. G. Morozova. – М. : RIP-holding, 1998. – 172 s.

12. Pushkareva, G. V. Politicheskij menedzhment [Tekst] / G. V. Pushkareva. – М. : Delo, 2002. – 399 s.

13. Tortunova, I. A. Zhanrovyje i hudozhestvennye priznaki lozungov i sloganov [Tekst] / I. A. Tortunova // INTER-CULTUR@L-NET. Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – Vyp. 5. – Vladimir, 2006.

14. Tortunova, I. A. Lozung kak dokument jepohi [Tekst] / I. A. Tortunova // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Орел, 2012. – № 2 (31). – С. 181–185. – (Novye gumanitarnye issledovanija).

15. Tortunova, I. A. Lozung kak oratorskij zhanr [Tekst] / I. A. Tortunova // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – М., 2012. – № 10 (110). – С. 159–161.

16. Chudinov, A. P. Politicheskaja lingvistika [Tekst] / A. P. Chudinov. – М. : Flinta ; Nauka, 2008. – 254 s.

17. Hazagerov, G. G. Politicheskaja ritorika [Tekst] / G. G. Hazagerov. – М. : Nikolo M, 2002. – 313 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 30.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

---

<sup>1</sup> См. работы В. Жирмунского, Л. Якубинского, М. Бахтина.

Е. С. Кара-Мурза

### Экстралингвистические факторы формирования рекламы и ее направлений

В статье обсуждается нерешенная проблема лингвистического описания общей специфики рекламы и ее дифференциации. Решить ее предлагается через использование инструментария экстралингвистических факторов в их иерархии. Адекватное различение направлений и видов рекламы важно в практике креатива, вузовском медиаобразовании и лингвоэкспертной деятельности.

**Ключевые слова:** иерархия экстралингвистических факторов, общая характеристика и дифференциация рекламы.

E. S. Kara-Murza

### Extralinguistic factors in the formation of advertising and its directions

The article discusses the problem, still not solved, of linguistic description of advertising, its general specificity and differentiation. It is offered to solve the problem through the use of extralinguistic factors in their hierarchy. Adequate differentiation of types and directions in advertising is important for creative practice, university media education and linguistic expertise.

**Key words:** hierarchy of extralinguistic factors, general characteristics and differentiation of advertising.

В медиаобразовании одним из основных объектов изучения и преподавания, наряду с журналистикой и пиаром, является реклама. Она изучается в комплексе дисциплин, одна из которых лингвистическое рекламоведение (по удачному выражению [12]); как учебный предмет оно излагается в разных традициях: функциональной стилистики, риторики, семиотики, – при этом опирается на рекламоведение как отраслевую науку.

В рекламоведении зафиксирована многосоставность этого типа социальной коммуникации, ориентация в которой необходима будущим специалистам. Реклама объединяет три направления – **коммерческое** (исторически первичное, прототипическое), **политическое** и **социальное** [25]. В настоящее время каждое из них входит в разные сферы социальных коммуникаций. В конце XX в., благодаря новой – маркетинговой – концепции рыночной экономики [10], информационно-коммуникативную деятельность рыночных субъектов стали реализовывать через систему ИМК (интегрированных маркетинговых коммуникаций), которая дает синергетический эффект; и коммерческая реклама стала их важнейшей частью [16]. В свою очередь политическая реклама стала частью коммуникаций политических, а конкретнее – электоральных; их основой, согласно избирательному законодательству, является информационное обеспечение выборов, в состав которых входят информирование

избирателей и предвыборная агитация [5]; трансформация электоральных коммуникаций в маркетинговом духе на политическом рынке, как сейчас принято говорить, реализуется в политтехнологиях [14]. И, наконец, есть реклама социальная (на западе она называется некоммерческой) [21]. Это часть государственной пропагандистской машины; в отечественной традиции ее предшественница – наглядная агитация.

Однако в лингвистическом описании эта множественность иногда теряется, что способно ослабить и прикладную ценность, и эвристическую силу вузовской учебной дисциплины. Только коммерческую рекламу обозначает понятие «рекламный дискурс», принятое в дискурсивной парадигме [17]. Политическая изучается и в стилистике, и в политической лингвистике (см. публикации в одноименном журнале); причем соотношение этого вида рекламы с предвыборной агитацией, важное и с креативной, и с правовой точки зрения, почти не отрелфлексировано. И до сих пор нет консенсуса относительно рекламы в функциональной стилистике, где в терминах типизированных речевых совокупностей – функциональных стилей изучаются закономерности коммуникации в макросферах науки, политики, массовой коммуникации, законодательства, правоприменения и делопроизводства и др. В базовом учебнике параграф о ней, написанный М. Н. Кожинной, назван «Вопрос о

стилевым статусе рекламных текстов и их стилистике» [9, с. 387–392]; в новом углубленном курсе тоже подчеркнута проблематичность рекламы в этом аспекте [13, с. 236–238]. В этих и других авторитетных учебниках реклама либо не рассматривается как самостоятельный феномен функционально-стилистической природы: авторы «вписывают» ее в рамки то публицистического, то политического (судя по преобладающим примерам у М. Н. Кожинной), то официально-делового стиля, либо же она вообще выносится за пределы функциональных стилей и трактуется как явление жанрового порядка [2; 11]. В новейшем учебнике, который написан в концепции интенциональной стилистики (см. о ней работы Л. Р. Дускаевой), в дополнение к понятию функциональных стилей (которое неоднократно подвергалось критике, напр., К. А. Долининым, В. И. Карасиком, Г. В. Векшиным и др.) введено понятие профессиональных стилей; к ним отнесены реклама и пиар [19]; глава о рекламе в этом учебнике написана нами. В других публикациях мы рассматриваем рекламу через призму «язык /речь» в неразрывном единстве таких аспектов, как рекламный дискурс в русском коммуникативном пространстве и рекламный функциональный стиль в составе современного русского литературного языка, и называем этот подход «лингвосемиотика рекламы» [7, с. 220–231].

На наш взгляд, создать адекватную картину рекламы как «множественного» речедеятельностного феномена, ее формального и содержательного разнообразия можно, опираясь на функционально-стилистическую идею экстралингвистических факторов (ЭЛФ), которая в дискурсологии соответствует идее дискурсивных параметров и категорий, например, по Т. ван Дейку (в науке западной) или по В. И. Карасику (в науке отечественной).

Эвристически ценной является идея М. Н. Кожинной об иерархии ЭЛФ, об их разделении на первичные и вторичные. Под действием первых формируются основные черты, присущие данному типу текстов; под действием вторых – второстепенные и/или гибридные свойства. Основными считаются «сфера общения, связанная с тем или иным видом деятельности, соотносительным с формой сознания (наука, искусство, политика, право, религия, обиходное сознание в бытовой сфере); форма мышления (логикопонятийное, образное, деонтическое и т. д.), цель общения – основная (в отличие от индивидуальной интенции конкретного речевого акта), обусловленная назначением в социуме указанных

видов деятельности; тип содержания (различающийся обычно в разных сферах общения); функции языка (коммуникативная, эстетическая, экспрессивная, фатическая и др.); типовая (базовая) ситуация общения (официальная / неофициальная)» [20, с. 624].

Основываясь на этой идее, мы некоторое время назад для общей характеристики коммерческой рекламы и ее дифференциации предложили модифицированный перечень ЭЛФ. **Первый фактор** – *торгово-сбытовая* область экономики, где реклама функционирует как специфический тип делового общения, как профессиональная речевая деятельность увещевающего типа. **Второй фактор** – *особые объекты*: товары и услуги; рассказ о новинках рынка отличает коммерческую рекламу от журналистики, которая отражает в новостях все новые и новые события. **Третий фактор** – *цели и задачи*, зафиксированные законодательно: не просто распространение информации о товарах и услугах, а привлечение к ним внимания, формирование или поддержание интереса и продвижение их на рынке. Эти факторы формируют типичный и узнаваемый облик рекламы в целом, а ее воздействие интенсифицируется, в том числе, многократным предъявлением текста, повтором и варьированием ключевого аргумента. **Четвертый фактор** – *разнообразие ее задач* относительно разных типов товаров и разных этапов их рыночного существования, что предопределяет разнообразие рекламных стратегий, которое отражается в выборе жанров. **Пятый фактор** – *плотность*, вследствие чего размер текста ограничивается; рекламодатель выбирает малый жанр объявления. **Шестой** – *генезис массовой рекламы* из персонального делового общения, который побуждает рекламистов компенсировать утраченные резервы диалога за счет стилизации прототипического сценария и особых приемов обозначения участников прототипического рекламного диалога. **Седьмой** – *требование распознаваемости рекламы* обычным потребителем: оно должно воспрепятствовать обману аудитории через сообщение о товарах в якобы нерекламных произведениях, к которым доверия больше, чем к рекламным. И, вероятно, **последний** – *коллективный и анонимный характер творчества*, что минимизирует авторское начало, устраняя из анализа категорию идиостиля, зато активизируя изучение фирменного стиля в широком понимании этого термина. Эти факторы взаимодействуют и заставляют выбирать адекватные средства означивания их полисемиотического «языка», в том числе естественного (здесь – русского) [6, с. 479–552].

Нельзя не согласиться с мнением М. Н. Кожинной: «Поскольку рекламные тексты “работают” на разные целевые группы аудитории, для придания воздействующей силы создатели рекламных сообщений используют всю стилистическую палитру языка» [9, с. 392]. Однако из этого не следует, что реклама лишена своеобразия, – оно есть; этот факт отражен в рабочем определении: «Реклама – это ответвление массовой коммуникации, в русле которого создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные произведения, адресованные группам людей с целью побудить к нужным рекламодателю выбору и поступку» [22, с. 8]; рядовые пользователи узнают ее по комплексу ярких примет; более того, требование узнаваемости содержалось в предыдущем Федеральном законе о рекламе (1995), который был создан на раннем этапе возвращения рекламы в отечественное медиапространство. Однако, как у большинства языковых / речевых феноменов, у нее (рекламы) полевая организация: характерные свойства проявляются в ней в большей или в меньшей степени в зависимости от целей и задач рекламодателей. В ней есть ядерные текстовые компоненты, жанры, сюжеты и персонажи, естественноречевые и иносемиотические средства. Есть околоядерные и периферийные: в них проявляется генетическое родство рекламы с деловым общением или функциональное родство с научно-популярной литературой, гламурной журналистикой (Life Style) или политической агитацией.

Поэтому нельзя признать дискурсивно адекватной правовую дефиницию из ФЗ «О рекламе» (2006), согласно которой реклама осуществляется любым способом, в любой форме, с использованием любых средств. Именно что не любым способом, не любыми средствами, а из языковых и речевых «рекламных парадигм», функционально обусловленных, исторически сложившихся и прагматически оправданных: из рекламного функционального стиля как вертикально организованной языковой парадигмы, а также из парадигмы рекламных речевых жанров. При этом, конечно, в ее текстах могут встречаться и элементы других стилей, например научного – в жанре рекламной инструкции, делового – в жанре объявления; жанры могут транспонироваться в рекламу из других областей коммуникации, например жанры исповеди, личного дневника, теста, астрологического прогноза.

Однако надо учесть, что реклама «едина в трех лицах». В ФЗ «О рекламе» говорится о всех трех разновидностях – коммерческой, социальной и политической, притом что последняя (как специально

отмечено) этим законом не регламентируется. И законодательно признается, что реклама применяется в нескольких рабочих областях с одной генеральной целью продвижения, что ее произведения узнаваемы средними носителями языка (любого, по всему миру). Тогда получается, что первый пункт списка ЭЛФ (и по М. Н. Кожинной, и нашего) к рекламе применить нельзя: отсутствует единая общая сфера функционирования.

Согласно правовой дефиниции, генеральная специфика рекламы предопределена не сферой, не содержанием и не формой, а направленностью, что и отражено в ее правовой дефиниции: «Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [23]. В современной лингвистике понятийная область «направленность», к сожалению, недоопределена, хотя сам термин активно употребляется в лингводидактике («коммуникативная направленность обучения, курса, учебника и пр.») и лингвоэкспертологии («смысловая направленность» в проблематике комплексных психолого-лингвистических экспертиз по экстремистским текстам). Анализ контекстов употребления, прежде всего в «Постатейном комментарии к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [15], показывает, что направленность соотнесена непосредственно с коммуникативной целью рекламодателей (инициаторов обращения) и опосредованно – с коммуникативным (пред)значением, целеустановкой текста: реклама – это «сведения об объектах, явлениях, событиях и процессах, которые используются для выработки поведения. В более приземленном варианте реклама – это сведения о товаре, услуге, их свойствах; производителе, продавце таких товаров, их местоположении, реквизитах, товарных знаках и фирменных наименованиях и видах деятельности, а также иных объектах, в продвижении которых заинтересован участник рекламного рынка. Именно на информацию ложится основная нагрузка в понятии рекламы. При этом не важно, в каком виде данная информация подается» [15]. Вот как различается (коммерческая) реклама и (коммерческая) информация: «Размещение крышной установки на здании, в котором организация занимает лишь часть помещений, следует расценивать как рекламу этой организации, поскольку такой способ размещения информации не обеспечивает обо-

значения места нахождения организации и преследует иные цели. Стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев адреса и режима работы эта надпись, установленная на крыше, не содержит. Размеры конструкции и место ее расположения свидетельствуют о том, что целевым назначением ее размещения будет не информирование потребителей о фирменном наименовании юридического лица, а привлечение внимания к данному лицу» [15].

Таким образом, для рекламы как генерального объекта изучения в лингвистическом рекламоведении конституирующими являются фактор рекламной цели и маркетинговой функции, в их взаимообусловленности. Эта цель формулируется как привлечение внимания к продукту с последующим его продвижением на товарном, идеологическом, политическом рынке. Лапидарный слоган «*Реклама должна продавать*» говорит именно об этом. А продукт, который надо продвигать, – самый разный: от потребительского товара и услуги до социально значимой идеи, партии и кандидата на выборах. Все они «жаждут» востребованности, а рекламодатели ожидают от своей целевой аудитории в конечном счете поведенческих реакций.

(1) «*Имидж – ничто, жажда – все! Sprite! Не дай себе засохнуть*» – это реклама потребительская; «*Осенний ценорад!*» – реклама торговая (наряду с промышленной это разновидности коммерческой, по целевым аудиториям);

(2) «*Заплати налоги и спи спокойно!*» – это реклама социальная, в частности тяготеющая к политической; здесь защищаются интересы государства как социального макроактора и продвигается выгодная ему модель поведения;

(3) «*Народный фронт + Народная программа = Народный бюджет*» – это политическая реклама (она направлена на формирование имиджа нового политического движения «Общенародный фронт» (ОНФ); распространялась в Курске летом 2011 г. Ср.: «*8 сентября – за Дегтярева! За ЛДПР!*» – это предвыборная агитация непосредственно на выборах мэра Москвы в 2013 г. Отметим, что в отечественной коммуникативистике слабо различаются политическая реклама и предвыборная агитация, например [24]; в ситуации отсутствия законодательной регуляции первой это обстоятельство может стать проблемой и потому ждет внимательных исследователей.

Продвигающая (или промоцийная) функция и цель любой рекламы осознается как профессиональным, так и «наивным» пользователем языка, отражаясь в толковом словаре: «Реклама –

1. Широкое оповещение о свойствах товаров, произведений искусств и услуг в целях привлечения внимания и спроса потребителей (*отснять видеоклип для рекламы...*). 2. Разг. Распространение сведений о ком-л., о чем-л. с целью создания популярности (*сделать рекламу кому-чему-л.*). 3. То, что служит средством такого оповещения (афиша, объявление по радио, видеоролик и пр.)» [3, с. 1114–1115]. Вот как характеризуется реклама в энциклопедическом словаре: «Реклама – информация о потребительских свойствах товаров и видах услуг с целью их реализации и создания спроса на них; популяризация производства, литературы, искусства и др.» [4, с. 1008]. Определение Американской ассоциации маркетинга: «Реклама – это любая форма неличного представления и продвижения идей, товаров и услуг определенной группе четко обозначенным спонсором. С точки зрения коммуникации, реклама – это распространение контролируемой, четко определенной информации увещательного характера с помощью средств массовой коммуникации» [цит. по 24, с. 42]. Дефиниция «с воздействием акцентом» дана О. А. Феофановым – одним из первых отечественных специалистов по рекламе: «... это комплекс психологических мер воздействия на сознание потенциальных потребителей с целью активного продвижения на рынок объектов рекламы, будь то товар, услуга или политический деятель, а также с целью создания позитивного имиджа фирме, организации и отдельным институтам общества» [24, с. 75].

Информационно-коммуникативная природа рекламы, единство ее цели и функции позволило нам предположить, что реклама есть не что иное, как коммуникативная стратегия макромасштаба, применяемая в самых разных сферах [8, с. 125].

Что же касается типичного содержания этой макростратегии, то здесь надо вернуться к списку М. Н. Кожинной, где такому ЭЛФ формирования функциональных стилей, как сфера деятельности, соответствует форма мышления: «логикопонятийное, образное, деонтическое и т. д.» – этот список не был закрыт. И не случайно, что в перечне сфер деятельности, который был предложен М. Н. Кожинной в конце 60-х гг. XX в., упоминались наука, искусство, право, политика; они фигурировали и в работах по функциональной стилистике других авторов. А экономика – нет, не упоминалась, при всей ее практической значимости и при всем значении, которое ей на словах уделялось в советском дискурсе, включая его научную область. Она отобразилась только в одной советской социолингвистической работе: среди 12 сфер об-

щения были отмечены хозяйственная деятельность и массовая информация [1]. Логично поэтому, что экономическая форма мышления, как и бизнес-мышление, в функционально-стилистической картине мира отсутствовали. И газетно-публицистический стиль оказался здесь связан только с политикой; а коммуникации в экономической области также не были от-refлексированы.

Симптоматично, что в начале 90-х гг., с перестройкой, на фоне празднования в 1988 г. тысячелетия Крещения Руси, в работах Л. П. Крысина и О. А. Крыловой список функциональных стилей русского языка был дополнен религиозным; в словарной статье 2003 г. М. Н. Кожина зафиксировала: «... именно соотнесение в стилистике сферы общения с указ. экстрафактором позволило определить 5 интуитивно осознаваемых функц. стилей: науч., офиц.-дел., публиц., худож., разговор. и закономерно к ним присоединяемый религиозный» [20, с. 626]. Очевидно, что таким образом признается – и совершенно справедливо – наличие сферы религиозной коммуникации, обусловленной наличием религиозного типа мышления, и ее институтов, а также специального языка; в частности, для России это Русская Православная церковь с ее церковно-славянско-русским билингвизмом.

Но в стилистическом словаре 2003 г. рекламного стиля по-прежнему не было, хотя к тому времени уже развились в достаточной мере как российская рыночная экономика и ее креативная основа – бизнес-мышление, так и ее информационное обеспечение – коммерческая реклама; уже сложилась совокупность узнаваемых, хотя и разнообразных произведений, а также, подчиняясь целям продвижения товаров/ услуг на глобализированном рынке, сформировались особенности употребления русского языка – рекламный функциональный стиль / русский рекламный узус.

Знаменательно, что в те же годы одним из классиков отечественного рекламоведения была предложена идея особого типа профессионального мышления – маркетингового [18]. Его возникновение мотивировано созданием в середине XX в. на Западе и быстрым распространением в мировом масштабе новой концепции рыночного хозяйствования – маркетинга. В этой концепции цели и методы бизнес-процессов были переосмыслены, сформулирован клиент – ориентированный подход и разработан комплекс, названный маркетинговым миксом, – «4 р» или «5 р»: product (продукт должен разрабатываться и рекламироваться с учетом интересов и нужд его потребителей), price (ведется гибкая ценовая политика, со скидками и бонусами), placement (боль-

шое внимание уделяется оформлению и размещению продукта на торговом месте), sales promotions (потребителей вовлекают разными приемами: конкурсами слоганов и рассказов пользователей о товаре, разыгрыванием призов и пр.); people (готовится квалифицированный торговый персонал) [10].

Концепция маркетинга имела большое значение для содержательной (риторико-стилистической) динамики рекламного творчества, поскольку способствовала формированию у работников рекламной индустрии этого маркетингового подхода, без которого невозможно ни успешное проектирование продукта с его реальными товарными характеристиками или виртуальными, психологическими преимуществами, ни – на этом основании – его эффективное рекламирование; разрабатывать и преподносить продукт нужно с точки зрения потребностей и интересов клиента («Мы с Вами 10 лет!»), а не исходя из нужд и возможностей фирмы («Нам 10 лет!»).

А. П. Репьев считает одной из заповедей рекламного творчества, важнейшим условием успеха в любой рыночной области (включая рынок труда, где люди заняты саморекламой) осознанное воспитание, культивирование именно маркетингового мышления, а не журналистского и не беллетристического. Маркетинговое сознание «отвечает» за установку на нужды и потребности целевой аудитории, а следовательно, за аргументационную составляющую на основе ее ценностей. А за диалог с аудиторией (хотя бы заочный), за приемы диалогизации: вопросо-ответное построение и пр. – ответственна коммуникативная природа рекламы.

В то же время рекламисты воспитывают у своей аудитории особое отношение к миру товаров и услуг, особое мировосприятие, которое получило название потребительского и связано с установкой на постоянное обновление людьми своего гардероба, мебели, «парка» бытовой техники и гаджетов и пр. Такое потребительское мышление воспитывается не только в национальных границах, но и в глобальных масштабах. Потребительское сознание (равно как инспирировавшая его реклама) является объектом критики как «справа», со стороны традиционных (в т. ч. христианских) ценностей, так и «слева», со стороны антикапиталистических и антиглобалистских движений [25].

Приведем дефиницию рекламы известного ученого А. В. Олянич, в которой объединены маркетингологический и лингвистический подходы: «Реклама – форма коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг на язык



нужд и потребностей покупателей. Она также трактуется как оповещение людей всевозможными способами для создания широкой известности чего-либо, как распространение информации о потребительских свойствах товара и преимуществах различного вида услуг с целью их реализации и повышения спроса на них, для чего используется определенный арсенал средств и приемов, организуемых в коммуникативные стратегии манипулирования» [17, с. 10].

В содержательном аспекте макростратегия рекламы может быть описана как позиционирование – предъявление товара / услуги / фирмы / персоны / партии в самом выгодном свете, чтобы он занял выигрышную позицию в своей товарной категории или в своей политической нише, чтобы был востребован и хорошо продавался. Позицио-

нирование – сущность содержания всех типов рекламы как коммуникативной макростратегии.

Благодаря необходимости позиционирования в рекламном креативе активизируется создание собственных имен как знаков индивидуализации товара и фирмы-рекламодателя, а также политической партии, выполняющих такие маркетинговые функции, как марочная и фирменная идентификация, мнемическая, а также правоохранная (эксклюзивное право пользования). Позиционирование влияет и на поликодовую специфику облика рекламы, который реализуется через разные жанры, разработанные для разных носителей и медиаканалов. Так, любая реклама (коммерческая, политическая, социальная) может быть выполнена в эффектном жанре плаката / постера, поэтому его можно считать центром, ядром пространства рекламы (см. Рис. 1, 2, 3).

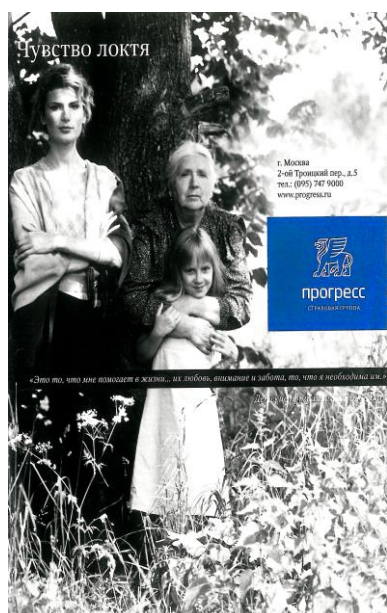


Рис. 1. Коммерческая реклама

И лишь на следующем этапе, на этапе дифференциации рекламы по сферам применения (экономика и экономические аспекты здравоохранения, образования, культуры, политика, социальная мораль, здоровый образ жизни), включается экстралингвистический фактор сферы. Здесь хочется оспорить мнение специалиста-рекламоведа, который видит в членении на коммерческую, политическую и социальную рекламу фактор не сферы, а цели – целевой идеи, по выражению автора [26]. Цель как раз у всех направлений рекламы общая, единая, а существование большого количества разновидностей внутри основных направлений рекла-



Рис. 2. Политическая реклама



Рис. 3. Социальная реклама

мы зависит от разных ЭЛ факторов, которые заслуживают отдельного разговора.

Итак, анализировать рекламу как целостное направление социальной коммуникации и выделять ее основные направления и многочисленные разновидности можно, основываясь на модифицированной концепции экстралингвистических факторов (ЭЛФ), по М. Н. Кожинной. Верхнюю позицию в их иерархии занимает **рекламная**, «**продвигающая**» цель этой институциональной, профессиональной и индустриальной, законодательно регулируемой речевой деятельности и **маркетинговая функция**. Рекламу можно охарактеризовать как макростратегию, содержа-

нием которой является позиционирование продвигаемого продукта в соответствии с маркетинговой «идеологией». А в зависимости от социальных сфер происходит ее расслоение на несколько направлений: коммерческую, политическую и социальную. Реклама образует полевую структуру с функционально различными типами произведений; особую задачу выполняют знаки марочной и фирменной индивидуализации; а центр жанровой подсистемы занимает жанр плаката, или постера.

### Библиографический список

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка [Текст] / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 225 с.
2. Белозерова, Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале русской лингвокультуры) [Текст] : АКД ... филол. наук / Е. В. Белозерова. – Волгоград, 2007. – 22 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст]. – СПб. : Норинт, 1998. – 1189 с.
4. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Энциклопедия, 2001. – 1285 с.
5. Головин, А. Г. Избирательное право в России [Текст] / А. Г. Головин. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009. – 231 с.
6. Кара-Мурза, Е. С. Язык современной русской рекламы [Текст] / Е. С. Кара-Мурза // Язык массовой и межперсональной коммуникации. – М. : Наука, 2007. – С. 479–552.
7. Кара-Мурза, Е. С. Реклама: жанр, функциональный стиль, дискурс? [Текст] / Е. С. Кара-Мурза ; под ред. М. П. Котуровой // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 14. – Пермь, 2010. – С. 220–231.
8. Кара-Мурза, Е. С. Коммерческая реклама с типологической точки зрения [Текст] / Е. С. Кара-Мурза // Медиалингвистика: Сборник статей. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в масс медиа. – СПб. : ВШЖиМК, 2015. – С. 125–128.
9. Кожина, М. Н., Салимовский, В. А., Дускаева, Л. Р. Стилистика русского языка [Текст] / Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский. – М. : Флинта, 2008. – 464 с.
10. Котлер, Ф. Основы маркетинга [Текст] / Ф. Котлер / Перевод на русский язык В. Б. Бобров. – М. : Прогресс, 1990. – 656 с.
11. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика [Текст] : учебный комплекс / О. А. Крылова. Ч. 1. – М. : Высшая школа, 2008. – 319 с.
12. Ксензенко, О. А. Рекламная терминология и метаязык рекламы: диалектика взаимодействия и тенденции развития [Текст] / О. А. Ксензенко // НИР. Современная коммуникативистика. – 2013. – № 1 (2). – С. 58–62.
13. Купина, Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика русского языка. Углубленный курс. [Текст] / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2013. – 407 с.
14. Лисовский, С. Ф. Политическая реклама [Текст] / С. Ф. Лисовский. – М. : Маркетинг, 2000. – 364 с.
15. Постатейный комментарий к ФЗ «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О РЕКЛАМЕ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_58968/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/). – (Дата обращения: 24.12.2015).
16. Пирогова, Ю. К. От концепции ИМК к концепции ИБК: этапы развития [Текст] / Ю. К. Пирогова // Маркетинговые коммуникации. – 2014. – № 6. – С. 378–387.
17. Рекламный дискурс и рекламный текст [Текст] : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 338 с.
18. Репьев, А. П. Маркетинговое мышление, или Клиентомания [Текст] / А. П. Репьев. – М. : Библос, 2009. – 296 с.
19. Стилистика русского языка и литературное редактирование [Текст] : учебник для вузов. – М. : Юрайт, 2016. – 412 с.
20. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст]. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 764 с.
21. Ухова, Л. В. Эффективный рекламный текст [Текст] / Л. В. Ухова. – Ярославль : РИО ЯПГУ, 2012. – 375 с.
22. Ученова, В. В. Философия рекламы [Текст] / В. В. Ученова. – М. : Гелла Принт, 2003. – 208 с.
23. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О РЕКЛАМЕ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_58968/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/). – (Дата обращения: 24.12.2015).
24. Феофанов, О. А. Реклама. Новые технологии в России [Текст] / О. А. Феофанов. – СПб. ; М. ; Харьков ; Минск, 2000. – 372 с.
25. Цветкова, О. Л. Общество потребления: система и человек [Текст] : монография / О. Л. Цветкова. – Ярославль : Изд-во ЯПГУ, 2013.

26. Щепилова Г. Г. Реклама в СМИ: принципы классификации [Электронный ресурс] // Медиаскоп / Электронный научный журнал. 2010. – Вып. № 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/625>. – (Дата обращения: 24.12.2015).

### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Avrorin, V. A. Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka [Tekst] / V. A. Avrorin. – L. : Nauka, 1975. – 225 s.

2. Belozerova, E. V. Reklama kak zhanrovyy metakoncept (na materiale russkoj lingvokul'tury) [Tekst] : AKD ... filol. nauk / E. V. Belozerova. – Volgograd, 2007. – 22 s.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst]. – SPb. : Norint, 1998. – 1189 s.

4. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' [Tekst]. – M. : Jenciklopedija, 2001. – 1285 s.

5. Golovin, A. G. Izbiratel'noe pravo v Rossii [Tekst] / A. G. Golovin. – 2-e izd. – M. : Norma, 2009. – 231 s.

6. Kara-Murza, E. S. Jazyk sovremennoj russkoj reklamy [Tekst] / E. S. Kara-Murza // Jazyk massovoj i mezhpersonal'noj kommunikacii. – M. : Nauka, 2007. – S. 479–552.

7. Kara-Murza, E. S. Reklama: zhanr, funkcional'nyj stil', diskurs? [Tekst] / E. S. Kara-Murza ; pod red. M. P. Kotjurovoj // Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste. Mezhevuz. sb. nauch. trudov. – Vyp. 14. – Perm', 2010. – S. 220–231.

8. Kara-Murza, E. S. Kommercheskaja reklama s tipologicheskoj tochki zrenija [Tekst] / E. S. Kara-Murza // Medialingvistika: Sbornik statej. Vyp. 4. Professional'naja rechevaja kommunikacija v mass media. – SPb. : VShZhiMK, 2015. – S. 125128.

9. Kozhina, M. N., Salimovskij, V. A., Duskaeva, L. R. Stilistika russkogo jazyka [Tekst] / L. R. Duskaeva, M. N. Kozhina, V. A. Salimovskij. – M. : Flinta, 2008. – 464 s.

10. Kotler, F. Osnovy marketinga [Tekst] / F. Kotler / Perevod na russkij jazyk V. B. Bobrov. – M. : Progress, 1990. – 656 s.

11. Krylova, O. A. Lingvisticheskaja stilistika [Tekst] : uchebnyj kompleks / O. A. Krylova. Ch. 1. – M. : Vysshaja shkola, 2008. – 319 s.

12. Ksenzenko, O. A. Reklamnaja terminologija i metajazyk reklamy: dialektika vzaimodejstvija i tendencii razvitija [Tekst] / O. A. Ksenzenko // NIR. Sovremennaja kommunikativistika. – 2013. – № 1 (2). – S. 58–62.

13. Kupina, N. A., Matveeva T. V. Stilistika russkogo jazyka. Uglublennyj kurs. [Tekst] / N. A. Kupina, T. V. Matveeva. – M. : Jurajt, 2013. – 407 s.

14. Lisovskij, S. F. Politicheskaja reklama [Tekst] / S. F. Lisovskij. – M. : Marketing, 2000. – 364 s.

15. Postatejnyj kommentarij k FZ «O reklame» ot 13.03.2006 № 38-FZ «O REKLAME» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_58968/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/). – (Data obrashhenija: 24.12.2015).

16. Pirogova, Ju. K. Ot koncepcii IMK k koncepcii IBK: jetapy razvitija [Tekst] / Ju. K. Pirogova // Marketingovyje kommunikacii. – 2014. – № 6. – S. 378–387.

17. Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst [Tekst] : kollektivnaja monografija / nauch. red. T. N. Kolokol'ceva. – M. : Flinta ; Nauka, 2011. – 338 s.

18. Rep'ev, A. P. Marketingovoe myshlenie, ili Klientomanija [Tekst] / A. P. Rep'ev. – M. : Biblos, 2009. – 296 s.

19. Stilistika russkogo jazyka i literaturnoe redaktirovanie [Tekst] : uchebnik dlja vuzov. – M. : Jurajt, 2016. – 412 s.

20. Stilisticheskij jenciklopedicheskiy slovar' russkogo jazyka [Tekst]. – M. : Flinta ; Nauka, 2003. – 764 s.

21. Uhova, L. V. Jefferktivnyj reklamnyj tekst [Tekst] / L. V. Uhova. – Jaroslavl' : RIO JaPGU, 2012. – 375 s.

22. Uchenova, V. V. Filosofija reklamy [Tekst] / V. V. Uchenova. – M. : Gella Print, 2003. – 208 s.

23. Federal'nyj zakon «O reklame» ot 13.03.2006 № 38-FZ «O REKLAME» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_58968/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/). – (Data obrashhenija: 24.12.2015).

24. Feofanov, O. A. Reklama. Novye tehnologii v Rossii [Tekst] / O. A. Feofanov. – SPb. ; M. ; Har'kov ; Minsk, 2000. – 372 s.

25. Cvetkova, O. L. Obshhestvo potreblenija: sistema i chelovek [Tekst] : monografija / O. L. Cvetkova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013.

25. Shhepilova G. G. Reklama v SMI: principy klassifikacii [Jelektronnyj resurs] // Mediaskop / Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2010. – Vyp. № 4. – Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/node/625>. – (Data obrashhenija: 24.12.2015).

*Дата поступления статьи в редакцию: 05.10.2015  
Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Л. В. Ухова, Ю. М. Черницина

### Рекламные функции перевода названий зарубежных художественных фильмов

Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 01201455067)

Статья посвящена особенностям перевода названий зарубежных художественных фильмов на язык принимающей стороны. Рассматриваются принципы создания названий художественных произведений, выявляется их сходство с принципами создания рекламного имени, которое является первым этапом в продвижении продукта/услуги на рынок, анализируются стратегии перевода художественных фильмов, определяется зависимость коммерческой эффективности произведения от грамотно составленного заголовка. Результаты проведенного авторами эксперимента позволяют утверждать, что в последнее время значительно снизилась доля прямого перевода, чаще стали применяться стратегии трансформации и замены, что, в первую очередь, связано с тем, что именно эти стратегии позволяют максимально полно реализовать рекламную функцию перевода и, как следствие, обеспечить фильму коммерческий успех.

**Ключевые слова:** перевод, стилистика перевода, стратегии перевода, прямой перевод, трансформация названия, замена названия, коммерческий перевод, дезориентирующий перевод, рекламные функции перевода, заголовок, рекламное имя, коммуникативная эффективность, коммерческая эффективность.

L. V. Ukhova, Yu. M. Chernitsina

### Translation of foreign film titles: advertising functions

The article is devoted to peculiarities of translating foreign feature films' titles into the language of the recipients. Principles of naming works of art are considered and their similarity to the principles of creating an advertising name – the first stage in promoting a product/service – is studied. The authors analyze the strategies of translating feature films and establish that commercial effectiveness of the film depends on a properly composed title. The results of the authors' experiment show that literal translation is now less common than strategies of transformations and substitutions which is caused by the fact that these strategies help to realize the advertising function of translation to the full extent and, consequently, ensure commercial success to the film.

**Key words:** translation, translation stylistics, strategies of translation, literal translation, transformation of the title, substitution, commercial translation, disorienting translation, advertising functions of translation, title, advertising name, communicative effectiveness, commercial effectiveness.

Кинематограф сегодня – одна из самых стабильно развивающихся отраслей индустрии развлечений, приносящая в государственную казну значительную прибыль. Именно поэтому в разы возросла и роль перевода иностранных фильмов на язык принимающей стороны, в нашем случае – русский. «Перевод названий зарубежных художественных фильмов является комплексом целенаправленных решений по встраиванию созданного в иноязычной действительности текста в русскоязычную культуру с учетом речевых, когнитивных, ценностных установок массового адресата, задачей которых является повышение коммерческой привлекательности переводимого материала и увеличение спроса на художественную продукцию» [1, с. 33].

По свидетельствам исследователей, «кинематографическая продукция максимально сориентирована на самокупаемость, а кассовые сборы являются самым признанным свидетельством успешности того или иного кинопроекта, поэтому основной задачей прокатной компании является привлечение как можно большего количества реципиентов. Для реализации этой цели издателями применяется ряд рекламных средств, в число которых входит создание эффектного названия киноленты с расчетом на возбуждение интереса у массового потребителя. В контексте массово-развлекательной культуры именно инициальная единица является тем ключевым элементом, на который обращено внимание адресата и который зачастую выступает в качестве осново-

го ориентира в вопросе зрительского предпочтения» [1, с. 35].

Создание эффективного с точки зрения восприятия и интерпретации названия кинематографического продукта, с одной стороны, обеспечивает кинопрокатную компанию кассовыми сборами, а с другой – является очень трудным творческим процессом, что обусловлено, в первую очередь, именно особенностями восприятия информации. Психологами установлено, что реципиент тратит на знакомство с информацией в среднем 1,5–2 секунды: за это короткое время принимается решение о возможности / необходимости дальнейшего изучения этой информации. И с этой точки зрения большая нагрузка ложится именно на заголовок произведения, а от того, насколько грамотно и выразительно он составлен, во многом зависит и успех кинокартины.

В заданной парадигме роль переводчика сложно переоценить, поскольку последний является своеобразным посредником между текстами на исходном языке и языке перевода, и в его задачу входит не только максимально приблизить языковое воплощение авторской интенции к языку принимающей страны, но и суметь, не потеряв связи с содержанием фильма, создать лаконичный, аттрактивный заголовок, то есть такой, который смог бы не только привлечь внимание потребителя кинопродукции, но и остаться в его памяти, чтобы в нужный момент последний сделал важный для рекламодателя шаг – выбрал именно этот фильм. А в этом случае перевод должен, в том числе, сохранить и связь с содержанием фильма, поскольку именно заголовок является первым знакомством реципиента с текстом и в какой-то степени создает основной образ всей кинокартины.

Принципы создания названий художественных произведений сходны с принципами создания рекламного имени, которое является первым этапом в продвижении продукта / услуги на рынок [9], и от того, насколько это имя будет удобопроизносимым, будет ли иметь смысловые, культурные ассоциации и не иметь негативных и т. д., напрямую зависит и коммерческая эффективность всего произведения. Однако далеко не все названия художественных произведений можно перевести на русский или любой другой язык дословно – часто этот процесс сопровождается потерей смысла или отсутствием нужного ассоциативного ряда, и не каждый перевод, удачный с точки зрения языкового воплощения, сможет обеспечить фильму коммерческий успех.

Ради справедливости следует сказать, что в практике отечественного кинопроката существует немало примеров откровенно неудачных переводов. В этом случае переводчики, как правило, прибегают к коммерческой адаптации, то есть руководствуются прежде всего законами и принципами рекламной коммуникации. Но сложность перевода названий художественных произведений заключается в том, что, кроме привлечения внимания, заголовок обеспечивает еще тематическую и смысловую связь с содержанием кинопроизведения.

В настоящее время перевод названий фильмов является одной из наиболее востребованных отраслей перевода, так как с каждым годом растет количество импортированных в Россию зарубежных лент. И большинство новинок в обязательном порядке переводится на русский язык. Несомненно, перевод фильмов должен осуществляться с особой тщательностью, прежде всего, с учетом повышенного внимания и интереса зрителей к западным киноновинкам. И, как уже говорилось ранее, ориентиром при выборе фильма, как правило, является его название, или заголовок, главной функцией которого является привлечение внимания зрителя.

Л. И. Захарова выделяет две основные функции заголовка: *сигнальную* (или привлечение внимания) и *информативную* (дает представление о предмете публикации или содержании фильма). Кроме того, заголовок, по мнению исследователя, настраивает аудиторию на определенную эмоциональную тональность [3].

Согласно З. Я. Тураевой, заголовок занимает так называемую сильную позицию, которая и привлекает внимание зрителя в силу ее противопоставленности самому содержанию произведения. Кроме того, ученый считает, что заголовок особенно ясно иллюстрирует множественность интерпретаций, включение в семантическую структуру слова дополнительных значений, не входящих в основное смысловое ядро [7].

Е. В. Кныш выделяет три главных функции названия фильма: *номинативную*, *коммуникативную* и *эстетическую*, а коммуникативную функцию классифицирует на:

- *референционную* (указывает на связь между сюжетом кинофильма и его названием);
- *информационно-прогностическую* (позволяет донести основную идею кинофильма до зрителя);
- *прагматическую* (заключается в воздействии названия фильма на зрителя).

Третьей функцией названий фильмов является эстетическая. Она предполагает, что в заголовке заключено эстетическое отношение к действительности, то есть название фильма отражает жизненно-эстетическую позицию автора, его видение и восприятие прекрасного в жизни [4].

Ю. В. Веденева в своей работе выделяет несколько отличные от предыдущей классификации функции. Так, на первое место исследователь выводит *номинативную функцию*, которая направлена на то, чтобы зритель обратил внимание на описываемые в кинофильме события. К номинативной функции ученый присоединяет *коммуникативную функцию*, поскольку, по ее мнению, номинативная функция также заключается и в передаче смысловой информации реципиенту. А кроме того, Ю. В. Веденева указывает и на ряд второстепенных функций названий фильмов:

- *оценочную* (автор представляет собственную оценку героев или событий, описываемых в кинофильме);
- *рекламно-интригующую* (заключается в привлечении и удержании внимания зрителя);
- *побудительную* (намерение адресанта призвать зрителя к выполнению определенного действия) [2].

Э. А. Лазарева отмечает только две функции заголовков: *рекламную* и *функцию воздействия*. Рекламная функция заключается в привлечении внимания зрителей при помощи каких-либо приемов, а что касается функции воздействия, то ее можно приравнять к понятию прагматического потенциала названия кинофильма [6]. Очевидно, что переводчику необходимо учитывать функции заголовков и руководствоваться ими в процессе перевода названия фильма.

Итак, название фильма – это его имя, с которым он может войти в историю мирового кинематографа. Именно поэтому к переводу названия должен быть особый подход. Сохранить оригинальное название картины или подвергнуть его трансформации (а иногда и полной замене), переводчик решает сам, но все же в этом деле важно приложить максимум стараний, чтобы сохранить аутентичность исходного варианта. Однако, как уже было отмечено выше, в большинстве случаев перевести название фильма дословно не представляется возможным. Это обусловлено, прежде всего, причинами лингвистического характера, однако в последнее время все чаще связано с особенностями маркетингового продвижения продукта на рынок, то есть его (рынка) ситуационными характеристиками. И с этой точки зрения

переводчик делает выбор в пользу не столько стилистического решения (авторская задача, жанровые признаки, языковое воплощение), сколько прагматического (зрительские предпочтения), а потому должен обладать не только лингвистической компетенцией, но и навыками рекламного мастерства, в частности, знанием основных стратегий брендинга продукта.

В современной практике перевода традиционно используются 3 стратегии адаптации языкового материала:

- **прямой (или дословный) перевод:** The Aviator – Авиатор (2004), Address unknown – Адрес неизвестен (2001), Coast Guard – Береговая охрана (2002), A Better Way To Die – Лучший способ умереть (2000) [8];

- **трансформации названия:** D-Wars – «Война динозавров», Scary Movie – «Очень Страшное Кино», Hitch – «Правила съема – метод Хитча», как правило, с использованием **приема расширения:** The Grinch – «Гринч – похититель Рождества» (если возникают трудности в силу отсутствия в русской культуре фоновых знаний) и **приема опущения:** A Love Song for Bobby Long – «Любовная лихорадка» (если название затруднительно для восприятия и при этом не дает зрителю никакой нужной информации) [8];

- **замена названий фильмов** по причине невозможности передать прагматический смысл исходного текста. Причем замена может быть продиктована как содержанием в исходном варианте реалий (социальных, политических или языковых), не несущих для отечественного зрителя смысловой нагрузки (например, фильм Power 98 был переведен как «Станция Смерти»), так и идеологически, эстетическим и моральными соображениями [8]: например, фильм Some Like it Hot, известный как «В джазе только девушки», дословно звучит как «Некоторые любят погорячее».

Следует отметить, что в современной практике перевода названий художественных фильмов последний реализует исключительно коммерческую функцию, что обусловлено особенностями функционирования текстов массовой коммуникации, к которой традиционно относится и кинематограф. Аттракция как способ мгновенно привлечь внимание реципиента, вызвать интерес, а затем и желание познакомиться с информацией / продуктом поближе во многом диктует и отбор языковых средств реализации такой интенции. Рекламисты широко используют в своей практике так называемые ай-стопперы (*от англ.* ловушка для глаза), чаще имеющие визуальное воплощение (образ),

но в нашем случае такую функцию выполняет образ вербальный, являющийся квинтэссенцией кинопроизведения, а по функциям приближающийся к рекламному заголовку. Некоторые исследователи коммерческой адаптации текстов называют такой перевод дезориентирующим [1], однако, на наш взгляд, корректней отнести его к **приему** стратегии замены. Такой прием рассчитан на лишение реципиента правильного представления о чем-либо, фактически введение в заблуждение. Самым ярким примером реализации такого рода коммерческой адаптации является перевод фильма режиссера Роджера Дональдсона *Seeking Justice (2011)*, который дословно звучит «*В поисках справедливости*». Использованное в названии традиционное для политической лингвистики слово-амеба «*справедливость*» не позволяет в полной мере реализовать аттрактивную функцию заголовка, поскольку вряд ли может привлечь и зацепить внимание реципиента, – в отечественном прокате фильм пошел под названием «*Голодный кролик атакует*». Абсурдное по своей сути высказывание (парольная фраза для членов секретной полутеррористической организации), поддержанное образом известного и любимого российским зрителем актера Николаса Кейджа, имеющего репутацию героя с человеческим лицом, абсолютно дезориентирует реципиента в перспективе кинокартины, однако именно этот факт и позволил мгновенно привлечь внимание отечественных кинолюбителей, а фильм стал одним из самых кассовых в отечественном кинематографе зарубежных картин.

И, наконец, нельзя не сказать и о неточностях и откровенных ошибках, которые, к сожалению, нередко встречаются в названиях зарубежных художественных фильмов, что является серьезным барьером на пути киноленты к успеху. Так, название фильма *The Whole Nine Yards* было переведено на русский язык дословно как «*Девять ярдов*». Однако данный заголовок является устойчивым выражением, обозначающим «*Все, что возможно / все, что есть*». Кроме того, речь здесь идет о своеобразной игре слов, поскольку данное выражение, понятое буквально, обозначает расстояние между главными действующими героями, которые являются соседями.

Еще одним примером может стать перевод названия фильма *Chapter 27*, повествующего об убийстве Джона Леннона. Российские переводчики решили использовать дословный перевод «*Глава 27*», что не отразило аллюзию, использованную в заголовке. Название фильма отсылает

нас к роману Дж. Сэлинджера «*Над пропастью во ржи*», который был найден у убийцы Джона Леннона. Известно, что последний был одержим данной книгой и отождествлял себя с ее главным героем. При этом роман состоит из 26 глав, и, следовательно, события фильма являются как бы его своеобразным продолжением.

Американский фильм ужасов «*The Faculty*» получил в российском прокате название «*Факультет*», несмотря на то, что действие картины разворачивается в школьных стенах. Дело в том, что слово «*faculty*» в русскоязычном варианте перевода имеет 2 значения, одно из которых – «*преподавательский состав учебного заведения*». Такой перевод, несомненно, является более корректным, поскольку обеспечивает смысловую связь с содержанием фильма, по сюжету которого пришельцы вселяются в тела школьных учителей.

Следует помнить, что необходимо тщательно анализировать фильм, прежде чем переводить его название, чтобы избежать откровенных ошибок. Ярким примером тому может служить фильм *Ocean's Eleven*, переведенный на русский язык как «*Одиннадцать друзей Оушена*». На самом деле по сюжету фильма у Оушена было не одиннадцать, а десять друзей, а название фильма указывает на команду Оушена, куда входит и сам главный герой. Использованная переводчиком стратегия замены была бы оправдана только в том случае, если бы название фильма на русском языке звучало как «*Десять друзей Оушена*». Кроме того, откровенная ошибка закралась и в перевод триллера *Lucky Number Slevin* – «*Счастлирое число Слевина*»: более адекватным бы был перевод «*Везучий номер Слевин*» или «*Слевин – счастливый номер*», поскольку речь идет о кличке коня, участвовавшего в скачках.

Итак, тот факт, что в современной практике перевода названий зарубежных художественных фильмов чаще используется коммерческий перевод, подтверждает наши выводы о том, что кинематографический продукт является конечным звеном в сложной коммуникационной цепи рекламного воздействия, по своей концепции представляющей собой упорядоченную последовательность каких-либо потребительских реакций. Общий принцип построения такой последовательности стабилен: **входящая информация** (реклама) – **ряд промежуточных эффектов** – **покупка (принятие решения)**. Причем каждая последующая реакция является как бы «вложенной» по отношению к предыдущей, то есть предполагается, что следующая в иерархии потребительская

реакция наступает только после реализации предыдущей. Самой известной моделью рекламного воздействия является иерархическая модель AIDA (внимание – интерес – желание – действие), этапы которой коррелируют с компонентами коммуникативной эффективности рекламы: 1) *когнитивный компонент* (понимание, знание); 2) *эмоциональный компонент* (отношение); 3) *конативный компонент* (поведение) [11, с. 111]. Следовательно, эффективный рекламный текст должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию [10, с. 199] – в нашем случае, сделать выбор в пользу того или иного кинофильма.

Для проверки своих выводов мы решили провести социологический эксперимент, имеющий своей целью выявить отношение респондентов к названиям художественных фильмов и оценить эффективность последних как средства коммуникации с потребителем. Для этого была разработана анкета, включающая в себя закрытые и открытые варианты вопросов, а также вопросы-фильтры, позволяющие максимально точно определить целевую аудиторию опрашиваемых (см. **Анкеты**).

**АНКЕТА № \_\_\_\_\_**

**Уважаемые респонденты!**

*Просим Вас заполнить анкету. Своими ответами Вы поможете в исследовании функций перевода названий зарубежных художественных фильмов.*

1. Укажите ваш пол и возраст: \_\_\_\_\_
2. Какое у Вас образование?
  - неполное среднее;
  - среднее;
  - среднее специальное;
  - высшее.

3. Как часто вы ходите в кинотеатр?
  - несколько раз в неделю;
  - один раз в неделю;
  - несколько раз в месяц (2–3);
  - один раз в месяц;
  - свой вариант ответа \_\_\_\_\_.
4. Смотрите ли вы зарубежное кино?
  - да;
  - нет.
5. Как вы выбираете фильм для просмотра?
  - по названию;
  - по содержанию (читаю аннотацию к фильму);
  - по жанру;
  - по рейтингу;
  - смотрю актерский состав;
  - обращаю внимание на режиссера фильма;
  - по рекомендации друзей/коллег;
  - свой вариант ответа \_\_\_\_\_.
6. Обращаете ли вы внимание на название фильма?
  - да;
  - нет;
  - иногда;
  - свой вариант ответа \_\_\_\_\_.
7. Каким, с Вашей точки зрения, должно быть название фильма?
  - интригующим;
  - раскрывающим содержание фильма (информативным);
  - вызывающим желание посмотреть фильм (мотивирующим);
  - оригинальным;
  - романтическим;
  - свой вариант ответа \_\_\_\_\_.
8. Отметьте во второй или третьей колонке то название фильма, которое, на ваш взгляд, вызывает большее желание увидеть этот фильм (см. **Таблицу 1**).

**Таблица 1.**  
**Варианты перевода названий зарубежных фильмов**

Оригинальное название	Прямой перевод	Коммерческий перевод
«Someone like you»	«Кто-то вроде тебя»	«Флирт со зверем»
«George Romeos land of the dead»	«Земля мертвых Джорджо Ромео»	«Земля мертвых»
«Sweet home Alabama»	«Милый дом Алабама»	«Стильная штучка»
«Somethings gotta give»	«Чем-то нужно поступиться»	«Любовь по правилам... и без»



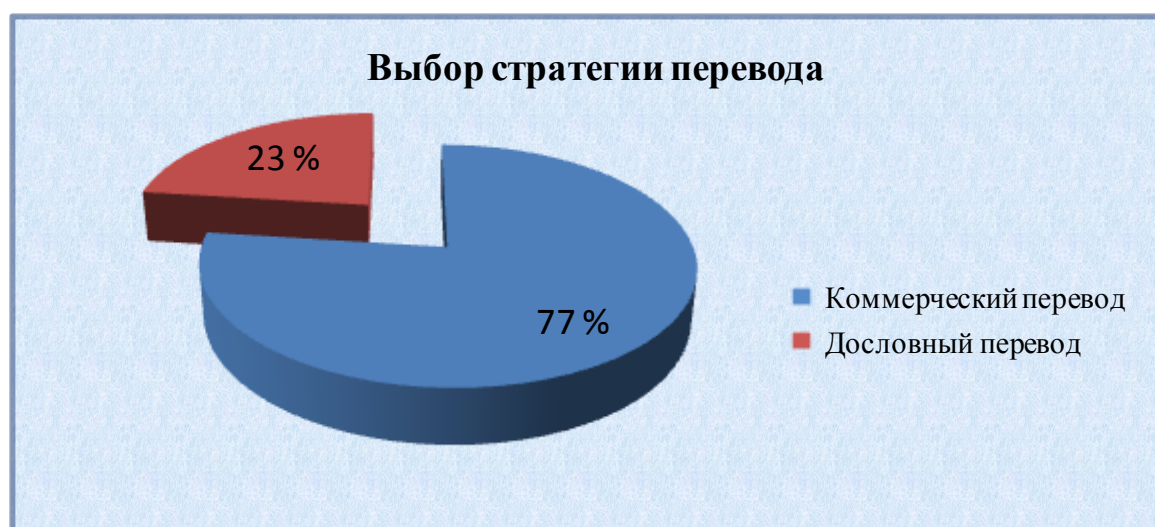
«Minority report» Jeux d'enfants	«Мнение меньшинства» «Детские игры»	«Особое мнение» «Влюбись в меня, если осмелишься»
«The little man» «A history of violence»	«Маленький мужчина» «История одного насилия»	«Шалун» «Оправданная жестокость»
«Die hard» «Confidence»	«Умри сражаясь» «Уверенность»	«Крепкий орешек» «Афера»

*Благодарим за участие в анкетировании!*

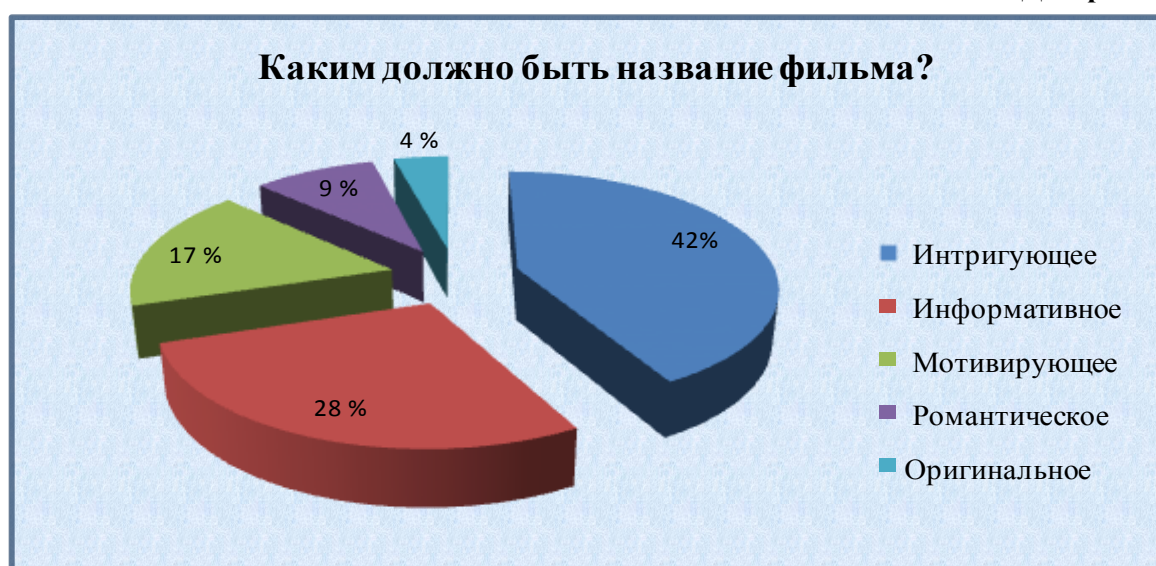
Всего в анкетировании приняли участие 50 человек, из них 30 человек – мужчины, 20 – женщины. После вопросов-фильтров (3 и 4 вопрос анкеты) продолжили участие в эксперименте 30 человек (15 мужчин и 15 женщин).

В результате проведенного анализа выяснилось, что 77% респондентов считают более привлекательными названия, не представляющие собой дословный перевод, а большинство из опрошенных (42%) выбирают фильм по интригующему названию (см. **Диаграммы 1, 2**).

**Диаграмма 1.**



**Диаграмма 2**



Следовательно, при выборе стратегий перевода специалисты ориентируются, в том числе, и на потребительские предпочтения зрительской аудитории, что лишний раз подчеркивает доминирование рекламной функции перевода названий зарубежных художественных кинофильмов.

В заключение отметим, что правильно выбранная стратегия перевода в большой степени определяет и творческую жизнь фильма, и его долголетие, однако этот выбор зависит от многих факторов, к числу которых относятся как компетенция переводчика, его эрудиция, добросовестность и креативность, так и жанровые особенности фильма, его целевая аудитория, особенности рыночной ситуации отрасли в целом. В последнее время значительно снизилась доля прямого перевода, чаще стали применяться стратегии трансформации и замены, что, в первую очередь, связано с тем, что именно эти стратегии позволяют максимально полно реализовать рекламную функцию перевода и, как следствие, обеспечить фильму коммерческий успех.

#### Библиографический список

1. Бочарникова, Н. В. Дезориентирующий перевод названий кинотекстов как явление коммерческой адаптации [Текст] / Н. В. Бочарникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). Филология. Искусствоведение. – Вып. 58. – С. 32–38.

2. Веденева, Ю. В. Функциональная парадигма заглавий поэтических произведений на материале англоязычных стихотворений, предназначенных для детей [Текст] / Ю. В. Веденева // Вестник СамГУ. – 2008. – № 60. – С. 140–142.

3. Захарова, Л. И. Феномен языковой игры в современной публицистике (на материале заголовков газет) [Текст] / Л. И. Захарова // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18–20 марта 2004). – М., 2004. – С. 17–22.

4. Кныш, Е. В. Наименование кинофильмов как объект ономастики [Текст] / Е. В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики. – Киев, 1988. – С. 106–111.

5. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.

6. Лазарева, Э. А. Заголовок в тексте [Текст] / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 84 с.

7. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) [Текст] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

8. Милевич, И. Стратегии перевода названий фильмов [Электронный ресурс] / И. Милевич. – Режим доступа: [http://xn--b1andocigi.xn--p1ai/file/xn--b1andocigi\\_x/tsp/Milevich.pdf](http://xn--b1andocigi.xn--p1ai/file/xn--b1andocigi_x/tsp/Milevich.pdf). – (Дата обращения: 14.03.2015).

9. Ухова, Л. В., Марычева, Д. Н. Рекламное имя как средство коммуникации с потребителем [Текст] / Л. В. Ухова, Д. Н. Марычева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 119–123.

10. Ухова, Л. В. Методика оценки эффективности рекламного текста [Текст] / Л. В. Ухова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 196–206.

11. Ухова, Л. В. Эффективность рекламного текста [Текст] : монография / Л. В. Ухова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 375 с.

#### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Bocharnikova, N. V. Dezorientirujushhij perevod nazvanij kinotekstov kak javlenie kommercheskoj adaptacii [Tekst] / N. V. Bocharnikova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 25 (240). Filologija. Iskusstvovedenie. – Vyp. 58. – S. 32–38.

2. Vedeneva, Ju. V. Funkcional'naja paradigma zaglavij poeticheskikh proizvedenij na materiale anglojazychnyh stihotvorenij, prednaznachennyh dlja detej [Tekst] / Ju. V. Vedeneva // Vestnik SamGU. – 2008. – № 60. – S. 140–142.

3. Zaharova, L. I. Fenomen jazykovoj igry v sovremennoj publicistike (na materiale zagolovkov gazet) [Tekst] / L. I. Zaharova // Problemy frazeologicheskoj i leksicheskoj semantiki: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Kostroma, 18–20 marta 2004). – M., 2004. – S. 17–22.

4. Knysh, E. V. Naimenovanie kinofil'mov kak ob'ekt onomastiki [Tekst] / E. V. Knysh // Aktual'nye voprosy russkoj onomastiki. – Kiev, 1988. – S. 106–111.

5. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie [Tekst] / V. N. Komissarov. – M.: JeTS, 2001. – 424 s.

6. Lazareva, Je. A. Zagolovok v tekste [Tekst] / Je. A. Lazareva. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2004. – 84 s.

7. Turaeva, Z. Ja. Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika) [Tekst] / Z. Ja. Turaeva. – M. : Prosveshhenie, 1986. – 127 s.

8. Milevich, I. Strategii perevoda nazvanij fil'mov [Elektronnyj resurs] / I. Milevich. – Rezhim dostupa: [http://xn--b1andocigi.xn--plai/file/xn--b1andocigi\\_x/tsp/Milevich.pdf](http://xn--b1andocigi.xn--plai/file/xn--b1andocigi_x/tsp/Milevich.pdf). – (Data obrashhenija: 14.03.2015).

9. Ukhova, L. V., Marycheva, D. N. Reklamnoe imja kak sredstvo kommunikacii s potrebitелем [Tekst] / L. V. Ukhova, D. N. Marycheva //

Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – T. 1. – № 3. – S. 119–123.

10. Ukhova, L. V. Metodika ocenki jeffektivnosti reklamnogo teksta [Tekst] / L. V. Ukhova // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2012. – № 3. – S. 196–206.

11. Ukhova, L. V. Jeffektivnost' reklamnogo teksta [Tekst] : monografija / L. V. Ukhova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2012. – 375 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 03.09.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-3

Е. А. Ермолин

### Проза духовного опыта как актуальный творческий эксперимент: трилогия Юрия Малецкого

Бесконечно рефлексивный, интеллигентски раздвоенный, по видимости, метущийся и колеблющийся современный русский прозаик Юрий Малецкий на редкость последовательно и целеустремленно выращивает вечное из бытового и повседневного. Юрий Малецкий-автор апеллирует к ортодоксальным смыслам и обновляет настоящий, строгий и темный огонь веры, сопряженной с грехом, избегающей остро пережитый грех. В его постепенно сложившейся лирико-драматической трилогии «Любью», «Физиология духа» и «Конец иглы» мы имеем концентрат неповседневного опыта, оригинальное свидетельство о современном человеке, реализацию смысло-жизненной коллизии в традиции Достоевского и Толстого. В прозе Малецкого представлены опыты о современном человеке с его верой и его безверием, на границе бытия и смерти, в напряженном диалоге с Богом и с другим человеком, с нерешенной проблемой одиночества, с надрывно-упорным поиском любви как неизбежно-мучительного средоточия существования – и с опытом неудачи как центральным опытом человеческой жизни в этом падшем мире.

**Ключевые слова:** проза духовного опыта, аналитический эксперимент, трансформация модернистских приемов.

## LITERARY CRITICISM

Е. А. Ermolin

### Prose of spiritual experience as an important creative experiment: trilogy by Yuri Maletsky

Infinitely reflective, intellectually ambivalent, restless and hesitant contemporary Russian novelist Yuri Maletsky depicts eternal in trivial everyday matters. Yuri Maletsky appeals to the orthodox sense and vitalizes genuine, severe and dark fire of faith. In his lyrical and dramatic trilogy we find concentrated non-everyday experience, original information of contemporary Man, realization of the meaning-of-life collision – all in Dostoyevsky and Tolstoy's tradition. Maletsky's prose presents contemplation of a modern man with his belief and unbelief, between life and death, in a tense dialogue with God and another man, with an unsolved problem of loneliness, in dramatic and determined search of love, and with experience of failure as the major human experience in this corrupt world.

Key words: prose of spiritual experience, analytical experiment, transformation of modernist techniques.

Один из доминантных мотивов современной русской прозы религиозного горизонта – выживание человека в потемках жизни: истории о стоических героях наших дней, опыты сопротивления эпохе, поиск достойной жизни. Речь не идет (не всегда идет) буквально о суде над современностью. Рельеф отношений сиюминутно-

го и вечного в прозе этого направления гораздо более сложный. Но присутствие вечности дает ту перспективу, которая углубляет план повествования.

Яркий и крупный русский писатель современности, который идет этим путем, – прозаик Юрий Малецкий. Этот автор апеллирует к орто-

доксальным смыслом и обновляет настоящий, строгий и темный огонь веры, сопряженной с грехом, избывающей остро пережитый грех. В его лучших вещах – постепенно сложившейся лирико-драматической трилогии «Любью», «Физиология духа» и «Конец иглы» – мы имеем неразбавленный беллетристическими приправами концентрат неповседневного опыта, оригинальное свидетельство о современном человеке, реализацию смысло-жизненной коллизии – в традиции Достоевского и Толстого. В этой прозе Малецкого представлены опыты о современном человеке с его верой и его безверием, на границе бытия и смерти, в напряженном диалоге с Богом и с другим человеком, с нерешенной проблемой одиночества, с надрывно-упорным поиском любви как неизбежно-мучительного средоточия существования – и с опытом неудачи как центральным опытом человеческой жизни в этом падшем мире. О ней интересно размышлять, и после написанных и уже опубликованных журнальных рецензий [2, 3] не пропадает желание свести наблюдения и выводы воедино.

Герой Юрия Малецкого в первых двух частях трилогии – самый разорванный и нецельный человек сегодняшнего дня. Перед нами крайне редкая в современной прозе попытка в формате художественной исповеди отразить строй души современного христианина, православного интеллигента, одновременно человека культуры и человека веры в момент, когда рухнули, почти повсеместно ушли в небытие традиции бытового благочестия, и все на свете, кажется, омертвело, выродилось, потеряло живую и конкретную связь с вечным источником бытия. Человек за стенами храма вынужден сам, на свой страх и риск искать и находить дорогу к Богу на нехожих путях. Конечно, вся святоотеческая традиция дана ему в помощь, но это именно тот урок, который еще нужно применить к реалиям происходящей здесь и теперь жизни.

Герой вместил в себя весь актуальный культурный опыт и, вместе с тем, старается жить по-христиански. Причем цель его – не просто механически соединить накопления культурного опыта с вечными заповедями, не отбросить первое ради второго, но добиться какой-то новой цельности, такого духовного и душевного единства, в котором бы гармонически соединились вечное и актуальное.

Усилия героя далеко не всегда венчаются успехом, а чаще он вообще застаёт себя распластанным на плоскости греха. Он и судит себя, и

ищет оправданий, и находит их, и снова, на новом витке рефлексивной спирали, раскаивается и скорбит о собственном несовершенстве, собственном недостоинстве.

Время героев Малецкого в «Любью» и «Физиологии духа» – это возраст зрелости, совершеннолетнее время. Персонажи представляют современный зрелый тип рефлексивного, требовательного, взыскательного и взыскующего сознания, навсегда выведенного из равновесия, из шор-пут патриархальной традиции.

В повести «Любью» Малецкий завязывает тугой, трудный узел застарелого семейного конфликта. В самом названии повести, этом странном неологизме «любью», прячется не только внятное «люблю», но еще и – «убью». В отношениях мужа и жены, двух самых близких друг к другу людей, открывается бездна взаимного неприятия, непонимания, и построить мост любви через эту пропасть отчуждения и одиночества, кажется, почти невозможно.

«Физиология духа» – также роман о любви. О встрече, о мужчине и женщине, о браке. О невозможности любви. О равно мучительных неизбежности и невозможности. И еще, где-то в сухом остатке, об одиночестве. Счастья на планете Малецкого ни у кого нет и не будет. Любовь возможна через невозможность. Параллельные кривые не сливаются, но перекрещиваются. Гармония не приживается в нашем падшем мире.

Писатель уверенно использует и трансформирует для решения своих задач приемы актуальной прозы. Более того, оказывается, что эти приемы как раз и адекватны его гнозису. И, вероятно, именно это определило архитектуру повести «Любью», в которой сплетаются внутренняя и звучащая речь, фрагменты сочинений героя и церковных старославянизмов. Поначалу это может показаться штукарством в модном еще недавно (да и теперь популярном) стиле. В самой внутренней речи героя, этом сплошном потоке сознания, смешиваются в причудливой амальгаме цитаты из самых разных контекстов. Можно сказать, она насквозь цитатна, сплошь центонна.

Автор делает попытку объясниться, признаваясь (устах героя) в том, что сегодня почти невозможно говорить о вещах и понятиях прямо, на полном серьезе, настолько искажены, загрязнены, затерты, засалены и опошлены все слова. Приходится искать обходной путь, добиваясь искренности более сложными средствами.

«Физиология духа» – роман в письмах, разложенный на несколько голосов, поочередно ис-

поведующихся или рассуждающих о своем-чужом жизненном опыте. Задыхаясь, воодушевляясь, трепыхаясь. Все внимание автора сосредоточено на этом аналитическом многоугольнике, включившем в себя мужчину и женщину, взрослого сына этого мужчины и двух психоаналитиков (тоже давно связанных между собой мужчиной и женщиной).

Это роман–исследование, роман–докторская диссертация о ресурсах и возможностях любви, о ее изнурительно-мучительной реальности и парадоксии. Сгущенная, отжатая, сконцентрированная проза. Одна логика накладывается на другую, закипает спор, а в итоге, выговоренные с последней прямоотой, выраженные до конца позиции не уничтожают друг друга, но создают в читательском сознании диалогическое пространство.

Отсутствие всеведущего автора при наличии нескольких равноправных персонажей, наделенных правом голоса и личным пониманием происходящего, в данном случае не ведет к простой фиксации условности и относительности любого и всякого опыта. Возникает некий полисмысл, нечуждый некоторой амбивалентности, но отнюдь не релятивный.

Автор исходит, очевидно, из того, что один человек – будь он хоть ума палата – не в состоянии постичь все тайны и загадки человеческого бытия. Отдельные суждения и позиции – как рифмы. Они, однако, не складываются в строгий порядок в жизни. Даже двое – ну никак не рифмуются, тем более не совпадают, как две платоновские половинки. Внятно построенная строфа возникает разве только в художественном пространстве. И больше того: личностный опыт принципиально не свести в универсальную бытийную формулу на плоскости здешнего бытия. Для этого нужен выход в иную реальность или взгляд *оттуда*.

Собственно, на это намекает автор. Смысловой итог его романа близок к отточию. Полная правда не дана никому. Что-то даже химерическое есть в голове и у самых отъявленных носителей здравого смысла и глубоких мыслей. Оказывается, например, что один из героев придумал для себя коллизию своей жизни.

Метод Малецкого – аналитический эксперимент. Это последовательный, бескомпромиссный аналитик. Он бесконечно дробит и разделяет, усложняет и дифференцирует, идет снаружи внутрь, ничего в жизни не оставляя простым и целым. В этой прозе нет ни быта, ни социума. Глаз практически не задействован. Отсутствует

самодостаточная плоть мироздания. Почти нет событийной эмпирики. Иной раз уже даже отсутствует живая спонтанная речь; она заменяется письменным отчетом персонажа. Нет вообще ничего наружно-вещественного, материализующего жизнь духа.

Писатель жертвует деталями предметного мира, социальности, внешней оболочкой существования, извлекая из хаоса жизни и фокусируя внутренний мир и опыт, бытие один на один с главными собеседниками или в крошечном одиночестве. Автор осознанно пренебрегает деталями наглядно-предметного мира, панорамированием социальности. Его совсем не занимает внешняя оболочка реальности. Все это отдано им кинематографу и телевидению. Литература решает у него только ту задачу, которую помимо нее не может решить никто: душеведение, анамнез и диагностика душевных болезней.

Герои Малецкого принадлежат к той не весьма распространенной сегодня разновидности человеческого рода, которая отличается способностью не только много пережить, но очень подробно осознать пережитое, а затем и очень полно выразить свой личностный опыт. В нем, в этом опыте, есть нечто сугубо индивидуальное. Но есть, что немаловажно, и нечто универсальное, записанное на скрижалях. (Не зря же один из его романов назван с претензией, как философский трактат, – «Физиология духа».)

Малецкий извлекает из хаоса жизни и фокусирует только внутренний мир и опыт героя, именно жизнь души, бытие один на один с главными собеседниками или в крошечном одиночестве. И события, и вещи, чтобы получить право на присутствие в его прозе, должны пройти через душу персонажа. Мир у Малецкого сведен в фокус, герметично замкнут тем, что происходит у персонажей внутри, тем, чем живет душа, и в той степени, в какой душа сумела сказаться, проговориться, воплотиться в слове. Но степень эта очень высока.

Малецкий – философ потаенных душевных движений, глубоко внедрившийся в душу современного человека. И более того, писатель решает шагнуть в то пограничье, где мистически совершается встреча человека и Бога. Пожалуй, этот мистический вектор максимально силен в «Конце иглы».

Есть распространенное мнение, что всякий анализ разоблачителен. Постигать человека – означает его всячески развенчивать. Раскручивать, разоблачать, приводить к простым и поня-

тым инстинктам. Малецкий раскрывает своих героев со всей подноготной, хотя настаивает на том, что они не врасплох. Да они у него и сами расскажут о себе то, что иной предпочел бы утаить, а другой просто не осознает. Но эффект этой аналитической прозы вовсе не разоблачителен. Из знакомства с обстоятельствами и перипетиями сложно, противоречивого опыта, в которые ты волей-неволей вынужден вникнуть, вызревает впечатление человеческой значительности, возникает эмпатическая реакция сочувствия и соучастия. Причем поочередно к каждому новому повествователю-аналитику. Причем не упраздняя чувства симпатии к тем, с кем свел тебя автор прежде, пусть и насквозь они просвечены рентгеном.

Можно сказать и иначе. В прозе Малецкого преодолевается «изнутри» постмодернистская установка на упразднение личности в процессе безличного манипулирования культурными знаками. Малецкий показал, что цитатность цитатностью, игра игрой, но человек тоже остается человеком и способен стремиться к цельности и сознавать себя личностью независимо от капризов культурного климата. Хаос разрозненных, осколочных смыслов обретает динамическое единство в тот момент, когда человек адресует себя Богу. И если статичной духовной цельности состояться не дано, то по крайней мере, есть возможность сохранить и удержать себя от распада на культурные условности, состояться в высшем смысле, пусть даже с тяжестью греха и вины на душе.

В «Конец иглы» предмет художественной рефлексии Малецкого не просто проблематичен – он, если вдуматься, невероятен, парадоксален. Писатель попробовал рассказать о смерти, передав ее опыт изнутри сознания умирающего персонажа, интимный опыт умирания, предсмертья и перехода... из точки А в точку Б. Этот заряд художественной воли формирует пространство повествования именно так, чтобы максимально эффективно столкнуть и героев, и читателей с этим неопровержимым фактом человеческого бытия и от бормочущей эмпирики, от быта, из житейщины вести их (и нас) к формулированию экзистенциального, смысложизненного вопроса.

Причем в качестве главного героя Малецким представлен на сей раз человек, по всей видимости, лишенный связи с вечностью. Заложник посясторонности. В повести «Любью» и в романе «Физиология духа» многое держалось как раз на постоянно нащупываемой героями этих книг нити такого диалога, на сверке себя с вечностью.

А тут иначе. Центральным героем в новом романе стал человек, живущий вне диалога с Богом.

Как может существовать не укорененная в вечности душа? Душа, оставившая Бога, богоотреченная? Душа, оставленная Богом? Наверное, еще лет полтора назад такой вопрос казался бы диким. Но минувший век, век радикальной богооставленности, сделал его самым важным, когда говоришь о человеке этой эпохи в его и ее сути.

Книга итога, финальная книга провального русского века. Так бы я определил «Конец иглы» в историческом ракурсе его содержания. Мифы вокруг советской эры множатся, но уже сейчас немногим дано понять этот конкретный синтез чуда, тайны и авторитета, этот кризис падшего духа, страстного и познавшего свою *обреченность смерти*, эту подмену веры ее хилиастическим суррогатом, тот специфический сплав рационализма и мистики в анафемской душе советского человека, распятого между грубым бытом и тотальным идеологическим проектом, сброшенного на дно тартара.

Крайне актуальный пафос сегодняшнего момента – пафос катастрофической финальности – получает в этой прозе Малецкого радикально-экзистенциальное выражение.

Безбожная эпоха, по Малецкому, – это мир относительных и условных величин. В их кругу обитают его персонажи, в этом отношении вполне типичные для своего времени. Они просто забыли о Боге, даже если знали о Нем. Но однажды – *шел в комнату, попал в другую* – каждому из них предстоит в упор наткнуться на то, что в этом мире фикций и условностей видится единственным абсолютном: на смерть.

И оказывается, что встреча советского человека со смертью – критический апогей его существования. Момент надрыва и кризиса.

Читая «Конец иглы», вспоминаешь самые пронзительно-надрывные советские вещи *«про это»*: к примеру, «Смерть пионерки» и «ТБЦ» Эдуарда Багрицкого. Главная героиня Малецкого, зубной врач Галя Атливанникова, – это на какой-то процент вот такая *пионерка*, только сильно постаревшая и вообще напрочь лишенная, конечно, патетической одержимости. Она – скорее конформистка, согласившаяся с идеологическими догмами советской эпохи, принявшая их как факт веры и даже отстаивающая их в идейных спорах со своим другом-скептиком Марком. Это вполне искреннее приспособленчество, привычное и уютное согласие на протяжении десятилетий формировало строй ее созна-

ния, позволяя чувствовать себя комфортно – своей в том мире, который ее окружал, вопреки не самому стандартному происхождению и не самой удачной национальности. Да и разрыв между идеалом и реальностью можно было не игнорировать, а мотивировать в духе расхожей догмы, что тоже примиряло с расхожими ужасом и бредом. Собственно, именно таким и был, пожалуй, самый распространенный, «средний» тип советского человека. Рядовая гайка в самом прилизительном восприятии личности героя.

Впрочем, социальная типизация интересует Малецкого далеко не в первую очередь. Мы имеем у него обобщение несколько иного свойства. Вспомним об антропологической метафорике К. Г. Юнга: если есть на изнанке души архетипы, то есть и их воплощения, реализации. Разумеется, мало оснований грубо навязывать Юрию Малецкому прямую, как штык, апелляцию к универсалиям культуры. Но крупность его заявки самопроизвольно выводит именно к такого рода аналогиям. В Гале угадывается, по архетипической логике, сама Россия с ее безначальной женственностью, опознанной так сильно в начале XX в. Блоком, Бердяевым и Розановым, – смиренно-покорной, ласково-нежной и – непредсказуемой.

Маленький человек гиблых советских времен у Малецкого – это и человек глобальной безрелигиозной эпохи вообще. Писателя, кажется, интересует не исключительно советская конкретика и даже вообще не столько она, сколько общая логика и парадоксия существования без веры – в финальный момент этого самого существования. Абсолютизм смерти упраздняет не сугубо советский опыт. Он упраздняет любой сугубо посюсторонний опыт человека – и именно в меру его сугубой посюсторонности. Замечательно последовательно, аккумулируя средства притчи и совмещая в судьбе героини предельно конкретное и предельно общее, наш автор анализирует ресурс разнообразной аргументации, призванной обеспечить надежным оправданием жизнь, сосредоточенную в пределах здешнего бытия.

В глубокой старости однажды ночью происходит мистическое событие – героиню навещает смерть. Так она это поняла. Пришла, побродила и отошла. И фетиши эпохи бледнеют и вянут только от одного студено-мрачного веяния внезапной гостии. Старуха Галя копает, как крот, пытаясь для себя понять, зачем же она жила – перед лицом утрат и одиночества, в канун небытия. И оправданий у нее в итоге не находится. Однако по ходу своих мыслечувств она – с гимна-

зических времен атеистка – самопально открывает вдруг для себя наличие некой одушевленной силы; Силы, которая играет человеком как слепым кутенком и, наигравшись, отправляет его в помойное ведро. Вот здесь и начинается, здесь и происходит центральное событие в ее жизни, ее духовном опыте. Она, эта закисшая в своей квартире провинциальная дура, эта проржавевшая гайка великой спайки, вдруг открывает в себе ресурс бунта. Всем остатком своего скудельного существования Галя восстает на несправедную, в ее понимании, Силу, обрекающую человека сначала на страдание, а потом на небытие.

По сути, героиня, сама это не сразу поняв и оценив, восстает на Бога. Ее новый опыт – классический опыт богоборчества. И встречается она впервые именно с Богом. Смерть – только псевдоним. Героиня обманулась, ошибкой узнав в Боге дьявола. Но она не обманулась в мотивах, в содержании предъявляемого счета. Духовный сдвиг в том и состоит, что, восстав на Бога, героиня наконец хоть в чем-то обретает незыблемо прочную позицию. За жизнь против небытия, за добро против зла, за сострадание и милосердие. Идеологическая хмарь отступает. Восстание оказывается вариантом личной молитвы, способом веры.

Малецкий создает в финале этой своей прозы ряд ярких сцен. И вместе с тем что-то из важного и главного он сознательно оставляет недоговоренным, не переступая грань Тайны и не присваивая себе прав на суд и милость.

Героиня прощена. Думается, что прощена. Почему? Может быть, потому, что, преодолев свое ничтожество, восстала. Может быть, в этом раскрылась та мера и степень веры, которых хватило для спасения. Может быть, Бог прощает всех... Малецкий не прибегает к фальшивому домыслу. (Не случайно же роман назван «неоконченной повестью»). Но он умеет дать словесный образ события с такой убедительно-победительной силой, которая говорит как будто уже сама за себя.

Оценивая то, что случилось в романе, можно предположить, что богословская интуиция автора фокусирует благодатность смерти. Малецкий запечатлевает ужасное содрогание естества, производимое в момент отхода. Но тотально страшна смерть у него только для усеченного сознания. Когда же это сознание раскрывается вечно-сти, приходит иное знание. О нем нельзя сказать, но можно передать его наличие как факт. Грядет спасение. Очевидно, таково содержание веры, которая греет автора и которой он обогрывает



героиню. В серых потемках, на закате заплесневшей жизни, во мраке сущем, в одичалых ландшафтах души прорывает мутную пелену существования этот луч незакатного солнца, этот дар веры.

Суммируя, отметим: бесконечно рефлексивный, интеллигентски раздвоенный, по видимости метущийся и колеблющийся Юрий Малецкий на редкость последовательно и целеустремленно вырабатывает вечное из бытового и повседневного.

#### Библиографический список

1. Ермолин, Е. Триумф искусства над жизнью [Текст] / Е. Ермолин // Континент. – 2007. – № 2 (132).

2. Ермолин, Е. Взыскание погибших [Текст] / Е. Ермолин // Новый мир. – 2007. – № 9.

3. Ермолин, Е. Где ваша улыбка?.. [Текст] / Е. Ермолин // Новый мир. – 2003. – № 8.

4. Кублановский, Ю. «Любью» – повесть, полная смысла [Текст] / Ю. Кублановский // Новый мир. – 1997. – № 2.

5. Малецкий, Ю. Конец иглы. Неоконченная повесть [Текст] / Ю. Малецкий // Зарубежные записки. Журнал русской литературы. (Германия, Дортмунд). – 2006. – Книга седьмая (III).

6. Малецкий, Ю. Любью. Повесть [Текст] / Ю. Малецкий // Континент. – 1996. – № 3 (88).

7. Малецкий, Ю. Физиология духа. Роман в письмах [Текст] / Ю. Малецкий // Континент. – 2002. – № 3 (113).

#### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Ermolin, E. Triumf iskusstva nad zhizn'ju [Tekst] / E. Ermolin // Kontinent. – 2007. – № 2 (132).

2. Ermolin, E. Vzyskanie pogibshih [Tekst] / E. Ermolin // Novyj mir. – 2007. – № 9.

3. Ermolin, E. Gde vasha ulybka?.. [Tekst] / E. Ermolin // Novyj mir. – 2003. – № 8.

4. Kublanovskij, Ju. «Ljub'ju» – povest', polnaja smysla [Tekst] / Ju. Kublanovskij // Novyj mir. – 1997. – № 2.

5. Maleckij, Ju. Konec igly. Neokonchennaja povest' [Tekst] / Ju. Maleckij // Zarubezhnye zapiski. Zhurnal russkoj literatury. (Germanija, Dortmund). – 2006. – Kniga sed'maja (III).

6. Maleckij, Ju. Ljub'ju. Povest' [Tekst] / Ju. Maleckij // Kontinent. – 1996. – № 3 (88).

7. Maleckij, Ju. Fiziologija duha. Roman v pis'mah [Tekst] / Ju. Maleckij // Kontinent. – 2002. – № 3 (113).

*Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Н. Н. Иванов, С. Г. Макеева

### Иван Каляев и Алексей Ремизов: ярославские встречи

В статье устанавливаются и комментируются личные, литературные отношения И. П. Каляева и А. М. Ремизова и место «ярославской темы» в биографии и творчестве каждого. Показано тонкое переплетение биографий и художественных мотивов. По-новому представлены известные данные; востребован и интерпретирован оригинальный мемуарный материал. Анализируются меж- и внутритекстовые переклички, ассоциации, аллюзии. Сделана попытка найти глубинные архетипические связи идейных, политических и художественных устремлений И. Каляева, установить роль Б. Савинкова в его судьбе и роль Ремизова в осмыслении отношений всех трех: себя, Каляева и Савинкова.

**Ключевые слова:** И. Каляев, А. Ремизов, Б. Савинков, биографические и творческие связи, Каляев и Ремизов в Ярославле.

N. N. Ivanov, S. G. Makeeva

### Ivan Kalyaev and Alexei Remizov: Yaroslavl meetings

The article describes and comments on personal and literary relations between I. P. Kalyaev and A. M. Remizov and 'Yaroslavl theme' in the biography and work of each of them. The authors show subtle interweaving of their biographies and artistic motifs, present well-known data in a new way and interpret original memoir material. Inter- and intratextual references, associations and allusions are analysed and an attempt is made to find deep archetypal links between I. Kalyaev's ideological, political and artistic aspirations to establish the role of B. Savinkov in his life and the role of Remizov in understanding the relationship of the three people: himself, Kalyaev and Savinkov.

**Key words:** Kalyaev, Remizov, Savinkov, biographic and creative links, Kalyaev and Remizov in Yaroslavl.

Биография эсера, террориста Ивана Платоновича Каляева известна; остановимся на слабо изученных и интригующих, существенных для истории русской литературы ее сторонах.

Иван Каляев родился в Варшаве 24 июня (6 июля н. с.) 1877 г. в семье отставного околоточного надзирателя и польки из разорившейся шляхетской семьи – Софии Каляевой. В варшавской Первой Образцовой Апухтинской гимназии учился на тройки и четверки, но по «Закону Божьему» имел пять. Для человека его судьбы, да еще поэта – это типично. С последнего курса был исключен семинарист И. Сталин. В гимназии Иван познакомился с Борисом Савинковым, который не только стал его лучшим другом, но и роковым образом повлиял на убеждения и выбор главного дела жизни. Каляев учился в Московском, Петербургском университетах, состоял в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1899 г. как участник оргкомитета студенческой забастовки выслан в Екатеринослав. Через три года при пересечении германо-австрийской границы был

задержан и в августе 1902 г. выдан российским властям.

В Ярославле Каляев оказался не по своей воле; сюда его выслали после 2 месяцев заключения в Варшаве. Ориентировочно с октября 1902 г. Каляев работал (служил) корректором в газете «Северный Край», но уже осенью 1903 г. полиция выявила его во Львове, видимо, надеялся вернуться в университет. Под влиянием гимназического друга в 1903 г. в Женеве вступил в Боевую организацию эсеров. Каляев участвовал в покушении на министра внутренних дел В. К. Плеве (лето 1904 г., Петербург). Затем партия поручила ему бросить бомбу в Великого князя Сергея Александровича, дядю императора Николая II, бывшего московского генерал-губернатора и командующего Московским военным округом. Но задание Иван не выполнил. Нет, в тот день 2 февраля 1905 г. он не был сентиментален, и не чувство жалости или христианского сострадания (5 по Закону Божьему) шевельнулось в поэтической душе террориста, увидевшего в карете рядом с князем его жену и малолетних племянников. Их убивать партия не

поручала. Поручила – отбомбился бы, не моргнув. Полиция задержала Каляева через два дня, когда на территории московского Кремля он все же довел дело до конца – взорвал Сергея Александровича. 10 (23) мая 1905 г. Каляева казнили в Шлиссельбургской крепости. Было ему 27 лет. И эсеры, и официальная пропаганда представили свои версии сложной, запутанной, с разветвленным подтекстом истории Каляева, но и сегодня этого человека вспоминают неоднозначно.

Менее известны факты литературной биографии Ивана Каляева. Без преувеличений можно заключить, что пик ее пришелся именно на этот год в Ярославле – с октября 1902 по осень 1903 г.

День в день с Каляевым, 24 июня (6 июля н. с.), 1877 г., в московской патриархальной купеческой семье родился Алексей Михайлович Ремизов, умер 26 ноября 1957 г. в Париже. Получив хорошее домашнее образование, он учился в 4-ой московской гимназии, Московском Александровском коммерческом училище (окончил в 1895 г.), в Московском университете: посещая лекции на историко-филологическом и юридическом факультетах, приоритетным избрал естественное отделение физико-математического факультета. Дар Ремизова был многогранным; личность, как и свойственно глубоким и творческим людям, развивалась в разные стороны. Это его, своего учителя, рекомендациям следуя, М. Пришвин погружался в такие глубокие народные слои, «куда редко заглядывал глаз образованного человека» [1]. За участие в демонстрации студентов Ремизов был «по ошибке» арестован и выслан из Москвы: шесть лет провел в Пензе, Вологде, Усть-Сысольске.

Совпадения судеб Каляева и Ремизова мистическое: появление на свет, студенческое вольнодумство, ссылка и приобретенный там опыт, профессия литератора. Потому и встретились они: формально – в Вологде, а через литературу – в Ярославле. Рядом с Каляевым и Ремизовым должна быть еще одна личность – Борис Викторович Савинков, профессиональный революционер, шпион, террорист и писатель – Виктор Ропшин, бывавший в Ярославле не один раз.

Впервые Ремизов оказался в Ярославле по обстоятельствам совсем не литературным. Ждала его вологодская ссылка, а в европейской России все поезда на север идут через Ярославль. По той же причине Савинков в 1918 г. изберет Ярославль объектом приложения своих демонических сил.

Говоря о Ярославле как биографическом и творческом мотиве в судьбах Каляева и Ремизова, мы не настаиваем на «ярославском тексте», хотя сопоставление этих разновеликих литераторов в парадигме «ярославского текста» уместно и продуктивно. Проблему следует обозначить проще, именно как ярославские встречи. Можно поступить еще проще и допустить, что без «ярославского кода» Ремизов и его окружение 1902–1903 гг. подчас не будут поняты, прочитаны. Речь не об оригинальном стилисте, мастере «сказа», одном из основоположников так называемой «орнаментальной прозы» Ремизове. И не об умении его обыгрывать «чужое слово» (фольклор, апокрифы, агиография), творить «по материалу», импровизировать на темы демонологии, «сна»-прапа-мяти, видений, «заклинаний». И не о стремлении записывать поток сознания, развивать мотивы несправедного мира, мытарства, бесприютности, духовного очищения. Но, может быть, скорее о том, что эти самые мотивы бесприютности, мытарства, несправедного мира начали воплощаться в его жизни задолго до литературы.

Свою первую вещь – «Плач девушки перед замужеством» – Ремизов опубликовал в 1902 г. на страницах газеты «Курьер» под псевдонимом Николай Молдаванов. Однако есть данные, что «Плач» сначала появился в ярославской газете «Северный край» [6] и лишь затем в газете «Курьер». Во всяком случае, Х. Ламбль указал ее как первую публикацию Ремизова в ярославской газете и перечислил еще пять [11].

Публикациям Ремизова в газете «Северный край» способствовал... ее корректор Иван Каляев, политический ссыльный, на пропитание зарабатывавший литературным трудом. Они познакомились в Вологде, когда Каляев навещал гимназического друга Б. Савинкова. Добавим, что Каляев не был эгоистом и публикациям Ремизова в «Курьере» радовался по-детски искренне. Не без влияния Каляева в «Северном крае» печатались и другие вологодские ссыльные – Савинков, Н. А. Бердяев, П. Е. Щеголев, А. В. Луначарский.

Публикации Ремизова в «Северном крае» поддержала и журналистка, писательница, общественная деятельница, член ЦК партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962 гг.). О своей роли в судьбе публикаций Ремизова она писала: «Ровно за 50 лет перед этим, в Ярославле, где я была членом редакции местной газеты «Северный край», я в первый раз услышала его имя, увидела не его самого, только его причудливый почерк. Он присылал нам в редакцию

свои белые стихи. Мои товарищи по редакции были в политике передовыми людьми, а в литературе упрямыми староверами. Стихи неизвестного поэта я брала под свою защиту, чаще всего безуспешно [9, с. 91]. Это были 1902–1903 гг.

В газете «Северный край» Ремизов опубликовал не только «Плач девушки перед замужеством». Здесь впервые было напечатано стихотворение «Наташе», дата 1902 г. Под названием «Над колыбелькою» оно появилось в «Северном крае» от 6 мая 1903 г. [5]. Наташа – племянница Ремизова – Ляляшка (Елена Сергеевна Ремизова; 1902–1976 гг.). При последующих публикациях в составе «Посолони» этот текст писатель переадресовал своей дочери Наташе (1904–1943 гг.).

В «Северном крае» впервые опубликовано и стихотворение Ремизова «Беспокойные тучи, куда вы?» [3]. Стихотворение играет роль лирической вставки в рассказе «Придворный ювелир», но рассказ в «Северном крае» не публиковался. Стихотворение изъято из прижизненного издания рассказа в альманахе Шиповник (№3, 1906 г.). Впоследствии на слова этого стихотворения А. Архангельский написал музыку. Ноты «Романса для контральто или баритона» на стихи Ремизова сохранились в альбоме композитора от 1921 г.

Впервые в «Северном крае» опубликовано известное стихотворение Ремизова «Кутья-Войсы» [4]. Оно опубликовано под названием «Кутья войсы» с авторским примечанием: «Языческо-христианское верование зырян: под Рождество пробуждаются от проклятия «Кутья войсы» – демонические существа и властвуют над землей до Крещения». В сборнике «Чертов лог и Полнощное солнце» стихотворение имеет авторское пояснение: «Кутья-войсы – метельные духи, которым дается власть над землей от Постной кутьи – Рождественского сочельника до Богоявления, – двенадцать дней в году. На Богоявление по освящении воды они угоняются в свое царство и метели не слышно. “Чтоб тебя кутья-войса взяла!” – говорится в сердцах на обидчика, а уж Кутья-войса спуска не даст, с ней не похорохоришься» [7. VIII, с. 315].

Столь разные по тематике, тональности стихотворения созвучны автобиографической прозе Ремизова. Лирический герой стихотворений и автобиографический повествователь совпадают зеркально. И там, и тут как бы развивается метаповествование о трагической судьбе, слышны называвшиеся уже мотивы несправедного мира, мытарства, бесприютности. В книге «Иверень» Ремизов в своей причудливой манере вспоминал вологод-

скую ссылку: «Горький советовал нам заняться каким угодно ремеслом, только не литературой: “литераторство, писал Горький, дело трудное и ответственное и не всякому по плечу”. Были слова, относящиеся к одному Савинкову: “а ваш чертик неумный”. “А его черт умен?” – сказал Савинков, вспомнив горьковское “Еще о черте”» [7. VIII, с. 357].

«И весь день Савинков смотрел устюжской тучей – вот хлынет каменный дождь и засыпет костел, собор, – Вологду, Ярославль, Нижний и Арзамас с Горьким. Помню вечер, зашел к Савинковым старый ксендз: не случилось ли какой беды? Грозное затишье, клубясь, висело под костелом, и в старом органе потрескивали искры. Горький уже написал “Фому Гордеева” – отзвук “Лесов” Мельникова-Печерского – одно из первых моих чтений, очаровавшее меня, и потому горьковское “заняться только не литературным ремеслом” выразилось у меня смущенным чувством: “чего я полез?”» [7. VIII, с. 453].

В тексте Ремизова Ярославль фигурирует исключительно по логике литературно-художественных ассоциаций и прогнозов. Обсуждая в 1902 г/ в Вологде с Савинковым тему чертовства, возможно, бесовщины, мог ли думать Ремизов о роли Савинкова в русской революции? Нейтральный по тону выражения, но издевательский по смыслу упрек Горького в «чертике неумном» Савинков воспринял болезненно. Так же, боясь, комплексую, реагировал на насмешки Ставрогин и другие предтечи революционеров, очень колоритно выведенные в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Ставрогин – предводитель бесов, но мелкий бес, «чертик неумный», – Передонов у Ф. Сологуба. И в подобном контексте, смещении литературы и жизни Савинков, претендовавший на роль черта умного, видится демоном, ждущим своего часа. Слово Ремизова о «каменном дожде» пророческое, его нужно лишь вычленивать и структурировать. Савинков родился 19 (31) января 1879 г. и был на полтора года моложе Каляева, но его влияние на «паству» огромно, результат его «воспитания»: решимость бросать бомбы-камни в кого угодно. В 1918 г. Савинков и тучи его бесов свою роль в сотворении на Ярославль каменного дождя и выжигающего огня сыграли.

Как автор «Курьера» Ремизов стал знаменит, а в Вологду уже мчится Каляев с цветами и, предлагая Ремизову поехать в Москву, восторженно размахивает перед его лицом листком «Курьера» с опубликованным «Плачем девуш-

ки». Так в 1902 г. Ремизов «с разрешения Департамента полиции» отправился в Москву. Вот что он написал об этом в автобиографической книге «Иверень»: «Неделя до Введения конец осени. Всю дорогу, от Вологды до Ярославля и от Ярославля до Москвы, не отрываясь, у окна. Поля и лес. Пушкин и Некрасов стихами выговаривают дорогу, через их слова и вижу: “роняет лес багряный свой убор” и, взглядевшись, повторяю: “поздняя осень, грачи улетели”. Какая горькая разлука, но под сердцем я весь охвачен, перелетной птицей бьется надежда: это был мой первый литературный въезд в Москву» [7. VIII, с. 460]. Многоговорящая запись. В Ярославле была остановка. Каляев пока еще находился здесь, допускаем, что они встретились. «Литературный», почти триумфаторский, въезд Ремизова в Москву все же оказался смазан. Леонид Андреев, которого Ремизов посетил в Москве, долго вспоминал автора «Плача девушки...» и, вспомнив, сказал: «кажется, Анна Ахматова?» [7. VIII, с. 478].

Когда Каляева казнили, Ремизов в том же 1905 г. посетил место его казни и захоронения в Шлиссельбургской крепости. Ремизов посвятил Каляеву нерифмованное стихотворение «Иван Купал» и «Трагедию об Иуде», а Савинков, организатор убийства Сергея Александровича, увековечил фигуру друга в повести «Конь Бледный». Откликнулись также Л. Андреев, М. Пришвин, А. Куприн, А. Блок, З. Н. Гиппиус, М. Горький, но это совсем другая тема.

#### Библиографический список

1. Иванов, Н. Н. Пришвин – ученик А. Ремизова [Текст] / Н. Н. Иванов // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи. Сборник трудов Международной научной конференции. Москва, МГОУ, сентябрь, 2011. Часть 1. Серебряный век. – М. : ЮНИАКС, 2012. – С. 138–145.
2. Невиницын, Р. А. «Северный край» – печатный орган оппозиции губерний Севера и Верхнего Поволжья конца XIX – начала XX в. [Текст] : дисс. на соискание ученой степени канд. ист.н. / Р. А. Невиницын. – Ярославль, 2008.
3. Ремизов, А. «Беспокойные тучи, куда вы?» [Текст] / А. Ремизов // «Северный Край» (Ярославль). – 1903, № 83, 30 марта. – С. 2.
4. Ремизов, А. «Кутья-Войсы» [Текст] / А. Ремизов // «Северный Край» (Ярославль). – 1903, № 42, 14 февраля. – С. 2.
5. Ремизов, А. «Над колыбелькою» [Текст] / А. Ремизов // «Северный Край» (Ярославль). – 1903, № 118, 6 мая. – С. 2.
6. Ремизов, А. Плач девушки перед замужеством [Текст] / А. Ремизов // «Северный Край» (Ярославль). – 1902, № 238, 10 сент.
7. Ремизов, А. М. Собрание сочинений. В 10 т. [Текст] / Институт русской литературы РАН. – М. : Русская книга, 2000.
8. Савинков, Б. Воспоминания [Текст] / Б. Савинков // Былое. – Кн. 23. – 1917.
9. Тыркова-Вильямс, А. Тени минувшего. Встречи с писателями [Текст] / А. Тыркова-Вильямс // Возрождение (Париж). – 1955. – № 37.
10. Alexis Remizov. Bibliographie [Text]. – Paris, 1978.
11. Lampl H. Bibliographie // Wiener Slawistischer Almanach [Text]. – 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.

#### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Ivanov, N. N. Prishvin – uchenik A. Remizova [Tekst] / N. N. Ivanov // Slovesnoe iskusstvo Serebrjanogo veka i Russkogo zarubezh'ja v kontekste jepohi. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, MGOU, sentjabr', 2011. Chast' 1. Se-rebrjanyj vek. – M. : JuNIAKS, 2012. – S. 138 – 145.
2. Nevinicyn, R. A. «Severnyj kraj» – pe-chatnyj organ oppozicii gubernij Severa i Verhnego Povolzh'ja konca XIX – nachala XX v. [Tekst] : diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. ist.n. / R. A. Nevinicyn. – Jaroslavl', 2008.
3. Remizov, A. «Bespokojnye tuchi, kuda vy?» [Tekst] / A. Remizov // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). – 1903, № 83, 30 marta. – S. 2.
4. Remizov, A. «Kut'ja-Vojsy» [Tekst] / A. Remizov // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). – 1903, № 42, 14 fevralja. – S. 2.
5. Remizov, A. «Nad kolybel'koju» [Tekst] / A. Remizov // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). – 1903, № 118, 6 maja. – S. 2.
6. Remizov, A. Plach devushki pered zamuzhestvom [Tekst] / A. Remizov // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). – 1902, № 238, 10 sent.
7. Remizov, A. M. Sobraenie sochinenij. V 10 t. [Tekst] / Institut russkoj literatury RAN. – M. : Russkaja kniga, 2000.
8. Savinkov, B. Vospominanija [Tekst] / B. Savinkov // Byloe. – Kn. 23. – 1917.

9. Tyrkova-Vil'jams, A. *Teni minuvshogo. Vstrechi s pisateljami* [Tekst] / A. Tyrkova-Vil'jams// *Vozrozhdenie* (Parizh). – 1955. – № 37.

10. Alexis Remizov. *Bibliographie* [Text]. – Paris, 1978.

11. Lampl H. *Bibliographie* // *Wiener Slawistischer Almanach* [Text]. – 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.

*Дата поступления статьи в редакцию: 24.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

М. И. Марчук

### Принципы модернистской поэтики в творчестве западноевропейских писателей рубежа XIX–XX вв.

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о стилистической принадлежности западноевропейской литературы рубежа XIX–XX веков, хронологически расположенной между реализмом и модернизмом. В процессе исследования выясняется, что в поэзии заявленного периода присутствуют такие черты, как стремление трансформировать реальность, восприятие реальности как хаоса и бессмыслицы, ощущение краха устоев и традиций, влекущее за собой стремление к обновлению художественных средств, развитие и переосмысление многих принципов романтической поэтики, присутствие модернистского героя, отчужденного от бесчеловечного социума.

**Ключевые слова:** реализм, модернизм, импрессионизм, символизм, натурализм, авангардизм, поэтика, рубеж веков, герой, конфликт.

М. I. Marchuk

### Principles of modernist poetics in western European literature at the turn of XIX–XX centuries

The article deals with the stylistics of Western European literature at the turn of XIX–XX centuries which is chronologically situated between realism and modernism. As the research shows, the poetry of this period possesses such features as the desire to transform reality, perception of reality as chaos and nonsense, sensation of collapsing foundations and traditions leading to the desire to renew artistic means, development and reconsideration of romantic poetry principles, a modernist hero who is alienated from inhuman society.

**Key words:** realism, modernism, impressionism, symbolism, naturalism, avant-gardism, poetics, turn of the century, hero, conflict.

Модернизм – общее обозначение ряда направлений в искусстве и литературе первой половины XX в., для которых характерны отрицание традиционной эстетики, поиск новых художественных путей. Хронологические рамки модернизма, как любого крупного культурного явления, становятся для исследователей предметом дискуссии. Традиционно вторая половина XIX в. считается эпохой реалистической, первая половина XX в. – временем модернизма. При таком раскладе позиции рубежа веков – периода с богатой литературной продукцией – остаются дискуссионными. В данной работе мы ставим себе целью проследить постепенное формирование принципов модернистской поэтики в творчестве западноевропейских писателей рубежа XIX–XX вв.

Предметом нашего научного поиска станут следующие общеизвестные принципы модернистской литературы и картины мира.

1. Писатель–модернист, в отличие от писателя–реалиста, не заинтересован в реконструкции существующей социальной реальности и связанных с ней проблем. Вместо этого моделируется

своя, оригинальная, авторская реальность, как правило, с использованием оригинальных художественных средств. Рубеж веков и первая половина XX в. – реванш романтического метода отражения действительности: допускаются подчеркнутая условность, художественная деформация, алогизм, что говорит о расшатывании единой и единственно верной картины мира, системы ценностей. Вновь, впервые после романтиков начала XIX в., мир воспринимается как абсурдный и хаотичный. Писатель может вообще лишать мироздание права на какой-либо смысл; в лучшем случае, смысл видится неявным, глубоко сокрытым.

2. Модернизм не в меньшей, а то и в большей степени, чем реализм, опирается на научную базу. Если основой реалистического мировоззрения стал позитивизм и в целом позитивистская концепция науки, то на становление модернизма повлияют неклассическая наука и философия: идеи А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, А. Бергсона, А. Эйнштейна и др. Мы можем говорить также о том, что зачастую художественное сознание

опережает научное в процессе постижения актуальной ситуации и формулирует то, что носится в воздухе, своими художественными средствами.

3. Следует отметить, какие именно характерные настроения эпохи улавливают писатели. Современность воспринимается как эпоха необратимых исторических перемен, сопровождающихся крахом верований и духовных ценностей, следствием чего опять-таки является убеждение в необходимости радикального обновления художественного языка.

4. По образцу выделения исследователями типов романтического героя можно говорить о герое модернистской литературы и связанном с ним комплексе проблем. Главной проблемой становится отчуждение личности от социума, законы жизни которого воспринимаются как непостижимые и бесчеловечные.

5. В целом, подводя итог всему вышесказанному, можно еще раз отметить сущностную укорененность модернизма в романтическом типе культуры и сознания. В модернизме можно обнаружить продолжающуюся рефлексию над противостоянием интересов личности и общества, переосмысление концепции романтической иронии в сторону ниспровержения авторитетов, углубление внутриличностных конфликтов как героев, так и самих творцов.

Одним из первых течений, относимых к числу модернистских, является импрессионизм, который ярко реализовался в живописи и музыке, но в литературе не сформировал отдельного течения, сохранившись на уровне приема. Черты импрессионизма в западноевропейской литературе конца XIX в. обнаруживаются в прозе Эдмона и Жюль де Гонкуров и поэзии Поля Верлена. Импрессионизм одним из первых отказывается от изображения объективной, сложной, всесторонне познанной картины реальности, заменяя ее изображением мгновения, субъективного восприятия, инстинкта. Впечатление приобретает самоценность; дальше этого уровня познание продвинуться не может и не стремится.

«Поэзия **Поля Верлена** импрессионистична потому, что, разрушая границы между субъективным и объективным, духом и плотью, возвышенным и низменным, отказываясь от рационально-нравственного отношения к действительности, она целиком отдается фиксации непосредственных, сиюминутных впечатлений» [3, с. 19]. Отсюда наблюдаемая нами в текстах Верлена трансформация реальности, например, в стихотворении «Соловей»:

*Тревожною стаей, слепой и шальной,  
Крылатая память шумит надо мной  
И плещет, и мечется, бредя спасеньем,  
Над желтой листвою, над сердцем осенним... [3, с. 78]*

Соответственно обновлению содержания происходит обновление и художественных форм. Поэзия Верлена делает ставку «не на изобразительно-выразительные возможности слова, а на его суггестивную силу: слово Верлена воздействует не столько своим предметным значением, сколько смысловым ореолом, возникающим как результат фонетико-синтаксической вязи и навевающим те или иные настроения (что, кстати, и побудило символистов назвать Верлена своим предшественником)» [3, с. 20]. В любом стихотворении Верлена обнаруживается специфичный для его поэзии лирический герой: чуждый миру, ощущающий свою слабость, дряхлость, ненужность и неприкаянность. Самый яркий пример такого конфликта с мирозданием, где-то на грани романтизма, декаданса и модернизма, – стихотворение «Томление» («Я – римский мир периода упадка...»). «На первом месте всегда оставалась не опосредованная никакой рациональностью прямая “затронутость” вещами: поэт не хочет их интерпретировать, ибо тайна заключена в самом присутствии вещей здесь и теперь – в присутствии, которое надо углубленно прочувствовать и пережить» [3, с. 21]. Верлен не стремится ни дробить, ни анализировать окружающий мир; он не классифицирует вещи и не осуществляет между ними выбора, ибо всякий выбор неизбежно убивает целостность мироздания. Верлен же хочет собрать его воедино, ибо мир постигается не через рефлексию о нем, а через слияние с ним.

Поэзию Поля Верлена мы рассмотрели в контексте импрессионизма и тех изменений, которые он вносит в картину мира и комплекс средств художественной выразительности. Однако первым поэтом рубежа веков, провозгласившим тот самый поиск нового как цель творчества, стал **Шарль Бодлер**. «Важнейший урок Шарля Бодлера заключался в том, что им окончательно обозначен перенос упора с преемственности на первопродчество» [1, с. 286]. Творчеству Бодлер задает нацеленность на постижение сущего. Отсюда знаменитая бодлеровская теория соответствий: переключка всех вещей друг с другом и преобразование через этот процесс окружающего мира. Через призму этой тео-



рии можно рассматривать, скажем, стихотворение «Соответствия»:

*Природа – древний храм.  
Невнятным языком  
Живые говорят колонны там от века;  
Там дебри символов смущают человека,  
Хоть взгляд их пристальный давно ему  
знаком [3, с. 69].*

Бодлер – предтеча европейского символизма: «видимое является у него символом внутреннего мира, смысловым знаком его душевной жизни» [2, с. 107]. Первый план символа отведен непосредственно данному, эмпирическим деталям и подробностям. Второй план формируется из воспоминаний лирического героя, его жизненного опыта, фантазий. Бодлер более, чем кто-либо другой, близок к романтической культуре. В сборнике «Цветы зла» мы находим романтический прием контраста даже в названиях частей (ср.: «Сплин и идеал»). Лирический герой стихов Бодлера знает, что жизнь представляет собой мрак и боль, что она сложна. Но романтическое по своей природе противостояние героя и мира переносится во внутренний мир героя. В лирике Бодлера едва ли не острее, чем у прочих его современников, воплотилось ощущение краха, гибели, старости цивилизации и культуры: отсюда кладбищенские мотивы, темы разложения, распада, настроения уныния, тоски, меланхолии. Бодлер выступил также одним из родоначальников жанра стихотворения в прозе (сборник «Парижская хандра»).

Унаследовавший многое из поэтических открытий Бодлера **Артур Рембо** на свой лад провозглашает трансформацию реальности. По мнению поэта, «мир не сводится к совокупности ощущений. Значительную роль играют глубинные слои психики, апперцепция и воображение» [2, с. 195]. В ранней поэзии Рембо явно превалирует изображение внешнего мира. Символистская структура там получает объективный характер, освобождается от обязательной прикреплённости к человеку как к субъекту восприятия. Примером может служить сонет «Гласные»:

*«А» черный, белый «Е», «И» красный, «У» зеленый,  
«О» голубой – цвета причудливой загадки:  
«А» – черный полог мух, которым в полдень  
сладки  
Миазмы трупные и воздух воспаленный [3,  
с. 89].*

Так, Рембо, «разрушая привычные формы мира, возвращается к первоматерии, из которой творит свою собственную, небывалую действительность» [3, с. 22]. Лирический герой Рембо – бунтарь, мятежник, маргинал, в принципиальном расхождении с миром. Знаменитая формула «я – это другой» воплотила желание поэта выйти за рамки даже собственной личности, попробовать вкус другого бытия. Свойственные текстам Рембо постоянная издевка над зашоренным мышлением обывателя, метафизический бунт, эпатаж в адрес благопристойного мышления стали предвестием авангарда XX в. Рембо говорит о необходимости изобрести новый поэтический язык, о том, что он называет «алхимия слова».

Позднее творчество Рембо – «декадентское перерождение символизма, где второй план образа очень часто ограничивается прошлым героя, не затрагивая реальности настоящего» [2, с. 223]. Изображаемое в «Озарениях» утрачивает объективную закономерность и подменяется закономерностью сознания, воспоминаний, мечтаний.

Если в творчестве Ш. Бодлера, П. Верлена и А. Рембо мы можем усматривать в разной степени приближение к символистскому видению мира, то **Стефан Малларме**, бесспорно, стоит у истоков символистской традиции в европейской поэзии. Как и в разной степени его предшественники, Малларме отказывал внешнему миру в каком-либо поверхностно явленном смысле. «Задача поэзии отныне – обнаружить скрытое сходство между предметами, неявленные отношения, скрыто пронизывающие всю явленную действительность» [3, с. 26]. По мнению Малларме, именно поэтому следует отказаться от старого поэтического языка и создать новый, суггестивный – для того, чтобы уловить сокровенный смысл предметов. Следствием стала сознательная затрудненность образной системы. Первым планом образа становится план словесного выражения, глубинный план отводится душевной жизни героя и его сознанию. Объективная действительность вообще исчезает из образа. Символ, двуплановость образа окончательно перестают связывать субъективность переживания с объективностью реального мира. «Способ изображения действительности основан на разрушении объективных связей между явлениями и на установлении чисто психологических закономерностей» [2, с. 251]. Лирический герой поэзии Малларме, как правило, поэт, гений, чей крест – возвещать истину неблагодарной толпе (см., например, стихотворение «Гробница Эдгара По»).

На основании всего вышесказанного, на наш взгляд, можно утверждать, что постепенное формирование принципов модернистской поэтики начинается уже в литературе рубежа XIX – XX вв. Ряд примеров может быть расширен за счет привлечения таких произведений, как, например, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, «Фрекен Жюли» Августа Стриндберга и других.

#### **Библиографический список**

1. Великовский, С. И. Умозрение и словесность. Очерки французской культуры [Текст] / С. И. Великовский. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. – 711 с.
2. Обломиевский, Д. Д. Французский символизм. [Текст] / Д. Д. Обломиевский. – М. : Наука, 1973. – 308 с.
3. Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора [Текст] / Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 512 с.

4. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.

#### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Velikovskij, S. I. Umozrenie i slovesnost'. Oчерki francuzskoj kul'tury [Tekst] / S. I. Velikovskij. – М. ; SPb. : Universitetskaja kniga, 1998. – 711 s.
2. Oblomievskij, D. D. Francuzskij simbolizm. [Tekst] / D. D. Oblomievskij. – М. : Nauka, 1973. – 308 s.
3. Pojezija francuzskogo simbolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora [Tekst] / Pojezija francuzskogo simbolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora. – М. : Izd-vo MGU, 1993. – 512 s.
4. Rudnev, V. P. Slovar' kul'tury XX veka [Tekst] / V. P. Rudnev. – М. : Agraf, 1997. – 384 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 30.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

А. В. Волкова

### Принципы прозы XX века в творчестве Д. Хармса

В статье впервые литературное творчество Д. Хармса рассмотрено сквозь призму сформулированных В. Рудневым принципов прозы XX века: неомифологизм, текст в тексте, приоритет стиля над сюжетом, уничтожение фабулы и др. Обнаружены точки соприкосновения и ключевые отличия дискурса Хармса в сравнении с дискурсом модернизма и постмодернизма. В статье раскрываются следующие особенности поэтики, эстетики и характерологии Хармса: антимифологизм, инверсия иллюзии и реальности, «уничтожение» сюжета, обновление взгляда на мир, алогизм поведения персонажей при подчеркнутой связности текста, авторитетность позиции наблюдателя, аутистизм. Материалом исследования послужили прозаические произведения писателя.

**Ключевые слова:** проза Хармса, творчество Хармса, литература авангарда, дискурс модернизма, дискурс постмодернизма, принципы прозы XX в.

A. V. Volkova

### Principles of the XX century prose in D. Kharms's work

For the first time, D. Kharms's literary work is seen through the prism of the principles of the XX century prose formulated by V. Rudnev: neomythologism, text inside text, priority of style over story, destroying the plot, etc. The author has discovered common points and key differences between the discourse of Kharms and the discourse of modernism and postmodernism. The article reveals the following features of Kharms's poetics, esthetics and characterology: antimythologism, inversion of illusion and reality, "distruction" of the plot, a new view of the world, lack of logic in characters' behaviour within obviously logical text, observer's authoritative position. The material for the research is the writer's prosaic works.

**Key words:** Kharms's prose, Kharms's work, avant-garde literature, modernist discourse, discourse of postmodernism, principles of the XX century prose.

В 1997 г. Вадим Руднев в Словаре культуры XX в. сформулировал десять принципов, на которых, по его мнению, основана новаторская проза модернизма – «Проза с большой буквы». Среди ее отечественных представителей Руднев назвал Федора Сологуба, Андрея Белого, Михаила Булгакова, Владимира Набокова, но также и Сашу Соколова, Владимира Сорокина, Дмитрия Галковского [5, с. 353], – то есть как собственно модернистов, так и писателей-постмодернистов, творчество которых является, безусловно, новаторским, а дискурс – уникальным и самобытным.

Даниил Хармс является представителем литературы авангарда, что отличает его как от модернистов, так и от постмодернистов. Однако некоторые исследователи (в частности, Ж.-Ф. Жаккар, Э. Анемоне, Н. Корнуэлл, М. Липовецкий) полагают, что в позднем, прозаическом, творчестве Хармс создает художественную систему, очень близкую постмодернистской. В связи с этим представляется

продуктивным проследить, каким образом принципы прозы XX в. преломляются в его творчестве. С одной стороны, это позволит соразмерить своеобразие и конгруэнтность прозы Хармса литературе XX в., а с другой – расширит и обогатит понимание самих принципов.

В качестве референтных текстов мы рассмотрим цикл прозаических миниатюр «Случаи», повесть «Старуха», а также ряд других прозаических текстов, созданных Хармсом в 30-х гг. XX в.

1. **Неомифологизм.** Суть этого принципа заключается в прямом или косвенном использовании мифов в сюжетах и других элементах художественной системы литературных произведений. При этом в роли мифа, как отмечает Руднев, может выступать не только собственно мифология, но и исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет.

Другим показателем неомифологизма является структурное подобие литературных произведений мифам. Руднев выделяет следующие черты: циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предьязыку с его «многозначительным косноязычием» [5, с. 354].

В прозе Хармса можно выделить несколько точек соприкосновения с мифами (как в семантическом, так и в структурном плане), и больше всего их – в повести «Старуха», начиная с самой старухи как мифологемы судьбы и заканчивая автомифологическими мотивами из ранних рассказов. Однако вряд ли можно считать дискурс Хармса сознательным мифотворчеством: другой, пародийный, модус поэтики явно преобладает в его прозе. Историко-культурная реальность прошлых лет в новеллах Хармса чаще всего предстает в комическом ключе: Пушкин и Гоголь («Анекдоты из жизни Пушкина», «Пушкин и Гоголь»), Иван Сусанин («Исторический эпизод»), Микеланджело («О явлениях и существованиях №1»).

В хармсоведении нет единого мнения о том, с какой целью Хармс прибегает к «историческим персонажам». Одни исследователи (А. Кобринский, А. Александров) считают, что последние призваны высмеять обывательское отношение к историческим личностям. Другую позицию занимает Н. Гладких (2000 г.), полагая: «Пушкин и Гоголь Хармса – не пародийные Пушкин и Гоголь обывательской культуры, а его собственные неопостижимые и самодостаточные иероглифы <...> Таким образом Хармс расправляется не только с мимесисом, но и с мифологическим мышлением – важным элементом культуры» [2, с. 77].

С. Горбушин и Е. Обухов идут еще дальше, доказывая, что целью Хармса в подобных текстах является *дискредитация возвышенного*, то есть самого стремления к идеализации и мифологизированию чего бы то ни было. В миниатюрах Хармс словно подталкивает читателя к мысли: «Не было – героя, подвига, не было поэта, достойного своей поэзии, или хотя бы похожего на своего поэтического двойника... Поэтому возвышенность и пафос неуместны априори, они априори лживы, ибо «плох» человек – *всегда*» [3]. По мнению исследователей, Хармс высмеивает не обывателя, которого вполне удовлетворял советский миф о Пушкине и Сусанине, а интеллигента, неудовлетворенного этим мифом и пытавшегося создать свой собственный: «"Воз-

вышенным", заслуживающим эпатажа, является здесь малодушная потребность интеллигентского сознания в этом самом вересаевском "Пушкине с человеческим лицом" – как в некоторой "подпорке". Разрушение же иллюзий состоит в том, что Хармс отказывает ей "в прочности", этой "подпорке". Она – фикция. В его мире иначе и быть не может» [Там же, с. 83].

Таким образом, «исторические персонажи» Хармса являются «антимифологемами», так как они разоблачают мифы, а также дискредитируют само стремление их создать.

**2. Иллюзия / реальность.** Этот принцип следует понимать как отсутствие в художественном мире прозы XX в. четкой границы между иллюзией и реальностью. Руднев считает предтечей такого положения «Пиковую Даму» Пушкина: «непонятно, Германн сошел с ума уже в середине повествования или действительно призрак графини сообщает ему три карты» [5, с. 353]. Автор намеренно стирает различия между миром иллюзий, снов, психических расстройств, творчества своих героев и нитью повествования, как бы перекладывая на героя ответственность за «реалистичность» текста.

Выше мы выяснили, что цель Хармса – разрушение иллюзий, а не их создание. А для этого необходимо четко отделять иллюзии от реальности. Так и происходит в «Случаях». При этом в ряде новелл эксплицирована граница между этими двумя модальностями. Так, в рассказ «Оптический обман» этой «границей» являются очки.

**(1) Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.**

*Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит* [8, с. 214].

Если рассматривать очки и название героя не по фамилии, а по имени-отчеству как исключительно интеллигентские атрибуты, то можно продолжить мысль, заявленную в рассуждении относительно первого принципа: Хармс иронизирует над попытками интеллигентского сознания отфильтровать и концептуализировать действительность. Ведь странный и страшный мужик на сосне – часть «дикой», неупорядоченной природы, грубо вторгающейся в поле зрения героя, и поэтому Семен Семенович «не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом».

Хармс вовсе не стирает грань между иллюзией и реальностью, а меняет их местами, педалируя

ошибки, заблуждения и прочие «выпадения» (иногда в буквальном смысле) героев из реальности:

(2) *А Круглов нарисовал даму с кнутом и сошел с ума. А Перехрестов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.* («Случай») [8, с. 212].

Этот принцип распространяется не только на художественный мир, но и на художественный метод Хармса: вслед за героями из реальности «выпадают» и читатели, «сходя с ума» от «ошибок», ставших реальностью в текстах подобного рода:

(3) *Новая анатомия*

*У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий, ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой – «Юпитер»* [8, с. 246].

Переформулировав высказывание Руднева о «Пиковой даме», можно, применительно к прозе Хармса, сказать: непонятно, автор сошел с ума еще до начала повествования или действительно хотел сказать то, о чем написал.

3. **Текст в тексте:** «бинарная оппозиция «реальность / текст» сменяется иерархией текстов в тексте» [5, с. 355]. В творчестве Хармса есть произведение, отчасти отвечающее этому принципу, – повесть «Старуха». Оно стоит особняком в ряду других текстов (А. Герасимова справедливо относит его к поэтике «не-случаев»).

Текст в тексте «Старухи» – ненаписанный рассказ о чудотворце, который не творит чудес. Рассказчик повести целиком эксплицирует фабулу будущего текста. Однако ему удается написать только одно предложение: «Чудотворец был высокого роста». После этого героя посещает старуха, умирает в его комнате, и, занятый попытками избавиться от ее тела, герой больше не может вернуться к работе.

Хотя рассказ о чудотворце не является содержанием повести и ее главной задачей (как это происходит в постмодернистской прозе), тем не менее, нельзя не провести параллели между ним и сюжетной линией повести, как это делает М. Ямпольский: «Рассказ о человеке, чья активность так же блокирована, который так же не может производить чудеса, как не может писать тот, от лица которого ведется повествование» [10, с. 119].

4. **Приоритет стиля над сюжетом.** «Для настоящего шедевра прозы XX в. важнее не то, что рассказать, а то, как рассказать. Нейтральный стиль – это удел массовой, или «реалистической», литературы. «...Стилистические особен-

ности начинают самодовлеть и вытеснять собственно содержание» [5, с. 356].

Действительно, стиль в модернизме оказывает большое влияние на сюжет, например, законы «потока сознания» могут определять повороты сюжета, который теряет целостность и доминирующую позицию в дискурсе.

Своеобразие стиля и сюжетов в творчестве Хармса не оставляет сомнений у исследователей, однако взаимоотношения между ними совершенно иные, отличные от модернистских.

Проблема сюжета еще будет затронута ниже, здесь же отметим следующую особенность. Как в микроновеллах, так и в повести «Старуха» масштаб целого сюжета или сюжетного элемента принимают несущественные действия или случайности. Вот наиболее часто встречающиеся сюжетные «ходы» в прозе Хармса: выход из дома, встреча, выпадение (есть даже целый рассказ «Упадение», в котором процесс падения с крыши людей предстает в замедленном времени, на фоне различных дел других людей, наблюдающих падение), возвращение домой, драка, разговор, сон или только отход ко сну, потеря, покупка, подарок. Это исключительно авангардный прием, но именно благодаря ему дискурс Хармса приобретает *реалистичность*, ведь жизнь обычного человека, как и рассказ о ней, состоит из подобных случаев.

Для сравнения: сюжет микроновеллы «Отъезд» Кафки, казалось бы, посвящен одному только событию – отъезду героя, однако после прочтения становится ясно, что это лишь верхняя часть айсберга, а в центре сюжета рассказа – путешествие, которое выходит за рамки данного текста.

Таким образом, внимание читателя хармсовских произведений целиком сосредоточено на сюжете, который, поражая читателя абсурдными деталями и поворотами, оказывает сильное воздействие «здесь и сейчас», не порождая никакой другой, затекстовой, реальности (что характерно для произведений модернизма).

5. **Уничтожение фабулы.** Классическая литература была сюжетоориентированной, и наличие фабулы открывало возможности для наиболее эффектного построения сюжета. В XX в. сюжет релятивизируется, а эффект воздействия достигается осложнением структурно-семантических связей между элементами художественной системы, многомерностью и полифоничностью повествования, а также, как было отмечено выше, приоритетом стиля над сюжетом.

Хармс же, напротив, предельно упрощает сюжет, следуя утверждению Л. Липавского: «Сюжет – причинная связь событий и их влияние на человека. Теперь, мне кажется, ни причинная связь, ни переживания человека, связанные с ней, не интересны. Сюжет – несерьезная вещь. <...> Великие произведения всех времен имеют неудачные или расплывчатые сюжеты. Если сейчас и возможен сюжет, то самый простой, вроде – я вышел из дому и вернулся домой. Потому что настоящая связь вещей не видна в их причинной последовательности» [4, с. 14].

Получается, что в творчестве Хармса «уничтожается» не фабула, а сюжет, как доказывают в статье «Смерть сюжета» Т. Цвигун и А. Черняков: «...Сущность хармсовского абсурда на уровне сюжета заключается не столько в отказе от логических связей между его компонентами (иногда это свойство распространяется и на внешне «логичные» сюжеты), сколько в исключении из текста самого принципа диалогизма: сюжет утрачивает свойство модальной дискретности, поскольку выделение в нем разнонаправленных полей в принципе невозможно» [9, с. 96]. Создается впечатление, что Хармс оставляет только основу, ядро повествования, «голую фабулу», что наглядно представлено, например, в новелле «Встреча»:

(4) *Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.*

*Вот, собственно, и все. (Встреча)* [8, с. 230].

**6. Синтаксис, а не лексика.** Обновление языка в литературе XX в. происходит за счет обновления и построения синтаксических конструкций. Руднев приводит в пример стиль потока сознания, который «одновременно является и усложнением, и обеднением синтаксиса» [5, с. 356].

Поток сознания представляет собой прием передачи при помощи словесной ткани внутреннего мира человека, его душевной и ментальной жизни и тех сложных взаимодействий, в которых они находятся. У героев миниатюр Хармса внутренняя жизнь обычно редуцирована, мы наблюдаем исключительно внешние проявления, как в театре или немом кино. Характерный пример – сценка из цикла «Случаи» «Неудачный спектакль»:

(5) *На сцену выходит Петраков-Горбунов, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит* [8, с. 230].

Если попытаться «развернуть» эту ремарку в дискурс «потока сознания», то даже косвенное

словосочетание «хочет что-то сказать» следует передать с помощью нескольких отрывочных предложений.

Цель Хармса состояла не в обновлении языка, а в обновлении *взгляда* или восприятия мира, которое с помощью различных средств Хармс эксплицировал в своих произведениях.

**7. Прагматика, а не семантика.** Литература XX в., по мнению Руднева, «моделировала позицию читателя и создавала позицию рассказчика, который учитывал позицию читателя» [5, с. 356].

Приоритет прагматики над семантикой – отличительный признак авангардного искусства. Об этом писал М. Шапир, а вслед за ним и сам Руднев в соответствующей статье «Словаря...» [5, с. 14]. Для авангарда в целом характерно упрощение семантико-синтаксического плана текста и установка на немедленное воздействие на читателя. В отличие от модернистов Хармс воздействует на читателя не игрой повествовательных инстанций, а при помощи гротеска и абсурда, вызывающих «ультрапарадоксальное состояние», в котором затруднено понимание смысла произведения.

Таки образом, акцент на прагматике у Хармса даже больший, чем в модернистском и постмодернистском дискурсах.

**8. Наблюдатель.** «Смысл фигуры наблюдателя-рассказчика в том, что именно на его совести правдивость того, о чем он рассказывает» [5, с. 356]. Данный принцип связан с релятивизацией истины в произведениях модернизма (и постмодернизма). В произведении может быть несколько наблюдателей и, как следствие, несколько «истин», каждая из которых имеет право на существование.

В прозе Хармса также роль наблюдателя-рассказчика очень велика и заслуживает пристального внимания. Однако кардинальное отличие его метода состоит в том, что этот наблюдатель в тексте всегда один, и «право» на истину в дискурсе всецело принадлежит ему. При этом, как справедливо отмечают С. Горбушин и Е. Обухов, наблюдатель ведет довольно последовательное и бесхитрое повествование и ничем не провоцирует попыток ему не доверять.

Именно это свойство наблюдателя-очевидца порождает ситуацию «оптического обмана» читателя, описанную выше в принципе **Иллюзия / реальность**: мы верим в правдивость рассказа, даже когда он обнаруживает полную абсурдность, как в знаменитой новелле «Голубая тетрадь № 10», начинающейся словами «Был один

рыжий человек...», доходящей до восклицания «Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь» и завершающейся резонерским «Уж лучше мы не будем о нем больше говорить» [8, с. 211].

#### 9. Нарушение принципов связности текста.

Как было отмечено выше, для дискурса модернизма и постмодернизма часто характерен стиль потока сознания и связанное с ним пренебрежение синтаксическими, грамматическими, а иногда и графическими средствами связности текста.

Хармс, напротив, в большинстве текстов демонстрирует подчеркнутую связность на уровне синтаксиса и грамматики. Выделим основные средства связности текста в новелле «Северная сказка»:

**(6)** *Старик, не зная зачем, пошел в лес. Потом вернулся и говорит: – Старуха, а старуха! – Старуха так и повалилась. С тех пор все зайцы зимой белые* [8, с. 57].

Текст имеет название «Северная сказка», что само по себе является формальной скрепой. Кроме того, в названии есть указание на жанр, и произведение формально ему соответствует, как минимум, по двум признакам. Во-первых, героями в нем выступают характерные для русских сказок старик и старуха. Во-вторых, финальное предложение «С тех пор все зайцы зимой белые» представляет собой вывод, который часто делается в сказках, мифологически трактующих причины природных и социальных явлений. Особенно это характерно для сказок народов севера<sup>1</sup>. Таким образом, и второе слово в названии – «северная» – оказывается оправданным.

Повтор слова «старуха» является лексическим средством связности в тексте, а единство вида и времени глаголов: «пошел, вернулся, повалилась», – грамматическим. К грамматическим средствам относятся и слова-связки «потом», «и», «так и», «с тех пор», создающие впечатление развития действия.

При всем обилии средств связности очевидно, что данный рассказ – один из самых несвязных с точки зрения логики поведения персонажей: 1) старик, «не зная зачем», пошел в лес; 2) непонятно, что он хотел сказать старухе, так как его речь ограничена только обращением «Старуха, а старуха!»; 3) необъяснима столь неадекватная реакция старухи на слова старика. И, наконец, вывод о зайцах звучит абсолютно необоснованно. Впрочем, вся эта абсурдность характерна и для «обычных» сказок, таких как «Курочка ряба», анализируя которую В. Руднев пришел к

масштабным выводам о шизотипичности культуры XX в. [6].

**10. Аутистизм.** «Модернистский писатель с характерологической точки зрения практически всегда является шизоидом или полифоническим мозаиком, то есть он в своих психических установках совершенно не стремится отражать реальность, в существование или актуальность которой он не верит, а моделирует собственную реальность» [5, 357].

Судя по дневникам, воспоминаниям современников и другим свидетельствам, у Хармса не было стремления спрятаться от внешнего мира во внутренний. Характерно, что Хармс выступал как активный творческий деятель и был при этом эксцентричной личностью, «лайф-артистом» (определение А. Герасимовой). Кроме того, ему не было свойственно недооценивать реальность, не верить в ее «существование или актуальность». Напротив, высокий интеллект и глубокая интуиция позволили ему увидеть и отразить в творчестве не только современную писателю действительность, но и будущее.

Вместе с тем, несомненно, что Хармса никогда не удовлетворяла реальность в целом и литературная реальность того времени, в частности, что и определило его место в авангарде. Следует обратить внимание на религиозность Хармса, отмеченную его близкими и отразившуюся в повести «Старуха» и многочисленных размышлениях о бессмертии, а также на его глубокое знание музыки (см., например, Концерт Эмиля Гиллельса в клубе писателей 19-го февраля 1939 г.) и стремление к гармонии как «чистоте порядка». Все это, по М. Бурно [1], является признаками аутистического характера.

Таким образом, вероятнее всего, Хармс был типичным шизоидом, подобно многим писателям-модернистам, а вынужденный уход в «андеграунд» и «писание в стол» только способствовало раскрытию его творческого потенциала, так как именно в этот период были созданы лучшие произведения писателя – прозаический цикл «Случаи» и повесть «Старуха».

Дифференциация модернизма, авангарда и постмодернизма – серьезная литературоведческая проблема, в русле которой проводится много исследований. Анализируя творчество Хармса сквозь призму выдвинутых В. Рудневым принципов модернистской литературы, мы приходим к выводу, что, хотя дискурс Хармса по некоторым параметрам близок модернистско-постмодернистскому полюсу, все же в большинстве

случаев он обнаруживает свойства, противоположные модернистской поэтике. Каждое из этих свойств заслуживает детального изучения, что привело бы к более полному и глубокому пониманию столь сложного явления в литературе XX в., каким является поэтика Хармса.

### Библиографический список

1. Бурно, М. Клиническая психотерапия [Текст] / М. Е. Бурно. – М. : Академический проект. – 2001. – С. 421.
2. Гладких, Н. Эстетика и поэтика прозы Д. И. Хармса [Текст] : дисс. на соиск. уч. ст. кандидат. филолог. наук / Н. В. Гладких. – Томск. – 2000.
3. Горбушин, С., Обухов, Е. Сусанин и Пушкин Даниила Хармса. [Текст] / С. Горбушин, Е. Обухов // Вестник гуманитарного научного образования. – № 2. – Ноябрь-Декабрь.
4. Липавский, Л. Разговоры [Текст] / Л. Липавский. – Логос. – 1993. – № 4. – С. 10–17.
5. Руднев, В. Принципы прозы XX века [Текст] / В. П. Руднев // Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф. – 1997. – С. 353–357.
6. Руднев, В. Тайна Курочки Рябы. Безумие и успех в культуре [Текст] / Руднев В. П. – М. : Класс.
7. Сказки народов Севера [Текст] / сост.: В. В. Винокурова, Ю. А. Сем. – Смоленск, 1992.
8. Хармс, Д. О явлениях и существованиях [Текст] / Д. Хармс. – СПб. : Азбука. – 2004.
9. Цвигун, Т. В., Черняков А. Н. «Смерть сюжета» в поэтике Д. Хармса [Текст] / Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков // Балтийский филологический курьер. – Калининград. – 2000. – № 1. – С. 97–106
10. Ямпольский, М. Беспамятство как исток (Читая Хармса) [Текст] / М. Ямпольский. – М., 1998.

### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Burno, M. Klinicheskaia psihoterapija [Tekst] / M. E. Burno. – M. : Akademicheskij proekt. – 2001. – S. 421.
2. Gladkih, N. Jestetika i pojetika prozy D. I. Harmsa [Tekst] : diss. na soisk. uch. st. kandidat. filolog. nauk / N. V. Gladkih. – Tomsk. – 2000.
3. Gorbushin, S., Obuhov, E. Susanin i Pushkin Daniila Harmsa. [Tekst] / S. Gorbushin, E. Obuhov // Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovanija. – № 2. – Nojabr'-Dekabr'.
4. Lipavskij, L. Razgovory [Tekst] / L. Lipavskij. – Logos. – 1993. – № 4. – S. 10–17.
5. Rudnev, V. Principy prozy XX veka [Tekst] / V. P. Rudnev // Slovar' kul'tury XX veka. Kljuchevye ponjatija i teksty. – M. : Agraf. – 1997. – S. 353–357.
6. Rudnev, V. Tajna Kurochki Rjaby. Bezumie i uspeh v kul'ture [Tekst] / Rudnev V. P. – M. : Klass.
7. Skazki narodov Severa [Tekst] / sost.: V. V. Vinokurova, Ju. A. Sem. – Smolensk, 1992.
8. Harms, D. O javlenijah i sushhestvovanijah [Tekst] / D. Harms. – SPb. : Azbuka. – 2004.
9. Cvigun, T. V., Chernjakov A. N. «Smert' sjuzheta» v pojetike D. Harmsa [Tekst] / T. V. Cvigun, A. N. Chernjakov // Baltijskij filologicheskij kur'er. – Kaliningrad. – 2000. – № 1. – S. 97–106
10. Jampol'skij, M. Bepamjatstvo kak istok (Chitaja Harmsa) [Tekst] / M. Jampol'skij. – M., 1998.

*Дата поступления статьи в редакцию: 22.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

---

<sup>1</sup> Так в конце саамской сказки «Тала-медведь и великий колдун» звучит вывод: «С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей» [7, 10].



М. Ю. Егоров

**«Неклассический» мир Саши Соколова: вариативность интерпретации «Школы для дураков»**

В статье рассматривается специфика построения нарратива романа Саши Соколова «Школа для дураков». Автор произведения «подсказывает» читателю не какую-либо единственную, а несколько взаимоисключающих или взаимодополняющих друг друга версий интерпретации романа. Мир в восприятии С. Соколова есть данность во всем многообразии его предметных, семиотических, идеологических, акциональных, ценностных проявлений. Поэтому для сознания, существующего в бытии этого мира, мир может быть увиден и понят как совокупность впечатлений, реакций личности и предметов ее мысли вне своего временного развития, вне значимости хронологической последовательности событий. Человек С. Соколова, напротив, есть неостановимая динамика самодостаточного душевного бытия, поводом для которого выступает жизнь. Выразить эту субъективную разъятость мира на переживания и впечатления, эту спонтанность самоощущения и самоопределения человеческого сознания и призваны «странные» приемы продуцирования текста в романе С. Соколова «Школа для дураков».

**Ключевые слова:** Саша Соколов, «Школа для дураков», третья волна эмиграции, русское зарубежье.

М. Yu. Egorov

**“Nonclassical” world of Sasha Sokolov: “A School for Fools”. Variability of interpretation.**

The article deals with specific narrative structure of Sasha Sokolov’s novel A School for Fools. The writer suggests that the reader should consider not just one, but several conflicting and complementing each other versions of interpreting the novel. According to S. Sokolov, the world is reality with all its object, semiotic, ideological, actional and value manifestations. Thus for the consciousness existing in reality, the world can be seen and understood as a set of impressions, personal reactions and thoughts – beyond time development, beyond the importance of chronological sequence of events. S. Sokolov’s man, on the other hand, is unstoppable dynamics of self-sufficient spiritual existence the reason for which is life. To express this subjective disunity of the world, this spontaneity of self-awareness and identity of human mind, S. Sokolov employs his “strange” methods of producing texts in his novel “A School for Fools”.

**Key words:** Sasha Sokolov, “A School for Fools”, the third emigration wave, Russians abroad.

Развертывающееся в романе Саши Соколова «Школа для дураков» повествование последовательно дезавуирует «физические» и событийные константы, но автором романа «подсказываются» читателю не какая-либо единственная, а несколько взаимоисключающих или взаимодополняющих друг друга версий интерпретации авторских усилий.

Так, одна из них – это версия *психологическая*: мы общаемся с Учеником таким-то – героем-рассказчиком, который «не здоров». Эта версия достаточно разработана автором и мотивирована раздвоением героя, его неспособностью удерживать целеустремленную направленность речи, способностью его говорить обо всех вещах сразу (разнесенных в разные пространства и времена, обращенных к тем, кто жив и мертв, кто перед ним и кто отсутствует, существующих в той же

художественной «реальности» и только в грезах героя), немотивированным набором ассоциаций в речи и окказиональными смещениями в форме и значении употребляемых героем слов.

Фред Моуди считает, что в «Школе для дураков» «повествователь пытается создать для себя мир, в котором он мог бы найти эквиваленты своей шизофрении. Его умственная неполноценность становится метафорическим воплощением артистического импульса, указанием на творческую основу самого романа, подобно тому, как рифмы и отражения в описываемом мире накладываются на него сознанием, создавшим этот мир и управляющего им» (цит. по [1, с. 188]). Действительно, пожалуй, единственно реальной, не подвергающейся сомнению повествовательной инстанцией является в тексте романа общение «автора» и Ученика. Здесь лишь наиболее

фантастическое с точки зрения читателя событие, нарушающее все границы литературного произведения, не ставится под сомнение.

Подобное построение (в качестве отражения «болезненно деформированного» образа действительности) заставляет искать смысл не в содержании, а в форме художественного высказывания. Представление, согласно которому действительность – это то, что дано обыденному взгляду, изгоняется, как и логические сцепления объектов. Мир предстает в неудобном для читателя виде, таким, где все «реально» существующие связи нарочито разрушаются. Налицо стремление автора зафиксировать текущие, быстропроходящие состояния, эмоции субъекта сознания. Вместе с тем можно в этой фиксации мига за мигот усмотреть нечто более глубокое, чем его эмоциональный характер, осознать всеобъемлющую природу этого мига.

Как это ни парадоксально, версия безумия героя позволяет ввести смысловое целое романа в нормативные рамки литературного текста, ориентированного на классические условно «изобразительные» нормы и традиции. К последним, конечно, нужно будет отнести не реализм И. Гончарова, И. Тургенева, Л. Толстого, М. Шолохова или русских писателей-семидесятников XX в., но – Н. Гоголя с его «Записками сумасшедшего» и Ф. Достоевского с его «Двойником» и «Идиотом». И нужно признать, что С. Соколов вполне сознательно и последовательно исходит из такой установки на классическую традицию.

Другая версия, постулируемая писателем, это версия *системно-субъектная* – «кто и каким образом действует в романе». Вообще, в структуре литературного произведения персонажи обладают двойкой характеристикой и функцией. С одной стороны, они сами обладают особой смоделированностью, а с другой – они же носители моделирующей функции в произведении. Персонажи, будучи «знаками», носителями закодированного в художественном тексте смысла, выступают «основными сюжетными единицами» романного текста [2, с. 93], носителями различных точек зрения [5, с. 9–212], тех или иных мотивов [4, с. 199].

За узнаваемыми типами и характерами главных и сопутствующих действующих лиц в романе возникает проблема повествующего субъекта. Все, что происходит в «Школе для дураков», в рамках «психологической» версии, отдалено от читателя перспективой сознания перволичного рассказчика-шизофреника. Его сознание стало

посредником между читателем и реальностью, подаваемой текстом. Эта действительность как бы застлана, выступает отдельными своими объектами, такими, которые сознание по произволу извлекло и приблизило, ввело в свою атмосферу. Но они часто обманывают ожидания читателя. На самом деле не так все просто. Если ориентироваться не на целостного (с определенностью своего Я) субъекта-повествователя, а на содержание сферы его сознания и качество представляемых им горизонтов восприятия и рефлексии, то можно обнаружить «текущий» характер повествующей инстанции.

В «расколоте» сознании Ученика такого-то одна из его ипостасей представлена лирическим голосом, реализующим передачу переживаний любви, пространственных остановок восприятия, переживаний школьного и домашнего «гнета», восхищения и преклонения перед наставником Норвеговым, переживаний радости «дачной» свободы и собственных «научных» перспектив. Другая ипостась – носитель критического взгляда на вещи, обидчивости, даже мстительности, трезвости и саморефлексии. При этом едва ли не в большей части текста оба Я Ученика выступают, совершенно определенно солидаризируясь друг с другом, «совместно» принимая ответственные решения, испытывая дублирующие друг друга чувства.

В одном отношении, сохраняя на протяжении всего произведения черты общего душевного нездоровья, повествующая инстанция может время от времени проявлять как формы крайнего «разложения» мыслительной деятельности (о чем уже говорилось), так и черты совершенно здравого суждения, жизненного «не по летам» опыта, невозможной для «идиота» нравственной, психологической и философской глубины. Зыбкой становится грань между сознанием «автора» романа и сознанием его героя: то герой включает в собственную субъектную сферу кругозор автора, то «автор» начинает обнаруживать живое родство с совершенно не «большими» переживаниями «больного» мальчика. Да и сама противопоставленность «автора» и «героя» как двух персонажей оказывается ничуть не большей, чем противостояние двух Я героя-повествователя.

Становится ясно, что интерпретационный ход в сторону «шизофренических» мотивировок дискурсивного развертывания решал только предварительную задачу. «Больное» сознание героя выступает лишь внешней «упаковкой» и «увеличи-

тельным стеклом» для построения современной модели человеческого сознания вообще.

Следующая версия – *коммуникативная*: «так это все рассказано». Помимо вступительной фразы, с которой начинается роман, есть и другая, симметричная ей, возникающая при попытке откровенного объяснения с женщиной на почте: «Хорошо, но как же начать, какими словами, я вдруг забыл, какими словами, как следует начинать разговоры, которые ни к чему не обязывают» [3, с. 132].

Фраза эта может служить ключом к пониманию рассматриваемой версии. Она понуждает читателя настроиться на такой ракурс восприятия текста, при котором все рассказанное повествователем (каким бы жизнеподобным или нереальным оно ни было) есть то, что *рассказано, произнесено, написано* и ничего более. Оно не требует признания себя за действительность, не побуждает к погружению в некий выдуманный мир как в реальность. Оно просто некая речь, кем-то сообщенная собеседнику, и все.

Сама основа коммуникативной ситуации в «Школе для дураков» строится не в виде сообщения автора читателю о некоей истории, якобы имевшей место в действительности, не в имитации словесного свидетельства о предметно-событийном бытии, но в сорассуждении автора с читателем посредством представления последнему фактов внутренней жизни героя-повествователя, а также самообнаружений и заявлений иных персонажей. Главное для Соколова не сообщение описания, а обращение к реакции читателя. Соответственно, все сообщенное в романе превращается только в предмет и форму речи, а смысл сообщения становится плодом усилий читателя по пониманию, последовательной и, возможно, неоднократной попытке интерпретации характера данного высказывания.

Тем самым, возникает перспектива еще одной, *художественно-экспериментальной*, версии чтения романа: «текст как совокупность повествовательных приемов, форма как овеществленная интенция». Конечно, «Школа для дураков» менее всего неумелое литературное сочинение. И, разумеется, «кашеобразная» композиция или «шизофренический» дискурс повествователя, «стихоориентированные» параметры прозаического текста или пространственно-временная «невнятица», модальные и семантические эксперименты писателя вовсе не представляют собой странно полюбившуюся автору «игрушку».

Как можно думать, целью писателя при этом является стремление не уйти в чистое эстетическое конструирование, но сохранить значимые социальные, этические, психологические коннотации своего произведения в отношении российской действительности, породившей и предопределившей проблематику мира и героя в «Школе для дураков».

За всем сказанным стоит совершенно определенная концепция мира и человека. Мир в восприятии С. Соколова есть данность во всем многообразии его предметных, семиотических, идеологических, акциональных, ценностных проявлений. Поэтому для сознания, существующего в бытии этого мира, мир может быть увиден и понят как совокупность впечатлений, реакций личности и предметов ее мысли – вне своего временного развития, вне значимости хронологической последовательности событий, как мир не для действия в нем, но как повод для ищущей философской мысли. Человек С. Соколова, напротив, есть неостановимая динамика самодостаточного душевного бытия, поводом для которого выступает жизнь, но которая не составляет содержания переживаний, вопросов, стремлений, ценностных установок и поступков. Внутреннее движение энергий сознания человека спорадично, всегда актуально и порождается текущим импульсом, а не долговременными целями, темами, предметами мысли и чувства. Выразить эту субъективную разъятость мира на переживания и впечатления, эту спонтанность самоощущения и самоопределения человеческого сознания и призваны «странные» приемы продуцирования текста в романе С. Соколова «Школа для дураков».

#### Библиографический список

1. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм [Текст] / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 1997.
2. Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 3. – Таллинн : Александра, 1992.
3. Соколов, С. Школа для дураков. Между собакой и волком [Текст] / С. Соколов. – М. : Огонек-Вариант, 1990.
4. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996.

5. Успенский, Б. А. Поэтика композиции [Текст] / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000.

**Bibliograficheskiј spisok (in Russ)**

1. Lipoveckij, M. N. Russkij postmo-dernizm [Tekst] / M. N. Lipoveckij. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 1997.

2. Lotman, Ju. M. Sjuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletija [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman, Ju. M. Izbrannye stat'i: v 3 t.– T. 3. – Tallinn : Aleksandra, 1992.

3. Sokolov, S. Shkola dlja durakov. Mezhdu sobakoj i volkom [Tekst] / S. Sokolov. – M. : Ogonek-Variant, 1990.

4. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury. Pojetika [Tekst] / B. V. Tomashevskij. – M. : Aspekt Press, 1996.

5. Uspenskij, B. A. Pojetika kompozicii [Tekst] / B. A. Uspenskij. – Spb. : Azbuka, 2000.

*Дата поступления статьи в редакцию: 04.11.2015  
Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

А. А. Федотова

### Религиозные аллюзии в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз»

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно исследовательского проекта «Поздний Н. С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192)

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики поздней прозы Н. С. Лескова. Последнее художественное произведение писателя – повесть «Заячий ремиз» – рассматривается в ней как сложное художественное единство, своеобразие которого во многом определяется авторской установкой на интерпретацию религиозных текстов. В статье выявляется, что функционирование сакрального дискурса в «Заячем ремизе» связано с его ролью в формировании эквивалентной структуры текста. Писатель противопоставляет героине повести, которой свойственно почтительное и благоговейное отношение к Евангелию, образу архиерея, который, занимая высокое место в церковной иерархии и следуя «букве» православия, оказывается совершенно чуждым духовному и нравственному содержанию этой религии. Подобный парадоксальный контраст характерен для позднего творчества Лескова. Повесть «Заячий ремиз» была написана в период охлаждения писателя к практике православной церкви, с одной стороны, и тесного его знакомства с протестантской культурой и учением Л. Толстого, с другой, что не могло не отразиться на своеобразии актуализации в произведении религиозных текстов.

**Ключевые слова:** Лесков, «Заячий ремиз», эквивалентность, аллюзии, интертекстуальность.

A. A. Fedotova

### Religious allusions in N. S. Leskov's story The Rabbit Warren (Zayachii remiz)

The article is devoted to analyzing N. S. Leskov's poetics in his later works. The writer's last work of fiction – the story The Rabbit Warren – is seen as a complex artistic unity whose originality is mainly determined by the writer's intention to interpret religious texts. The article shows that functioning of the sacred discourse in The Rabbit Warren is connected with its role in forming an equivalent text structure. The writer contrasts the heroine of the story with her respect and reverence to the Gospel and the bishop who, although having a high rank in church hierarchy and following "the letter" of Orthodoxy, proves to be completely alien to spiritual and moral content of this religion. Such paradoxical contrast is characteristic of Leskov's later works. The Rabbit Warren was written when the writer alienated himself from the practices of the Orthodox church, on the one hand, and got acquainted with the Protestant culture and L. Tolstoy's doctrine, on the other hand; which couldn't but reflect in his work.

**Key words:** Leskov, The Rabbit Warren, equivalence, allusions, intertextuality.

В творчестве Н. С. Лескова особую роль играет ориентация на «чужое» слово. Среди произведений, к которым писатель обращался наиболее часто, почетное первое место принадлежит, безусловно, Библии и другим православным религиозным текстам. Вопрос о своеобразии актуализации религиозного дискурса в прозе автора неоднократно привлекал внимание исследователей, однако фактически неизученным с этой точки зрения остается последнее художественное произведение писателя – повесть «Заячий ремиз». Выявим основные религиозные аллюзии в этой работе Лескова и определим их значение в фор-

мировании целостного смыслового пространства повести.

Религиозные тексты актуализируются Лесковым, прежде всего, в связи с созданием речевого портрета героя – архиерея. Показательным в этой связи является диалог архиерея и отца нарратора: *«Куда вы думаете предопределять дитя? <...> попрошу <...> чтобы приняли хлопца в пору-бежную стражу <...> Еще что за удовольствие определять сына в ловитчики! Почитай-ка, что о них в книге Еноха написано: "Се стражи адов-ные, стоящие яко астиды: очеса их яко свещи потухлы, и зубы их обнажены". Неужели ты хочешь дать сию славу племени своему! <...> то*

ли дело житие духовное, где исполняется всякое животное благоволение» [3, с. 521–522]. Писатель использует атрибутированную цитату из славянского апокрифа «Книга Еноха». Текст Лескова включает отсылку к фрагменту книги Еноха под названием «Поучение Еноха своим сыновьям»: «И видел я стражей ада, стоящих у великих ворот и подобных аспидам огромным, лица их, как свечи потухшие, глаза их, как пламя померкшее, и зубы их обнажены до персей их» [5, с. 40].

Показательно, что первоначально в речи первичного нарратора место предполагаемой службы героя (Перегида) обозначается как «тамуженная часть» [3, с. 508]. Текст первичного нарратора является тем нейтральным фоном, благодаря которому Лесковым подчеркивается высокая субъективность таких определений, как «порубежная стража», «ловитчики» и, особенно, «стражи адовные». Эти определения формируют внутреннюю фразеологическую точку зрения архиерея (языковой ракурс персонажа), который корректируется на более высоком коммуникативном уровне (в речи первичного нарратора). Несоответствие между текстовой эмпирикой и дискурсивным ее представлением рождает комический эффект. Результатом сопряжения внешней и внутренней фразеологических точек зрения является появление авторской иронии.

Значение религиозных аллюзий в речи архиерея не ограничивается их функционированием в формировании комической стихии повести. Так, интересен следующий фрагмент диалога героев: «мы с тобой вспомним старину и чем попало усовершим свое животное благоволение <...> отец спросил вопрос щекотливого свойства: “Для чего, мол, ты <...> миром пренебрег и сей черный ушат на голову надел?” <...> – о мирской жизни не сожалею, ибо она полна суеты и, все равно как и наша – удалена от священной тишины философии; но зато в нашем звании по крайней мере хоть звезды на персе легостнее ниспадают» [3, с. 518]. В высказывания архиерея включена аллюзия на молитву до вкушения пищи («Посем молитва перед трапезой: Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволение» [4, с. 124]) и намек на известные слова из книги пророка Екклесиаста («Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» (Еккл. 1:2)).

Дословная передача сказовым повествователем речи архиерея с помощью приема цитирования позволяет Лескову подчеркнуть своеобразие внутренней оценочной позиции персонажа. Мирвосприятие героя повести замыкается на исключительно «материальной» стороне цитируемых им текстов. «Суете» мирской жизни в словах персонажа повести противопоставлено быстрое продвижение по церковной иерархии, а толкование им молитвы перед трапезой отсылает исключительно к «животному», то есть «к животу относящемуся; обычно к жизни плотской, земной, нередко даже собственно к жизни чувственной» [2, с. 489]. До фактического оксюморона доводит Лесков это предпочтение героем «материальной» стороны жизни в словах архиерея «то ли дело житие духовное, где исполняется всякое животное благоволение» [3, с. 522].

Между тем в книге Екклесиаста осознание суетности земной жизни, безусловно, связано с пониманием необходимости духовного роста человека. Упоминание же о «пище» в молитве перед трапезой, как и просьба о «хлебе насущном» в молитве «Отче наш», помимо своего прямого смысла имеет и смысл переносный, который связан с представлением о том, что сам Христос является «хлебом» для христиан. В этой связи уместно вспомнить слова Христа, произнесенные на Тайной вечере: «Сие есть тело мое <...> сие есть кровь моя» (Мф. 26:26–28). На уровне оценочной позиции нарратора-протагониста точка зрения персонажа никак не корректируется. Лишь включение интертекстуальных элементов формирует внешнюю идеологическую точку зрения и сигнализирует об односторонности образа мыслей героя. Контрастное сочетание противоположных в плане идеологии точек зрения (внешней и внутренней) подкрепляет господствующую в «Заячьем ремизе» ироническую интонацию.

Роль архиерея как персонажа, который оказал решающее воспитательное влияние на рассказчика-протагониста, проявляется в том, что высказывания священнослужителя постоянно воспроизводятся в основной части повествования уже в речи самого нарратора. Так функционируют впервые употребленные именно архиереем слова «тишина» («а в жизни он (Перегуд) любил тишину» [3, с. 501], «начал казнить города <...> и бисова тишина, и ни простора, ни тишины нет» [3, с. 556], «а может быть, от влияния добрых людей стал любить тишину и ненавидеть скоки, и рычания, и мартальзу»

[3, с. 586]) и «животное благоволение» (когда поп Маркел дает взятку отцу Перегуда, между ними наступает «самое **животное благоволение**» [3, с. 512]. А умирает Перегуд, «исполненный лет и доброго желания совершить “всякое **животное благоволение**”» [3, с. 588]).

Характер интерференции текста вторичного нарратора (Перегуда) и текста персонажа (архиерея) может быть рассмотрен на примере функционирования в повести приведенной выше цитаты из книги Еноха. Включенные Лесковым в речь архиерея слова о стражах постоянно повторяются в речи протагониста: «*И стал я об этом думать и до того себя изнурил, что у меня вид в лице моем переменился, як у пограничной стражи, и стали у меня, як у тых, очи як свечи потухлы, а зубы обнаженны <...> Тпфу, какое препоганьство!...*» [3, с. 545]; «*И вот дух мой упал, и очи потухлы, и зубы обнаженны...*» [3, с. 569]; «*С возбуждением сердечнейшего чувства я встал рано утром и, як взглянул на себя, так даже испугался, якій сморщенноватый, и очи потухлы, и зубы обнаженны, и все дело дрянъ*» [3, с. 545]. Результатом включения цитат из книги Еноха в речь Перегуда становится нарушение стилистического единства текста. Цитаты имеют ярко выраженную книжную окраску. На лексическом уровне она создается в результате использования церковнославянизмов («свечи», «стража», «изнурить»), а на синтаксическом – вследствие введения специфических оборотов: нагнетения **союзов «и»** («и вот дух мой упал, и очи потухлы, и зубы обнажены»), **повторов** («и стал я об этом думать и до того себя изнурил, что у меня вид в лице моем переменился, и стали у меня очи як свечи потухлы»). Речь Перегуда в целом имеет разговорный характер. Она характеризуется **диалектными** (с союзами «як», «який», «чи», «що») и **просторечными выражениями** («препоганьство», «дрянъ», «возитя»), наличием **междометий** («тпфу», «аж», «боже мой»), преобладанием **разговорного синтаксиса**. Использование повествователем фрагментов книги Еноха в своем тексте неуместно, актуализируемые нарратором цитаты и по семантике, и по стилю контрастируют с той ситуацией, в которой они употребляются. Интертекстуальные включения в данном случае, безусловно, являются средством комической характеристики нарратора.

К персонажам повести, в речь которых Лесков включает религиозные цитаты и аллюзии, помимо архиерея, относится учительница Юлия Семеновна. В уста героини писатель вкладывает

единственные в повести верно процитированные библейские высказывания: «*Не сделаете ли вы мне одолжения: не впишите ли эти слова своею ручкою в мою книжечку? А она отвечает: – Судовольствием <...> и в ту же минуту берет из моих рук книжку и ничтоже сумняся крупным и твердым почерком, вроде архиерейского, пишет, сначала в одну строку: “Обольщение богатства заглушает слово”, а потом с красной строки: “Богатые притесняют вас, и влекут вас в суды, и бесславят ваше доброе имя”*» [3, с. 555]. Центральному женскому персонажу повести Лесков «доверяет» точно процитировать Новый Завет. Первая фраза героини восходит к известной притче о сеятеле: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно» (Мф. 13:22); вторая своим источником имеет Соборное послание св. апостола Иакова: «А вы презрели бедного. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды? Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь?» (Иакова 2:6).

Религиозные тексты органично соответствуют фразеологической точке зрения героини. Указание же Лесковым на такую деталь, как ее почерк («*твердым почерком, вроде архиерейского*»), акцентирует важное в структуре повести сопоставление двух образов. Сопряжение образов архиерея и Юлии Семеновны позволяет Лескову подчеркнуть различия в восприятии и передаче ими религиозной литературы: превратному истолкованию сакральных в православии текстов, которое свойственно герою-архиерею, писатель противопоставляет точное следование букве и духу Евангелия героиней «Заячьего ремиза».

Для характеристики особенностей функционирования библейского текста в повести существенен и тот факт, что в уста архиерея – а вслед за ним и нарратора-протагониста – Лесков вкладывает цитаты из Священного писания на церковнославянском языке, а в уста Юлии Семеновны – на русском. Использование сакрального языка богослужений в контексте повести писателя выполняет множество функций (комическую, игровую, характеризующую), кроме своей основной – быть выразителем духовной стороны христианства, что, безусловно, связано с разочарованием позднего Лескова в церковной практике русской православной церкви.

Показателен в этой связи и источник интертекстуальных включений: если источником цитат архиерея и Перегуда выступает Ветхий Завет,

то слова, которые вводятся в речь Юлии Семеновны, восходят к Евангелию. Для Лескова, как известно, характерно особое отношение к Евангелию; чтение этого текста его героями всегда оказывается поворотным событием в их жизни. В контексте «Заячьего ремиза» Евангелие воспринимается нарратором как источник угрозы, на что иронично указывает Лесков: *«Крестьяне в самом деле стали часто говорить, что всем жить стало худо, и это через то именно, что все люди живут будто не так, как надо, – не побожьему. “– Ишь ты, – говорю, – какие шельмы! И откуда они могут это знать, як жить побожьему?” Ходят, – говорит, – такие тасканцы и евангелие в карманах носят и людям по овинам в ямах читают»* [3, с. 569].

Цитирование Юлией Петровной Евангельского текста становится поводом для очередной юмористической ситуации: не распознав источника цитаты, нарратор пишет на Юлию Петровну донос как на *«потрясательницу»* [3, с. 556]. Ход дела приостанавливается только благодаря тому, что источник приводимых ей слов указывает *«писарь из немцев»* [3, с. 557]. Эта комическая деталь для Лескова, конечно, не случайна: в его позднем творчестве часто противопоставляется буквальное прочтение Священных текстов православными героями и глубокое понимание Евангелия героями-протестантами (ярко этот мотив проявился, например, в цикле «Остзейских очерков»).

В смысловом и стилистическом пространстве повести Лескова «Заячий ремиз» значимое место занимают религиозные аллюзии. Своеобразие функционирования сакрального дискурса в произведении связано с его ролью в формировании эквивалентной структуры текста. Повесть «Заячий ремиз» является характерным примером сказового повествования. Снижение в ней роли сюжета, связанное с ослаблением временных и причинно-следственных связей, приводит к усилению связей, сформированных по принципу эквивалентности (см. В. Шмид [6]). Черты эквивалентных персонажей в повести приобретают два героя, фигуры которых прописаны Лесковым почти столь же тщательно, как и нарратор-протагонист: это образы остающегося безымянным архиерея и учительницы Юлии Семеновны.

Сопряжение образа священнослужителя и «просвещенной» девушки вообще характерно для прозы Лескова 1880–1890 гг. Наиболее явно оно проявилось, конечно, в повести «Полунощники», в которой писателем скрупулезно пропи-

сан диалог-спор главной героини Клавдиньки и религиозного деятеля, чьим прототипом был о. Иоанн Кронштадский. В «Заячем ремизе» подобного рода диалога нет, однако антитеза образов архиерея и учительницы Юлии Петровны прослеживается вполне отчетливо.

Одним из наиболее значимых факторов, по которым сравнивает героев Лесков, является цитирование ими религиозной литературы. Писатель противопоставляет героиню повести, которой свойственно почтительное и благоговейное отношение к Евангелию, образу архиерея, который, занимая высокое место в церковной иерархии и следуя «букве» православия, оказывается совершенно чуждым не только духовному, но и нравственному содержанию этой религии. Подобный парадоксальный контраст характерен для позднего творчества Лескова. Повесть «Заячий ремиз» была написана в период охлаждения писателя к сакральной практике православной церкви, с одной стороны, и тесного его знакомства с протестантской культурой и учением Л. Толстого, с другой, что не могло не отразиться на своеобразии актуализации в произведении религиозных текстов.

#### Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета [Текст] / Библия. – М. : Российское Библейское Общество, 1990. – 830 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. [Текст] / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ-классик, 2006.
3. Лесков, Н. С. Заячий ремиз [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 9. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 501 – 590.
4. Молитвослов православный и псалтирь [Текст] / М. : Православное слово, 2012. – 225 с.
5. Соколов, М. И. Славянская Книга Еноха Праведного. [Текст] / М. И. Соколов – М., 1910. – 124 с.
6. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

#### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta [Tekst] / Biblija. – М. : Rossijskoe Biblejskoe Obshhestvo, 1990. – 830 s.



2. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. – T. 1. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : RIPOL-klassik, 2006.

3. Leskov, N. S. Zajachij remiz [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Sobranie sochi-nenij: v 11 t. – T. 9. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. – S. 501 – 590.

4. Molitvoslov pravoslavnyj i psaltir' [Tekst] / M. : Pravoslavnoe slovo, 2012. – 225 s.

5. Sokolov, M. I. Slavjanskaja Kniga Enoha Pravednogo. [Tekst] / M. I. Sokolov – M., 1910. – 124 s.

6. Shmid, V. Narratologija [Tekst] / V. Shmid. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 28.08.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008 (091)

Е. А. Ермолин

### Ментальное урочище: культ Николая Мирликийского в России

Культ святителя Николая Мирликийского, Николы Чудотворца, оригинально сложился в «русской памяти», став важнейшим русским ментальным урочищем. По не имеющему аналогов в христианском мире масштабу экстраординарного почитания св. Николай в России приравнен к Богородице и Христу. В России сложилась уникальная культурная среда присутствия св. Николая, возник огромный архипелаг разнообразных локальных урочищ, связанных с ним. В статье исследуется духовная топография николаевского урочища памяти.

**Ключевые слова:** ментальный конструкт «русской памяти», культ святителя Николая Мирликийского, Николы Чудотворца; топография урочища памяти.

## CULTURAL SCIENCE

E. A. Ermolin

### Mental memorial: the cult of Saint Nicholas in Russia

The cult of Saint Nikolaos of Myra, Nikolaos the Wonderworker, originally formed in the “Russian memory”, became the most important mental memorial in Russia. The extraordinary veneration of St. Nicholas in Russia has no analogues in the Christian world and is equal to the worship of the Mother of God and Jesus Christ. Russia has a unique cultural environment of St. Nicholas’s presence and an immense archipelago of different local memory places connected with him has appeared. The article studies the spiritual topography of Nicholas’s mental memorials.

**Key words:** mental construct of the “Russian memory”, the cult of St. Nikolaos of Myra, Nikolaos the Wonderworker, topography of the mental memorials.

В рамках концепции *мест памяти* (lieux de memoire) – артефактов, призванных задавать структуру нашего миропонимания и обеспечивать преемственность самоосознания – в фокусе внимания историка культуры оказываются памятники, идеи, феномены культуры, играющие важную роль в формировании социокультурной идентичности. Место памяти – значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия, включили в ядро памяти общности. Одним из таких мест памяти в России является культ святителя Николая Мирликийского, который в рамках нашего исследования осмыслен как ментальный конструкт,

сложившийся в «русской памяти», ставший русским ментальным урочищем.

Источники о культе св. Николая в России разнообразны. Это свидетельства иконописи, храмосодчества, посвящения престолов. В устной традиции легендарно-фольклорного характера запечатлены свидетельства о явлениях, чудесах, знамениях и прочих событиях, в которых, так или иначе, проявил себя св. Николай. Насчитывают и около 40 различных произведений, связанных с ним в древнерусской книжности, в том числе несколько его житий. Имеются и разнообразные записи более современных свидетельств.

Для ученых остаются неясными некоторые основные вопросы, связанные с реконструкцией исторических обстоятельств. Дискутировали об од-

ноименных исторических персонажах, воспоминания о которых соединились в единый мифообраз св. Николая, о времени их жизни, моменте переноса мощей из малоазиатских Мир Ликийских в южноитальянский Бари (1087 или 1097 г.)... Однако научные споры не влияют на почитание св. Николая, как, впрочем, и некоторые аспекты житийного портрета личности (напр., рождение в Патарах, явление императору Константину в Константинополе).

В России сложилась уникальная культурная среда присутствия св. Николая, возник огромный архипелаг разнообразных локальных урочищ, связанных с ним. К нему постоянно обращаются во время храмовой службы с молитвой – лаконичным призывом, как к молитвеннику-посреднику: «Святителю, отче Николае, моли Бога о нас!». Положена ему и особая служба по четвергам и каждую неделю, наряду с апостолами. Многократно отмечено присутствие и его имени, и посвященных ему храмов, и его икон, а иногда, в легендарном плане, и его самого. Св. Николай прославлен знамениями в храмах и вне храмов по молитве к нему, с ним связано множество чудес, знамений и исцелений от его изображений.

Русская традиция возлагает на св. Николая разнообразнейшие заботы. Принято считать, что в народном представлении о нем наиболее полно выразилась вочеловеченная идея святости как таковой (П. Флоренский). По не имеющему аналогов в христианском мире масштабу экстраординарного почитания св. Николай в России приравнен к Богородице и Христу. Это «русский бог». Как отмечено исследователями, Николай в русских народных представлениях иной раз даже подменяет Бога. В простом народе его исповедовали, вопреки предостережениям духовенства, как бога и включали в состав Троицы. В народных верованиях он единственный после Богоматери удостоен быть рядом с Богом, иногда в нем видят привратника рая, начальника рая, водителя душ в загробном мире (и кладут покойному в руку письмо к нему), считают, что Бог дал ему в услуженье триста ангелов.

Путешественник Александр Гуагнин Веронский в XVI в. замечал, что русские, почитая св. Николая, едва не воздают ему божеского поклонения. Иностраннный путешественник говорил, что у русских св. Николай считается патроном их отечества, русский люд даже верит, будто св. Николай мог бы быть Богом, но не захотел этой чести. По свидетельству Г. Давида (XVII в.), русские верят, будто «когда Бог умрет, его место

займет или св. Николай, или царь» [4, с. 194; 3, с. 60–62].

По словам агиографа М. Гаврилова, «святитель Николай был идеальный епископ, идеальный апостольский преемник. (...) В церковном сознании св. Николай Угодник представляет в своем лице всех истинных епископов, которые когда-либо жили на земле» [2, с. 11]. Св. Николай – опора церкви, строитель, пастырь, блюститель и управитель. Предание усваивает ему «заушение» (подзатыльник) лжеучителю Арию на Первом Вселенском соборе.

Есть доминанта мифообраза, которая определяет отбор и интерпретацию фактов и легенд. У св. Николая эта доминанта очень богата. Базисная основа представлений о св. Николае – праведная жизнь, неустанное творение добра, неизменная готовность прийти на помощь бедным, страдающим и гибнущим, покровительство властителям, мудрость, вечная готовность встать на битву за истину против ересей и всякой лжи.

Святой становится распорядителем едва ли не всех земных дел и забот, доверенных ему Богом. Но в историях из жития, а также в апокрифах можно усмотреть и специализации святителя. Во-первых, св. Николай воспринимается как воплощенная Помощь, олицетворенная в одном человеке. Он – скорый помощник и заступник простого человека в самых обыденных житейских делах. Он подбрасывает «узельцы» с золотом на приданое юным девам, обреченных отцом на поругание ввиду крайней нужды. Он покупает у многолетнего бедняка за хорошие деньги дражный ковер – последнюю ценную вещь в его хозяйстве, а вернувшись домой, бедняк находит ковер на прежнем месте, в лике на иконе Николая Чудотворца узнав покупателя... И поныне, согласно верованиям, он повседневно сходит на землю с небесных высот для помощи людям, каждому чающему участия и поддержки. Возможности его огромны; он помогает в безвыходных ситуациях и способен, согласно народной вере, даже воскрешать мертвых.

Это главное, что было воспринято русской христианской традицией в преданиях о личности св. Николая. Нет святого доступнее и проще его. В народной сказке св. Касьян не захотел марать свои ризы и прошел мимо повозки крестьянина, увязшей в грязи, а Николай измазался, помогая в этой беде, – за что получил два праздника в году: Никола Вешний (Весенний, Теплый, Травный) – 9/22 мая, установлен в честь перемещения мощей святого из Мир Ликийских в Бар, и Никола Зим-

ний (Холодный) – 6/19 декабря, собственно день памяти святого. (Касьян же удостоился только одного в четыре года, 29 февраля.) У старообрядцев отмечается еще и 29 июля – рождение Николы Мирликийского.

Отношения между св. Николаем и человеком основаны на взаимной любви и взаимном служении. Нет оснований видеть в этих отношениях намек на сделку; они строятся по логике взаимных даров. Эта логика выражена в жанре молитвы и в содержании молитвенного обращения к св. Николаю. Пространное обращение к св. Николаю исполнено уверенности в его помощи и включает обозрение его необычайных возможностей и более развернутую просьбу о посредничестве между человеком и Богом. То в прикладном, то в афористическом выражении представления о св. Николае выражены и в пословицах: *«Попроси Николу, и он скажет Спасу», «Нет на нас поборника супротив Николы», «Всем богам по сапогам, а Николу боле, что ходит боле».*

Почитание св. Николая распространяется в Киевской Руси с XI в. Но первое свидетельство о культе Николы на Руси относится к еще более ранним временам. Летопись связывает св. Николая с именем киевского князя Аскольда, бывшего, может быть, на Руси одним из первых христиан. «Повесть временных лет» под 882 г. сообщает, что на могиле Аскольда была поставлена церковь св. Николы. Существует предположение, что имя Николая было христианским именем Аскольда.

Значительным центром культа был Господин Великий Новгород. Почитание икон св. Николая фиксируется здесь в начале XII в. Называют несколько знаменитых новгородских икон св. Николая. Одна из них – круглая, явившаяся, по легенде, на воде Ильмень-озера в 1113 г. Ее необыкновенная форма, как предполагается, воспроизводила форму византийских икон – эмалевых или керамических. Она исцелила князя Мстислава, в ее честь была построена Никольская церковь на новгородском Ярославовом Дворище. Еще одна икона – середины XIII в. – из Духова монастыря: один из лучших русских образов святителя. Старинная надпись сообщала, что икона привезена в 1500 году «из Диких полей» (то есть из южнорусских степей). Размах почитания выразился в огромном количестве Никольских церквей и приделов в Новгороде, в монастырях Новгородской земли, Никольских погостов в ее пятинах.

В Новгороде появилась и одна из самых известных русских легенд, героем которой является св. Николай. *«Седатый старичок»* в новгородском былинном эпосе вызывает Садко из плена у морского царя, взяв обещанье построить взамен соборную церковь. Садко во время плаванья не платил дань царю Водянику, и тот наслал бурю на корабли. Садко начал одаривать море бочками серебра и золота, но это не помогло, и тогда он бросил жребий для выбора умиловительной жертвы. Жребий пал на самого Садко. Он велел спустить на воду дощечку дубовую, сел на нее, взяв с собой гусли и образ Николы, – *«и будто в сон заснул».* Очнувшись на дне моря, Садко начинает играть на гусях, заставляя морского царя плясать; от этого на море поднялась буря, и к Садко явился св. Николай, прошивший порвать струны, чтобы не губить христианские души. По его совету Садко из девушек, предложенных ему в жены морским царем, выбрал последнюю – Чернаву – и оказался в земном мире, на берегу реки Чернавы. Вернувшись в Новгород, Садко выстроил на берегу Волхова обыденную церковь в честь св. Николая в посвященный ему день года, на Николу Зимнего. (По археологическим данным, такая церковь – постройка X–XI вв., ориентированная по азимуту 6 декабря ст. ст., – действительно существовала.)

Преемником Новгорода в этом отношении стал в XVII в. Ярославль. Здесь также появилось много храмов на посаде, посвященных Николаю Чудотворцу (Николы Надеина, Николы Мокрого, Николы в Меленках, Николы Рубленый город, Николы Пенского и др.).

Развивался культ св. Николая и в Москве. Здесь уже до XVI в. сложилось несколько никольских урочищ. Таковы монастырь св. Николы Старого в Китай-городе, Николо-Угрешский монастырь, церковь св. Николы Льяного в Кремле. В Москве пишутся и в Москву перевозятся иконы св. Николая. Очевидно, инициатива власти совпадала с распространением культа в народной среде. По Русской земле появились монастыри св. Николая: Рыльский, Черноостровский, Малоярославецкий, Валуйский, Святогорский Харьковский, Одрин Карачевский, Дудин Нижегородский, Бабаевский Костромской, Антониев-Весьегонский, Тихонов-Лухский, Тихвинский-Беседный, Коряжемский, Корельский и др.

Качества помощника, заступника и покровителя акцентируют иконописные изображения св. Николая. Он предстает старцем с высоким лбом, лучистыми глазами, добрым и внимательным

взглядом. Это образ мудрого и заботливого, прощательного и милосердного духовного пастыря, учителя веры. Иногда в иконописании Николай – мрачный аскет, иногда – ласковый и уютный старичок-домовичок.

В русской иконописи св. Николай часто изображался в рост с разведенными руками, благословляющим и держащим в левой руке Евангелие (иконографический тип «Никола Зарайский»). Образ Николы Зарайского известен с XIII в. По преданию, икона находилась в греческой Корсунии, пока Николай Угодник не явился во сне священнику Евстафию, повелев ему нести образ в рязанские земли. Евстафий сел на корабль и добрался до Варяжского моря, до немецких земель; посуху дошел до Новгорода, а от него – до Рязани. Это чудо принесения иконы из Корсунии в рязанский город Зарайск произошло 11 августа 1225 г. Характерен образ, написанный Дионисием в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря в 1502–1503 гг. Со свода он благословляет молящихся, широко распахнув руки.

Особая связь у св. Николая и с подмосковным городом Можайском – Домом св. Николая. Согласно преданию, во время осады города неприятелем после молитвы жителей в соборе св. Николая последовало его чудесное видение над храмом с мечом в одной руке и храмом (или городом) в другой, в знамение того, что он защитит свой город и свой храм. Враг в ужасе бежал. Можайцы устроили образ святителя в том виде, каком он им явился. Воин-защитник города держит в деснице «подъятый меч, а в другой руке – град камен с церковью». В русской иконописи это второй из двух основных иконографических типов Николая Мирликийского. По заказу московского митрополита Петра в XIV в. был создан скульптурный образ святого из дерева. Только св. Николая православная церковь разрешает изображать не на писаной иконе, а в объеме. Образ был признан чудотворным. Однажды, во время пожара, этот образ «бежал от огня», но на полпути его догнали и снова отнесли на прежнее место.

Св. Николай легко связывался с государственными и военными заботами. Его воспринимали покровителем народа и государства, ратного дела, национальным святым, защитником отечества. Резная икона Николая Можайского почиталась именно в этом аспекте. Во времена войн Москвы с Литвой и Польшей Можайск служил местом сбора войск. Воины молились о спасении св. Николаю. Оставшиеся в живых расходились и прославляли святого в разных пределах Руси.

В этом качестве св. Николай в народном сознании сближался с Михаилом Архангелом. В одной из былин об Илье Муромце говорится, что богатырь нашел казну неисчетную и решил построить на нее церкви: «Первую церковь Спасу Свет-Милостивому, / А другую церковь Николы Можайскому, / А третью церковь Георгию храброму» [3]. Экстраординарным событием, согласно «Истории Сибирской» Семена Ремезова (XVII в.), сопровождался сибирский поход Ермака: на Тоболе казаки пошли вперед «по явлению святителя Николая Чудотворца».

Есть в культе св. Николая особые акценты, определяющие сферы, где покровительство святого наиболее эффективно. В духовном стихе милости Николая описываются так: «В бедах и напастях ты, свет, сохраняешь, / По морю плаваешь, свет, врагов прогоняешь, / В лесу заблудящихся на путь наставляешь. / Во тюрьмы сидящих всегда посещаешь, / В болезни лежащих ты, свет, исцеляешь».

Здесь отмечена, в частности, функция спасения на водах, приписанная св. Николаю в соответствии с житийной легендой об укрощении им бурь на море. На этом основании в храмовых песнопениях св. Николай величается спутником путешественников и на море сущим правителем. «...раб Господень, – говорится в Минеях, – морю и ветрам повелеваше и послушливы ему бываху» [цит. по 3]. Ему полагалась особая молитва об охране на водах. В числе чудес св. Николая есть и чудо, «бывшее в Киеве месте, в церкви св. Софии», когда он сохранил утопшее дитя живым. О новгородских былинах уже шла речь. На Русском Севере Никола Чудотворец считался покровителем поморов, выходивших на лов рыбы в моря, его почитали как «второго» Иисуса Христа. Об этом почитании напоминает пословица «От Холмогора до Колы тридцать три Николы». Мореходы имели икону Угодника и в случае опасности выносили ее на палубу, моля его об избавлении от кораблекрушения и бури. Миссия спасения на водах актуальна и для современного почитания св. Николая. Записано немало историй о чудесном спасении утопающих, в последний момент обратившихся за помощью к святому. Путешественник Федор Конохов, несколько раз обогнувший планету на яхте, в критические минуты в своих одиноких морских плаваниях, по его словам, молился и с ним «был всегда рядом Николай Угодник».

Покровительствует св. Николай и путешественникам вообще, паломникам, купцам. Харак-

терно, что посвященные ему храмы ставились на торговых площадях и на берегах рек. Св. Николай оказывает помощь, наставляет также в духовном странствии. Об этом – история костромского святого Тимона, строителя Никольской Надеевской пустыни (XIX в.). Впервые в пустыни – месте будущих иноческих трудов – Тимон появился, двигаясь паломником в Соловки. Он решил по возвращении из паломничества переселиться сюда для уединенного жительства, и в этой решимости его укрепило чудесное явление св. Николая, который, по свидетельству Тимона, сказал ему: *«Иди в мою древнюю Надееву пустынь, там ты обратишь себе вечное спасение, и по смерти многотрудное тело твое там получит упокоение»* [цит. по 3]. (Никольская Надеевская пустынь была, согласно преданию, основана в 1239 г. среди дремучих лесов, на месте явления чудотворной иконы св. Николая.)

Другой адресат покровительства св. Николая – раскаявшиеся грешники, и в частности, – узники, заключенные. Очевидно, основанием для этого стало исповедничество св. Николая при Диоклетиане (во время гонений на христиан Николай оказался в заточении, откуда вышел с воцарением императора Константина). Уже и в нашем веке в России часто храмы на территории тюрем и колоний посвящаются св. Николаю.

Еще один аспект культа – вера в покровительство св. Николая земледелию и скотоводству. Земледельцы молились св. Николаю об урожае, о большом приплоде скота и всеобщем благополучии, полагая, что в свои праздники он спускается с небесных полей и шествует по Руси, обходя ее из конца в конец, а от него бегут прочь все духи тьмы, и сама земля очищается от всего нечистого. Ко дню 6 декабря в честь св. Николая приурочены были братчины, общинные пиры, они получили название Никольщин: *«На Николин день зови друга, зови врага – оба будут друзьями»*. Собирались в церковь, служили св. Николаю молебны, ставили сообща этому угоднику большую свечу и затем заключали свои собрания угощениями и весельем. С Николина дня во многих местах традиционно начиналось сватовство; служили молебны те, кто задумал жениться сам или женить детей. Молодежь с Николы начинала готовиться к святочным посиделкам, шить наряды, мастерить маски для ряжения и т. д.; в том числе, готовились и костюмы для ряженных Николой и другими святыми.

Легендарная любовь св. Николая к маленьким детям и к дарению подарков, а также, вероятно,

близость дня св. Николая к Рождеству и новому году явились основанием для того, чтобы связать представления о Николае с рубежным моментом года. Николай Чудотворец во многих христианских странах предстал Дедом Морозом, Санта Клаусом, живущим в Лапландии. Впрочем, в России это тождество осознается неуверенно.

Можно отметить также такую сферу деятельности св. Николая, как борьба за чистоту веры. Николай выступает и покровителем межконфессиональных контактов.

В сельскохозяйственном быту день святителя Николая служил сроком для разного рода сделок, платежей и других хозяйственных договоров. К празднику Николы Зимнего приурочивалась распродажа лишнего хлеба, отчего в народе говорили: *«Цены на хлеб строит Никольский торг»*, *«Никольский обоз для боярской казны – дороже золота»*. С днем св. Николая связывали приметы о погоде и состоянии зимы: *«Что Михайла Архангел закует, то Никола раскует»*; *«Варвара заварит, Савва засалит, а Никола закует»*; *«Варвара мосты мостит, Савва гвозди вострит, а Никола прибывает»*; *«Варвара постелет, Савва погладит, а Николай стукнет»*; *«Никола загвоздит, что Егорий намостит»*; *«Хвали зиму после Николина дня»*; *«Первые морозы Никольские»*; *«Перед Николой иней – овсы хороши будут»*; *«Иней на Николу – к урожаю»*; *«Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего (весеннего)»*; *«Коли на Николин день след замедает, дороге не стоять»*.

Многие выражения культа св. Николая свидетельствуют о замещении им в народном сознании архаического языческого Велеса, «скотьего бога», хозяина земного мира с его богатствами и именьями, распорядителя человеческих жизней. На это указывают обряды и поверья. Св. Николай, как и языческий Велес, считался покровителем земледелия и плодородия, а также был связан с миром мертвых. Кроме того, и Велес, и Николай были связаны с водной стихией и считались хозяевами земных вод. По суждению С. С. Аверинцева, культ св. Николая на Руси был «низовым, плебейским, сливаясь на периферии с реликтами языческих медвежьих культов» [1, Т. 2, с. 218]. Иногда Никола наделялся демоническими чертами, например, хромотой или кривизной. В поверьях св. Николай отождествлялся, по-видимому, с водяным (морским царем); мореходы, молившиеся св. Николаю о защите от бури и потопления, порой приносили ему жертвы как языческому божеству. На Онежском озере в день

Николы Мокрого (Николы Зимнего) старики делали из соломы чучело и в старой лодке отправляли по озеру, прося Николу Морского принять чучело-жертву для озера. Сам размах земной деятельности св. Николая функционально уподобляет его языческому Велесу.

Однако св. Николай в своей деятельности руководствуется не произволом, а христианскими правилами благочестия и милосердия. Показательно, что в народных верованиях Николай противопоставлен Илье-пророку как страшному и грозному небесному громовику. Существовали народные рассказы о соперничестве св. Николая и св. Ильи. Но традиционный языческий миф о поединке небесного и земного богов, Перуна и Велеса, получает новую интерпретацию, причем «наследник» Велеса обретает теперь иную значимость, оказывается милостивым покровителем. В частности, молнии, низвергающиеся с небес, считались проявлением гнева Ильи, и при тушении пожара, возникшего от такой молнии, вставали лицом к огню с иконой св. Николая; тот же способ применяли и для того, чтобы унять град. Таким образом переходит из потенциально в актуальный план преемственность св. Николая по отношению к Велесу, полномочному языческому властителю земного мира.

С другой стороны, Николай, по верованиям, может быть мстительным по отношению к тем, кто не почитает его образа. Николай наказывает кощунников и еретиков. Типичная история сообщена монахиней Марией из Хельсинки. Одна женщина стирала в праздник св. Николая. Ее дед умолял прекратить стирку, предупреждая, что Николай может ее наказать; она же отвечала: «Ничего не будет!» Но вскоре у женщины пропал ребенок, и нашли его утонувшим в яме, куда сливали помой и воду после стирки. Вот что бывает тем, кто не чтит праздники святителя<sup>1</sup>.

Возникает и представление о взаимоотражении духовных качеств. Св. Николай в представлениях о нем обнаружил большое сходство с некоторыми идеальными чертами русского человека, как они определялись народным сознанием. Утверждалось, что открытое заявление Николая

Чудотворца в защиту угнетаемой невинности, решительное и смелое заступничество за неправедно осуждаемых и гонимых, каким он отличался во время своей жизни, особенно идут характеру русской природы.

#### Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Николай [Текст] / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 1992.
2. Гаврилов, М. Н. Святитель Николай Мир Ликийских чудотворец. Жизнь, труды, подвиги и чудеса, в связи со значением и смыслом его церковного почитания [Текст] / М. Н. Гаврилов. – Bruxelles, 1987.
3. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) [Текст] / Г. П. Федотов. – М., 1991.
4. Успенский, Б. А. Избранные труды [Текст] / Б. А. Успенский. – Т. 1. – М., 1994.

#### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Averincev, S. S. Nikolaj [Tekst] / S. S. Averincev // Mify narodov mira. – Т. 2. – М., 1992.
2. Gavrilov, M. N. Svjatitel' Nikolaj Mir Likijskih chudotvorec. Zhizn', trudy, podvigi i chudes, v svjazi so znacheniem i smyslom ego cerkovnogo pochitanija [Tekst] / M. N. Gavrilov. – Bruxelles, 1987.
3. Fedotov, G. P. Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham) [Tekst] / G. P. Fedotov. – М., 1991.
4. Uspenskij, B. A. Izbrannye trudy [Tekst] / B. A. Uspenskij. – Т. 1. – М., 1994.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.09.2015

Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015

---

<sup>1</sup> (История взята из газеты во славу Святителя Николая Чудотворца «Правило Веры». – URL: <http://www.piter.orthodoxy.ru/>).

Н. Н. Летина

**Онтологические акценты рефлексий А. Блока**

В статье обоснованы интуиции многомирия и пути как ключевые принципы организации бытийного универсума в рефлексии А. Блока. Определены позиции, характеризующие видимый, наличный мир в сознании поэта. Раскрыты онтологические основания потребности индивидуального и типичного для символистов ухода А. Блока от «этого мира» в «иные миры». Проанализированы сущностные константы Абсолюта периода Тезы, мыслимого А. Блоком в соловьевско-символистской метафизической парадигме вечножественной образности.

**Ключевые слова:** русская культура рубежа XIX–XX вв., символизм, онтология, универсум, А. Блок, многомирие, путь, этот мир / инобытие Абсолюта.

N. N. Letina

**Ontological accents of A. Blok's reflection**

The article substantiates key principles of organizing existential universe in A. Blok's reflection. The positions characterizing the world visible and existing in the poet's mind are defined. The ontological basis for A. Blok's escape from "this world" to "other worlds", typical for symbolists, is revealed. The author analyses intrinsic constants of the Absolute in Teza period conceived by Blok in symbolic metaphysical paradigm of eternally feminine imagery.

**Key words:** Russian culture at the turn of XIX–XX centuries, symbolism, ontology, universe, A. Blok, multiworlds, way, this world/otherness of the Absolute.

Исходной для А. Блока метафизической интуицией является платоновская идея «двоемирия», но идея противопоставленного этому миру единственного и единого Абсолюта замещается, в сознании утративших его видение, представлением о множестве «иных миров» (Блок). В творимой А. Блоком онтологии эта множественность заявлена максимально отчетливо: «мирам этим нет числа» [4, с. 148].

Посыл о множественности миров, актуальный для Блока, переключается с неоплатоническим и гностицистским понятием «иноного-многого», фиксирующего специфику космогонии, осуществляющуюся как постепенное нисхождение идеального Первоначала до абсолютно непросветленной материальности через посредство многочисленных эманулирующих сущностей. Однако если в неоплатонизме речь идет о множественности как разнообразии форм существования Абсолюта *ad extra*, то для А. Блока она скорее характеризует формы проявления любой инобытийной реальности. Множественность проявлений и указание на иной по отношению к данной в наличие действительности характер «тех миров» – первое и главное, что необходимо сказать

о первичной, «подлинной реальности» символистского видения мира Блоком.

Иллюзорности здешнего мира противопоставлены не только «иные миры». В бытийных построениях Блока существует и оппозиция «данный, наличный, неподлинный «старый мир» – желаемый, идеальный, подлинный «новый мир». Этот «новый мир» возникает в результате теургии. Он также входит в парадигму блоковской онтологии.

Закономерный результат – создание *сложной картины мира*. Ее структура подразумевает наличие, во-первых, здешнего *мира*, во-вторых, *инобытия*, представленного, в свою очередь, как минимум двойственно – *Абсолютом* и некоей неопределенной сущностью; в-третьих, будущего теургического «нового мира». Уточним: согласно символистским представлениям, смысловое наполнение Абсолюта преимущественно связано с мистическим откровением Вл. Соловьева Софии Премудрости Божией, Мировой Души, Вечной Женственности, а семантика инобытийной неопределенности – с инфернальной символикой (Бездны, Ночи, первозданного хаоса, стихии).



В онтологии Блока важное значение имеет *фактор временной необратимости*. Его исток – трагедийность мировосприятия, понимание жизни в духе Ницше – как динамического «пребывания в пространстве Трагедии» [5, с. 8]. Жизнь катастрофически разворачивается во времени и пространстве как «действие», движение, *путь* – путь, основные вехи которого и должен раскрыть символизм, по общей мысли Вяч. Иванова и А. Блока. Эти вехи, по Вяч. Иванову, – воплощенные «теза» (первоначальное единство аполлонического и дионисийского начал бытия), «антитеза» (вскрытие их внутренней противоположности), «снятие» противостояния (возвращение к первоначальной цельности или гибель) [6, с. 93]; или, по его же поэтической характеристике, – «исток» – «возврат» – «затвор».

Для А. Блока, как не раз замечали исследователи (С. Аверинцев, Л. Долгополов, К. Мочульский, Д. Максимов, В. Орлов, К. Чуковский), необычайно актуальна парадигма *«пути»*, которая в его осознании имеет значение отрицания всякой стабильности, всякой замкнутости, как жизненной, бытийной, так и творческой. «Путь» в творчестве поэта является структурообразующим, организует лирику Блока как целое. Именно к «чувству пути» [4, с. 127] апеллирует Блок, поясняя значимость отдельных, даже «полудетских или слабых по форме», стихотворений в составе целого: «многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан...» [4, I, с. 467].

Поэт мифологизировал свой собственный опыт как «трилогию вочеловечения». А. Белому 6 июня 1911 г. Блок писал: «таков мой *путь*... я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе – *трилогия вочеловечения*» (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и... – к рождению «человека общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право /.../ вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души» [4, VI, с. 193].

Три тома блоковской лирики, осмысленные поэтом как три вехи пути, пройденного не только Блоком, но и всем русским символизмом («О современном состоянии русского символизма»), составили «Тезу» (мистические «мгновения

слишком яркого света»), скептическую «Антитезу» («необходимый болотистый лес») и нечто вроде итогового «Синтеза» (теургический подвиг во имя нового мира и новой России).

Эта триада имела для поэта не только исторический, но и метафизический смысл: «дело идет, разумеется, не об истории символизма; нельзя установить точной хронологии там, где говорится о событиях, происходивших и происходящих в действительно реальных мирах» [4, с. 142]. «Путь» для поэта оказывается *духовным странничеством по «действительно реальным мирам»*. Блоку, по замечанию С. Аверинцева, необходимо было «навсегда уйти в «лиловые миры» из терема своей Царевны, из покоев своей Прекрасной Дамы, чтобы встретить Незнакомку в ресторане, и ему нужно было взбунтоваться против «лиловых миров», чтобы увидеть Куликово поле» [1, с. 46]. Чередования пребываний и уходов соотносятся с «эпохами» трех томов лирики Блока и его поздним творчеством: (1898/1900–1903 («Теза»), 1904–1907/08 («Антитеза»), 1908/09–1921 («Синтез»)<sup>1</sup>.

Что есть *наличный, видимый мир* в универсуме Блока, корреспондирующем с широкой символистской парадигмой рубежа веков?

Мир, истолкованный в традициях христианизированного платонизма и гностицизма как *тварный и падший, низший и погрязший во зле. Мир дискретный, множественный и многообразный* в своей действительности. Именно феноменологическое разнообразие есть показатель еще одной черты – «двойной непроницаемости», означающей, по Вл. Соловьеву, *несовершенство мира* [8, с. 442]. Множественность, понятая как самоутверждение всякого отдельного бытия, вечная борьба и взаимное уничтожение – «прямое следствие внутренней розни» [9, II, с. 125] наличного мира. Эта рознь, в свою очередь, – неизбежное следствие раздробленности. *Мир – ложный, неподлинный. Он – «представление», «покрывало Майи», согласно востребованной в символизме идее Шопенгауэра, «аполлонический сон», «аполлоническая иллюзия», по выражению Ницше, «балаган», по характеристике Блока эпохи «Антитезы».*

Казалось бы, уличенный в падшей природе, несовершенстве и неподлинности, «страшный мир» (Блок) может быть только отринут. Логичное неоромантическое завершение такого мировосприятия – («хулы на творение и Творца» [6, с. 18] – неизбежный отказ, уход от этого мира. И действительно, «путь» для Блока нередко обо-

рачивается «бегством» от «страшного мира». О «бегстве из дома» (из сложившегося и замкнувшегося жизненного круга) и «бегстве из города» (от культуры, исторической памяти), «бегстве от хаоса», «от себя» как реакции Блока на бытийное «зло» писали К. Чуковский, С. Аверинцев. И тем не менее, окончательного отказа от мира не происходит. Характерное блоковское «Узнаю тебя жизнь, принимаю!» указывают на иные возможности мироощущения. Их существование и раскрытие связано с космогонией – творением мира, его историей и эсхатологией.

Возможность утверждающего истолкования мира отчасти проясняется спецификой представлений о *его происхождении*. Космогония обычно апеллирует к христианскому креационизму, свободно истолкованному Вл. Соловьевым. «Божественное существо, – рассуждает мыслитель в «Чтениях о Богочеловечестве», – не может удовольствоваться вечным созерцанием идеальных сущностей – оно останавливается на каждой из них в отдельности, утверждает, запечатлевает ее самостоятельное бытие /.../ что и есть акт божественного творчества /.../» [9, II, с. 128–130].

Процесс творения осуществляется поэтапно: сначала Бог создает посредника – Мировую Душу, а затем Она, наделенная божественной творческой активностью, продолжает творение. *Душа мира, посредник* между Богом и бытием, и есть исток метафизического «оптимизма». *Тварный мир* самим актом творения *оказывается* и *удаленным от Бога*, и *связанным* с Ним. Это связь скрытая, символическая, выражающаяся через также неявное *присутствие в мире Мировой Души*, божественного истока и божественной потенции бытия. Безусловно, мир от этого не перестает быть падшим, но может в эсхатологической перспективе преодолеть это состояние, вернувшись к идеальному замыслу Творца.

Для А. Блока в этом отношении характерна двойственность. Идея креационизма причудливо переплетается в его сознании с идеей происхождения мира из «безначального хаоса». Но акт оформления хаоса в космос связывается с творчеством Мировой Души.

Знак и знамение божественного соприсутствия есть *символизм мира, его красота и музыка*.

Божественное знаменовано, растворено, проявлено в мире, данном в непосредственное ощущение, главное – уметь заглянуть за грани видимого. *Символизм как миропонимание* «разблачивает сознание вещи как символы, то есть знамения иной действительности» [6, с. 107] и, следо-

вательно, признает символизм признаком и *принципом бытия*. Символизм как метафизический принцип намекает на утраченную цельность, позволяет осознать религиозную связь и смысл всего существующего не только в эмпирике, но и в иных сферах.

Наличие *Красоты* («сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен» [4, II, с. 274]) в панэстетическом сознании Блока – знамение совершенства, явственное проявление «Неизреченной Красоты» Мировой Души, доказательство сопричастности этого мира с божественным.

Не менее значима для метафизики Блока *музыка*. С одной стороны, это *вид искусства*, не без влияния Ницше, Вагнера и французских символистов воспринятый в России высшей формой творчества. Другое дело – *музыкальность искусства и мира*. Музыка в литературном деле Блока важна и как словесно-музыкальная фактура стиха, как максимальное использование звуковых и ритмических возможностей поэзии. «Музыкой стиха» Блок владел в совершенстве. Но прежде всего музыка – главный критерий ценности явлений: «Я /.../ должен оглохнуть вовсе ко всему, что не сопровождается музыкой» [3, с. 150–151]. Основание такой оценки музыкальности в понимании *Музыки как сущности и первоосновы мира*, во-первых, и *первоосновы творчества*, во-вторых. Музыка есть не система звуков, а универсальная метафизическая сила, «дух музыки» (Ницше), «духовное тело мира» (Блок), основа не только всякого гармонизирующего творчества, но и всякого движения самой жизни [4, с. 344]. Музыка – божественная сущность мира и одновременно ее «голос», «мировой оркестр» (Блок), которого нельзя слушаться. Для Блока феноменальная «музыка мира» знаменует «ноуменальные», «трансцендентные» «звуки небес» [4, с. 155], «наиболее выражает и отражает замысел Зодчего» [4, V, с. 133].

Оговоримся: как бы ни хотелось А. Блоку слышать в музыке «звуки небес», «призывы» Лучезарной, «музыку сфер», все же ее «рождение» (в том числе и как категории) изначально связывалось с трагичным, стихийным, дионисийским духом. Музыка была «гласом» и знаменем инобытия, как им поначалу казалось – «певучей» [4, I, с. 149] Мировой Души, но как позднее выявилось – Бездны.

Еще одна черта метафизики Блока – *прозрачность, открытость границ, смешение, синтез миров*. Первичной реальности здесь не только отказано в трансцендентной природе, но уже нет

возможности отграничить явления этого мира от проявлений иного. В. Ходасевич позднее писал, что в «горячем, предгрозовом воздухе тех лет /.../, нам все представлялось двусмысленным и двузначашим, очертания предметов казались шаткими. Действительность, расплываясь в сознании, становилась сквозной» [10, с. 71–72].

Обретение подлинности Вл. Соловьев видел возможным в эсхатологической перспективе, в слиянии Мировой Души с Богом (Логосом) в Богочеловечестве. А. Блок также мыслил «Синтез» итогом «пути». Но конец света представлялся поэту близким. Точнее, эсхатологическая эпоха, в сознании Блока, уже наступила. Другое дело, что реальность ее неочевидна – наличный мир обладает огромным запасом инерции, и хотя он сущностно давно мертв, но еще господствует в бытийном универсуме.

Такое восприятие видимого мира – необходимый импульс отталкивания. Полагаем, «видимый мир» в контексте метафизической и исторической идеи «пути» есть скорее *начало*, или даже преддверие *пути* (блоковское «Ante Lucem»), чем конец. От него и из него уходит Блок в «иные миры», с тем, чтобы потом вернуться – к нему же, но преображенному и обновленному.

*Инобытие «Тезы»* мыслится как божественный Абсолют, идеальная первичная реальность, которая есть конечная цель (и в творческом, и в онтологическом плане).

Христианская традиция представляет Бога Тем, в Ком «бытие находит себе объяснение и оправдание – свою причину и свою цель» [11, III, с. 337], Творцом мира и человека, Абсолютной личностью, наделенной абсолютной свободой, бесконечной силой, совершенным разумом, безграничной любовью. А. Блок, по его собственным утверждениям, христианского Бога не знал: «Христа не было никогда и теперь нет, он ходит где-то очень далеко. /.../ Но меня это не касается» [4, VI, с. 64]. Свое незнание Христа Блок объясняет пребыванием в иной онтологической реальности «тех стран», куда он «убежал с королевой» [4, VI, с. 64]. «Теза» для Блока связана не с Богом, но с Той, кого он вслед за Вл. Соловьевым называл то Софией, то Мировой Душой, то Вечной Женственностью, то Заревой ясностью, то, по подсказке Брюсова, – Прекрасной Дамой (последнее акцентирует в образности Мировой Души связь с мистическим чувственным культом Мадонны и куртуазной рыцарской культурой).

Хотя символисты, и Блок в том числе, оперировали традиционно христианскими понятиями и

категориями – Бог, горний мир, рай, писавшие о них (Н. Бердяев, В. Ходасевич) неслучайно настаивают, что это было скорее христианское обличение для нехристианского содержания. Довольно жесткая оценка – в ретроспекции Н. Бердяева: «Религиозное возрождение было христианскообразным, обсуждались христианские темы, употреблялась христианская терминология. Но был сильнейший элемент языческого возрождения, дух эллинский был сильнее библейского мессианского духа. В известный момент произошло смешение разных духовных течений. Эпоха была синкретической, она напоминала искание мистерий и неоплатонизм эпохи эллинистической и немецкий романтизм начала XIX в.» [2, с. 152].

Видение *Мировой Души* Блоком связано с интуицией Софии Премудрости Божией, озвученной Вл. Соловьевым, осмысливаемой позднее Н. Лосским, П. Флоренским, С. Булгаковым, Е. и Н. Трубецкими, А. Ф. Лосевым. Вл. Соловьев, как известно, раскрывает понимание аспектов Софии в многочисленных трудах («Философские чтения», «Чтения о Богочеловечестве», «Россия и вселенская церковь», «Смысл любви», «Жизненная драма Платона»), в художественном творчестве («Три свидания», «Вечная Женственность», «Песнь офитов», «Иммануэль», «Ночь на рождество», «Милый друг...»). В этом значительном наследии для Блока оказались гораздо более значимы не рациональные конструкции философа, а непосредственные переживания, «действительные видения» мистика, «рыцаря-монаха» (А. Блок). Наиболее точно и полно, по мнению Блока, они описаны Вл. Соловьевым в «Трех свиданиях».

Поэма–откровение–автобиография» Соловьева «Три свидания» повествует о трех мистических встречах с «Подругой Вечной», имевших место в Москве в 1862 г., Лондоне в 1875 г. и в Египте в 1876 г. Жанровая форма произведения (видение-автобиография), трехчастная композиция по количеству «встреч» отчетливо «цитирует» «Новую жизнь» Данте. Показательно, что к приему Дантовой «Новой жизни» обращается и А. Блок, пытаясь осуществить очередную переработку «Стихов о Прекрасной Даме» в 1918 г. Очевидно, Блок, повторяя литературный опыт Данте и В. Соловьева, пытается дать своему мистическому видению Мировой Души – Прекрасной Дамы освященную традицией, проверенную форму. В ней Соловьев дает тот «портрет» Мировой Души, который и составит ядро представлений о Ней Блока. «Она» – «Подруга Вечная», имя которой прямо не называется («тебя не назо-

ву я»), в других произведениях – Das Ewig-Weibliche («Вечная Женственность»), Афродита Небесная (Платон), «Дева Радужных Ворот» (гностицистский термин), «Чистая голубка», (ср. «Неизреченная», «Несказанная» у Блока), откликнувшаяся на «зов души» и трижды явившая «живому взгляду» свой «лучезарный» «образ». «Ее» атрибуты раскрываются постепенно, от свидания к свиданию, так же как постепенно «Она» открывает полноту своего облика: «вечность», «нетленность» «божественность», «всемирность», «творчество», «воплощенность», «личностность», «лучезарность», «красота», «женственность», любовь, радость, чувственность восприятия («осязал»). В таком наборе атрибуций, на наш взгляд, акцентируются такие аспекты Софии Премудрости Божией, как *космический, «вечноженственный», интимно-романтический, эстетический, эсхатологический, магический, национальный, гносеологический* [ср.: 7]. Как раз они и окажутся наиболее значимы для Блока.

А. Блок, создавая метафизику «Тезы» («О современном состоянии русского символизма»), прямо апеллирует к мистическому опыту Вл. Соловьева, пересказывая описанное в «Трех встречах». Блок и буквально («лучезарный взор», прямые цитаты), и логически – постепенным движением к все большему «приоткрыванию лица» (от «сияния Чьей-то безмятежной улыбки» к видению лица «среди небесных роз», вручению магического оружия – «лучезарного меча» и диалогу-обетованию), повторяет откровение Соловьева. Думается, что эта апелляция Блока к Соловьеву – нечто большее, чем просто опора на традицию. Здесь присутствует и момент *присвоения* (личного – Блоком, соборного – символами) соловьевского мистического опыта Мировой Души.

Именно мистический опыт В. Соловьева (наличие которого, насколько нам известно, символами не подвергалось сомнению) знаменовал реальность бытийно перспективны, возможность прорыва к совершенному. Метафизике Блока была близка патетика соловьевского поэтического откровения.

Метафизическую значимость соловьевского опыта А. Блок акцентирует, призывая «в честь и память Вл. Соловьева /.../ радостно вспомнить, что сущность мира – отвлека вневременна и внепространственна; что можно родиться во второй раз и сбросить с себя цепи и пыль. Пожелаем друг другу, чтобы каждый из нас был верен

древнему мифу о Персее и Андромеде; все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души» [4, V, с. 166].

Итак, *Мировая Душа, Вечная Женственность – воплощенная божественная красота и любовь, объединяющая и преобразующая мир*, является первичной реальностью, бытийной целью творчества А. Блока периода «Тезы». Первичная реальность универсума Блока периода «Тезы» связана с общей символической установкой на обретение *опыта Абсолюта, знаменованного* для Блока символикой *Мировой Души*. Но еще в период «Тезы» Блок ясно предчувствует его конец, свершающийся как «изменение облика» Мировой Души [4, IV, с. 143], как «мятеж лиловых миров».

Таким образом, бытийный универсум в рефлексии А. Блока организован посредством взаимодействия интуиций «многомирия» и «пути», которое исторически организует метафизику художников как этапное движение по структурным бытийным пластам. Начальная Теза – этап, бытийный пласт, состояние ознаменована уходом от этого мира в пространство Абсолюта, мыслимое поэтом как Мировая Душа, Лучезарная Подруга, Прекрасная Дама.

#### Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Системность символов в поэзии Вяч. Иванова [Текст] / С. С. Аверинцев // Контекст-1989. – М., 1989. – С. 42–57.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание [Текст] / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – 336 с.
3. Блок, А. Записные книжки. 1901–1920 [Текст] / А. А. Блок. ; под ред. В. Н. Орлова. – М., 1965. – 663 с.
4. Блок, А. А. Собрание соч.: В 6 т. [Текст] // А. А. Блок. – Л., 1980–1983. Т.1. Л., 1980. – 512 с.; Т.2. Л., 1980. – 472 с.; Т.3. Л., 1981. – 440 с.; Т.4. Л., 1982. – 464 с.; Т.5. Л., 1982. – 408 с.; Т.6. Л., 1983 – 424 с.
5. Ваняшова, М. Г. Нам остается только Имя... – Поэт – трагический герой русского искусства XX века. Блок – Ахматова – Цветаева – Мандельштам [Текст] / М. Г. Ваняшова. – Ярославль, 1993. – 144 с.
6. Иванов, Вяч. И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория [Текст] / Вяч. И. Иванов. – М., 1995. – 669 с.
7. Лосев, А. Ф. Вл. Соловьев [Текст] / А. Ф. Лосев. – М., 1983. – 206 с.

8. Соловьев, В. С. Смысл любви: Избранные произведения [Текст] / В. С. Соловьев. – М., 1991. – 525 с.

9. Соловьев, В. С. Соч. в 2 т. [Текст] / В. С. Соловьев. – Т. 1. – М., 1988. – 892 с.; Т. 2. – М., 1989. – 736 с.

10. Ходасевич, В. Ф. Некрополь. Воспоминания [Текст] / В. Ф. Ходасевич. – М., 1991. – 192 с.

11. Христианство [Текст] : энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1993–1995. – Т. 1. – 863 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 783 с.

#### **Bibliograficheskiy spisok (in Russ)**

1. Averincev, S. S. Sistemnost' simvolov v poezii Vjach. Ivanova [Tekst] / S. S. Averincev // Kontekst-1989. М., 1989. – С. 42–57.

2. Berdjaev, N. A. Samopoznanie [Tekst] / N. A. Berdjaev. – М., 1990. – 336 с.

3. Blok, A. Zapisnye knizhki. 1901–1920 [Tekst] / A. A. Blok. ; pod red. V. N. Orlova. – М., 1965. – 663 с.

4. Blok, A. A. Sobranie soch.: V 6 t. [Tekst] // A. A. Blok. – L., 1980–1983. Т.1. L., 1980. – 512 с.; Т.2. L., 1980. – 472 с.; Т.3. L., 1981. – 440 с.; Т.4. L., 1982. – 464 с.; Т.5. L., 1982. – 408 с.; Т.6. L., 1983 – 424 с.

5. Vanjashova, M. G. Nam ostaetsja tol'ko Imja... – Pojet – tragicheskij geroj russkogo iskusstva XX veka. Blok – Ahmatova – Cvetaeva – Mandel'shtam [Tekst] / M. G. Vanjashova. – Jaroslavl', 1993. – 144 с.

6. Ivanov, Vjach. I. Lik i lichiny Rossii: Jestetika i literaturnaja teorija [Tekst] / Vjach. I. Ivanov. – М., 1995. – 669 с.

7. Losev, A. F. VI. Solov'ev [Tekst] / A. F. Losev. – М., 1983. – 206 с.

8. Solov'ev, V. S. Smysl ljubvi: Izbran-nye proizvedenija [Tekst] / V. S. Solov'ev. – М., 1991. – 525 с.

9. Solov'ev, V. S. Soch. v 2 t. [Tekst] / V. S. Solov'ev. – Т. 1. – М., 1988. – 892 с.; Т. 2. – М., 1989. – 736 с.

10. Hodasevich, V. F. Nekropol'. Vospominanija [Tekst] / V. F. Hodasevich. – М., 1991. – 192 с.

11. Hristianstvo [Tekst] : jenciklopedicheskiy slovar': v 3 t. – М., 1993–1995. Т. 1. – 863 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 783 с.

*Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

---

<sup>1</sup> В справочных литературоведческих изданиях обычно дается более жесткая хронологическая схема: «теза» 1900–1903, «антитеза» 1904–1907, «синтез» 1908–1921 (211, 283). Представляется, однако, что надо учитывать включение самим Блоком его ранних стихотворений (1898–1900) в книгу «Стихов о Прекрасной Даме» при установлении «нижней» временной границы; окончание цикла «Фаина», входящего в книгу «Снежная маска» только в 1908 г., непреодоленную стихийность третьей книги «Земля в снегу» (1908) и более поздних циклов («Черная кровь», «Кармен» 1914), а также условность и неизбежный схематизм любых жестких периодизаций.

Т. А. Третьякова

### Биография Ф. Х. Кисселя в социокультурном аспекте

В статье с социокультурных позиций представлена карьера Ф. Х. Кисселя, чиновника Министерства народного просвещения, одновременно являвшегося одним из первых исследователей истории Угличского края, автора первого печатного краеведческого издания по истории г. Углича, вышедшего в 1844 году в г. Ярославле. Раскрыты сфера интересов и увлечений Ф. Х. Кисселя, круг его общения. Впервые вводятся в научный оборот данные о семье Ф. Х. Кисселя.

**Ключевые слова:** Киссель Федор Харитонович, угличский краевед Киссель Ф.Х., история города Углича Кисселя, Киссель Мария Николаевна, Севринова Мария Николаевна, дворяне Севриновы.

Т. А. Tretyakova

### Sociocultural biography of F. Kh. Kissel

The article is devoted to F. Kh. Kissel, a clerk at the Ministry of Public Education who, at the same time, was one of the first researchers of the Uglich region history and the author of the first local edition on Uglich history released in 1844 in Yaroslavl. His career is considered from sociocultural point of view. F. Kissel's interests and hobbies and people he communicated with are described in the article. The author introduces the information of F. Kissel's family for the first time in scientific literature.

**Key words:** Kissel Fyodor Kharitonovich, Uglich ethnographer F. Kh. Kissel, Kissel's history of Uglich, Kissel Maria Nikolayevna, Sevrinova Maria Nikolayevna, the Sevrinov aristocrats.

Федор Харитонович Киссель (Кисель) известен историкам и краеведам, в большей степени региональным, как автор первой печатной публикации по истории города Углича [8; 9]. Однако при всей значимости его личности в плане изучения развития ярославской истории и культуры жизнь и деятельность его мало изучены, факты биографии крайне скудны. На данный момент наиболее полные сведения о Ф. Х. Кисселе, пожалуй, содержит только один информационный источник, он же является и первоисточником, – статья К. Н. Евреинова в газете «Угличанин», издания 1906 г. [5]. Последующие исследования и публикации базировались именно на данной статье с небольшими дополнениями к биографии и историко-культурологическим анализом его трудов [1–4; 6].

В биографии Ф. Х. Кисселя много «белых пятен», которые имеют историческую перспективу исследования, поиска и осмысления. Это и его образование, и его карьера, и его круг общения, и его семья, о которой до настоящего времени практически ничего неизвестно, за исключением сведений о двух его детях и супруге Марии Никола-

евне (как упоминается во всех статьях – «из дворян», «угличской дворянке»). Именно о семье Ф. Х. Кисселя и пойдет речь в данной публикации, но прежде охарактеризуем личность самого Ф. Х. Кисселя.

Итак, будущий учитель, а по призванию – историк, краевед, писатель, родился в городе Чернигове то ли в 1808-м, то ли в 1809-м году (точная дата не установлена). Малоросс по происхождению, сын сотенного хорунжего Харитона (Харитония) Киселя и законной жены его Мелании Прокопиевны происходил из старинного рода служилой украинской шляхты, одним из предков которого считался киевский воевода Адам Кисель, ярый противник папской унии и окатоличивания казачества. Первоначальное образование получил в Черниговской гимназии, окончив полный курс обучения. Дальнейшее образование – неполный курс Московского университета. По сведениям К. Н. Евреинова, перед поступлением в Черниговскую гимназию «по неизвестным соображениям, переделал свою настоящую хохлацкую фамилию Киселя в Кисселя» [5] (но можно предположить и иную версию: фамилия Федором Ха-

ритоновичем была «онемечена» для поступления в Московский университет).

Зрелые годы жизни Ф. Х. Кисселя, его гражданская служба связаны с Угличем – 25 октября (ст. ст.) 1833 г. он определен в Угличское уездное училище на должность учителя истории и географии в чине губернского секретаря (XII класс по Табели о рангах), чин официально утвержден только в 1839 г. со старшинством. 25 октября (ст. ст.) 1837 г. он произведен в чин коллежского секретаря (X класс по Табели о рангах), 25 октября (ст. ст.) 1841 г. – в чин титулярного советника (IX класс по Табели о рангах), 25 марта (ст. ст.) 1852 г. – в чин коллежского асессора со старшинством (VIII класс по Табели о рангах). Профессиональная карьера – от учителя истории и географии до штатного смотрителя угличских училищ; на эту должность определен Высочайшим приказом 27 февраля (ст. ст.) 1850 г. При нем в уездном училище была собрана библиотека из многих ценных и редких исторических изданий, но «он не умел управиться с весьма несложным хозяйством училища».

Историческими исследованиями Киссель занимался в течение нескольких лет по приезде в Углич, увлекшись его древностями и помня историю Малороссии, но публиковать результаты своей работы начал в 1840-е гг. В «Журнале Министерства народного просвещения» и в журнале «Русский инвалид» выходят исторические статьи: «Доказательства, что царевич Димитрий действительно убит в Угличе по наущению Годунова», «Разорение Углича в 1611 году».

В эти же годы Ф. Х. Киссель пишет этнографические исследования «Верования малороссиян», «Запись сновидений 1846–1848 годов»; несколько педагогических статей, одна из которых под названием «Значение Истории в отношении влияния ее на нравственность человека»; исторический роман «Серебряная пуля или Уния в Малороссии», посвященный освободительной борьбе украинского народа против польской шляхты и униатов в 20–50 гг. XVII в.; несколько стихотворений, в частности, «Каков должен быть учитель». При жизни Кисселя перечисленные труды не публикуются. Стихотворение «Каков должен быть учитель» выйдет в свет в первых номерах газеты «Угличанин» (начало XX в.), статья «Значение Истории в отношении влияния ее на нравственность человека» – в трудах Угличского родословно-краеведческого общества им. Ф. Х. Кисселя (вып.1, 2009) [7]. До настоящего времени большая часть сочинений Кисселя

не издана, хранится в Государственном архиве Ярославской области, его филиале в городе Угличе, в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), в Пушкинском Доме (г. Санкт-Петербург).

Главный труд Кисселя – сочинение по истории г. Углича, рукопись которого в начале XX столетия хранилась в библиотеке Нежинского филологического института (бывшем Нежинском лицее); в настоящее время местонахождение не установлено. При жизни Ф. Х. Кисселя рукопись вышла отдельной книгой под названием «История города Углича» (1844), где в обращении к читателям автор писал, что «с великим удовольствием собирал, покупал и с жадностью читал старинные полуистлевшие рукописи о древних событиях Углича, и, будучи обязан этим удовольствием древним летописцам, <...> сам решился из полуистлевших многих рукописей составить историю Углича, сколько возможно полную, в систематическом и хронологическом порядке» [8, с. 78]. Работа над главной рукописью была завершена в 1841 г., тогда же представлена для цензуры. Московский цензор профессор И. М. Снегирев подписал рукопись к печати за исключением пяти глав-статей, отражавших этнокультурный аспект жизни города (материал, запрещенный к печати, опубликовал в 1888 г. известный ярославский литератор, редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» Л. Н. Трефолев; в 1991 г. эти главы были ошибочно включены в сборник Л. Н. Трефолева «Исторические произведения» под названием «Материалы по истории города Углича» как принадлежавшие его перу; те же главы полностью включены в репринтное издание 1994 г. [9]).

Печать «Истории города Углича» затянулась до 1844 г. из-за отсутствия средств, «от себя ... Киссель печатать не мог, потому что не имел средств на это; и история Углича была напечатана кое как: на половину в долг». Однако Городская дума выделила на издание 975 рублей, благотворительные пожертвования купечества составили 889 рублей, – *о чем мы узнаем из архивного дела № 2757 (листы №№ 1–23), учтенного по описи № 1 фонда Угличской городской думы, хранящегося в Филиале Государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в городе Угличе (далее по тексту – УгФ ГАЯО)*. Рецензии на книгу публиковали известные столичные журналы «Отечественные записки», «Север-

ная пчела», «Библиотека для чтения». Книга Кисселя, одна из первых по истории провинциальных городов России, до настоящего времени остается заметной среди работ о городах Ярославии, актуальна своей информативностью, поскольку немало ценных свидетельств дошло до наших дней благодаря только труду Кисселя, так как ряд материалов, в частности, многие угличские летописи и документы, которыми пользовался автор, утрачены. Редкость издания определилась уже в XIX в.; об этом, выражая мнение многих, тогда писал известный петербургский книготорговец, уроженец города Углича, Николай Иванович Свешников: «Федор Харитонович Киссель, учитель истории и географии <...>, составил очень недурную и подробную историю нашего города, изданную в сороковых годах в Ярославле, <...> во всю долготлетнюю мою практику по книжной торговле в Петербурге, я только один раз встретил эту книгу у покойного моего товарища Гумбольдта, после же, как мне ни хотелось приобрести ее для себя, я не мог найти» [10, с. 19].

Одаренность натуры Ф. Х. Кисселя проявлялась во многом: в душевной доброте и доверчивости, живости характера, начитанности; обладая техникой письма водяными и масляными красками, он увлекался рисованием и живописью (его автопортрет хранится в фондах Угличского музея); сам играя на флейте и скрипке, интересовался музыкой, страстно любил природу, поэзию, литературу и науку. Интересы определяли круг знакомств и общения, его сочинения знали историк М. П. Погодин, писатель И. С. Аксаков. Киссель дружил с известными угличскими краеведами Серебренниковыми, состоял в родстве и общался с местным дворянством, в частности, с участником Отечественной войны 1812 г., героем Шевардина поручиком Петром Петровичем Смагиным, он же был его поручителем при браке.

Брак Ф. Х. Кисселя с дворянской девицей Марией Николаевной Севриновой венчан 30 апреля (ст. ст.) 1834 г. в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь (церковь имела несколько названий – Воскресенская, что был монастырь; просто Воскресенская; Воскресенско-училищная. Для угличан привычнее первое из названий). Жених и невеста, оба венчались первым браком, поручителями при венчании состояли: со стороны жениха – учитель Угличского уездного училища губернский секретарь Федор Васильевич Карпов и угличский помещик, артиллерии поручик и орденский Кавалер Петр Петрович Смагин (о чем ранее упоминалось), со

стороны невесты – капитан Павел Яковлевич Томановский и города Углича лекарь Никонор Николаевич Беттингер. Молодые венчались в приходе жениха. Ф. Х. Киссель был прихожанином Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, невесту брал из прихода Корсунской церкви г. Углича. *Запись о браке обнаружена в метрической книге Воскресенской церкви, хранящейся в фондах УгФ ГАЯО (Основание: Ф.18. Оп.1. Д.610. Л.50).*

Мария Николаевна Севринова (фамилия дворян Севриновых иногда встречалась в ином написании и произношении – «Севреиновы») была дочерью коллежского асессора Николая Михайловича Севринова и законной супруги его Анны Васильевны, родилась около 1816 г. (точная дата ее рождения пока не установлена). Мария росла в большой дворянской семье в окружении многочисленных братьев и сестер, среди которых отметим Василия, Наталью, Анну старшую, Алексея, Александру, Елизавету, Анну меньшую (в замужестве за Василием Ивановичем Белогостицким), Екатерину, Михаила, Петра.

Привыкшая к большому семейству, Мария Николаевна Киссель (урожденная Севринова) и сама стала многодетной матерью, испытывавшей и радость, и горечь материнства, а горестей от потери детей на ее долю и долю супруга Федора Харитоновича выпало немало, помимо прочих жизненных неурядиц. В семействе Киссель рождались и сыновья, и дочери, и судьба их была различна. Итак, дети Федора Харитоновича и Марии Николаевны Киссель:

– *Анна*, – родилась 5 июля (ст. ст.) 1835 г., крещена 9 июля того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемницей ее при крещении была бабушка Анна Васильевна Севринова (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.147. Л.44 – 44 об.*). Впоследствии Анна Федоровна проживала в г. Киеве, среди наследственных вещей у нее хранился автопортрет отца, который К. Н. Евреинов выкупит для Угличского музея древностей [5];

– *Василий*, – родился 1 января (ст. ст.) 1837 г., крещен 3 января того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемником при его крещении был дядя Василий Николаевич Севринов (на тот момент корнет Санкт-Петербургского уланского полка). Василий скончался от скарлатины 27 сентября (ст. ст.) 1847 года, в день похорон своего брата Николая (о нем упомянем далее) и был погребен 29 сентября того же года на Воскресенско-Геор-



гиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.1. Д.629. Л.165 об.; Оп.3. Д.156. Л.58*);

– *Николай*, – родился 23 июля (ст. ст.) 1838 г., крещен 27 июля того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемником при его крещении был коллежский секретарь Петр Тимофеевич Недельский, угличский уездный лесничий. Николай скончался от скарлатины 25 сентября (ст.ст.) 1847 года и был погребен 27 сентября того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.1. Д.629. Л.165 об.; Оп.3. Д.161. Л.34 – 34 об.*);

– *Мелания*, (названа в честь бабушки по отцовской линии) – родилась 30 января (ст. ст.) 1841 г., крещена 1 февраля того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемниками ее при крещении были бабушка Анна Васильевна Севринова и Федор Васильевич Карпов, штатный смотритель Угличского уездного училища. Мелания скончалась от «колики» 5 июня (ст. ст.) 1841 г. и была погребена 7 июня того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.183. Л.л.89 об., 97 об.*);

– *Павел*, – родился 16 июля (ст. ст.) 1842 года, крещен 18 июля того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемниками при его крещении были Иван Дмитриевич Смирнов, штатный смотритель Угличского уездного училища, и Наталья Николаевна Михайлова, жена учителя того же училища. Скончается в Угличе 23 декабря (ст. ст.) 1899 г. от «паралича сердца после грудной жабы» и будет погребен 27 декабря того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.185. Л.116 об.; Ф.43. Оп.4. Д.10. Л.л.32 об.-33*). Павел Федорович дослужится до гражданского чина надворного советника (VII класс по Табели о рангах), именно он передаст в конце 1860-х гг. угличскому краеведу К. Н. Евреинову архив Ф. Х. Кисселя с рукописями его трудов [5];

– *Федор*, – родился 1 февраля (ст. ст.) 1845 г., крещен 4 февраля того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемниками при его крещении были Ферапонт Васильевич Лучинский, канцелярский чиновник Угличского нижнего земского суда, и бабушка по материнской линии Анна Васильевна Севринова. Федор скончался от водянки 10 июня

(ст. ст.) 1845 г. и был погребен 12 июня того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.194. Л.л.207 об., 215 об.*);

– *Иван*, – родился 27 марта (ст. ст.) 1846 г., крещен 31 марта того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемником при его крещении был Ферапонт Васильевич Лучинский, канцелярский чиновник Угличского нижнего земского суда. Иван скончался «от кашля» 18 июня (ст. ст.) 1846 г. и был погребен 20 июня того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.203. Л.л.133 об., 139 об.*);

– *Федор*, – родился 9 ноября (ст. ст.) 1847 г., крещен 11 ноября того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемниками при его крещении были Ферапонт Васильевич Лучинский, коллежский секретарь, канцелярский чиновник Угличского нижнего земского суда, и тетка по матери девица Екатерина Николаевна Севринова. Федор скончался «от рвоты» 1 июня (ст. ст.) 1848 г. и был погребен 3 июня того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.1. Д.629. Л.161 об.; Оп.3. Д.222. Л.190 об.*);

– *Иван*, – родился 14 июня (ст. ст.) 1849 г., крещен 17 июня того же года в Угличской Воскресенской церкви, что был монастырь, восприемником при его крещении был Ферапонт Васильевич Лучинский, канцелярский чиновник Угличского нижнего земского суда. Иван скончался «от колики» 27 июля (ст. ст.) 1849 г. и был погребен 29 июля того же года на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (*Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.231. Л.л.160 об., 166 об.*).

Брак четы Киссель оборвала смерть Федора Харитоновича. Он скончался 10 мая (ст. ст.) 1852 г. в окружении немногочисленной родни и погребен был на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом); его могила впоследствии заросла, была скрыта и забылась, о чем сокрушался в своей публикации К. Н. Евреинов. Подлинная метрическая запись о смерти Ф. Х. Кисселя до настоящего времени не обнаружена, дата указана по публикации К. Н. Евреинова [5].

Немногочисленная родня Ф. Х. Кисселя на момент его смерти состояла из супруги Марии Николаевны, двоих выживших детей и несколь-

ких родственников жены, не было рядом и родителей, давно умерших. Мать Ф. Х. Кисселя, Мелания Прокопиевна Кисель, овдовев, незадолго до смерти переехала к сыну в Углич. Скончалась 15 января (ст. ст.) 1840 г. в возрасте 72-х лет от «колотья в груди» и была погребена на Воскресенско-Георгиевском кладбище г. Углича (Убогий дом) (Основание: УгФ ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.180. Л.110 об.).

Вдова Ф. Х. Кисселя, Мария Николаевна, вдовствовала двадцать лет, не имея собственной недвижимости, проживала на разных квартирах. Так, в 1862 г. она – постоялица у священника Угличской Воскресенской церкви Василия Михайловича Попова, деревянный дом которого находился в Угличе в 21-м градостроительном квартале на Петровской улице. Она тяжело и долго болела сухоткой (болезненной истощающей организм худобой), скончалась 3 июня (ст. ст.) 1872 г. и погребена была на Угличском Воскресенско-Георгиевском кладбище (Убогий дом), перед погребением обряд отпевания совершили в Воскресенской, что был монастырь, церкви г. Углича в приходе семьи Киссель (Основание: УгФ ГАЯО. Ф.43. Оп.1. Д.137. Л.л. 9 об.-10).

О потомках Киссель ничего не известно до настоящего времени, но это не означает, что изучение истории рода завершено и продолжать его не следует. Следует, нужно и необходимо, поскольку существует много вопросов о жизни и деятельности Ф. Х. Кисселя, его семействе, его окружении, родственных связях в социальном, культурологическом, психотипологическом и прочих аспектах в целях исследования ретроспективы и перспективы развития определенного региона в культурно-историческом пространстве.

### Библиографический список

1. Горстка, А. Н. Неизвестный Ф. Х. Киссель. Страницы жизни [Текст] / А. Н. Горстка // Авангард. – 1992. – 27 октября.
2. Горстка, А. Н. Неизвестный Ф. Х. Киссель. «Серебряная пуля, или Уния в Малороссии» (краткое содержание) [Текст] / А. Н. Горстка // Авангард. – 1992. – 29 октября.
3. Горстка, А. Н. Неизвестный Ф. Х. Киссель. Вместо послесловия [Текст] / А. Н. Горстка // Авангард. – 1992. – 31 октября.
4. Горстка, А. Н. Неизвестный Ф. Х. Киссель. Вместо послесловия [Текст] / А. Н. Горстка // Авангард. – 1992. – 3 ноября.

5. Евреинов, К. Н. Забытая могила. Памяти Федора Харитоновича Киссель (10 мая 1852 г.) [Текст] / К. Н. Евреинов // Угличанин. – 1906. – № 4.

6. Ерохин, В. И. Ф. Х. Киссель и его «История города Углича» [Текст] / В. И. Ерохин // Киссель Ф. Х. История города Углича. – 2-е изд., реприн., доп. – Углич: Угличский историко-художественный музей, 1994.

7. Киссель, Ф. Х. Значение Истории в отношении влияния ее на нравственность человека [Текст] / Ф. Х. Киссель // Федор Киссель. Книга – надгробие: труды Угличского родословно-краеведческого общества им. Ф. Х. Кисселя. – Вып.1. – Углич, 2009.

8. Киссель, Ф. Х. История города Углича, сочиненная Угличского Уездного Училища Учителем Исторических наук Федором Киселем [Текст] / Ф. Х. Киссель. – Ярославль: Ярославская губернская типография, 1844.

9. [Киссель, Ф. Х.] История города Углича [Текст] / Ф. Х. Киссель. – 2-е изд., реприн., доп. – Углич: Угличский историко-художественный музей, 1994.

10. Свешников, Н. И. Воспоминания пропавшего человека [Текст] / сост. Н. И. Свешников; коммент. А. И. Рейтблата. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 320 с. – (Россия в мемуарах).

### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Gorstka, A. N. Neizvestnyj F. H. Kissel'. Stranicy zhizni [Tekst] / A. N. Gorstka // Avangard. – 1992. – 27 ok-tjabrja.
2. Gorstka, A. N. Neizvestnyj F. H. Kissel'. «Serebrjanaja pulja, ili Unija v Malorossii» (kratkoe sodержanie) [Tekst] / A. N. Gorstka // Avangard. – 1992. – 29 ok-tjabrja.
3. Gorstka, A. N. Neizvestnyj F. H. Kissel'. Vmesto posleslovija [Tekst] / A. N. Gorstka // Avangard. – 1992. – 31 ok-tjabrja.
4. Gorstka, A. N. Neizvestnyj F. H. Kissel'. Vmesto posleslovija [Tekst] / A. N. Gorstka // Avangard. – 1992. – 3 nojabrja.
5. Evreinov, K. N. Zabytaja mogila. Pamjati Fedora Haritonovicha Kissel' (10 maja 1852 g.) [Tekst] / K. N. Evreinov // Uglichanin. – 1906. – № 4.
6. Erohin, V. I. F.H Kissel' i ego «Istorija goroda Uglicha» [Tekst] / V. I. Erohin // Kissel' F. H. Istorija goroda Uglicha. – 2-e izd.,

reprin., dop. – Uglich : Uglichskij istoriko-hudozhestvennyj muzej, 1994.

7. Kissel', F. H. Znachenie Istorii v otno-shenii vlijaniya eja na npravstvennost' cheloveka [Tekst] / F. H. Kissel' // Fedor Kissel'. Kniga – nadgrobie: trudy Uglichskogo rodo-slovno-kraevedcheskogo obshhestva im. F. H. Kisselja. – Vyp.1. – Uglich, 2009.

8. Kissel', F. H. Istorija goroda Uglicha, sochinennaja Uglichskago Uezdnoho Uchilishha Uchitelem Istoricheskikh nauk Fedorom Kiselem

[Tekst] / F. H. Kissel'. – Jaroslavl' : Jaroslavskaja gubernskaja tipografija, 1844.

9. [Kissel', F. H.] Istorija goroda Uglicha [Tekst] / F. H. Kissel'. – 2-e izd., reprin., dop. – Uglich : Uglichskij istoriko-hudozhestvennyj muzej, 1994.

10. Sveshnikov, N. I. Vospominanija propashhego cheloveka [Tekst] / sost. N. I. Sveshnikov ; komment. A. I. Rejtblata. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. – 320 s. – (Rossija v memuarah).

*Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

**Н. А. Хренов**

**Утопия по-русски: хилиастический подтекст революционных фильмов С. М. Эйзенштейна**

Статья представляет собой третью часть культур-философского исследования утопического комплекса русского искусства первой половины XX в. на материале кинематографа. Раскрываются хилиастические подтексты революции в фильмах С. Эйзенштейна. Значительное внимание уделено проблематике экстаза в теории и практике режиссера-авангардиста. Выявляются трансформации сальерианского начала в деятельности С. Эйзенштейна в контексте его рефлексии над методом символизма. Верифицируется переходная ситуация одновременного функционирования художественных форм с точки зрения линейного и циклического принципов развертывания исторического времени.

**Ключевые слова:** утопический комплекс, русское искусство, первая половина XX века, авангард, кинематограф, С. Эйзенштейн.

**N. A. Khrenov**

**Utopia à la russe: chiliastic connotations of S. M. Eisenstein's revolutionary films**

This article is the third part of a cultural-philosophic research. The author studies the utopian complex of the Russian art, particularly cinematograph, in the first half of the XX century. Chiliastic implications of revolution in Sergei Eisenstein's films are revealed. Much attention is paid to the problems of ecstasy in the theoretical and practical work of the director-avant-gardist. The author analyses transformations of the Salierian in S. Eisenstein's work within the framework of his reflection on symbolism. The situation when different artistic forms function simultaneously is verified from the point of view of linear and cyclic principles in historic time unfoldment.

**Key words:** utopian complex, Russian art, the first half of the XX century, avant-garde, cinematograph, S. Eisenstein.

**Хилиастическая аура революции: о чем свидетельствует интерес С. Эйзенштейна к проблематике экстаза?**

В первых двух частях данного исследования мы много внимания уделили типологии утопий, а также зафиксировали особенности русского утопизма, для которого характерно совмещение разных типов утопии. Мы зафиксировали прорыв в революционное сознание хилиастического комплекса, что оказывается специфичным именно для русской утопии начала XX в. Но все это философские и социологические аспекты утопии. А что же происходило с искусством, в частности, с кинематографом, с той его разновидностью, которая стала составной частью общего художественного авангарда и, в частности, художественного авангарда 20-х гг.? Более того, получило ли это вторжение хилиазма, в том числе, в кинематографический авангард, какое-то осмысление? Конечно, на первый взгляд, авангард, который мы в искусстве ассоциируем с Маяковским, Малевичем, Мейерхольдом и Эй-

зенштейном (кстати, все они имели то или иное отношение к кинематографическому авангарду), вписался в политический авангард, и, следовательно, футуристическая интонация оказалась присущей всем названным и неназванным представителям художественного авангарда.

Но не так все просто. Любое искусство, а тем более, искусство, переживающее эпоху своего расцвета, непременно сообщается с подсознанием, продолжающим быть активным. На примере С. Эйзенштейна очевидно, как столь приветствуемое в среде символистов мифологическое мышление продолжает быть активным и в авангарде, о чем было уже сказано. Однако попробуем показать, что в творчестве С. Эйзенштейна, которое, конечно же, выражает смысл социалистическо-коммунистической утопии, не менее активной, как это ни покажется странным, оказывается именно хилиастическая утопическая традиция. Конечно, в самонаблюдениях С. Эйзенштейна над собственным творчеством, кото-

рых у него было больше, чем достаточно, отыскать такого рода признания трудно.

Но если отсутствует признание о такой соотнесенности его творчества с хилиазмом, то все же у него можно обнаружить имена религиозных подвижников-мистиков, которые, несомненно, имеют отношение к хилиазму. Рождаясь в нехудожественных сферах, в тех слоях, что еще сохраняли средневековое сознание и окрашивали революцию в благородные тона, хилиастическая традиция находит свое выражение в разных проявлениях искусства этого времени. Впрочем, невозможно не отметить, что в данном случае искусство нельзя считать лишь следствием. Невозможно к нему относиться как к явлению, по отношению к массовому сознанию вторичному и зависимому. Следовало бы помнить известную мысль, которую обсуждает Гегель в связи с тем, что творцами греческих богов являются поэты Гомер и Гесиод. Конечно, как размышляет Гегель, до Гомера и Гесиода боги существовали в сознании греков. И все же окончательные формы образов богов получили выражение лишь в результате поэтического выражения Гомера и Гесиода.

Так нельзя ли помыслить, что образы героев революции, да даже и самой революции, тоже создавали поэты и художники? Ведь, скажем, эпизод из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь» – взятие Зимнего дворца – исторической реальности не соответствует. Поэтому мы с полным правом можем назвать таких режиссеров, как С. Эйзенштейн, Гомерами и Гесиодами от кинематографа. В самом деле, ведь революция запомнилась именно по эпизоду взятия Зимнего дворца из фильма С. Эйзенштейна. Поэтому точнее было бы утверждать, что, вызывая к жизни хилиастическую ауру революции, искусство тем самым будило древнейшие и средневековые пласты массового сознания и оформляло их в духе революции. Так, революционные фильмы не исключают хилиазма, поскольку авангард не освобождается до конца от культивируемого символизмом мистического постижения мира. Ведь символисты были убеждены, что всякое творчество есть, прежде всего, мифотворчество.

Это в полной мере присуще одному из самых выдающихся представителей советского киноавангарда – С. Эйзенштейну. Чтобы эту мысль аргументировать, обратим внимание на одно явление в теоретических трудах С. Эйзенштейна, а именно, на то, что он постоянно возвращается к теме экстаза. Под ним мастер понимает то, что

приводит зрителя в состояние крайней взволнованности, заставляет его вскакивать с кресла, рукоплескать и кричать. Иначе говоря, заставляет «выходить из себя» (ex-stasis – из состояния) [2, с. 60]. Но это еще чисто внешнее и самое поверхностное представление об экстазе. Пытаясь овладеть приемами, провоцирующими экстаз, и использовать их в художественных целях, С. Эйзенштейн углубляется в природу религиозного культа, в древнейшие обряды и ритуалы. Например, можно в связи с этим фиксировать его интерес к элевсинским мистериям, оргиастическому культу Диониса и орфическим сектам [3, II, с. 315].

Констатации этого интереса уже достаточно, чтобы понять, как он свидетельствует о связях С. Эйзенштейна с символистской традицией. Наконец, его интересует исихастская традиция, которая в средневековой Руси связана с именами Нила Сорского, Серафима Саровского и Тихона Задонского. В связи с этим он признавался, что линия экстатиков, мечтателей, «медиаторов» для творческой биографии не вредна («По-моему, доля религии в моей биографии была мне очень на пользу... От религии хорош «фанатизм», который потом может отделиться от первичного предмета культа и «переключиться» на другие страсти...») [2, I, с. 58]. Это признание говорит о многом – и прежде всего о сознательном использовании религиозной (хилиастической) ауры в художественном процессе.

Но этот же интерес Мастера характерен и в отношении к основателю Ордена Иисуса – Игнатию Лойоле, а точнее, к созданной им методике приведения верующего в экстаз, с помощью которой можно парализовать волю и, соответственно, высшие логические уровни сознания, «выключить» высшие слои сознания и погрузиться в глубины чувственного мышления. Имея в виду приемы, используемые дервишами Востока, Древней Иудеи, шаманами Сибири и мистиками Мексики, С. Эйзенштейн утверждает, что используемые ими приемы, приводящие в состояние полного исступления, делают возможным регресс мышления, возвращение к формам примитивного мышления. Но если в древних ритуалах экстаз, возвращающий к дологическим, чувственным формам сознания, и достигается в форме, например, ритма и танца, то в кино это становится возможным с помощью ритма и монтажа. Поэтому сводить монтаж, как его понимал С. Эйзенштейн, исключительно к художественному аспекту было бы недостаточным.

Мастер претендует на нечто большее. Да, конечно, ритм и монтаж способствуют большей убедительности и впечатляемости образов фильма на зрителя, но воздействие фильма к этому не сводится. Сам С. Эйзенштейн пишет: «... выходом из себя восприятие фильма не исчерпывается. Должен иметь место еще переход в иное качество. В соответствии с теорией С. Эйзенштейна экстаз не сводится к инертному, безжизненному состоянию. Важно в нем мгновение озарения («вспышка свершения») [2, II, с. 61]. Но это озарение является следствием активизации нижних слоев сознания, то есть того, что, собственно, и является основой мистицизма. Конечно, возвращаясь к технологии экстаза, используемого в религиозных практиках, С. Эйзенштейн явно преследовал не только художественные цели. Здесь следует уже говорить об исключительном понимании С. Эйзенштейном утопии, а вместе с этим и понимании утопическим авангардом 20-х г. в целом.

Касаясь технологии экстаза в сектах, например, хлыстов, А. Панченко ставит вопрос о конечной цели экстаза, достигаемого с помощью коллективных радений [1, с. 219]. Речь идет о выключении из повседневной реальности, выходе из времени и достижении контакта хлыстовской общины с воображаемым, идеальным и сакральным миром, заменяющим мир реальный. Происходит процесс мгновенной трансформации реального мира в иной – и именно существующий «здесь» и «сейчас», на этой земле мир. Собственно, утопизм сектантов уже дает ключ к пониманию революционного утопизма, в котором проявились комплексы религиозного, а следовательно, и массового, в том числе, крестьянского, утопизма. Такое сближение утопического сознания политического и художественного авангарда с религиозным и хилиастическим утопизмом не может не шокировать. Ведь как пишет исследователь А. Эткинд об отношении революции и сектантского мира, «в революции имел место синтез сектантского и коммунистического утопизма» [4, с. 671].

Здесь следует снова вернуться к символизму, а точнее, к символистскому утопизму как элитарной предыстории революционного утопизма. Ведь именно символизм, способствуя актуализации мистицизма, первым открывает в сектантстве резервы для творческого вдохновения. Во всей этой применяемой С. Эйзенштейном для провоцирования регресса сознания технологии важно обеспечить тот мгновенный мистический

прыжок в новую реальность, который и преследовался утопистами хилиастического типа. Этот достигаемый с помощью монтажа регресс позволял устранить границу между реальностью и воображением. В соответствии с этой методикой, или в терминологии самого Мастера «методом», зритель ощущал себя в новой, точнее было бы сказать, виртуальной реальности, реальности уже не настоящего, а будущего.

Но парадоксально, что этот прорыв в будущее, соответствующий установке политического авангарда, оказывался возможным лишь в результате провала или регресса в прошлое, в разные его состояния, которые, собственно, и образуют слоистую структуру подсознания. Ведь в соответствии с мыслью С. Эйзенштейна подсознание предстает отражением более ранних и недифференцированных стадий социального бытия. А эта трактовка подсознания уже не является фрейдистской. Она больше соответствует концепции культурно-исторической школы в психологии Л. Выготского, по-своему понимающего психоанализ. Приходится размышлять о том, что тут от рационализма режиссера, а что – от мистического его самоощущения, что идет от сохраняющегося в его методе мистицизма символистов. И не только символистов.

В соответствии с этой своей установкой на такое строение фильма, которое бы провоцировало экстатическое состояние зрителя, а следовательно, и погружение его на низшие слои и уровни психики, С. Эйзенштейн пытается осмыслить историю искусства, на разных этапах которой он находит тип художника-экстатика. Этот тип он узнает, например, в открытом и признанном во второй половине XIX в. Эль Греко, Пиранези, Ван Гоге и т. д. Вот и получается, что всплохи мистицизма и хилиазма постоянно имели место не только в религиозной, но и в художественной сфере. Совершенно очевидно, что, используя резерв подсознания и всех актуализируемых слоев в восприятии зрителя, С. Эйзенштейн, этот Гомер от кинематографа, создавал то, что можно было бы назвать идентичностью нового человека, о создании которого так мечтали символисты, а потом представители авангарда. Эта идентичность в качестве составляющих уровней включала в себя и утопию, и миф, являющихся в соответствии с идеей А. Лосева тоже слагаемыми воссоздаваемой политическим авангардом утопической картины мира.

Хотя если говорить о мифе, то, пожалуй, он предстает не двойником и союзником утопии.

Видимо, вспышка утопизма возникает всякий раз, как разрушается миф, входящий составной частью в ту или иную систему культуры. В итоге, в истории такое разрушение мифа не является конечным, что позволяет думать, что миф в истории окончательно исчезнет. Со временем возникает иная структура культуры, и она тоже будет развиваться на основе мифа. Но под этим новым мифом следовало бы понимать лишь одну из возможных его интерпретаций, соответствующую установкам новой культуры. Не случайно в связи с культурой Два, соответствующей сталинской государственности, В. Паперный говорит о замене истории мифом. Получается, что культура Два реабилитирует миф, делая его основой своего развития. На самом же деле, нельзя противопоставлять культуру Два предшествующей, якобы немифологической эпохе, то есть культуре Один. Последняя культура в качестве своей основы также подразумевала миф. Правда, в иной интерпретации.

**С. Эйзенштейн: сальерианское начало в деятельности Гомера от кинематографа. Представитель авангарда объясняет метод символизма**

В связи с С. Эйзенштейном немаловажно было бы отметить то, что применяемый Мастером метод не просто помог ему вписаться в социалистическо-коммунистическую утопию. Любопытно, что именно С. Эйзенштейн вызвал к жизни технологию, метод создания целого мировоззрения. Следовательно, он рационально осознал то, что не могли осознать другие режиссеры, его коллеги, творящие интуитивно. Обычно, когда о С. Эйзенштейне пишут киноведы, сверхзадачу его теоретических построений они сводят исключительно к эстетическим аспектам. Но усилия Мастера в этом направлении следует рассматривать как выражение потребности, которая возникает в связи с утверждением утопического мировосприятия, явившегося, в том числе, и идеологическим мировосприятием.

Конечно, многие режиссеры в кино занимались тем же самым, что и С. Эйзенштейн, но они творили интуитивно и не теоретизировали. Отчасти потому, что теоретиками они не были. Ведь лишь немногие практики в кино могли теоретизировать. Сам С. Эйзенштейн этот аспект творчества отразил на примере своего кумира – театрального экспериментатора В. Мейерхольда, утверждая, что тот не был склонен к теории. «Мейерхольд – пишет он, – не

имел метода анализа собственного инстинктивного творчества. Не имел и метода синтеза – сведения в методике. Он мог «показать», что угодно, но ничего не мог «объяснить» [2, II, с. 303]. Иное дело – усвоивший опыт конструктивизма С. Эйзенштейн. «В нашем кино – пишет С. Эйзенштейн, – сложилось дело так, что вся основная работа в исследовательской области почти неизменно ложилась на самих же производителей. А потому в этой области приходится быть на самообслуживании. Каждый сам себе в основном – свой собственный теоретический кафеетерий» [2, II, с. 5].

Опираясь на психоанализ З. Фрейда, который он хорошо освоил, С. Эйзенштейн проделал глубокий анализ присущего ему творческого дарования. Проблема смыкания присущих ему и проявляющихся в его фильмах комплексов, с одной стороны, и утопии в форме идеологии – с другой, осмыслена им на уровне психологического исследования Э. Эриксона, посвященного Лютеру. Например, по его же собственному признанию, развивавшаяся у него в детстве склонность к жестокости и насилию получала выражение в его фильмах. Но ведь его фильмы стали идеальным выражением революционной и утопической ментальности. Поэтому из многих самонаблюдений и самопризнаний Мастера становится очевидным, что его индивидуальный авангардизм вовсе не противостоял установкам политического авангарда, а им соответствовал.

Эту свою причастность к духу времени и способность его выразить в своих произведениях сам С. Эйзенштейн отразил. «Я оказался – признается он, – нужным своему времени, на своем участке, именно таким, как определилась моя индивидуальность» [2, II, с. 13]. Почему же С. Эйзенштейн явился тем режиссером, который оказался способным выразить дух *ressentiment* массы? Отвечая на этот вопрос, сам С. Эйзенштейн не мог избежать признания о влиянии З. Фрейда на интерпретацию его собственного творчества и постоянных в этом творчестве тем и образов. Так, с помощью «комплекса Эдипа» З. Фрейда режиссер пытается осознать свои детские травмы и их следы в собственных фильмах, свой бунт против отца [2, II, с. 22]. «Почва к тому, чтобы примкнуть к социальному протесту, – пишет он, – возрастала во мне не из невзгод социального несправедливости, не из лона материальных лишений, не из зигзагов борьбы за существование, а прямо и целиком из прообраза всякой социальной тирании, как тирании отца в

семье, пережитка тирании главы рода в первобытном обществе» [2, II, с. 341].

Режиссер объяснил даже свое влечение к жестокости, что получило отражение, по его признанию, в его революционных фильмах. Оно тоже сформировалось в детстве. Так, перечисляя, как в его фильмах расстреливают толпы людей, дробят копытами черепа батраков, закопанных по горло в землю, давят детей на Одесской лестнице, бросают в пылающие костры и т. д., С. Эйзенштейн видит исток этого в детских травмах [2, II, с. 12]. Раз так, то Мастер не просто предстает транслятором и медиатором политического авангарда, но его пропагандистом, использующим для пропаганды большевистского утопизма кино.

Естественно, что его эксперименты связаны с воздействием на массы. Можно ли утверждать, что С. Эйзенштейну удалось осознать механизм воздействия своих фильмов на массовую аудиторию до конца? Заимствованный у символистов мистицизм подготовил С. Эйзенштейна к тому, чтобы в его фильмах получила выражение хилиастическая вспышка, давшая выход массовому *ressentiment*. Конечно, это выражение, прежде всего, проявлялось в событиях самой революции, а не в кино. Но аура в ее художественном проявлении все же утверждалась с помощью фильмов, в том числе, фильмов С. Эйзенштейна. Когда мы констатируем заимствование мистицизма в символизме представителем авангарда С. Эйзенштейном, то здесь следует иметь в виду двойственное отношение режиссера к мистике. По сути дела, в случае с С. Эйзенштейном мы имеем дело, с одной стороны, с бессознательным выражением этой хилиастической вспышки, а с другой – осознанием с помощью психологии природы этой вспышки и, следовательно, мистики в ее революционном проявлении. И, наконец, речь должна идти о владении методикой, способствующей такой вспышке, причем, в специфическом, нужном режиссеру как идеологу, демиургу направлении.

По сути дела, у С. Эйзенштейна разъятая на понятия и рационально понятая мистика перестает быть мистикой, превращаясь в способ сознательного и контролируемого внушения и воздействия, не преследующего исключительно художественные цели. С. Эйзенштейну удается осознать то, что было в символизме, но что самими символистами, несмотря на склонность некоторых из них к теории, осознано не было. Но не просто осознать. Рационально постигая механизмы, активные на ранних этапах сознания, ко-

торые ведь просто не существуют без мистики, С. Эйзенштейн пытается использовать их на практике. Речь идет не об интуиции, а именно о рациональном постижении мистического сознания. Постижения и использования восприятия кино как способа конструирования новой идентичности людей именно на это уровне, причем способа конструирования идентичности в ее не индивидуальном, а коллективном выражении. Это обстоятельство и позволяет называть С. Эйзенштейна как представителя авангарда Гомером от кинематографа. Но получается, что не только от кинематографа.

Таким образом, фильмы С. Эйзенштейна просто художественными решениями не исчерпываются. Они – больше, чем художественные фильмы. Это способы воздействия и, следовательно, внушения, рассчитанные на массу. Так Мастером была реализована одна из самых существенных установок футуризма. С. Эйзенштейн, в частности, признает, что эффект внушения возможен лишь в том случае, если иметь представление о структуре сознания массы. В самом деле, может быть, то, что впервые продемонстрировал в театральной режиссуре В. Мейерхольд и что обогатило мировой театр XX в., более глубоко отрефлектировал и разработал именно С. Эйзенштейн. Авангардистские эксперименты С. Эйзенштейна и сопутствующие этим экспериментам его теоретические сочинения трудно рассматривать, если их не соотносить с необходимостью вписаться в утопическое сознание эпохи.

Сам С. Эйзенштейн пытался эту созвучность своих индивидуальных утопических устремлений с установками утопического и идеологического сознания эпохи осознать. Сверхзадача творчества Мастера заключается в том, чтобы иметь возможность проникнуть в структуру сознания массы и провоцировать активность самых ранних уровней этого сознания. С этой точки зрения фильм предстает системой раздражителей (С. Эйзенштейн не избегает использования понятий, почерпнутых в бехтеревской рефлексологии), рассчитанных на провоцирование нижних уровней сознания. Естественно, что, углубляясь в эти вопросы, С. Эйзенштейн опирается и на психоанализ З. Фрейда, но и на культурно-историческую школу Л. Выготского. Метод достижения эффекта внушения и провоцирования экстаза, которым он озабочен, опирается на серьезные научные источники.



Таким образом, заключая сказанное, можно утверждать, что вариант творчества С. Эйзенштейна как вариант художественного авангарда в целом демонстрирует ту самую форму утопизма, что связана со смыканием социалистическо-коммунистической утопии с утопией хилиастического типа. Поскольку же хилиазм явился признаком революционного *ressentiment* массы, то метод С. Эйзенштейна оказался эффективным. Хилиастическая аура, сопровождающая зафиксированные в его революционных фильмах события революции, способствовала контакту режиссера с массовой аудиторией. Взрыв утопического сознания способствовал тому, что в лице С. Эйзенштейна авангард получал отклик в мессианском сознании, что, в принципе, для авангарда в его других проявлениях было проблемой.

**Переходная ситуация в русской культуре начала XX в. Одновременность функционирования художественных форм с точки зрения линейного и циклического принципов разрывания исторического времени**

Привлекая для объяснения смыкания художественного авангарда с авангардом политическим творчеством С. Эйзенштейна, мы пришли к выводу, что в том и в другом случае в утопию социалистическо-коммунистического типа вторглась хилиастическая стихия, что, видимо, стало одним из признаков пассионарности, характерной и для большевистского сознания, и для сознания масс, но, в том числе, и для представителей авангарда.

Сейчас попробуем вернуться к исходной точке наших рассуждений, в частности, к уже высказанной мысли о том, что в начале XX в. человек перестает существовать в настоящем, раздваиваясь между установкой на пассеизм и установкой на футуризм. Правда, в авангарде присутствует та и другая установка: одна – на прошлое, другая – на будущее, одна выражает под-сознание, другая сознание художников. Пришло время объяснить, почему создалась такая исключительная ситуация, когда в русской культуре начала XX в. активно и одновременно проявлялись самые разные утопические стихии.

Пытаясь осознать специфический тип утопии, получившей выражение в фильмах С. Эйзенштейна, мы выходим также на обсуждение одной из значимых проблем, связанных с искусством, оказавшимся в ситуации переходности от одного культурного цикла к другому. Необходимо понять происхождение и природу искусства аван-

гарда, и, в частности, киноавангарда, в контексте исторического отрезка в истории искусства, соотносимого с первыми десятилетиями XX в. Естественно, что, как уже нами показано, не все, что С. Эйзенштейн интересовало, когда он разрабатывал проблематику экстаза, можно исчерпать социалистическо-коммунистической утопией. Между тем сам С. Эйзенштейн свое творчество постоянно с утопией этого типа соотносил, поскольку его фильмы выражали дух русской революции. С. Эйзенштейн – один из представителей авангарда, оказавшихся в ситуации радикального перехода, перехода, который в истории не часто случается. Но когда он случается, то сопровождающее этот переход разрушение тех уровней сознания, что оказались развившимися на поздних стадиях истории и социума, оказывается причиной того, что развивающиеся на разных этапах истории последовательно художественные формы активизируются и начинают функционировать одновременно.

Мы это уже пытались показать, выявляя смыкание двух разных типов утопии. В результате для художника возникает соблазн прибегнуть к любой художественной форме, что, собственно, художник часто и делает. В этом смысле творчество Пикассо оказывается весьма репрезентативным.

Чтобы в этом разобраться, можно было бы прибегнуть к формам, которые Гегель идентифицировал как формы становления Духа. Известно, что в истории таких форм Гегель насчитывал три: *символическую, классическую и романтическую*. Поздние эпохи в истории искусства, в том числе, и искусство XX в., можно осмыслять в соответствии с романтической фазой становления Духа. Конечно, эта форма для Гегеля соотносится с христианской Европой, пережившей в своем становлении много подъемов и спадов.

Но, может быть, идея расхождения между Духом, то есть смыслом, идеей, с одной стороны, и предметно-чувственным миром – с другой, которая, по Гегелю, характерна для этой третьей фазы, своего апогея, достигла именно в начале XX в. и именно в художественном авангарде. Ведь здесь художник, устремленный к беспредметности, демонстрирует полный отрыв Духа от поднятой на пьедестал просветительской эстетической чувственной реальности и чувственного познания. Но, конечно, этой тенденцией реальность искусства XX в. вовсе не исчерпывается. В нем, например, продолжает быть активной эстетика классицизма, характерного для второй фазы становления Духа, по Гегелю.

Но что особенно любопытно, так это то, что в XX в. оказывается чрезвычайно активной символическая, то есть первая и ранняя форма становления Духа. Не случайно на рубеже XIX–XX вв. чрезвычайно заметным направлением в искусстве предстает выпустивший джинна авангарда символизм. Развертывающаяся в это время на уровне смены культурных циклов переходность способствовала тому, что, демонстрируя в авангарде выражение крайней формы разрыва между Духом и предметно-чувственной реальностью, с помощью которой Дух больше не получает адекватного и исчерпывающего выражения, искусство XX в. устремляется к своему первоначалу. Он как бы воскрешает самые ранние эпохи в истории своего становления. В этом смысле романтическая фаза в истории Духа подводит к самому, пожалуй, радикальному в истории и не предполагаемому Гегелем переходу, провоцирующему возвращение к исходной точке, требующее уже осмысления этого процесса в соответствии не с линейным принципом, которому следовал Гегель, а с принципом циклическим. Без этого возвращения не будет понятным ни интерес всего нового искусства к архаике, ни возникновение авангарда, ни теоретические работы С. Эйзенштейна и, конечно, ни всепронизывающий утопизм начала XX в.

### Библиографический список

1. Панченко, А. Религиозный утопизм русских мистических сект [Текст] / А. Панченко // Русские утопии. – СПб., 1995. – С. 219.
2. Эйзенштейн, С. Мемуары [Текст] / С. Эйзенштейн. – Т. 1–2. – М., 1997.
3. Эйзенштейн, С. Метод [Текст] / С. Эйзенштейн. – Т. 2. – М., 2002. – С. 315.
4. Эткинд, А. Хлыст. Секты, литература и революция [Текст] / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 671.

### Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Panchenko, A. Religioznyj utopizm russkih misticheskikh sekt [Tekst] / A. Panchenko // Russkie utopii. – SPb., 1995. – S. 219.
2. Jeizenshtejn, S. Memuary [Tekst] / S. Jeizenshtejn. – T. 1–2. – M., 1997.
3. Jeizenshtejn, S. Metod [Tekst] / S. Jeizenshtejn. – T. 2. – M., 2002. – S. 315.
4. Jetkind, A. Hlyst. Sekty, literatura i revoljucija [Tekst] / A. Jetkind. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – S. 671.

*Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Т. В. Юрьева

### Метагеография и иеротопия: категория пространства в средневековой культуре

В статье раскрывается сущность двух направлений гуманитарной науки (метагеография и иеротопия) в соотношении их с одной из основополагающих категорий культуры – пространством. Показано, как с помощью метагеографического и иеротопического подхода по-новому раскрывается сущность такого явления, как пространственная среда средневекового города.

**Ключевые слова:** метагеография, иеротопия, картина мира, сакрализация, категории культуры, пространство, средневековье, город, древнерусская культура.

T. V. Yurieva

### Metageography and hierotopy: as applied to the category of space in medieval culture

The article reveals the nature of the two directions in humanitarian science – metageography and hierotopy – in their relations with space, one of the basic categories of culture. Using the metageographic and hierotopic approach, the author shows in a new way how to consider the essence of the space in a medieval town.

**Key words:** metageography, hierotopy, picture of the world, sacralization, categories of culture, space, Middle Ages, town, Old Russian culture.

Культура как некая специфическая система, воплощающая в себе основные параметры человеческого бытия, обладает также специфическими представлениями о мире и человеке и связанными с этими представлениями формами и стилем его (человека) существования.

В культурологическом знании на сегодняшний день уже выработаны пути описания культуры «через обнаружение основных универсальных категорий» (А. Я. Гуревич), без которых «она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях». Среди этих основных категорий культуры выделяются такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменения, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. Эти категории образуют основной семантический «инвентарь» культуры, образуя в каждой культуре своего рода «картину мира» – «систему координат», с помощью которой человечество воспринимает действительность и строит образ мира, существующий в его сознании.

Эти категории присутствуют в самых разных знаковых системах и «текстах» культуры – как, например, собственно в языке или в искусстве. Они необходимы для построений существующих в обществе представлений о мире. Кроме того,

они определяют поведение индивидов и групп, то есть воздействуют на общественную практику, отвечающую «модели мира», в которую группируются эти категории. Все это свидетельствует о первостепенной важности исследования подобных категорий для понимания культуры и общественной жизни в разные исторические эпохи.

Остановимся лишь на одной из вышеназванных категорий – категории пространства, входящей, как и время, в основополагающий континуум культуры.

Пространство характеризуется такими универсальными свойствами, как протяженность, единство прерывности и непрерывности. В истории философии существуют разные точки зрения на априорность пространства, и, в частности, Кантом (в «Критике чистого разума») отмечается, что пространство как формальное свойство всякого восприятия внешнего мира эмпирически реально только до тех пор, пока мы забываем о субъективном происхождении всякого опыта.

Объективизация географического пространства произошла в Новое время в связи развитием науки о земле и возможностью с достаточной точностью установить конфигурацию географических объектов и расстояния между ними. Символическое, существовавшее ранее, восприятие пространства разрушается и заменяется пред-

ставлением о нейтральной географической протяженности. Тем не менее, существующая в культуре традиция восприятия пространства, не исчерпывающаяся геометрически измеренными расстояниями, продолжает существовать и влияет как на формирование пространственной среды в настоящее время, так и на понимание уже исторически сформированного пространства, окружающего человека.

В современном культурологическом знании в последние годы возникло такое направление, как метагеография, главный объект изучения которой – географические образы – «специфическое географическое знание, которое является буфером или медиатором между традиционной системой географических знаний – достаточно инерционной и громоздкой – и потребностями жесткого специализированного мышления в различных областях знания и человеческой деятельности» [4, с. 16]. По мнению ученых, развивающих метагеографию, «формирование образов в географии – это элементы последовательного пространственного осмысления окружающего мира» [4, с. 17]. Таким образом, географические образы впрямую связаны с основополагающей культурологической категорией – картиной мира, которая в этой науке понимается как «воззрение на мир» [7, с. 5], включающее, в том числе, и пространственное о нем представление.

Метагеография стоит на позиции, что «пространство, по сути дела, как и его образы, создаются культурой и / или цивилизацией, которая их осознает, живет ими и в них», и что «каждая культура создает свои, так или иначе, репрезентированные образы пространства» [4, с. 20–21]. Соответственно, были даны характеристики разных типов культур с точки зрения создания в них пространственных образов. Эта позиция не так уж и нова. Еще до появления этого новомодного направления, именуемого метагеографией, в культурологии было сформировано представление о пространстве как о категории именно культуры. А. Я. Гуревич в своей знаменитой работе «Категории средневековой культуры», впервые опубликованной в 1972 г., писал: «Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества, и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково. <...> человек руково-

дствуется в своей практической деятельности и в своем сознании этими и иными основными категориями «картины мира», и от того, как он их интерпретирует, во многом зависит его поведение, поведение социальных групп и развитие целых обществ» [3, с. 44]. И далее: «Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [3, с. 44].

Кстати, сама метагеография еще не проявила достаточного интереса к эпохе Средневековья, трактуя отношения средневекового человека с пространством весьма однозначно. В частности, вслед за А. Гуревичем Д. Замятин отмечает: «Средневековье мыслило мелкими прерывными интервалами и практически не связанными локусами в рамках реальных путешествий» [3, с. 64]. Этим, собственно, автор и ограничивается.

Тем не менее, на самом деле все выглядит гораздо сложнее и менее однозначно. Даже если мы возьмем как пример для рассмотрения тему путешествия, первопричина необходимости перемещения в пространстве будет связана с целым комплексом средневековых представлений. При отсутствии повседневной или, если точнее, обусловленной хозяйственным укладом основного представителя средневековой эпохи – земледельца необходимости путешествовать перемещение в пространстве вплоть до «времени купцов» (термин Ж. Ле Гоффа) могло быть связано только с очень серьезными причинами. В ситуации христоцентризма, который в первую очередь характеризует культуру Средневековья [3; 18], это было паломничество, и, прежде всего, паломничество в Святую землю, в Иерусалим. Самая главная цель, так называемый культурный проект, христианина связан со Спасением. Спасение, в свою очередь, могло пониматься «как перемещение в пространстве, паломничество – как вид аскезы» [15, с. 234–235]. Таким образом, сакрализуется как само пространство, так и перемещение в нем.

Освоение пространства через паломничество, в первую очередь, связано с представлением о земном пути в Иерусалим как пути в Рай, который христианин совершает в течение всей своей жизни. Иерусалим является для христиан центром земного географического пространства, что в свою очередь и отражается на средневековой картографии. Таковы, например, псевдо-исидорова большая Ватиканская карта ойкумены 770 г., Оксфордская карта мира 1090 г., карта

мира Гвидо из Пизы 1118 г., карта ойкумены из Библии Арншайна 1172 г., Лондонская Псалтырная карта 1260 г., Эбсторфская и Херефордская карты конца XIII в. и другие карты мира IX–XIII вв., где этот город всегда помещен в центре мироздания [13, с. 30–34]. Как справедливо отмечают исследователи, географические карты едва ли предназначались для путешественников «и в XI–XIII вв. представляли собой отображение господствовавшей тогда концептуальной картины мира, в центре которой христианское сознание помещало Иерусалим. Именно этот город и был главной целью средневековых путешествий и паломничеств, тогда как вся земля рассматривалась как театр священной истории» [15, с. 398].

Помещение здесь центра земли связано с локализацией в Палестине и Иерусалиме новозаветного сакрального пространства. Его достижение в земной жизни аналогично достижению Горнего Иерусалима в будущем, после воскресения.

Это средневековое пространственное представление нашло своеобразное преломление в локальных пространственных построениях в западном христианстве. Это касается, прежде всего, таких архитектурно-художественных форм, как храм и монастырь, несколько позже это коснется и средневекового города.

В западном христианстве появляется такая форма храма, как паломнический храм. Первоначально архитектурно-пространственная специфика паломнического храма была связана с реликвиями, хранящимися в храме, и необходимостью беспрепятственного их достижения паломниками. Так появляется деамбулаторий и венец капелл в романской храмовой архитектуре. Паломники, попадая на пути своего следования в стоящий по дороге храм, могли оказать соответствующие почести тем реликвиям и святыням, которыми тот обладал. Тем самым паломничество приобретало еще большую ценность. В дальнейшем, после многочисленных крестовых походов и распространении иерусалимских святынь, каждый храм стремился к их обретению, что позволило ряду из них собрать у себя такие реликварии, которые своим составом, собранным в едином храмовом пространстве, символизировали святыни главного сакрального пространства – Иерусалима. Это позволяло, совершая паломничество в данный храм, заменять этим поход в Иерусалим, который для ряда паломников был труден или совсем не достижим в силу географических и исторических причин.

В конечном итоге реликвией становится само пространство Иерусалима, которое переносится географически через создание подобного Иерусалиму пространства в храме или монастыре. В частности, в Европе уже со времен Каролингов «совершить паломничество в Иерусалим» означало подчас «посетить соседний монастырь» [15, с. 317].

Теперь и монастырское пространство, а затем и пространство города организуют по подобию иерусалимского: «монастырь наряду с канониками и приходами, ориентированными по сторонам света, был частью “креста” или “венка”, в центре которого находился кафедральный собор, – устойчивый мотив планировки епископских городов прежде всего в Германии и Италии» [15, с. 314].

Таким образом, можно говорить о символике Иерусалима, проявленной в топографии средневекового города. Сакрально-символический фактор, проявившийся на всех уровнях средневековой культуры, должен стать необходимым аспектом рассмотрения образа городского пространства. Это касается не только отдельных доминант – сооружений религиозного назначения, изначально призванных создавать сакрализованный образ города, но и топографии города как сакрального места, организованного в логике соответствия библейским образам священных мест, поскольку, как справедливо заметил Ю. М. Лотман, «архитектура как второй мир, созданный человеком, во-первых, отражает Универсум, воспроизводя представления о глобальной системе мироздания, во-вторых, моделирует Универсум, так как структура построенного и обжитого пространства переносится на мир в целом» [11, с. 676–677].

Применение такого подхода важно для осмысления городского ландшафта и городской среды, сформированной также в эпоху русского Средневековья. Восточно-христианский вариант сакрализации пространства специфичен еще и тем, что русская культура, восприняв себя наследницей христианской традиции при утрате как Святой земли – Иерусалима, так и Константинополя, мыслимого вторым Иерусалимом, наследником первого, пытается обустроить свое сакральное пространство путем перенесения на местную почву и отдельных реликвий, и всего сакрализованного пространства в целом. Что мы и видим в воплощенных ландшафтах и планах древнерусских городов и монастырей. Причем пространство сакрализуется сразу на нескольких уровнях:

1. Прослеживается иконография Горнего Града Иерусалима, где происходят ассоциации символические и апокалиптические. Осуществляется связь с теми местами в текстах Священного Писания, где говорится о Небесном Иерусалиме (Например: Библия. Иез., 40–42; Откр. 21, 15–17). Прослеживается числовая символика. По словам С. С. Аверинцева, «...всякий христианский город, сколь бы он ни был скромн, есть «икона» Рая, Небесного Иерусалима...» [1, с. 48–49].

2. Происходит ориентация на конкретные святыни Иерусалима земного, где происходят ассоциации топографические и топонимические. Это осуществляется через выбор аналогичного иерусалимскому ландшафта, топографических названий, повторение конкретных форм известных иерусалимских святынь, их географического расположения относительно друг друга.

Таким образом, принципы построения пространственной структуры древнерусского города должны быть рассмотрены с точки зрения иеротопии, нового направления в гуманитарной науке, в котором создание сакральных пространств представляется как особая сфера творчества и самостоятельный раздел истории культуры [5]. Сегодня такие подходы представляются наиболее продуктивными в изучении как пространственных представлений человека эпохи Средневековья, так и отражения этих представлений в многочисленных артефактах средневековой культуры.

Мы, в свою очередь, готовы предложить общему вниманию вариант применения сложившихся в последнее время в культурологической науке подходов к конкретному, сформированному средневековой культурой, пространству одного из древних русских городов – Ярославля [16].

Человечество всегда стремилось к созданию полноценной жизненной среды. Но в каждом отдельном случае представления о ее полноценности связаны с целостной системой ценностей, существующей в той или иной культуре. Православный средневековый город формируется по законам и в связи с ценностями христианства, которое является культуuroобразующей доминантой вышеозначенного исторического периода.

Православная картина мира, сформированная в сознании средневекового человека, характеризуется такими чертами, как христологичность, универсализм, иерархичность и символичность, что распространяется на все явления средневековой культуры, которые формируются в соответствии с вышеуказанными представлениями о мироуст-

ройстве или миропорядке: так же, как «по образу и подобию Божию» был создан человек, все, что теперь он создает в этом мире, должно демонстрировать устремленность к небесному Первообразу. В научной литературе в достаточной степени это осмыслено по отношению к таким феноменам Средневековья, как, например, икона или храм [18]. Меньше с вышеуказанных позиций осмыслен феномен древнерусского города.

Обычно исследователи проводят формальный анализ того или иного древнерусского города по выработанному, довольно стандартному набору: природное местоположение, историческая эволюция структуры, особенности планировки, застройки, композиции, характерные черты индивидуального облика, неповторимость силуэта и прочее. В какой-то степени город характеризуется с эстетической точки зрения, но тем дело часто и ограничивается. Иеротопия как новый подход к географическому пространству дает еще ряд важных ракурсов, с которых можно рассматривать пространственную среду средневекового города.

Единая структура, по которой строились средневековые города, выглядит следующим образом: в центре находились собор, князьи палаты и дома горожан. Территория города обносились укрепленными стенами. Вокруг этого кремля, или детинца, располагались слободы и посады, жители которых обслуживали нужды города, а в период военной опасности укрывались за оборонительными стенами. Укрепленные цитадели – кремли выделялись в окружающем пространстве, противопоставляясь ему как пространство защищенное незащищенному, но в то же время они были тесно связаны с предградьями.

Но обозначение этой стандартной структуры не объясняет, как же формировался город внутри нее, и «...совсем неизвестным представляется символическое содержание городских структур, градостроительных композиций». Долгое время разговор о духовном смысле обличья древнерусских городов даже не поднимался. Тем не менее, в древних хрониках, актах и других исторических документах проскальзывают иногда скудные сведения о символических образцах, на которые, очевидно, равнялись древнерусские градостроители, а в городах встречаются реализованными их элементы.

Обследование планировки большинства древнерусских городов приводят исследователей древнерусского зодчества к выводу, что кроме практических соображений в основе их структуры лежали религиозные представления. Первым

подобное исследование провел М. П. Кудрявцев [6], что впоследствии позволило протоиерею Льву Лебедеву также сделать ряд выводов:

1. Все русские города в процессе своего развития стремятся к кругу. А круг – символ вечности, в частности – вечного Царства Небесного.

2. В тех городах, где главным является собор в честь Спасителя или Божией Матери, градостроительная композиция определяется формой креста. А там, где соборным храмом города является храм в честь Святой Троицы, определяющей фигурой оказывается треугольник.

3. Организующим началом градостроительных композиций русских городов после Крещения Руси, их доминантой, являются храмы.

4. Расположение и наименование храмов и монастырей относительно священного, или геометрического, центра города не являются случайными; они подчинены определенным богословским представлениям и в определенных случаях – представлениям о Граде Небесном, Новом Иерусалиме.

5. Образы Нового Иерусалима в разной степени отчетливости и в разных интерпретациях встречаются не только в столицах всей русской земли, но и в городах, князья которых претендовали на великокняжеский титул и где были центры соответствующих епархий Церкви.

6. Однако любой новый русский город, строившийся после X в., «притягивал на себя» образ креста и связанные с этим определенные богословские представления.

7. Отражение образа Нового Иерусалима можно видеть в крупнейших и важнейших центрах Русской земли [9, с. 26–31].

Сталкиваясь ранее с подобной символикой и подобным отношением к пространству в структуре иконы и структуре храма, мы можем прийти к выводу, что, как и в предыдущих случаях, город также является образом, восходящим к Первообразу, каковым является Град Небесный. То есть, как справедливо заметил В. Лепяхин, «православное понимание пространства иконично... Избранный топос становится святой землей, он может быть иконой дома Божия, врат небесных и пр.» [10, с. 155]. Образ «Небесного Иерусалима» имеет такой наглядный эквивалент, как город, упорядоченный Премудростью Божией – Софией. Как отмечал С. С. Аверинцев в исследовании, посвященном Софии Киевской, «... в своем смысловом аспекте город соотносился для средневекового человека с храмом; город – это как бы просторный храм, храм – как бы средоточие

города, и оба суть образы одного и того же идеала: Небесного Иерусалима». [1, с. 44].

Поскольку все феномены христианской православной культуры выстраиваются в иерархическом подобии Первообразу, «древнерусский город осознает себя как бы огромным храмом под открытым небом: детинец = алтарь, город = храм, посад = притвор» [1, с. 159]. Таким образом, на отдельные градостроительные элементы распространяется та же символика, что и на части храма или иконы. Соответственно, это особым образом влияет на композицию вышеозначенного ряда феноменов.

Итак, как отмечает Л. Лебедев, «... самый высший в духовном плане градостроительный образец христианского средневековья – Небесный Град». Через какие основные композиционные формы реализуется в русском православном городе идея иеротопического уподобления?

Прежде всего, уподобление Небесному Иерусалиму, Горнему месту реализуется через географически высокое положение. Это должна быть самая высокая точка, доминирующая над окрестностями.

Этот принцип мы наблюдаем уже при строительстве первого христианского города на Руси – Киева. Уже в следующем после Крещения году князь Владимир ставит новый город-крепость на Киевской горе и к 996 году возводит каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Крепость на Киевской горе со сверкавшим на ней храмом возвышалась метров на 25 выше Боричева града, древнейшей языческой твердыни киевлян, в свою очередь вздымавшейся над Днепром еще метров на 60.

Многие русские города были организованы по этому принципу, не является здесь исключением и Ярославль. Первый каменный храм Ярославля, построенный Константином Всеволодовичем в 1216 г. – Успенский собор, носит то же имя и занимает такую же высокую точку относительно остального географического ландшафта. Христианская святыня оказывается стоящей «как бы на небе».

Как уже было отмечено, первым подобием Небесному граду является земной, палестинский Иерусалим. Его сакральность особенно выделена в Священном Писании. По вдохновению свыше царь Давид взял Сион и назвал его «город Давидов» (4.2 Цар. 5:7). Сюда, в Иерусалим, он перенес Ковчег Завета (4.2 Цар. 6:12–19). Сам Господь избрал город, в котором впоследствии должен был быть построен Соломоном храм (4.3

Цар. 8:48; 14:21; 2 Пар. 12:13). Священное Писание называет Иерусалим Градом Господа сил, градом Божиим, Градом Господним, Градом Всевышнего, градом Святым, градом Бога живого. Место на небе, где обитает Царственная Божественная Троица, имеет множество различных наименований: Скиния Бога с человеками, Нива Божия, Рай Небесный, Гора Господня, Вышняя Гора Сион, Селение Божие, Обитель Троицы, Великий Дом, Дом Святой Троицы, Святая Божественная ограда, Великий Град, Горний Град, Град Небесный, Град Божий, Горний или Вышний Иерусалим. (4. Пс.47:2; 47:9; 86:3; 100:8; Тов. 13:9; Ис. 52:1; 3 Езд. 10:54). В этих названиях отражены различные ипостаси (сущности) образа Божественной Обители, указаны их масштабы, различные грани восприятия. Это тот безграничный ряд образов, который окружал и обогащал творчество древнерусских зодчих.

В Новом Завете Иерусалим – это прежде всего место проповеди Христа, место совершения Им чудес, место суда, смерти и воскресения Спасителя. Иерусалим также место сошествия Святого Духа на апостолов, то есть начало Новозаветной Церкви. И поэтому для христиан это избранный святой град. Самое значительное, что мы находим в Новом Завете относительно Иерусалима, – это присвоение его имени Царству Небесному. Апостол Павел называет Царство Божие «вышним», «небесным» Иерусалимом. И Иерусалимский храм понимается апостолом лишь как рукотворное святилище, устроенное по «по образу истинного» небесного, пребывающего в горнем Иерусалиме (4. Гал. 4:26; Евр. 9:24; 12:22). Апостол Иоанн именует Царство Божие «новым Иерусалимом», «святым Иерусалимом новым», «святым Иерусалимом, который снисходит с неба» Иерусалимом» (4. Откр. 3:12; 21:2, 10). «Очевидно, что в Священном Писании Царство Небесное именуется Иерусалимом в образном смысле: палестинский Иерусалим лишь икона Царства Небесного, земной образ небесного Первообраза» [1, с. 157].

Сын Владимира, Ярослав, продолжая преобразование Киева из языческой столицы в православную, не просто пристраивает к городу Владимира новую крепость, переселяя киевлян под защиту более мощных стен. Рядом с городом, символизировавшим Горний Иерусалим, Ярослав строит подобие Иерусалима Земного, того, который стоял в Палестине и к которому у русских возникает интерес сразу с принятием христианства. Вспомните хотя бы «Хождение» игу-

мена Даниила (1104–1107 г.), где он детально описывает все святы места города Иерусалима.

Тем более, что и сам город Константинополь, являвшийся для русских несомненным образцом градостроительства, во многих своих градостроительных и храмостроительных ансамблях сближался с Иерусалимом. В знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона (1037–1050 гг.) «Константин град» прямо и без всяких оговорок назван «Новым Иерусалимом».

Символическая связь между Иерусалимом, Константинополем и русскими городами прослеживается в частности через традицию строительства и названия Золотых ворот. Такие строились в русских городах (Киев, Владимир), имея своим прототипом Золотые ворота в Константинополе. Там они, в свою очередь, были созданы во образ Золотых ворот Иерусалима палестинского, через которые, как известно, господь Иисус Христос совершил свой торжественный «вход в Иерусалим» накануне Крестных Страданий». Они находятся с востока, прямо против Елеонской горы, и непосредственно вели оттуда к главной святыне древнего Иерусалима – Ветхозаветному Храму Иудейскому, в который сразу же и вошел Спаситель. Для христианского сознания эти ворота стали главными святыми вратами в стенах Иерусалима.

Отсюда понятно, почему Золотые ворота русских городов были не только и не просто главными, парадными, но и святыми (часто так и назывались). Они как бы приглашали Господа Иисуса Христа войти в город, как входил он в Иерусалим, и благословить его.

В связи со строительством Золотых ворот возникает еще одна тема – устройства надвратных церквей. Архитектурно это триумфальная арка в один, два или три проезда, над которыми стоит храм. Образцом здесь также служил Константинополь. По письменным свидетельствам над Золотыми воротами Константинополя стояла церковь Богородицы, именуемая «Иерусалим» (в частности, об этой церкви упоминается в «Слове о положении Ризы Богоматери во Влахернах» Феодора Синкелла). По мнению исследователей, именно она явилась прообразом надвратной церкви Благовещения на Золотых воротах Киева и большинство надвратных храмов Византийского мира, посвященных Богородице, также воспроизводят этот образец [14, с. 127].

Еще одна черта уподобления древнерусского христианского города историческому палестин-



скому Иерусалиму – это «поклонные горы». Они были у Киева, Владимира, Москвы и почти у всех крупных русских городов и монастырей. Это явная параллель с «поклонной горой» близ Иерусалима. «И ту есть гора равна о пути близ града Иерусалима яко версты вдале; на той горе сседают с конь вси людие и поставляют крестыци ту и поклоняются святому Воскресению на дозоре граду» [12, с. 32].

«Поклонные горы» вблизи русских городов – это тоже возвышенности, с которых путникам впервые открывалась панорама города и где тоже, слезая с коней и повозок, молились и поклонялись городу точно так же, как на храм. «Не только Иерусалим, но любой город, являвший собой наземную икону христианских представлений о Боге, о мире, о человеке, становился и предметом эстетического любования и, главное, объектом молитвенного почитания» [10, с. 161].

Рассматривая в таком ракурсе древние русские города, например, древний Ярославль [16; 19; 20; 21], мы можем не раз убедиться в справедливости данного подхода, который позволяет расширить научные представления о культуре русского средневековья и истории формирования древнерусских городов.

### Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской [Текст] / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972.
2. Бицилли, П. М. Элементы средневековой культуры [Текст] / П. М. Бицилли. – СПб., 1995.
3. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич // Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. – М. ; СПб., 1999.
4. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст] / Д. Н. Замятин. – М., 2004.
5. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси [Текст]. – М., 2006.
6. Кудрявцев, М. П. Москва – Третий Рим [Текст] / М. П. Кудрявцев. – М., 1994.
7. Культура: теории и проблемы [Текст]. – М., 1995.
8. Лебедев, Л. прот. Москва Патриаршая [Текст] / Л. Лебедев. – М., 1995.
9. Лебедев, Л., прот. Богословие земли русской в образах храмов [Текст] / Л. Лебедев // Наука и религия. – 1996. – № 8. – С. 26–31.
10. Лепяхин, В. Икона и иконичность [Текст] / В. Лепяхин. – СПб., 2002.
11. Лотман, Ю. М. Архитектура в контексте культуры [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мысл. миров. Статьи, исследования, заметки. – СПб., 2000. – С. 676–677.
12. Памятники литературы Древней Руси [Текст]. – Т. 1–12. – М., 1978–1994, Т. 3. – 1980.
13. Подосинов, А. В. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов ...» О месте Иерусалима на средневековых картах [Текст] / А. В. Подосинов // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. – М., 2006. – С. 30–34.
14. Седов, Вл. В. Надвратный храм: иерусалимские и богородичные аспекты символического замысла [Текст] / Вл. В. Седов // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума. – М., 2006. – С. 127.
15. Словарь средневековой культуры [Текст] / Под общ. Ред. А. Я. Гуревича. – М., 2003. – С. 234–235.
16. Юрьева, Т. В. К вопросу о сакральной топографии города Ярославля [Текст] / Т. В. Юрьева // Материалы конференции «Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья». Материалы научной конференции. Посвящается 225-летию регулярного плана застройки Ярославля. – Ярославль : Ремдер, 2004. – С. 66–73.
17. Юрьева, Т. В. Метагеография и иеротопия в применении к категории пространства в средневековой культуре [Текст] / Т. В. Юрьева // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. С.-Петербург, Эйдос-Астерион, 2008. – С. 41, 276.
18. Юрьева, Т. В. Православная картина мира: мировосприятие и художественный образ [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль, 2006; 2008.
19. Юрьева, Т. В. Пространство географическое и пространство культурное: аспект сакрализации [Текст] / Т. В. Юрьева // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного colloквиума молодых ученых. – Москва–Ярославль, 2007. – С. 135–138.

20. Юрьева, Т. В. Пространство средневекового города как сакральный текст [Текст] / Т. В. Юрьева // Человек. Русский язык. Информационное пространство: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. – Ярославль, 2009. – С. 361–370.

21. Юрьева, Т. В. Сакральный модус храма в архитектурно-пространственной среде города [Текст] / Т. В. Юрьева // «Образы города в горизонте российской динамики»: научный сборник – Ярославль, 2010. – С. 87–99.

### **Bibliograficheskij spisok (in Russ)**

1. Averincev, S. S. К ujasneniju smysla nadpisi nad konhoj central'noj apsidi Sofii Kievskoj [Tekst] / S. S. Averincev // Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaja kul'tura domongol'skoj Rusi. – М., 1972.

2. Bicilli, P. M. Jelementy srednevekovoj kul'tury [Tekst] / P. M. Bicilli. – SPb., 1995.

3. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Tekst] / A. Ja. Gurevich // Izbrannye trudy. Tom 2. Srednevekovyj mir. – М. ; SPb., 1999.

4. Zamjatin, D. N. Metageografija: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Tekst] / D. N. Zamjatin. – М., 2004.

5. Ierotopija. Sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi [Tekst]. – М., 2006.

6. Kudrjavcev, M. P. Moskva – Tretij Rim [Tekst] / M. P. Kudrjavcev. – М., 1994.

7. Kul'tura: teorii i problemy [Tekst]. – М., 1995.

8. Lebedev, L. prot. Moskva Patriarshaja [Tekst] / L. Lebedev. – М., 1995.

9. Lebedev, L., prot. Bogoslovie zemli russkoj v obrazah hramov [Tekst] / L. Lebedev // Nauka i religija. – 1996. – № 8. – С. 26–31.

10. Lepahin, V. Ikona i ikonichnost' [Tekst] / V. Lepahin. – SPb., 2002.

11. Lotman, Ju. M. Arhitektura v kontekste kul'tury [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysl. mirov. Stat'i, issledovanija, zametki. – SPb., 2000. – С. 676–677.

12. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi [Tekst]. – Т.1–12. – М., 1978–1994, Т.3. – 1980.

13. Podosinov, A. V. «Jeto Ierusalim! Ja postavil ego sredi narodov ...» O meste Ierusalima na srednevekovyh kartah [Tekst] / A. V. Podosinov // Novye Ierusalimy. Perenesenie sakral'nyh prostranstv v hristianskoj kul'ture. – М., 2006. –

С. 30–34.

14. Sedov, Vl. V. Nadvratnyj hram: ierusalimskie i bogorodichnye aspekty simvolicheskogo zamysla [Tekst] / Vl. V. Sedov // Novye Ierusalimy. Perenesenie sakral'nyh prostranstv v hristianskoj kul'ture. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. – М., 2006. – С. 127.

15. Slovar' srednevekovoj kul'tury [Tekst] / Pod obshh. Red. A. Ja. Gurevicha. – М., 2003. – С. 234–235.

16. Jur'eva, T. V. K voprosu o sakral'noj topografii goroda Jaroslavlja [Tekst] / T. V. Jur'eva // Materialy konferencii «Kul'tur-nyj landshaft i arhitekturnaja sreda gorodov Verhnevolzh'ja». Materialy nauchnoj konferencii. Posvjashhaetsja 225-letiju reguljarnogo plana zastrojki Jaroslavlja. Jaroslavl' : Remder, 2004. – С. 66–73.

17. Jur'eva, T. V. Metageografija i ieroto-pija v primenenii k kategorii prostranstva v srednevekovoj kul'ture [Tekst] / T. V. Jur'eva // Vtoroj Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kul'turnoe mnogoobrazie: ot proshlogo k budushhemu»: Programma. Tezisy dokladov i soobshhenij. S.-Peterburg, Jejdos-Asterion, 2008. – С. 41, 276.

18. Jur'eva, T. V. Pravoslavnaja kartina mira: mirovosprijatie i hudozhestvennyj obraz [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl', 2006; 2008.

19. Jur'eva, T. V. Prostranstvo geograficheskoe i prostranstvo kul'turnoe: aspekt sakralizacii [Tekst] / T. V. Jur'eva // Nauki o kul'ture v novom tysjacheletii: materialy I Mezhdunarodnogo kollokviuma molodyh uchenyh. – Moskva–Jaroslavl', 2007. – С. 135–138.

20. Jur'eva, T. V. Prostranstvo srednevekovogo goroda kak sakral'nyj tekst [Tekst] / T. V. Jur'eva // Chelovek. Russkij jazyk. Informacionnoe prostranstvo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 9. – Jaroslavl', 2009. – С. 361–370.

21. Jur'eva, T. V. Sakral'nyj modus hrama v arhitekturno-prostranstvennoj srede goroda [Tekst] / T. V. Jur'eva // «Образы города в горизонте российской динамики»: научный сборник – Jaroslavl', 2010. – С. 87–99.

*Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

## ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 001.89

Е. М. Болдырева

### Научно-методологический семинар «Творческая индивидуальность в динамике историко-литературного процесса: классики и модернисты» (аналитический обзор)

Статья посвящена научно-методологическому семинару «Творческая индивидуальность в динамике историко-литературного процесса: классики и модернисты», который прошел на кафедре русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского в ноябре 2015 года. В статье рассматриваются основные проблемы, ставшие предметом научной дискуссии, а также некоторые положения докладов преподавателей ЯГПУ – участников семинара.

**Ключевые слова:** семинар, творческая индивидуальность, классика, модернизм, историко-литературный процесс.

## ACCOUNTS AND REVIEWS

Е. М. Boldyreva

### Scientific methodological seminar “Creative personality in the dynamics of historical-literary process: classics and modernists” (analytical review)

The article is devoted to the scientific methodological seminar “Creative personality in the dynamics of historical-literary process: classics and modernists” which took place at the department of Russian literature, Yaroslavl State Pedagogical University (YSPU) in November 2015. The article describes the main problems which were the subject for scientific discussion, as well as some ideas from the reports of the seminar participants.

**Key words:** seminar, Creative personality, classics, modernism, historical-literary process.

23 ноября 2015 года на кафедре русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского состоялся научно-методологический семинар «**Творческая индивидуальность в динамике историко-литературного процесса: классики и модернисты**». Тема семинара – одно из важнейших научно-исследовательских направлений работы кафедры русской литературы, осуществляемое уже более 10 лет. Ее актуальность заключалась в том, что студенты-филологи, получая в вузе знания и навыки анализа и интерпретации художественных текстов и явлений литературного процесса в мировом и российском масштабе, большей частью оказываются совершенно не готовы к работе с текстами и процессами, не получившими серьезной научно-критической оценки, оказываю-

щимися явлениями текущего литературного творчества и самого разного художественного достоинства. Все это обусловило необходимость самого активного участия преподавателей кафедры русской литературы в разрешении названных проблем. *Предмет исследования* в рамках данной темы определяется необходимостью систематического изучения специфических особенностей отечественной словесности, историко-литературного процесса за 1000 лет существования нашей литературной традиции, своеобразия творческих индивидуальностей писателей как прошлых эпох, так и живой современности, их вклада в общероссийскую и мировую сокровищницу художественной словесности. *Цель разработки темы* – повышение общего уровня препода-

давания литературы в вузе и школе и практической ориентированности вузовского преподавания в свете компетентного подхода за счет внедрения в учебный процесс новейших образовательных технологий.

В 2014 г. работа над научно-исследовательской темой «Творческая индивидуальность в динамике историко-литературного процесса» велась в аспекте «ярославского литературного текста». Общее направление исследование творческой индивидуальности писателя в динамике историко-литературного процесса предполагало изучение специфических особенностей ярославской (и – шире – верхневолжской, севернорусской) словесности, историко-литературного процесса в регионе в XVIII–XX вв., своеобразия творческих индивидуальностей писателей края как прошлых эпох, так и живой современности, их вклада в общероссийскую и мировую литературу. Составляющими ярославского литературного текста стали писатели, связавшие всю свою литературную деятельность с ярославским краем, вынесшие из родного края специфически «ярославский» взгляд на вещи или значимым образом соприкоснувшиеся с впечатлениями о нашем крае и оставившие об этой встрече художественный, мемуарный или иной след. Преподавателями кафедры были исследованы различные принципы репрезентации ярославского текста в творчестве данных писателей и степень «вклада» каждого из них в ярославское литературное пространство. Эта работа осуществлялась в рамках подготовки словарных статей для Литературного энциклопедического словаря Ярославского края и организации международной научной конференции «Ярославский текст в пространстве диалога культур». В 2015 г. работа в парадигме данной научной темы получила новое направление: *классики и модернисты*. В ходе семинара обсуждались следующие вопросы:

- Своеобразие творческой индивидуальности писателя в классической и модернистской литературе.
- Соотношение классических и модернистских принципов в произведениях отечественной литературы.
- Трансформация классических традиций в модернистском дискурсе.
- Между классикой и модернизмом: пограничные литературные явления сложной эстетической природы.

Осмыслению творческой индивидуальности писателя в современном литературном процессе

был посвящен доклад доктора педагогических наук, профессора, заведующего кафедрой журналистики и издательского дела **Евгения Ермолина** «*Проза духовного опыта как актуальный творческий эксперимент: трилогия Юрия Малецкого*». Профессор Е. Ермолин показал, как бесконечно рефлексивный, интеллигентски раздвоенный, по видимости метущийся и колеблющийся современный русский прозаик Юрий Малецкий на редкость последовательно и целеустремленно выращивает вечное из бытового и повседневногo. Юрий Малецкий, по мнению профессора Е. Ермолина, апеллирует к ортодоксальным смыслам и обновляет настоящий, строгий и темный огонь веры, сопряженной с грехом, избыточной остро пережитый грех. В его постепенно сложившейся лирико-драматической трилогии «Любью», «Физиология духа» и «Конец иглы» мы имеем концентрат неповседневного опыта, оригинальное свидетельство о современном человеке, реализацию смысложизненной коллизии – в традиции Достоевского и Толстого. В прозе Малецкого представлены опыты о современном человеке с его верой и его безверием, на границе бытия и смерти, в напряженном диалоге с Богом и с другим человеком, с нерешенной проблемой одиночества, с надрывно-упорным поиском любви как неизбежно-мучительного средоточия существования – и с опытом неудачи как центральным опытом человеческой жизни в этом падшем мире.

*Модернистским принципам автобиографической прозы И. А. Бунина* был посвящен доклад доктора филологических наук, доцента кафедры русской литературы **Елена Болдыревой**, рассмотревшей автобиографическое творчество И. Бунина в контексте модернистских автобиографий первой половины XX в. По мнению Е. Болдыревой, осознание условности и искусственности многих автобиографических формул как общая тенденция модернистской автобиографии воплощается в автобиографическом дискурсе И. Бунина не в форме радикальной трансформации автобиографического инварианта, а порождает определенный комплекс авторефлексивных фрагментов, суть которых – не ироническая деконструкция литературных моделей, не демонстрация фиктивности, «литературности» произведения, а глубинно-органическое ощущение фальши и невозможности описания своей жизни с использованием того или иного литературного алгоритма, осознание невозможности адекватного воплощения в языке непонятной и

необъяснимой сущности мира, осознание условности любой историософской и биографической логики и утверждение избирательности памяти. В докладе было продемонстрировано, что основополагающим свойством модернистской автобиографической поэтики и бунинского автобиографического метатекста является невозможность воспроизведения реальности своего прошлого в виде связного автобиографического нарратива, поэтому автобиографическое письмо Бунина не развивает синтагматическую линию жизни героя, а организовано в соответствии с другими законами, близкими орнаментальному тексту, когда парадигматизация, вневременная и внепричинная связь событий и явлений образуют «мемориальный орнамент», а сам текст воспринимается как нелинейная структура, построенная на развитии и сплетении множества музыкальных тем, лейтмотивов и эквивалентностей, «мемориальная симфония», интегральным, смысло- и структуропорождающим мотивом которой является память как сложная и семантически поливалентная категория, порождающая другие концепты, актуализирующие ее важные составляющие, каждый из которых в свою очередь становится источником множества лейтмотивных линий. Различные модификации автобиографической орнаментальности были показаны на примере автобиографических произведений М. Осоргина («ризомы»), В. Набокова («узлы судьбы»), А. Ремизова («узлы и закруты памяти»), А. Белого («рой» и «строй»). Важной проблемой доклада стал вопрос о соотношении автобиографического метатекста И. Бунина с общемодернистским автобиографическим контекстом: не только типологическое сходство (закон *memini ergo sum*, моделирование реальности, осознание условности традиционных формул и моделей автобиографического письма, пространственно-временные смещения, дискретность и фрагментарность воспоминания, децентрация и нониерархичность, «фетишизм мелочей», трансформация «фигур памяти» в «фигуры речи»), но и абсолютная уникальность его автобиографического дискурса: не-эксплицированность, невыявленность законов дискурса и ненавязывание их как стратегии рецепции и интерпретации, естественность и серьезность в противовес изощренности и виртуозной игры многообразными «оптическими эффектами памяти», ясность и «посюсторонность», цельность и «чувство меры», сотворение собственной реальности исходя из имманентных законов своего Я, креа-

ционная стратегия дифференциации как интеграции, воссоздания бесконечно многообразной «материи мира» в ее органической цельности, претворенной в единый универсум «элизия памяти».

Вопрос о художественном методе М. М. Пришвина был затронут в докладе доктора филологических наук, профессора кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин **Николая Иванова** «*В процессе творчества зло переходит в добро (дидактический утопизм М. Пришвина)*». Профессор Н. Иванов размышлял о том, что Пришвин корректировал усвоенный еще в Петербургском Религиозно-философском обществе демотеизм (обожествление народа) и мог бы согласиться с объективным смыслом письма С. Булгакова А. Белому о том, что сокровенные тайны народной души – в ее натуралистической и демонической стихии. Пришвин еще в начале 20-х гг. поставил вопросы, к разрешению которых подошел много позднее – в повести «Корабельная чаша», романе «Осударева дорога», других сочинениях. В повести «Мирская чаша», в рассказах «Голубое знамя», «Базар», в очерках и дневниках Пришвин средствами искусства развенчал и грядущий «мужицкий рай», в котором «все равны и все нищие», и новую власть. Это она освободила зверя, проповедуя насилие, разрушая сословия, церковь и, главное – вмешиваясь в природу человека и Мира. По мнению профессора Н. Иванова, не без уроков В. Розанова сложились убеждения Пришвина: личность создают стихии мужского и женского; власть женщины – в ее тайне, и вдруг – обозначается направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса. В докладе показано, как подтекст, символика, сюжетные аналогии повести «Мирская чаша» убеждают в том, что народу не интересны самопожертвование интеллигенции, «история страдания сознательной личности», как и жертвенный подвиг Христа. Пришвин усилил опосредованные параллели между эпохой 1930-х гг. и эпохой Петра; снял открытую негативную оценку государя, посвоему повернул лагерную тему. Беломорканал пролегал там, где Петр прошел с кораблями, а Пришвин в этом «краю непуганых птиц» на Анзорской Голгофе размышлял о «примитивной, стихийной душе, какую она выходит из рук Бога» за десять лет до «Мирской чаши». В финале последней он возвел истину от людей в храм природы (глава «Кружева мороза»), обозначив

вектор движения: Адам – зверь безумный – «вечные биологические и культурные устои», а место Петра в начале пути. Интересны размышления профессора Н. Иванова о том, как в «Осударевой дороге» и в «дидактической утопии» «Корабельная чаша» нравственные искания – «борьба со злом на пути добра» – обоснованы глубинными убеждениями Пришвина: разрушительным силам противопоставить «ценности, которые стоят вне фашизма и коммунизма», с их высоты даже во зле виден «проток» к добру – «непрерывно же в процессе творчества зло переходит в добро», иными словами, это «творческое поведение», сотворчество писателя, читателя, человека и природы в едином процессе жизни. Таков, по мнению профессора Н. Иванова, итог художника и человека: в молодости рожденная идея пересоздания сущего, близкая искусству Серебряного века, обрела для Пришвина высшую философско-эстетическую значимость, воплотилась в просветленно-нравственной, прозорливо-мировоззренческой концепции бытия.

В докладе «Неклассический» мир Саши Соколова: вариативность интерпретации романного текста» кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы **Михаил Егоров** обосновал оригинальную концепцию мира и человека в творчестве С. Соколова. Мир в восприятии С. Соколова есть данность во всем многообразии его предметных, семиотических, идеологических, акциональных, ценностных проявлений. Поэтому для сознания, существующего в бытии этого мира, мир может быть увиден и понят как совокупность впечатлений, реакций личности и предметов ее мысли – вне своего временного развития, вне значимости хронологической последовательности событий, как мир не для действия в нем, но как повод для ищущей философской мысли. Человек С. Соколова, напротив, есть постоянно движущаяся самодостаточность душевного бытия, поводом для которого выступает жизнь, но которая не составляет содержания переживаний, вопросов, стремлений, ценностных установок и поступков. Внутреннее движение энергий сознания человека случайно, всегда актуально и порождается текущим импульсом, а не долговременными целями, темами, предметами мысли и чувства. Выразить эту субъективную разделенность мира на переживания и впечатления, эту спонтанность самоощущения и самоопределения человеческого сознания, по мнению доцента М. Егорова, и призваны

«странные» приемы продуцирования текста в романе С. Соколова «Школа для дураков».

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков **Андрей Валитов** в докладе «Ф. И. Тютчев и русские символисты» убедительно продемонстрировал тотальность художественного пространства лирики Тютчева, которое отличается значительной неоднородностью в своих конкретных проявлениях. В докладе прозвучало, что нельзя с опорой на поэтику реконструировать целостное мировоззрение поэта в смысловых границах от античной героики («Цицерон», 1830 г.) и православного христианства («О вещая душа моя...», 1855 г.) до онтологического нигилизма («От жизни той, что бушевала здесь...», 1871 г.). Тютчевская поэзия предельно собирает в себе онтологические ракурсы метатекста новоевропейской культуры, а тютчевский человек в ней выведен за пределы любого устойчивого пространства, обречен на неприкаянность и метафизическую муку. Фундаментальная ситуация лирического героя поэта – человек перед ускользящим лицом пространства, бездной. Облик мира здесь не дан, а мерцает в непостижимой глубине. В художественном мире Тютчева это обнаруживается в том, что цвет (преимущественно золотой, лазурный, зеленый, дымный...) реализуется как свет, а свет – как проблеск, молния, вспышка во мраке непостижимого. Человек, стоящий перед «сфинксом природы» и упирающийся в непостижимую тайну, гибнет, искушаясь постижением непостижимого. Оно развернуто к человеку именно в качестве губительного искушения. Можно даже, по мнению доцента А. Валитова, говорить о неразрешившемся кризисе поэтики пространства, заложенном в художественном мироощущении поэта. И здесь основную нагрузку тютчевских смыслов принимает на себя литература Серебряного века. В пространстве культуры тютчевский мир с его «проблесками» и «безднами» оказался близок к поэтическому космосу русского символизма с его внутренней напряженностью и беспокойством, подчинением разума и воли чувству и настроениям. В докладе было рассмотрено, как практически все русские символисты, как «старшие», так и «младосимволисты», испытали влияние Тютчева на свое творчество, и многие из них считали влияние Тютчева едва ли не определяющим на всю онтологическую составляющую эстетики направления и называли его первым русским символистом. В пространстве истории

культуры тютчевский мир с его «проблесками» и безднами» оказывается ближе к мировосприятию эпохи модерна, чем равновесное поэтическое мировидение его собственного времени.

Кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных литератур и языков **Мария Марчук** в докладе «*Модернистские принципы в творчестве западноевропейских писателей рубежа XIX–XX вв.*» рассмотрела дискуссионный вопрос о стилистической принадлежности западноевропейской литературы рубежа XIX–XX вв., хронологически расположенной между реализмом и модернизмом. По мнению доцента М. Марчук, можно утверждать, что постепенное формирование принципов модернистской поэтики начинается уже в литературе рубежа XIX–XX вв., поскольку в поэзии заявленного периода присутствуют такие черты, как стремление трансформировать реальность, восприятие реальности как хаоса и бессмыслицы, ощущение краха устоев и традиций, влекущее за собой стремление к обновлению художественных средств, развитие и переосмысление многих принципов романтической поэтики, присутствие модернистского героя, отчужденного от бесчеловечного социума. Опираясь на общеизвестные принципы модернистской литературы и картины мира, доцент М. Марчук рассмотрела поэзию Поля Верлена в контексте поэтики импрессионизма, творчество предтечи европейского символизма Шарля Бодлера, первым провозгласившего поиск нового как цель творчества, проанализировала специфику трансформации реальности в поэзии Артюра Рембо, разрушающего привычные формы мира и творящего свою собственную действительность, и, наконец, представила творчество Стефана Малларме, бесспорно, стоящего у истоков символистской традиции в европейской поэзии.

Доклад кандидата филологических наук, ассистента кафедры русской литературы **Анны Федотовой** «*Религиозные аллюзии в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз»* был посвящен актуальной проблеме анализа поэтики поздней прозы Н. С. Лескова. Последнее художественное произведение писателя – повесть «Заячий ремиз» – была рассмотрена как сложное художественное единство, своеобразие которого во многом определяется авторской установкой на интерпретацию религиозных текстов. В докладе было показано, что функционирование сакрального дискурса в «Заячьем ремизе» связано с его ролью в формировании эквивалентной структуры текста.

Одним из наиболее значимых факторов, по которым сравнивает героев Лескова, является цитирование ими религиозной литературы. Писатель противопоставляет героиню повести, которой свойственно почтительное и благоговейное отношение к Евангелию, образу архиерея, который, занимая высокое место в церковной иерархии и следуя «букве» православия, оказывается совершенно чуждым не только духовного, но и нравственного содержания этой религии. Подобный парадоксальный контраст характерен для позднего творчества Лескова. Повесть «Заячий ремиз» была написана в период «охлаждения» писателя к сакральной практике православной церкви, с одной стороны, и тесного его знакомства с протестантской культурой и учением Л. Толстого, с другой, что не могло не отразиться на своеобразии актуализации в произведении религиозных текстов.

Таким образом, научная продуктивность семинара, организованного кафедрой русской литературы, несомненна. С одной стороны, он позволил инициировать диалог представителей различных кафедр и факультетов Ярославского государственного педагогического университета (кафедры русской литературы и иностранных литератур и языков факультета русской филологии и культуры, кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин педагогического факультета, кафедры теории и методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков), с другой стороны, семинар вызвал живой интерес у студентов различных специальностей факультета русской филологии и культуры. Студенты оказались не просто пассивной аудиторией, слушавшей доклады ведущих преподавателей университета, они задавали своим педагогам множество вопросов, касающихся как непосредственно сферы научных интересов докладчиков, так и самых широких методологических проблем, которые связаны с художественным методом писателей, принципами дифференциации классических и неклассических текстов, а также основными тенденциями современного литературного процесса.

*Дата поступления статьи в редакцию: 10.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*

Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина, А. П. Старшова

**Хроники «Творческой личности»:  
к 25-летию кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского**

В статье обоснованы факторы, обусловившие актуальность для российского гуманитарного дискурса предлагаемой кафедрой культурологии ЯГПУ в течение последнего десятилетия проблемы творческой личности. Зафиксирована динамика развития данного проблемного поля, осуществляемого научным сообществом, которое в течение 2012–2014 гг. собиралось на прошедших конференциях и в 2015 г. предполагает собраться на конференции предстоящей, что особенно значимо в нынешнем году: кафедре культурологии ЯГПУ, одной из старейших в России, исполняется 25 лет.

**Ключевые слова:** «Творческая личность», научная конференция, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра культурологии, хроника, юбилей.

T. S. Zlotnikova, N. N. Letina, A. P. Starshova

**Chronicles of “Creative personality”: 25<sup>th</sup> anniversary of the Department of Cultural Studies,  
K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl**

The article substantiates the factors that explain the relevance of the topic “creative personality” for Russian humanitarian discourse. The Department of Cultural Studies has been working on this theme for the last decade and this problem field has been developing dynamically. The scientific community organized conferences in 2012–2014 and in 2015 is planning to have the conference devoted to the 25th anniversary of the Department, one of the oldest departments of Cultural Studies in Russia.

**Key words:** “Creative personality”, scientific conference, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl; the Department of Cultural Studies, chronicles, anniversary.

Предлагаемая в течение последнего десятилетия к обсуждению проблема творческой личности отвечает интересам многих отечественных исследователей, работающих в различных областях науки: в культурологии, философии, социологии, искусствоведении, филологии, истории, психологии. Эта же проблема, являясь, по сути, комплексом нескольких проблемных полей и требуя междисциплинарного подхода к себе, отражает круг интересов вполне определенного научного сообщества, которое в течение 2012–2014 гг. собиралось на прошедших конференциях и в 2015 г. предполагает собраться на предстоящей. Это сообщество объединено не только интеллектуальными, но и личностными связями, что особенно значимо в нынешнем году: кафедре культурологии ЯГПУ, одной из старейших в России, исполняется 25 лет. Предстоящая конференция будет еще и юбилейной – отчетной и торжественной для кафедры, университета и их друзей.

Организаторы полагают верным и необходимым возвращаться к поставленной проблеме *творческой личности* ежегодно, меняя ракурсы и откликаясь на новые жизненные ситуации. Отсюда следует опыт *ежегодного обновления хронологических рамок и того конкретного поворота мысли, который обозначен юбилейным в названии статьи.*

В 2012 году конференция имела своим ракурсом *русскую культуру в глобализационном дискурсе*, поэтому доклады охватили глобализационную и модернизационную проблематику, коснулись репрезентации русской культуры в глобальном культурном поле, рисков и открытий, социально-экономических и эстетических аспектов бытия.

Российская научная конференция *«Творческая личность – 2012: русская культура в глобализационном дискурсе»*, состоявшаяся 21–22 декабря 2012 г. на базе научно-образовательного центра «Культуроцентричность научно-



образовательной деятельности» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», стала достойным подтверждением традиции проведения масштабных научных мероприятий представителями ярославской культурологической научной школы.

В работу конференции были интегрированы идеи, теории, исследовательские результаты, полученные в течение ряда лет при проведении организаторами исследований в рамках проектов, поддержанных ФЦП, РГНФ: «Методологическое обеспечение исследования ментальных моделей русской культуры», «Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв.», «Личность в культуре: разработка междисциплинарных модулей исследовательской и образовательной деятельности».

*Основная цель конференции* – изучение творческой личности во всем многообразии возможных проблемных ракурсов: это и творческая личность в ретроспективе трансформаций в поле глобализационного дискурса, все более отчетливо проявляющегося в русской культуре в целом и в провинции – в частности. Рассматриваемая проблема имеет актуальное значение, подтверждающееся культурными практиками, научными изысканиями в сфере разных дисциплин, от философии и эстетики до психологии и социологии, от искусствоведческого цикла до историко-типологических обобщений.

В основу обсуждения конференции были положены следующие концепты: творческая личность, русская культура, глобализационный дискурс, провинция.

По традиции, сформированной ярославской научной школой, время проведения научной конференции было соотнесено со временем работы диссертационного совета Д 212.307.04: проводилась защита кандидатской диссертации, были приглашены ведущие российские ученые, которые также приняли участие в заседании рабочей группы и представителей партнеров по подготовке Международного форума «Культура в глобализирующемся мире: вызовы и перспективы». Продуктивность проведения конференции подчеркивает и тот факт, что непосредственное научное общение участников состоялось в рамках одного дня в режиме non-stop. Каждый доклад вызывал вопросы, увлеченное обсуждение велось в режиме панельной дискуссии, что, несомненно, подчеркивает верный ракурс по-

ставленной научной проблемы, интерес современных ученых к творческой личности.

В качестве основных позиций теоретического блока исследований, представленных на конференции, можно выделить проблемы:

- российской идентичности (профессор В. Малыгина);
- творческой идентичности через соотношение творческой и нетворческой личности (профессор К. Э. Разлогов);
- феномена творчества в контексте *memori studies* (А. Г. Васильев), в контексте отношений с властью (профессор Т. С. Злотникова), в контексте социокультурных реалий (профессор М. М. Шибаева);
- личности в глобализирующемся социокультурном пространстве (профессор О. Н. Астафьева);
- искусства как творчества культуры (профессор Н. А. Хренов).

Основные концепты конференции были актуализированы и в докладах Е. А. Воронцовой о новой визуальности начала XX в.; Д. Ю. Густяковой о репрезентации русской оперной классики; Т. А. Дьяковой об особенностях лэнд-арта; Г. А. Камочкина об организации торгового пространства; О. А. Кирилловой о личности в культуре декаданса; А. П. Старшовой о персоналогическом подходе в формировании бренда Ярославля; И. Н. Фельдт о последствиях изменения имиджа города для творческой личности; Е. В. Яновской в анализе экспозиций музея-заповедника Н. А. Некрасова.

Неоднократно в рамках конференции обсуждался вопрос о проблемах в сфере гуманитарного образования (И. В. Азеева, А. В. Агошков). Участники научной конференции дали высокую оценку работы ее организаторов. В качестве модераторов выступили доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии, директор Научно-образовательного центра ЯГПУ, заслуженный деятель науки РФ, член Научной коллегии НОКО Т. С. Злотникова; доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии ЯГПУ Т. И. Ерохина; кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ Д. Ю. Густякова; кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ А. П. Старшова.

В конференции принимали участие доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии, директор Научно-образовательного центра ЯГПУ, заслуженный деятель науки РФ, член Научной коллегии НОКО Т. С. Злотникова; док-

тор искусствоведения, профессор, директор Российского института культурологии, первый вице-президент НОКО, заслуженный деятель искусств РФ К. Э. Разлогов; доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации О. Н. Астафьева; доктор философских наук, профессор, директор Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусства И. В. Малыгина; доктор философских наук, профессор, заместитель директора Российского института искусствознания Н. А. Хренов; доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологи ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Т. И. Ерохина; доктор философских наук, профессор кафедры исторической культурологии Государственного академического университета гуманитарных наук М. М. Шибаева; доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Воронежского государственного университета Т. А. Дьякова; кандидат философских наук, главный редактор журнала «Вопросы культурологии» А. В. Агошков; кандидат культурологии, доцент, проректор Ярославского государственного театрального института И. В. Азеева; кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Российского института культурологии А. Г. Васильев; кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Н. А. Дидковская; кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена О. А. Кириллова; кандидат исторических наук, доцент Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова И. Н. Фельдт; кандидат культурологии, заместитель директора по научной и экспозиционной работе Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха» Е. В. Яновская; кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Д. Ю. Густякова; кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского А. П. Старшова; аспирантка Воронежского государственного уни-

верситета Е. А. Воронцова; аспирант кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Г. А. Камочкин [1].

В 2013 году на базе ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» с участием Научно-образовательного центра «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности» при поддержке *Фонда Анатолия Лисицына* 20–21 декабря 2013 г. прошла **Российская научная конференция «Творческая личность-2013: между миром и войной, или Бытие на гранях»**. Предметом обсуждения было *бытие творческой личности на грани* разных социальных статусов, на рубеже покоя и взрыва, между понятным прошлым и катастрофичным, давно ожидавшимся будущим, которое должно позволить актуализировать современные настроения и мироощущения творческой личности.

Программа конференции включала в себя разнообразные виды и форматы деятельности.

20 декабря конференция открылась культурной программой, первая часть которой стала результатом взаимодействия ЯГПУ и Ярославского художественного музея: *Анатомия шедевра*. Проект «Дом в разрезе» – победитель X-го грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина (куратор М. И. Польшваня); вторая – осуществлена при содействии Ярославского государственного театрального института: М. МакДонах. *Сиротливый Запад* (дипломный спектакль мастерской народного артиста РФ, профессора А. С. Кузина).

Приведем хронику рабочей программы конференции:

21 декабря 2013 г.

Которосльская набережная, 66. V учебное здание ЯГПУ. Ауд. 319 (оргкомитет – ауд.306).

10–00. Открытие – приветствие директора Института филологии и культуры ЯГПУ, профессора Воронина Н. П.

10–10. Творческая личность, грани... Памяти Григория Юрьевича Стернина (приношение от кафедры культурологии ЯГПУ).

10–30.

Рабочая программа конференции, часть 1: установочные доклады.

Агошков А. В., кандидат философских наук, главный редактор журнала «Вопросы культурологии». О возможности единства российской нации: социально-философские и конституционно-правовые аспекты.

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и культура», зам. руководителя кафедры ЮНЕСКО, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федераций Федерального собрания РФ. Репрезентации многокультурности в региональных стратегиях культурной политики.

Васильев А. Г., кандидат исторических наук, доцент, зам. директора УНИ (Учебно-научный институт) «Русская антропологическая школа» (РГГУ). Стефан Чарновский между древней Ирландией и новой Польшей: судьба интеллектуала на переломе эпох.

Ерохина Т. И., доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии ЯГПУ. Человек и текст: грани бытия русского символизма (1913).

Злотникова Т. С., доктор искусствоведения, профессор, директор Научно-образовательного центра ЯГПУ. Творческая личность как бинарная оппозиция: на грани профессиональной катастрофы.

Киященко Л. П., доктор философских наук, зам. нач. управления общественных наук РГНФ; Киященко Н. И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Парадигмальность установки сознания в ситуации пограничности.

Летина Н. Н., доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ. Брак как творческий проект: император, художник, поэт.

Малыгина И. В., зав. кафедрой теории культуры, этики и эстетики МГУКИ. Россия на рубежах истории и границах цивилизаций.

Новиков М. В., доктор исторических наук, профессор, первый проректор ЯГПУ. Образ Первой мировой войны в европейских странах и России.

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова. Творческая личность как образ врага.

Хренов Н. А., доктор философских наук, профессор, зам. директора Государственного института искусствознания. Война в истории реализации проекта модерна: наблюдения над некоторыми произведениями литературы и кино.

Шапинская Е. Н., доктор философских наук, профессор, зав. отделом образования в сфере культуры Института наследия. Творческая личность в посткультуре: границы интерпретации (пять Дон Жуанов Саймона Кинлисайда).

15–00. Рабочая программа конференции, часть 2: панельная дискуссия «Бытие на гранях (социокультурный, художественно-эстетический, философско-этический аспекты)».

Участники и темы:

Азеева И. В., кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и творческой работе; профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрально института – ЯГТИ. Феномен руководителя актерской мастерской в современной театральной школе: между традицией и реформой.

Александрова М. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ. Проблема личного и общественного пространства в сознании ярославского обывателя в послереволюционный период.

Антонец В. А., аспирантка ЯГПУ. «Пограницья» Андрея Тарковского.

Белова И. С., кандидат философских наук, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрально института – ЯГТИ. Возможности личности в «прозрачном обществе»: взгляд очевидца (Джанни Ваттимо).

Быков К. А., аспирант ЯГПУ. Революционная Россия 1917–1918 гг. глазами иностранцев: модели восприятия.

Гаврилова Л. А., аспирантка ЯГПУ. Образное понимание преступления в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского.

Горохова О. В., кандидат культурологии, методист ГОУ ДПО ЯО «Учебно-методический и информационный центр работников культуры и искусства Ярославской области». Грани личного и безличного в анимационном творчестве.

Густякова Д. Ю., кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии ЯГПУ. Анахронизм как принцип репрезентации текста классического произведения в массовой культуре.

Дидковская Н. А., кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ. Российский провинциальный город как сфера реализации коллективных и личностных культуротворческих стратегий в исторической динамике.

Добрецова С. А., аспирантка ЯГПУ. Многогранность творческой и педагогической деятельности ярославского художника Михаила Соколова.

Еремин А. В., кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научных исследований ЯГПУ. Персональный опыт бытия на гранях: церковное и государственное в постсоветской России.

Ермолин Е. А., доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики ЯГПУ. Слом эпох в «автоархеологии» Владимира Мартынова.

Забелина Е. В., кандидат искусствоведения, научный сотрудник музея Истории московской архитектурной школы, Московский архитектурный институт (государственная академия). Культурная среда Вены накануне Первой мировой войны.

Камочкин Г. А., аспирант ЯГПУ. Архитектурное пространство торговых центров Ярославля: бытие на гранях стандарта и творческой индивидуальности.

Кузин А. С., народный артист РФ, кандидат педагогических наук, профессор ЯГТИ. Обыватель становится актером: случай и закономерность в театральной школе.

Летин В. А., кандидат культурологии, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрального института. Репрезентация «хозяина» в мемориальном пространстве усадьбы-музея: научно-исследовательский аспект.

Лученецкая-Бурдина И. Ю., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы ЯГПУ. Лев Николаевич Толстой: бытие на гранях войны и мира.

Мазиллов В. А., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Творческая личность, культура, война: пейзаж после начала битвы (1915).

Малеина Е. А., аспирантка ЯГПУ. Роли журналиста и читателя СМИ в социальных сетях.

Малясова Г. В., научный сотрудник музея Истории московской архитектурной школы, Московский архитектурный институт (государственная академия). Противостояние старого и нового: Костромские государственные свободные художественные мастерские. 1920–1921.

Петрова М. В., кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики ЯГПУ. Образ уходящей России в современных медиа.

Пивоварова Ю. И., аспирантка Воронежского государственного университета. Литературный салон XIX в. в современной музейной практике как пространство для творчества (на материале провинциальной усадьбы).

Позднякова О. В., преподаватель кафедры гуманитарных наук и искусств Воронежского государственного университета. Оформительское

решение современной детской книги как стимул творчества.

Родин В. О., кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрального института. Актуальное искусство в поисках смысла.

Сиротина Т. А., аспирантка ЯГПУ. Исторический центр Ярославля: жизнь в «объекте всемирного наследия ЮНЕСКО».

Старшова А. П., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ. Хронотоп вечных ценностей.

Степанов В. Н., доктор филологических наук, профессор, проректор МУБИНТ. Сила как базовая категория макро- и микросоциума человека в концепции В. фон Гумбольдта.

Тарумова Н. Т., ведущий программист Научно-исследовательского вычислительного центра – НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова. Семейная среда и формирование творческой личности (На примере отношений отца и сына Бугаевых).

Чарный М. И., учитель школы № 18 (г. Ярославль). Русский человек: бытие на гранях.

Шапошников В. А., аспирант ЯГПУ. На грани реальности: бытие художника в блоге.

Юшкова Е. В., кандидат искусствоведения, зав. кафедрой дизайна НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия», филиал в г. Вологде. Осмысление творчества Айседоры Дункан в XX–XXI вв.

Якушева Л. А., кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета. Чеховский диагноз: культурные «заморозки» рубежных эпох.

Прошедшая 18–20 декабря 2014 г. Российская научная конференция «**Творческая личность – 2014: поступок и образ**» закрепила уверенность ее участников в том, что проблема творческой личности имеет непреходящее значение, актуализируемое реальными культурными практиками, научными изысканиями в сфере разных дисциплин – от философии и эстетики до психологии и социологии, от искусствоведческого цикла до историко-типологических обобщений. Вернувшись к проблеме творческой личности в третий раз, организаторы поменяли ракурс, не изменив принципиальной научной позиции междисциплинарности.

В 2014 году в центр обсуждения были вынесены поступок и образ, столь тесно связанные между собой и столь по-разному открывающие

творческую личность, что подчас поступок противоречит сложившемуся образу, а образ воплощается в парадоксальных поступках.

Участники конференции приехали из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Вологды, Рыбинска, других российских городов, активно работали ярославские ученые, а также аспиранты и студенты. На пленарном заседании, секциях и «круглом столе» было сделано 39 докладов, задано более 100 вопросов.

В 2014 г. в работе конференции приняли участие московские ученые: доктор философских наук, профессор О. Н. Астафьева, доктор философских наук, профессор И. В. Малыгина, доктор искусствоведения, профессор К. Э. Разлогов, доктор философских наук, профессор Н. А. Хренов, доктор философских наук, профессор Е. Н. Шапинская, – выступившие с докладами на пленарном заседании. Модераторами конференции и пленарными докладчиками были ярославские организаторы: доктор искусствоведения, профессор Т. С. Злотникова, доктор культурологии, профессор Т. И. Ерохина, доктор исторических наук, профессор М. В. Новиков.

Работа секций сосредоточилась вокруг двух аспектов центральной проблемы конференции. Секция 1. «Тенденция и случайность в истории культуры», где образы заменяют или дополняют представления о личности, вступают в конфликт с «продуктом» и дополняют представление о нем. В работе секции, организованной по двум фреймам – персоналистскому и феноменологическому, были затронуты как образы известных творцов (М. Лермонтова, А. Белого, Ю. Мильтиниса), так и личностей «второго плана», формирующих культурное пространство провинции.

Секция 2. «Тенденция и случайность в современной культуре» была посвящена обилию и повторяемости поступков известных творческих личностей, снискавших «любовь пространства» своими текстами. Два фрейма – персоналистский и массовый – охватили широкий круг проблем и образов: от осмысления наследия Шекспира до творчества Н. Михалкова, от современного прочтения оперной классики до облика исторического провинциального города.

«Круглый стол», собравший участников конференции 20 декабря, попыток дискусионные ракурсы центральной проблемы: «Творческая личность – поступок или образ?». Участники обсуждения рассмотрели тему конференции «Творческая личность – 2015: архетип и имидж».

Органичным завершением работы конференции стала традиционная встреча в Ярославском художественном музее. Во время конференции была проведена презентация публикаций, сделанных по грантам Российского государственного научного фонда (РГНФ) и Российского научного фонда (РНФ) в 2014 г. Научная школа ЯГПУ им. К. Д. Ушинского представила более 20 статей, опубликованных в «Ярославском педагогическом вестнике» и в иногородних журналах – московском «Вопросы культурологии», казанском «Филология и культура», коллективную монографию «Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального». Поскольку презентацию проводили ведущие ученые – организаторы конференции, формальная, казалось бы, акция превратилась в оживленную дискуссию, в ходе которой приезжие участники конференции – аспиранты и студенты старших курсов – задавали множество вопросов и высказывали собственные суждения.

По итогам работы конференции подготовлены публикации. Значительная часть материалов иногородних участников вышла в «Ярославском педагогическом вестнике», 2015–1 и 2015–2, тексты ярославских авторов также опубликованы в «Вопросах культурологии» (оба издания входят в список изданий, рекомендованных ВАК РФ) [2].

В 2015 году предполагается обратиться к таким детерминантам и компонентам творческой личности, ее деятельности, публичной рефлексии и исторической памяти, как *архетип* – залог связи с вечным и причастности ко всеобщему – и *имидж* – свидетельство и обещание соответствия быстротечному, но необходимому и ожидаемому.

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Научно-образовательный центр «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности» при участии Научно-образовательного культурологического общества 17–20 декабря 2015 года проводят **Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Творческая личность-2015: архетип и имидж» (к 25-летию кафедры культурологии ЯГПУ).**

Наши предложения относительно обсуждения центральной проблемы предполагают внимание к следующим концептам и проблемам, разрабатываемым в настоящее время организаторами конференции: архетип в системе представлений о массовой культуре; имидж vs творческая личность в прошлом и настоящем; коды русской

массовой культуры; границы и грани творческого бытия, социальности, прагматики; дискурс как понятие, процесс и научная проблема.

В предыдущих конференциях «Творческая личность» и других мероприятиях, проводившихся в последние годы в ЯГПУ совместно с НОКО, принимали участие ведущие российские ученые: доктор философских наук, профессор О. Н. Астафьева; доктор философских наук, профессор Д. К. Богатырев; доктор философских наук, профессор Е. Я. Бурлина; доктор философских наук Л. П. Киященко; доктор философских наук, профессор И. В. Кондаков; доктор философских наук, профессор И. В. Малыгина; доктор искусствоведения, профессор Л. М. Мосолова; доктор искусствоведения, профессор К. Э. Разлогов; доктор культурологии А. Ю. Тихонова; доктор философских наук, профессор Н. А. Хренов; доктор философских наук, профессор Е. Н. Шапинская; главный редактор журнала «Вопросы культурологии» А. В. Агошков; заместитель директора Учебно-научного института «Русская антропологическая школа» РГГУ А. Г. Васильев. Модераторами являлись и остаются на этот раз: доктор искусствоведения, профессор Т. С. Злотникова; доктор культурологии, профессор Т. И. Ерохина; доктор исторических наук, профессор М. В. Новиков.

Сценарий 2015 года предполагает дополнить традиционную работу *секций*, которые будут сформированы в соответствии с названными выше концептами и проблемами, и развернутую *презентацию изданий*, подготовленных коллективом организаторов по проекту Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс» (монография, учебное пособие, цикл статей в «Ярославском педагогическом вестнике» и других российских изданиях) новым модулем – *профессорскими лекциями*, которые прочитают Д. К. Богатырев (доктор философских наук, ректор РХГА), Л. П. Киященко (доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института филосо-

фии РАН) и И. В. Кондаков (доктор философских наук, профессор РГГУ).

Мы все – члены пока еще плотного научно-образовательного сообщества – постараемся закрепить единство старших и младших этой редкой по нынешним временам формой коммуникации. Поэтому наряду с серией кратких докладов будет организовано нерегламентированное общение: лекция, вопросы, дискуссия; и так – в течение нескольких дней конференции.

По итогам проведения конференции предполагается включение наиболее интересных текстов докладов в сборник (РИНЦ) и рецензируемые журналы.

### Библиографический список

1. Старшова, А. П. Российская научная конференция «Творческая личность – 2012: русская культура в глобализационном дискурсе» [Текст] / А. П. Старшова // Ярославский педагогический вестник – 2013 – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 292–293.

2. Старшова, А. П. Об итогах конференции «Творческая личность – 2014: поступок и образ» [Текст] / А. П. Старшова // Ярославский педагогический вестник – 2015 – № 2 – Том I (Культурология). – С. 253–254.

### Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Starshova, A. P. Rossijskaja nauchnaja konferencija «Tvorcheskaja lichnost' – 2012: russkaja kul'tura v globalizacionnom diskurse» [Tekst] / A. P. Starshova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2013 – № 1 – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 292–293.

2. Starshova, A. P. Ob itogah konferencii «Tvorcheskaja lichnost' – 2014: postupok i obraz» [Tekst] / A. P. Starshova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2015 – № 2 – Tom I (Kul'turologija). – S. 253–254.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.11.2015

Дата принятия статьи к печати: 30.11.2015

Э. М. Рянская

**Учебно-дидактический текст в лингвопрагматическом аспекте.**

**Рецензия на монографию С. А. Герасимовой «Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект. Монография. М. : МГПУ, 2015. 224 с.»**

Рецензия посвящена монографии, в которой предлагается модель комплексного анализа учебно-дидактического текста *методическая записка* как дискурсивного жанра, функционирующего в сфере обучения иностранному языку.

**Ключевые слова:** методическая записка, дидактический текст, профессионально-педагогическая коммуникация.

Е. М. Ryanskaya

**Training didactic text in linguistic pragmatic aspect. Review of the monograph by S. A. Gerasimova  
“Training didactic text in pedagogical communication: linguistic pragmatic aspect.  
Monograph. M. : MSPU, 2015. 224 p.”**

The review is devoted to the monograph which offers the model for complex analyses of training didactic text ‘*methodological notes*’ as a discourse genre functioning in the sphere of teaching a foreign language.

**Key words:** methodological notes, didactic text, professional pedagogical communication.

Монография «Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект» С. А. Герасимовой посвящена проблеме разработки дискурсивного анализа методической записки как особого жанра учебно-дидактического дискурса. В контексте современных тенденций лингвистической науки вопросы изучения такой сложной области человеческой деятельности, как моделирование профессионально-педагогической коммуникации, в частности, ситуации дистантного общения, приобретают особую значимость. Актуальность монографии связана с необходимостью дальнейшего изучения и развития теории дискурса (в том числе его жанровой специфики), недостаточной изученностью проблемы понимания процесса воздействия дидактического текста учебных изданий на читателя, а также перспективностью моделирования дискурсивного анализа в целях изучения коммуникативно-прагматических категорий текста.

Комплексный анализ учебно-дидактического дискурса как социолингвистического феномена позволяет по-новому подойти к определению

коммуникативно-прагматического потенциала дидактического текста и к такому явлению как стандартизация учебных изданий разноязычного формата. Материал исследования вносит также определенный вклад в дальнейшее изучение разножанровых текстов в дискурсивной парадигме с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Важным является включение в теоретический анализ категории антропоцентричности и понятия «дискурсивная личность», поскольку человеческий фактор определяет специфику того или иного вида дискурса, стратегий и тактик формирования текста, позволяет отойти от формальных методов анализа языковых явлений.

В работе поставлен целый ряд других вопросов, связанных со спецификой жанра «методическая записка». Рассмотрены особенности учебно-дидактического дискурса, понятие текста в ситуации дистантного общения, параметры методической записки как дискурсивного жанра. В определении дискурса и понимании дискурсивного анализа автор опирается на глубокий и всесторонний анализ теоретических работ отече-

ственных и зарубежных авторов. Особое внимание уделено французской школе, что продиктовано особенностями исследуемого в работе языкового материала, представленного в значительной степени франкоязычными источниками.

Критически рассмотрев суть дискутируемой в современной лингвистике проблемы взаимодействия дискурса и текста, С. А. Герасимова приходит к выводу о дискурсообразующей роли текстов, продуцируемых в процессе коммуникации, тем самым вносит определенную ясность в понимание структуры и функции методической записки как жанра письменного дискурса. Основываясь на всестороннем анализе параметров данного вида текстов, автор формулирует искомые составляющие коммуникативного потенциала методической записки.

Моделирование информационной структуры учебного издания побудило С. А. Герасимову к анализу коммуникативно-прагматических категорий дидактического текста. Несомненной заслугой является аргументированное обоснование значимости контекстных признаков жанра «методическая записка», выражающихся в категориях диалогичности, адресованности и стратегичности. Согласно точке зрения С. А. Герасимовой, специфика письменной коммуникации, несмотря на отсутствие прямой интеракции, предполагает «ответность» благодаря востребованности информации и прагматической нацеленности вся-

кого текста на предвосхищение возможных реакций адресата. Доказательным также является положение, отстаиваемое автором, согласно которому для письменной опосредованной учебно-дидактической коммуникации характерны свои стратегии, среди которых в жанре методической записки доминируют метадикурсивная и эпистемическая.

Востребованность настоящей работы, на наш взгляд, будет определяться тем, что применение полученных в работе выводов о коммуникативном потенциале методической записки, включая разработку стратегий и тактик построения «текста о другом тексте», может послужить усилению дидактической функции учебной книги. Стоит отметить и практическое назначение приложений, содержащих список определений и персоналий. Потребность в такого рода систематизированной информации очевидна при изучении теоретических курсов лингвистического цикла. Этот вспомогательный материал может быть нацелен на реализацию поисково-творческой деятельности обучающихся.

Вышеизложенное позволяет говорить о научно-практической значимости данного монографического исследования.

*Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2015*

*Дата принятия статьи к печати: 12.11.2015*



## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Болдырева Елена Михайловна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: e71mih@mail.ru.

**Бутько Юлия Валерьевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: vorobei310@rambler.ru.

**Волкова Анна Владимировна** – аспирантка кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: neberem@mail.ru.

**Гусева Любовь Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: lagusevamk@mail.ru.

**Дубровина Светлана Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия». 213407, Республика Беларусь, Могилевская обл., г. Горки, ул. Дальняя, д. 11.

E-mail: rsn.09@mail.ru.

**Егоров Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: michael\_egorov@mail.ru.

**Ермолин Евгений Анатольевич** – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru.

**Злотникова Татьяна Семеновна** – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Заслуженный деятель науки РФ. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: cij\_yar@mail.ru.

**Иванов Николай Николаевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: Claus758@yandex.ru.

**Карабардина Полина Сергеевна** – аспирантка 2 курса кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ean534@ya.ru.

**Кара-Мурза Елена Станиславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики факультета журналистики ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: kara-murza-elena@yandex.ru.

**Кузнецов Владимир Владимирович** – аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: xiiinon@gmail.com.

**Кулаковский Михаил Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: kulmn@mail.ru.

**Летина Наталия Николаевна** – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: liotina@yandex.ru.

**Лукина Наталия Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: oloukine@mail.ru.

**Макеева Светлана Григорьевна** – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: vvmaketi@rambler.ru.

**Марчук Мария Ивановна** – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных литератур и языков ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: mimar77@yandex.ru.

**Осипова Анна Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института филологии и иностранных языков ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А.

E-mail: assya@yandex.ru.

**Почепцов Георгий Георгиевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета. 87500, Украина. г. Мариуполь, пр. Строителей, 129-А.

E-mail: gpocheptsov@gmail.com.

**Рянская Эльвира Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет». 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56.

E-mail: elohka2210@yandex.ru.

**Саакян Левон Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВПО «Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

E-mail: sahavev@mail.ru.

**Северская Ольга Игоревна** – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru.

**Сосой Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: osajar@mail.ru.

**Стариова Анна Петровна** – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: annstar@mail.ru.

**Суханова Ирина Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru.

**Титов Олег Анатольевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: olegtitov2009@yandex.ru.

**Тортунова Ирина Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет». 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

E-mail: tortunova@yandex.ru.

**Третьякова Татьяна Анатольевна** – кандидат исторических наук, директор филиала ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в г. Угличе. г. Углич, Ярославская область, ул. Северная д. 16 в.

E-mail: uglich@yararchive.ru.

**Ухова Лариса Владимировна** – доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: larissauchowa@mail.ru.

**Черницина Юлия Михайловна** – студентка 4 курса направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: yulya.chernitsina@mail.ru.

**Федотова Анна Александровна** – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: gry\_anna@mail.ru.

**Фокина Маргарита Андреевна** – преподаватель кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 603093, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Родионова 136.

E-mail: margo\_fokina@mail.ru.

**Хренов Николай Андреевич** – доктор философских наук, профессор ФГБ НИУ «Государственный институт искусствознания», главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры.

E-mail: nihrenov@mail.ru.

**Хухуни Георгий Теймуразович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики института лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А.

E-mail: khukhuni@mail.ru.

**Юрьева Татьяна Владимировна** – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: tjurjeva@mail.ru.

## AUTHORS

**Boldyreva Elena Mikhailovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: e71mih@mail.ru.

**Butko Yulia Valerievna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Romance languages, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: vorobei310@rambler.ru.

**Volkova Anna Vladimirovna** – post-graduate student, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: neberem@mail.ru.

**Guseva Lubov Alekseevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: lagusevamk@mail.ru.

**Dubrovina Svetlana Nikolaevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the German Language Department, Belarusian State Agricultural Academy, 213407, Belarus, Mogilev region, Gorki, Dalnaya st., 11.

E-mail: rsn.09@mail.ru.

**Egorov Mikhail Yurievich** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: michael\_egorov@mail.ru.

**Ermolin Evgeny Anatolievich** – Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru.

**Zlotnikova Tatiana Semenovna** – Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, Honoured Scientist of Russian Federation. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: cij\_yar@mail.ru.

**Ivanov Nikolai Nikolaevich** – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Subjects, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: Claus758@yandex.ru.

**Karabardina Polina Sergeevna** – 2<sup>nd</sup> year post-graduate student, Department of the Theory of Language and the German Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: ean534@ya.ru.

**Kara-Murza Elena Stanislavovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: kara-murza-elena@yandex.ru.

**Kuznetsov Vladimir Vladimirovich** – post-graduate student, Department of the Theory of Language and the German Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: xiiinon@gmail.com.

**Kulakovskiy Mikhail Nikolayevich** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: kulmn@mail.ru.

**Letina Natalya Nikolayevna** – Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: liotina@yandex.ru.

**Lukina Natalia Yurievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: oloukine@mail.ru.

**Makeeva Svetlana Grigorievna** – Doctor of Education, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Philological Subjects, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: vvmaketi@rambler.ru.

**Marchuk Maria Ivanovna** – Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: mimar77@yandex.ru.

**Osipova Anna Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University. 105005, Moscow, Radio st., 10A.

E-mail: assya@yandex.ru.

**Pocheptsov Georgy Georgievich** – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University. Ukraine. 87500, Mariupol, Stroitelei pr., 129-A.

E-mail: gpocheptsov@gmail.com.

**Ryanskaya Elvira Mikhailovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University. 628605, Nizhnevartovsk, Lenin st., 56.

E-mail: elohka2210@yandex.ru.

**Saakyan Levon Nikolayevich** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6.

E-mail: sahalev@mail.ru.

**Severskaya Olga Igorevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru.

**Sosoy Olga Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: osajar@mail.ru.

**Starshova Anna Petrovna** – Candidate of Art, Senior Lecturer, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: annstar@mail.ru.

**Sukhanova Irina Alekseevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru

**Titov Oleg Anatolievich** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: olegtitov2009@yandex.ru.

**Tortunova Irina Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University. 129226, Moscow, Vilgelm Pik st., house 4, building 1.

E-mail: tortunova@yandex.ru.

**Tretyakova Tatiana Anatolyevna** – Candidate of History, State Archive of the Yaroslavl region, Director of Uglich branch. Uglich, Yaroslavl Region, Severnaya st., 16 v.

E-mail: uglich@yararchive.ru.

**Ukhova Larisa Vladimirovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: larissauchowa@mail.ru.

**Chernitsyna Yulia Mikhailovna** – 4-year student specializing in Advertising and PR, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: yulya.chernitsina@mail.ru.

**Fedotova Anna Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Lecture, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: gry\_anna@mail.ru.

**Fokina Margarita Andreevna** – Lecturer, Department of Applied Linguistics and Cross-cultural Communication, National Research University “Higher School of Economics”. 603093, Nizhni Novgorod, Rodionov st., 136.

E-mail: margo\_fokina@mail.ru.

**Khrenov Nikolai Andreevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Federal Research Institution “State Institute of Art Studies”, Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture.

E-mail: nihrenov@mail.ru.

**Khukhuni Georgi Teimurazovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory of Language and Anglistics, Head of department, Institute of Linguistics and Cross-cultural Communication, Moscow Pedagogical State University. 105005, Moscow, Radio st., 10A.

E-mail: khukhuni@mail.ru.

**Yurieva Tatyana Vladimirovna** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: tjurjeva@mail.ru.

## УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

– 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

– поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

– гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением.doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– Ф. И. О. автора;

– почтовый адрес с индексом;

– контактный телефон;

– e-mail;

– ученая степень и звание;

– должность;

– место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vv.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

– каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

– рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

– следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

– надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

– в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

– Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

– Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

## **CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS**

---

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).
2. Requirements for typography:
  - 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
  - margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
  - font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.
3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.
4. Requirements for the manuscript:
  - 4.1. UDC index.
  - 4.2. The field of science and the specialty code of the article.
  - 4.3. Information about the author:
    - surname, first name, patronymic name (if applicable);
    - address with postcode;
    - contact phone number;
    - e-mail;
    - scientific degree and status;
    - job title;
    - place of work (with legal address and postcode).
  - 4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.
  - 4.5. Summary of the article – minimum 150 words.
  - 4.6. Keywords – 12.
  - 4.7. The text of the article.
  - 4.8. Bibliography (in alphabetical order).
5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27]), the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. "Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules" (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).
6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

  - each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;
  - pictures must be grouped (i. e. they must not "fall apart" when moved or formatted);
  - pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;
  - captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;
  - the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.
7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:
  - 2 copies of completed and signed author's contract.
  - An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.
8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.
9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.
10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of "Verhnevolzhski Philological Bulletin" and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

*Научный журнал*

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор К. С. Лапшина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова  
Объем 24 п. л., 18,21 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.  
Печать ризографическая. Заказ № 321. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.12.2015

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВПО  
«Ярославский государственный педагогический университет  
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)  
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «Ярославский  
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:  
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44  
Тел.: (4852) 32–98–69